

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2016

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2016 — 3(44)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Россия не Европа... К 150-летию со дня рождения известного русского писателя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866 — 1941).....	3
От главного редактора.....	3
Дмитрий Сергеевич Мережковский. Грядущий Хам.....	5
КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ	
Юрий Клеванец. Калка: Киноповесть.....	24
Ольга Несмеянова. Связной: Повесть (продолжение).....	44
Алексей Яшин. Глобалиссимо! (главы из романа).....	61
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Федор Ошевнев. Пернатый муфлон.....	90
Николай Макаров. Наши во Вьетнаме.....	94
Рудольф Артамонов. Письмо отцу.....	104
Геннадий Маркин. По следу «беса».....	110
Ефим Гаммер. Две войны — одна винтовка.....	113
Людмила Авдеева. История исчезнувшего государства.....	120
Яков Шафран. Из жизни города Энска.....	128
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Валерий Савостьянов. <i>Personalia</i>	144
Владимир Трусов. Имперское лирическое.....	152
Виктор Еремин. Родное место.....	157
Юлия Воловикова. Отпечатки.....	161
Олег Пантюхин. Ты — другая.....	164
Вадим Горинов. Если хочешь, я приеду.....	166
Ольга Фокина. Кораблик.....	170
Алексей Борычев. Николаю Рубцову.....	172
ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧУЙСКИЙ ТРАКТ: ТВОРЧЕСТВО БИЙСКИХ ПОЭТОВ	
Дмитрий Шарабарин. Пейзажи.....	178

Анатолий Краснослободцев. Стихотворения.....	183
Ольга Заева. «Не изменяй моей основы...».....	186
Иван Образцов. Общественный автобус.....	189
Наталья Курилова. «Стынет тоска...».....	191
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Рагим Мусаев. Всем привет (о книге Игоря Нехамеса «Кубинский привет»).....	193
Юрий Иванов. «Русский крест» Валерия Савостьянова.....	197
Сергей Лебедев. Путь к просвещению и идеалу.....	205
Любовь Рыжкова. Распростертые крылья России: Гражданский характер лирики Алексея Селичкина.....	210
Яков Шафран. «Любовь к Отчизне — в море путь...» (о книге Сергея Сомова «В сыртах Урала»).....	219
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	227

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — ntomach@tsu.tula.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АДЖЕЕВА (Москва)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
 Правления Союза писателей России
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом
 международных связей
 Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
 поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
 Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
 Академии российской литературы
 Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — газета «Слово писателя» (Минск, Белоруссия)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
 См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html*

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: www.pz.tula.ru/pzBgr.html и www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

РОССИЯ НЕ ЕВРОПА... К 150—ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКОГО (1866—1941)

От главного редактора. ...Вот уже сверстан, размещается на сайтах, печатается в Издательстве Тульского госуниверситета второй номер «Приокских зорь», пора приниматься за формирование третьего номера этого года, а на душе скребут (столь уважаемые мною) кошки: все вертится в голове мысль об объявленной ранее всероссийской и международной дискуссии, что уже несколько лет как вошли в нашу журнальную практику, под условным пока, рабочим названием «Россия не Европа. А Белоруссия?» Почему в таком сочетании: Россия и Белоруссия? А потому, что наш журнал крепко подружился с сябрами из Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»: его председатель Олег Николаевич Зайцев входит в редколлегию «ПЗ», а сам журнал издается при организационной и информационной поддержке «Полоцкой ветви» и ее печатного органа газеты «Слово писателя» (см. 2-ю страницу каждого номера журнала). И мы сугубо алаверды: издали «белорусский» № 1, 2015 «ПЗ», «ветвевцы» — частые гости на страницах журнала. А вообще-то, хотя наши СМИ редко это упоминают, де-юре, а в чем-то и де-факто, существует Союзное государство России и Белоруссии... Итак, основными участниками дискуссии полагались российские и белорусские авторы.

А почему кошки и коты, если последние круглосуточно не спят — отдыхают, скребут душу? — А потому, что на разосланное циркулярное письмо-приглашение никто не откликнулся (!). Насчет сябров-белоруссов вроде понятно: они, как сами охотно признаются, люди основательные и сначала все обдумают; менталитет, говоря по-импортному, такой. Но где наши молодцы-удальцы? Хотя... и про них остряк Бисмарк сказал: «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро едет».

Огорчившись, другим циркулярным письмом дискуссии мы отменили. Но здесь, забыв про всякие там менталитеты, и наши, и сябры стали слать письма: дескать, жалаем в дискуссии участвовать! Обрадовавшись донельзя, стал мысленно продумывать текст «Колонки главного редактора» для третьего номера, забойный, как в писательских кругах говорят, для темы дискуссии. А полученные авторские материалы дать в номере четвертом: собственно дискуссия. Но здесь — кстати или некстати — вспомнил любимую присказку нашего выдающегося ученого-биолога Н. В. Тимофеева-Ресовского, что не делать того, что все равно сделают немцы. В смысле, что педантичные аккуратисты ученые немцы все одно проделают основательную работу по систематизации, анализу и пр., а нам, русским, приятнее выдвигать теории и гипотезы, доказывать их блестяще и хвататься за другие, еще не решенные задачи... Вот почему наши соотечественники суть первооткрыватели во всем, а у немцев лучшая в мире технология: от бесшумных «мерседесов» до еще более толковых — в прямом и переносном смысле — словарей... русского языка (Даль, Фасмер и пр.).

...А вспомнил, знакомясь с календарем памятных литературных дат на этот год: Дмитрия Сергеевича Мережковского. Как же, как же, почитывая в советские годы, когда его у нас не издавали по причине антисоветизма и попадания в «проскрипционные списки» комиссии Луначарского-Крупской; почитывал в дореволюционных и

двадцатых годов изданиях, что покупал сначала на студенческую стипендию, а затем на скромное жалование начинающего инженера в тульской «Буккниге», удивительно богатой тогда на доступные по ценам раритеты, что и в крупных библиотеках пылились тогда в тамошних «спецхранах»... И живо восстановил в памяти некогда надевавший в интеллигентских кругах России «между двух революций» программный очерк Мережковского «Грядущий Хам». Вспомнил и — не хуже того древнего грека — подпрыгнул: эврика! Хотя Дмитрий Сергеевич не немец вовсе, но зачем мне сочинять «Колонку», если ее уже 110 лет тому назад написал «маленький человек с бледным, белым лицом и большими, брошенными вдаль глазами» (Андрей Белый «Арабески»)?

Действительно, прочитайте помещенный ниже очерк и честно признайтесь сами себе: да, господа-товарищи литераторы, Россия — это не Европа (сябры пусть сами решают этот вопрос в намечаемой дискуссии), и ни единого слова из «Грядущего Хама», условно перенося дату его написания из 1906 года в год 2016-й, не выкинешь при всем желании, коль таковое появится, например, у отчаянных либералов всех оттенков...

А нам-то как радостно! Голь — это про профессорский «оклад содержания» — на выдумки хитра: и «Колонку» чужой головой соорудили, и «забойный» материал для дискуссии выдали на-гора, а главное, пожалуй, отметили на страницах «Приокских зорь» известного, вполне возможно и выдающегося, русского писателя, автора исторических трилогий: «Христос и Антихрист», «Павел I», «Александр I», «14 декабря», безусловно выдающегося литературного критика, видного поэта русского «Серебряного века». С 1920-го года русского парижанина...

...Дело за вами, уважаемые авторы нашего журнала: в дискуссию, как в бой!

Дмитрий Сергеевич Мережковский

ГРЯДУЩИЙ ХАМ*

I

«Мещанство победит и должно победить»,— пишет Герцен в 1864 году в статье «Концы и начала». «Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации».

Трудно заподозрить Герцена в нелюбви к Европе. Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, «две родины: наша Русь и Европа». Может быть, он сам не знал, кого любит больше — Россию или Европу. Подобно другу своему Бакунину, он был убежден, что последнее освобождение есть дело не какого-либо одного народа, а всех народов вместе, всего человечества, и что народ может освободиться окончательно, только отрекаясь от своей национальной обособленности и входя в круг всечеловеческой жизни. «Всечеловечество», которое у Пушкина было эстетическим созерцанием, у Герцена, первого из русских людей, становится жизненным действием, подвигом. Он пожертвовал не отвлеченно, а реально своей любви к Европе своей любовью к России. Для Европы сделался вечным изгнанником, жил для нее и готов был умереть за нее. В минуты уныния и разочарования жалел, что не взял ружья, которое предлагал ему один работник во время революции 1848 года в Париже, и не умер на баррикадах.

Ежели такой человек усомнился в Европе, то не потому, что мало, а потому, что слишком верил в нее. И когда он произносит свой приговор «Я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего», когда утверждает, что в дверях старого мира — «не Катилина, а смерть», и на лбу его цитероновское: “vixegunt”,— то можно не принимать этого приговора,— я лично его не принимаю,— но нельзя не признать, что в устах Герцена он имеет страшный вес.

В подтверждение своих мыслей о неминуемой победе мещанства в Европе Герцен ссылается на одного из благороднейших представителей европейской культуры, на одного из ее «рыцарей без страха и упрека», на Дж. Ст. Милля.

«Мещанство,— говорит Герцен,— это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всем владеет,— тол-

* Статья была написана в 1906 году.

па без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паусной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния. Милль прямо говорит, что по этому пути Англия делается Китаем,— мы к этому прибавим: и не одна Англия.

«Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как? Этого я не знаю, да и Милль не знает». «Где та могучая мысль, та страстная вера, то горячее упование, которое может закалить тело, довести душу до судорожного ожесточения, которое не чувствует ни боли, ни лишений и твердым шагом идет на плаху, на костер? Посмотрите кругом — что в состоянии поднять народы?

Христианство обмелело и успокоилось в покойной и каменистой гавани реформации; обмелела и революция в покойной и песчаной гавани либерализма... С такой снисходительной церковью, с такой ручной революцией — западный мир стал отстаиваться, уравниваться».

«Везде, где людские муравейники и ульи достигали относительного удовлетворения и уравнивания,— достижение вперед делалось тише, и тише, пока, наконец, не наступала последняя тишина Китая».

По следам «азиатских народов, вышедших из истории», вся Европа «тихим, невозмущаемым шагом» идет к этой последней тишине благополучного муравейника, к «мещанской кристаллизации» — китаизации.

Герцен соглашается с Миллем: «Если в Европе не произойдет какой-нибудь неожиданный переворот, который возродит человеческую личность и даст ей силу победить мещанство, то, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христианство, Европа делается Китаем».

«Подумай,— заключает Герцен письмо неизвестному русскому,— кажется, всему русскому народу,— подумай, и у тебя волос станет дыбом».

Ни Милль, ни Герцен не видели последней причины этого духовного мещанства. «Мы вовсе не врачи! Мы — боль»,— предупреждает Герцен. И действительно, во всех этих пророчествах,— не только для Милля, но отчасти и для Герцена, пророчествах на собственную голову,— нет никакого вывода, знания, а есть лишь крик неизвестной боли, неизвестного ужаса. Причины мещанства Герцен и Милль не могли видеть, как человек не может видеть лицо свое без зеркала. То, чем они страдают и чего боятся в других, находится не только в других, но и в них самих, в последних непереступаемых и даже невидимых для них пределах их собственного религиозного, вернее, антирелигиозного сознания.

Последний предел всей современной европейской культуры — позитивизм, или, по терминологии Герцена, «научный реализм», как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления. Родившись в науке и философии, позитивизм вырос из научного и философского сознания в бессознательную религию, которая стремится упразднить и заменить собою все бывшие религии. Позитивизм, в этом широком смысле, есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного; отрицание конца и начала мира в Боге и утверждение бесконечного и безначального продолжения мира в явлениях, бесконечной и безначальной, непроницаемой для человека среды явлений, середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, как Китайская стена, «сплоченной посредственности», *conglomerated mediocrity*, того абсолютного мещанства, о котором говорят Милль и Герцен, сами не разумея последней метафизической глубины того, что говорят.

В Европе позитивизм только делается — в Китае он уже сделался религией. Духовная основа Китая, учение Лао Дзы и Конфуция,— совершенный позитивизм, религия без Бога, «религия земная, безнебесная», как выражается Герцен о европейском научном реализме. Никаких тайн, никаких углублений и порываний к «мирам иным». Все просто, все плоско. Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нет, ничего больше не надо. Здешний мир — все, и нет иного мира, кроме здешнего. Земля — все, и нет ничего, кроме земли. Небо — не начало и конец, а безначальное и бесконечное продолжение земли. Земля и небо не будут едино, как утверждает христианство, а суть едино. Величайшая империя земли и есть Небесная империя, земное небо. Серединное царство — царство вечной середины, вечной посредственности, абсолютного мешанства — «царство не Божие, а человеческое», как определяет опять-таки Герцен общественный идеал позитивизма. Китайскому поклонению предкам, золотому веку в прошлом соответствует европейское поклонение потомкам золотого века в будущем.

Ежели не мы, то потомки наши увидят рай земной, земное небо,— утверждает религия прогресса. И в поклонение предкам, и в поклонение потомкам одинаково приносится в жертву единственное человеческое лицо, личность безличному, бесчисленному роду, народу, человечеству — «паюсной икре, сжатой из мириад мешанской мелкоты», грядущему вселенскому полипняку и муравейнику. Отрекаясь от Бога, от абсолютной Божественной Личности, человек неминуемо отрекается от своей собственной человеческой личности. Отказываясь, ради чечевичной похлебki умеренной сытости, от своего божественного голода и божественного первородства, человек неминуемо впадает в абсолютное мешанство.

Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты; европейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы. В этом смысле американцы совершеннее европейцев. Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком.

Для Герцена и Милля то столкновение Китая с Европой, которое начинается, но, вероятно, не кончится на наших глазах, имело бы особенно вещей, грозный смысл. Китай довел до совершенства позитивное созерцание, но позитивного действия, всей прикладной технической стороны положительного знания недоставало Китаю. Япония, не только военный, но и культурный авангард Востока, взяла у европейцев эту техническую сторону цивилизации и сразу сделалась для них непобедимой. Пока Европа противопоставляла скверным китайским пушкам свои лучшие, она побеждала, и эта победа казалась торжеством культуры над варварством. Но когда сравнялись пушки, то и культуры сравнялись. Оказалось, что у Европы ничего и не было, кроме пушек, чем бы она могла показать свое культурное превосходство над варварами. Христианство? Но «христианство обмелело»; оно еще имеет некоторое довольно, впрочем, сомнительное значение для внутренней европейской политики; но когда современному христианству, переезжая за границу Европы, приходится обменивать свои кредитные билеты на чистое золото, то за них никто ничего не дает. Да и в самой Европе бесстыднейшие стыдятся говорить о христианстве, по поводу таких серьезных вещей, как война. Некогда источник великой силы, христианство сделалось теперь источником великой немощи, самоубийственной непоследовательности, противоречивости всей западноевропейской культуры. Христианство — эти старые семитические дрожжи в арийской крови — и есть именно то, что не дает ей устояться окончательно, мешает последней «кристаллизации», китаизации Европы. Кажется, позитивизм белой расы навеки попорчен, «подмочен» «метафизическим и теологическим периодом». Позитивизм желтой расы вообще и японской в частности — это свеженькое яичко, только что снесенное желтою монгольской курочкой от белого арийского петушка — ничем не попорчен: каким он был за два, за три тысячелетия,

таким и остался, таким навсегда останется. Позитивизм европейский все еще слишком умственный, то есть поверхностный, так сказать, накожный; желтые люди — позитивисты до мозга костей. И культурное наследие веков — китайская метафизика, теология — не ослабляет, а усиливает этот естественный физиологический дар.

Кто верен своей физиологии, тот и последователен, кто последователен, тот и силен, а кто силен, тот и побеждает. Япония победила Россию. Китай победит Европу, если только в ней самой не совершится великий духовный переворот, который опрокинет вверх дном последние метафизические основы ее культуры и позволит противопоставить пушкам позитивного Востока не одни пушки позитивного Запада, а кое-что более реальное, более истинное.

Вот где главная «желтая опасность» — не извне, а внутри; не в том, что Китай идет в Европу, а в том, что Европа идет в Китай. Лица у нас еще белые; но под белой кожей уже течет не прежняя густая, алая, арийская, а все более жидкая, «желтая» кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрез наших глаз прямой, но взор начинает косить, суживаться. И прямой белый свет европейского дня становится косым «желтым» светом китайского заходящего или японского восходящего солнца. В настоящее время японцы кажутся переодетыми обезьянами европейцев; кто знает, может быть, со временем европейцы и даже американцы будут казаться переодетыми обезьянами японцев и китайцев, неисправимыми идеалистами, романтиками старого мира, которые только притворяются господами нового мира, позитивистами. Может быть, война желтой расы с белой — только недоразумение: свои своих не узнали. Когда же узнают, то война окончится миром, и это будет уже «мир всего мира», последняя тишина и покой небесный. Небесная империя. Серединное царство по всей земле от Востока до Запада, окончательная «кристаллизация», всечеловеческий улей и муравейник, сплошная, облепляющая шар земной, «пауcная икра» мещанства, и даже не мещанства, а хамства, потому что достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство есть хамство.

— Подумай,— можно заключить эти мысли, так же, как некогда заключил Герцен,— подумай, и у тебя волос станет дыбом.

У Герцена были две надежды на спасение Европы от Китая.

Первая, более слабая — на социальный переворот. Герцен ставил дилемму так:

«Если народ сломится — новый Китай неминуем. Но если народ сломит — неминуем социальный переворот».

Спрашивается: чем же и во имя чего народ, сломивший социальный гнет, сломит и внутреннее духовное начало мещанской культуры? Какою новою верою, источником нового благородства? Каким вулканическим взрывом человеческой личности против безличного муравейника?

Сам Герцен утверждает:

«За большинством, теперь господствующим (то есть за большинством капиталистического мещанства), стоит еще большее большинство кандидатов на него (то есть пролетариата), для которых нравы, понятия, образ жизни мещанства — единственная цель стремления; их хватит на десять перемен. Мир безземельный, мир городского пролетариата не имеет другого пути спасения и весь пройдет мещанством, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие».

Но если народ «весь пройдет мещанством», то, спрашивается, куда же он выйдет? Или из настоящего несовершенного мещанства — в будущее совершенное, из неблагополучного капиталистического муравейника — в благополучный социалистический, из черного железного века Европы — в «желтый» золотой век и вечность Китая? У голодного пролетария и у сытого мещанина разные экономические выгоды,

но метафизика и религия одинаковые — метафизика умеренного здравого смысла, религия умеренной мещанской сытости. Война четвертого сословия с третьим, экономически реальная, столь же не реальна метафизически и религиозно, как война желтой расы с белой; и там и здесь сила против силы, а не Бог против Бога. В обоих случаях одно и то же недоразумение: за внешнюю, временную войною — внутренний вечный мир.

Итак, на вопрос, чем народ победит мещанство, у Герцена нет пока никакого ответа. Правда, он мог бы позаимствовать ответ у своего друга, анархиста Бакунина, мог бы перейти от социализма к анархизму. Социализм желает заменить один общественный порядок другим, власть меньшинства — властью большинства; анархизм отрицает всякий общественный порядок, всякую внешнюю власть, во имя абсолютной свободы, абсолютной личности, — этого начала всех начал и конца всех концов. Мещанство, непобедимое для социализма, кажется (хотя только до поры до времени, до новых, еще более крайних, выводов, которых, впрочем, ни Герцен, ни Бакунин не предвидели) победным для анархизма. Сила и слабость социализма, как религии, в том, что он предопределяет будущее социальное творчество и тем самым невольно включает в себя дух вечной середины, мещанства, неизбежное метафизическое следствие позитивизма, как религии, на котором и сам он, социализм, построен. Сила и слабость анархизма в том, что он не предопределяет никакого социального творчества, не связывает себя никакой ответственностью за будущее перед прошлым, и с исторической мели мещанства выплывает в открытое море неизведанных исторических глубин, где предстоит ему или окончательное крушение, или открытие нового неба и новой земли. «Мы должны разрушать, только разрушать, не думая о творчестве, — творить не наше дело», — проповедует Бакунин. Но тут уже кончается сознательный позитивизм и начинается скрытая, бессознательная мистика, пусть безбожная, противобожная, но все же мистика. Когда Бакунин в “*Dieu et l'Etat*”^{*} полагает свой «анти-теологизм», вернее, антитеизм теоретической основой безвластия — он касается слишком опасных пределов отрицания, где минус на минус, отрицание на отрицание легко дает неожиданный плюс, нечаянное утверждение какой-то обратной, бессознательной религии. Бакунинский «абсолютно свободный человек» слишком похож на фантастического «сверхчеловека», нечеловека, чтобы со спокойным сердцем мог его принять Герцен, который боится всякой мистики больше всего, даже больше самого мещанства, не сознавая, что этот суеверный страх мистики уже имеет в себе нечто мистическое. Как бы то ни было, правоверный социалист Герцен отшатнулся от впавшего в ересь анархиста Бакунина.

В конце жизни Герцен потерял или почти потерял надежду на социальный переворот в Европе, кажется, впрочем, потому, что перестал верить не столько в его возможность, сколько в спасительность.

Тогда-то загорелся последний свет в надвигавшейся тьме, последняя надежда в наступавшем отчаянии — надежда на Россию, на русскую сельскую общину, которая будто бы спасет Европу.

II

Ежели Герцен был Мефистофелем Бакунина в разоблачении бессознательной мистики анархического «подполья», то Бакунин, в свою очередь, оказался Мефистофелем Герцена в разоблачении столь же бессознательной мистики русской общины, как спасительницы Европы.

«Вы готовы простить, — писал Бакунин Огареву и Герцену с Исии в 1866 го-

* «Бог и государство» (фр.).

ду, — пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, так косвенно, лишь бы оставалось неприкосновенным ваше мистическое святая святых — великорусская община, от которой мистически, не рассердитесь за обидное, но верное слово, вы ждете спасения не только для великорусского народа, но и всех славянских земель, для Европы, для мира. А кстати, скажите, отчего вы не сообразовали отвечать серьезно и ясно на серьезный упрек, сделанный вам: вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да и стоит века в китайской неподвижности со своим правом на землю. Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего; кроме самого гнусного рабства? Гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тяжесть этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира и жестокая бесцеремонность его отношений к каждому бессильному и небогатому члену, его систематичная притеснительность к тем членам, в которых проявляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки — вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская крестьянская община».

Что мог бы правоверный Герцен ответить еретику Бакунину на эту анафему? Ничего позитивного, а разве только мистическое: *credo, quia absurdum*^{*}, — так же, впрочем, как и Бакунин ничего не мог бы ответить Герцену по вопросу об «антитеологическом», но все-таки слишком теологическом основании анархизма, этого непонятного с точки зрения позитивной, то есть относительной, абсолютного освобождения абсолютной личности. В том-то и дело, что у обоих, у Герцена и Бакунина, были такие предельные выводы, дойдя до которых они должны были, глядя друг другу в глаза, рассмеяться, как авгуры. Но они хотели быть не авгурами, жрецами старых богов, а пророками новых, и потому избегали смотреть друг другу в глаза. Каждый, чтобы не смеяться над самим собою, смеялся над своим противником; но во время этого взаимного смеха царапали кошки на сердце обоих.

Почему, в самом деле, общинное владение муравейником должно избавить муравьев от муравьиной участи? И чем дикое рабство лучше культурного хамства?

Когда Герцен бежал из России в Европу, он попал из одного рабства в другое, из материального в духовное. А когда захотел обратно бежать из Европы в Россию, то попал из европейского движения к новому Китаю в старую «китайскую неподвижность» России. В обоих случаях — из огня да в полымя. Какой из двух Китаев лучше, старый или новый? Оба хуже, как отвечают дети. Герцен это знал, но не хотел знать. И когда бегал из одного Китая в другой, то от себя самого бегал, метался в последнем ужасе последнего сознания, что уже не во что верить ни в Европе, ни в России.

«Помилуйте, к чему же после этого вся история?» — спрашивает он себя в одном из своих безнадежных гамлетовских монологов.

«Да и все на свете к чему? Что касается до истории, я не делаю ее и потому за нее не отвечаю»

Но ведь это Каинов ответ. Ведь это байроновская *Darkness*, последняя «тьма», предел отчаяния, на какое только способна душа человеческая. Ведь ежели вся история бессмыслица, то не из-за чего было и огород городить, бороться с мещанством, деспотизмом, реакцией: будь что будет, все равно весь мир — «дьяволов водевиль»; и, обращаясь ко всему миру, остается воскликнуть, как в 1849 году, после революции, восклицает Герцен, обращаясь к старой Европе:

«Да здравствует разрушение и хаос! Да здравствует смерть!»

^{*} Верю, потому что абсурдно (лат.).

Или, что еще хуже: да здравствует мещанство!

«Христианство обмелело»,— утверждает Герцен. Если обмелело, значит, когда-то было глубоким. Почему же не исследует он эту глубину христианства? Не потому ли, что позитивный лот, пригодный для мели христианства, не хватает до дна в глубоких местах?

Вместе с христианством,— добавляет Герцен,— «обмелела и революция». Если они обмелели вместе, не значит ли это, что мель у них общая и общая глубина. Мель позитивная — абсолютное мещанство человека без Бога, глубина религиозная абсолютное благородство человека в Боге. Сам Герцен признает связь революционных идей с религиозными, понимает, что «декларация прав человеческих» не могла бы явиться до и без христианства.

«Революция, говорит он,— так же как реформация, стоит на церковном погосте. Вольтер, благословивший Франклинова внука, «во имя Бога и свободы», такой же богослов, как Василий Великий и Григорий Назианзин, только разных толков. Лунный холодный ответ католицизма (то есть одной из величайших попыток вселенского христианства) прошел всеми судьбами революции. Последнее слово католицизма сказано реформацией и революцией; они обнаружили его тайну; мистическое искупление разрешено политическим освобождением. Символ веры Никейского собора выразился признанием прав каждого человека в символе последнего вселенского собора, то есть конвента 1792 года. Нравственность евангелиста Матфея — та же самая, которую проповедует деист Ж.-Ж.Руссо. Вера, любовь и надежда — при входе; свобода, братство и равенство — при выходе».

Если так, то, казалось бы, прежде чем произносить смертный приговор европейской культуре и бежать от нее к русскому варварству, в отчаянии последнего безверия, следовало подумать, нельзя ли эти два обмелевшие начала всемирной культуры — религию и общественность — как-нибудь сдвинуть с их общей позитивной мели в их общую религиозную глубину. Почему же Герцен об этом не думает? Кажется, все потому же: религиозных глубин боится он еще больше, чем позитивных мелей; ему мерещится в глубине всякой мистики свирепое чудовище реакции, своего рода апокалипсический зверь, выходящий из бездны.

За осторожного Герцена подумал и ответил неосторожный Бакунин, который свел социологическую дилемму Герцена к дилемме теологической или «антитеологической»:

“Dieu est, done l'homme est esclave L'homme est libre, done il n'y a point de Dieu. Je defie qui que ce soit de sortir de ce cercle et maintenant choisissons”.

«Бог есть, значит, человек — раб. Человек свободен, значит, нет Бога. Я утверждаю, что никто не выйдет из этого круга, а теперь выберем»

«Религия человечества,— заключает Бакунин,— должна быть основана на развалинах религии Божества».

Вольтер утверждал: если нет Бога, надо его изобрести. Бакунин утверждает как раз противоположное: если есть Бог, надо Его упразднить. Это напоминает слова черта Ивану Карамазову:

«Надо разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело. Раз человечество отречется поголовно от Бога, то наступит все новое».

В 1869 году, на Бернском конгрессе лиги Мира и Свободы, Бакунин предложил принять в основу социалистической программы отрицание всех религий и признание, что «бытие Бога несогласно со счастьем, достоинством, разумом, нравственностью и свободой людей».

Когда большинство отвергло эту резолюцию, Бакунин с некоторыми членами из меньшинства образовал новый союз, Alliance Socialists первый параграф коего гласил: «Союз объявляет себя безбожным» (athee).

Этот яростный «антитеологизм» есть уже не только отрицание религии, но и религия отрицания, какая-то новая религия без Бога, полная не менее фанатического ревностью, чем старые религии с Богом. Тургенев удивился, услышав о выходке Бакунина на Бернском конгрессе. «Что с ним случилось! — спрашивал у всех Тургенев.— Ведь он всегда был верующим, даже Герцена бранил за атеизм. Что же с ним такое случилось?»

Понятно, для чего нужно черту уничтожить в людях идею о Боге: на то он и черт, чтобы ненавидеть Бога. Но М. А. Бакунин, несмотря на всю свою антитеологическую ярость, не черт, а простой человек, да к тому же еще религиозный. Что же с ним, в самом деле случилось? Отчего он вдруг возненавидел имя Божие и, как одержимый, начал богохульствовать?

«Если есть Бог, то человек — раб», утверждает Бакунин. Почему? Потому что «свобода есть отрицание всякой власти, а Бог есть власть». Это положение Бакунин считает аксиомой. И действительно, это было бы аксиомой, если бы не было Христа. Христос открыл людям, что Бог — не власть, а любовь, не внешняя сила власти, а внутренняя сила любви. Любящий не желает рабства любимому. Между любящим и любимым нет иной власти, кроме любви; но власть любви уже не власть, а свобода.

Совершенная любовь — совершенная свобода. Бог — совершенная любовь и, следовательно, совершенная свобода. Когда Сын говорит Отцу: не Моя, а Твоя да будет воля — это не послушание рабства, а свобода любви. Нарушить волю Отца Сын не потому не хочет, что не может, а потому не может, что не хочет.

Дилемме Бакунина, утверждающей Бога ненависти и рабства, то есть, в сущности, не Бога, а дьявола, можно противопоставить другую дилемму, утверждающую истинного Бога, Бога любви и свободы:

«Бог есть — значит, человек свободен, человек — раб, значит, нет Бога. Я утверждаю, что никто не выйдет из этого круга, а теперь выберем».

Все верующие в Бога всегда были рабами, согласился бы Герцен с Бакуниным. Но идею о Боге, идею высшего метафизического порядка нельзя подчинять опыту низшего исторического порядка. Да и полно, все ли верующие в Бога были рабами? А Иаков, боровшийся с Богом, а Иов, роптавший на Бога, а израильские пророки, а христианские мученики?

Бакунин и Герцен, желая бороться с метафизической идеей о Боге, на самом деле борются только с историческими призраками, искажающими преломлениями этой идеи в туманах политических низин; борются не с именем Божиим, а с теми богохульствами, которыми «князь мира сего», вечный политик, старается закрыть от людей самое святое и страшное для него, дьявола, из всех имен Божиих: Свобода.

Конечно, величайшее преступление истории, как бы второе распятие, уже не Богочеловека, а богочеловечества, заключается в том, что на кресте, знамени божественной свободы, распяли свободу человеческую. Но неужели Бакунин и Герцен решились бы утверждать, что в этом преступлении участвовал сам Распятый, что Христос желал людям рабства? Неужели Бакунин и Герцен никогда не думали о том, что значит ответ Христа дьяволу, который предлагает Ему власть над всеми царствами мира сего: ибо она принадлежит мне,— говорит дьявол,— и я кому хочу, даю ее. Ежели Тот, Кто сказал: Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе,— отверг всякую государственную власть как принадлежащую дьяволу, то не значит ли это, что между истинною внутреннею властью любви, свободой Христовой, и внешнею ложною властью, рабством,— такая же разница, как между царством Божиим и царством дьявола? Неужели Бакунин и Герцен никогда не думали о том, что значит и это слово Христа: Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными. Ежели для них это не сдержанное, то, может быть, на самом деле, это только не понятное, не вмещен-

ное слово: Вы теперь не можете вместить; когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину. И на ту последнюю истину любви, которая сделает людей свободными.

В первом царстве — Отца, Ветхом завете, открылась власть Божия, как истина; во втором царстве — Сына, Новом завете, открывается истина, как любовь; в третьем, и последнем царстве — Духа, в Грядущем завете, откроется любовь, как свобода. И в этом последнем царстве произнесено и услышано будет последнее, никем еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущего: Освободитель.

Но здесь мы уже сходим не только с этого берега, на котором стоит европейская культура,— со своим мещанством прошлого и настоящего,— но и с того берега, на котором стоит Герцен перед мещанством будущего; мы выплываем в открытый океан, в котором исчезают все берега, в океан грядущего христианства, как одного из трех откровений всеединого Откровения Троицы.

Трагедия Герцена — в раздвоении: сознанием своим он отвергал, бессознательно — искал Бога. Сознанием своим так же, как в бакунинской дилемме, из принятой посылки: человек свободен, делал вывод: значит, нет Бога; бессознательно чувствовал неотразимость обратной дилеммы: если нет Бога, то нет и свободы. Но сказать: нет свободы,— для Герцена было все равно, что сказать: нет смысла в жизни, не для чего жить, не за что умереть. И действительно, он жил для того и умер за то, во что уже почти не верил.

Это — не первый пророк и мученик нового, а последний боец, умирающий гладиатор старого мира, старого Рима.

*Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена,—
А он, пронзенный в грудь, безмолвно он лежит.
Во прахе и крови скользят его колена.*

Зверь, с которым борется этот гладиатор,— мещанство будущего. Подобно своим предкам, северным варварам, он вышел на борьбу, голый, без щита и оружия. А другой зверь, «тысячеголовая гидра, паюсная икра» мещанства прошлого и настоящего, глядит на юного скифа со ступеней древнего амфитеатра.

*И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают — близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе...*

Предсмертное видение Герцена — Россия, как «свободной жизни край», и русская крестьянская община, как спасение мира. Старую любовь свою он принял за новую веру, но, кажется, в последнюю минуту понял, что и эта последняя вера — обман. Если, впрочем, обманула вера, то любовь не обманула; в любви его к России было какое-то истинное прозрение: не крестьянская община, а христианская общественность, может быть, в самом деле, будет новой верой, которую принесут юные варвары старому Риму.

А пока умирающий все-таки умирает — без всякой веры:

...Прости, развратный Рим! Прости, о, край родной!

В судьбе Герцена, этого величайшего русского интеллигента, предсказан вопрос, от которого зависит судьба всей русской интеллигенции: поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство

грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то, подобно Герцену,— только последним бойцом старого мира, умирающим гладиатором.

III

Когда будут говорить: мир, мир,— тогда внезапно нападет на них пагуба. Это пророчество никогда не казалось ближе к исполнению, чем в наши дни.

В то самое время, когда Запад в лице России заключает мир с Востоком и все народы повторяют: мир, мир,— происходит воинственное свидание в Свинемюнде. Два просвещеннейшие народа сошлись только для того, чтобы показать друг другу бронированные кулаки. Точно два хищных зверя подкрались друг к другу, сдвинули морды, рыча и скаля зубы, обнюхались, оцетинились, готовые броситься, чтобы растерзать друг друга, и, пятясь, молча разошлись.

Это не реальное событие, а идеальное знамение современной европейской культуры. Внешняя политика только циническое обнажение внутренней. «По плодам узнаете их». Плод внутреннего, духовного мещанства внешнее международное зверство — милитаризм, шовинизм.

И у древней римской волчицы были острые зубы, была кровожадная хищность к политике. Но когда дело доходило до некоторых общих идей — до Рах гомана, идеи вселенского мира и Вечного Града, воплощения вечного разума,— Рим останавливался и благоговейно склонял свои fasces, значки легионов с победоносными орлами, перед этими нерушимыми святынями. И в самую глухую ночь средневекового варварства, среди феодальной междоусобицы, народы прекращали войны и слагали оружие, по мановению кроткого старца, римского первосвященника, который напоминал им завет Христа: да будет един пастырь и едино стадо.

Теперь уже — ни римской веси, ни римской церкви, никакой общей идеи, никакой общей святыни. Над «христианскими» государствами, этими старыми готическими лавочками, все еще возвышается кое-где полусгнивший деревянный протестантский или ржавый медный католический крест, но никто уже не обращает на них внимания. Религия современной Европы — не христианство, а мещанство. От благоразумного сытого мещанства до безумного голодного зверства один шаг. Не только человек человеку, но и народ народу — волк. От взаимного пожирания удерживает только взаимный страх, узда слишком слабая для рассвирепевших зверей. Не сегодня, так завтра они бросятся друг на друга, и начнется небывалая бойня.

У одного французского писателя Вилье де Лилль Адана есть фантастический рассказ о двух соседних городах, населенных честными добрыми мещанами и лавочниками: поссорившись из-за какого-то вздора, город идет войной на город, и, несмотря на трусость или вследствие этой трусости, лавочники истребляют лавочников так, что от всей благополучной мещанской культуры остаются лишь рожки да ножки.

Международная политика современной Европы напоминает политику этих трусливых и свирепых лавочников.

Когда вглядываешься в лица тех, от кого зависят ныне судьбы Европы,— вспоминаются предсказания Милля и Герцена о неминуемой победе духовного Китая. Прежде бывали в истории изверги, Тамерланы, Атиллы, Борджиа. Теперь уже не изверги, а люди как люди. Вместо скипетра — аршин, вместо Библии — счетная книга, вместо алтаря — прилавок. Какая самодовольная пошлость и плоскость в выражении лиц! Смотришь и «дивишься удивлением великим», как сказано в Апокалипсисе: откуда взялись эти коронованные лакеи Смердяковы, эти торжествующие хамы?

Да, со времени Герцена и Милля мещанство сделало в Европе страшные успехи.

Все благородство культуры, уйдя из области общественной, сосредоточилось в уединенных личностях, в таких великих отшельниках, как Ницше, Ибсен, Флобер и все еще самый юный из юных — старец Гете. Среди плоской равнины мещанства эти бездонные артезианские колодцы человеческого духа свидетельствуют о том, что под выжженной землей еще хранятся живые воды. Но нужен геологический переворот, землетрясение, чтобы подземные воды могли вырваться наружу и затопить равнину, снести муравьиные кучи, опрокинуть старые лавочки мещанской Европы. А пока мертвая засуха.

И даже великие отшельники европейского гения, только что, выходя из круга личной культуры, касаются общественности,— теряют свое благородство, пошлют, мелеют, истощаются, как степные реки в песках.

Когда Гете говорит о французской революции, он вдруг никнет к земле, точно по какому-то злему волшебству великан сплющивается, сморщивается в карлика, из эллинского полубога становится немецким бюргером и — да простит мне тень Олимпийца — немецким филистером, «господином фон Гете», тайным советником Веймарского герцога и честным сыном честного франкфуртского лавочника. Когда Флобер утверждает: *la politique est faite pour la canaille**, — с грустью вспоминаешь салон принцессы Матильды и другие раззолоченные хлевы второй империи, где метал этот Симеон-столпник эстетики жемчуг перед свиньями, проповедуя свою новую олигархию из «ученых мандаринов». Когда Ницше делает глазки не только Бисмарку, но и русскому самодержцу, как величайшим проявлением «воли к могуществу» — “*Witte zug Macht*” среди современной европейской немощи, то и на бледном челе «распятого Диониса» выступает то же черное пятно мещанской заразы. Всех благороднее, потому что откровеннее всех, кажется Ибсен, который свое отношение к общественности выразил двумя словами: враг народа.

А друзья народа, такие гениальные вожди демократии, как Лассаль, Энгельс, Маркс, проповедуя социализм, не только не предупреждают практически, но и теоретически не предвидят той опасности «нового Китая», «духовного мещанства», которых так боялись Герцен и Милль.

И в ответ социалистам звучит страшная песня новых троглодитов:

*Vive le son, vive le son
De l'explosion!***

Анархизм — последняя судорога уже не общественного, а личного бунта против нестерпимого гнета государственного мещанства.

Некогда всю глубину мировой скорби, связанной с этим провалом европейской общественности, измеряли такие певцы одинокого отчаяния, как Леопарди и Байрон. Теперь уже ничей взор не измерит этой глубины: она оказалась бездонной. Молча обходят ее зрячие, слепые в нее молча падают.

Но тут невольно, с последним отчаянием или с последней надеждой, наш взор, так же как предсмертный взор «сраженного гладиатора», Герцена, обращается от одной из «двух наших родин» к другой, от Европы к России, от мрачного Запада к Востоку, еще более мрачному, хотя уже окровавленному не то зарей, не то заревом. Для Герцена этот «свет с Востока» было возрождение «крестьянской общины», для нас это — возрождение христианской общественности. И тут опять возникает в начале XX века вопрос, поставленный в середине XIX: мещанство, не побежденное Европой, победит ли Россия?

* Политика — дело каналов (фр.).

** Да здравствует звук, да здравствует звук Взрыва!

IV

«Русская интеллигенция — лучшая в мире»,— объявил недавно Горький.

Я этого не скажу, не потому чтобы я этого не желал и не думал, а просто потому, что совестно хвалить себя. Ведь и я, и Горький, оба мы — русские интеллигенты. И, следовательно, не нам утверждать, что русский интеллигент наилучший из всех возможных интеллигентов в наилучшем из всех возможных миров. Такой оптимизм опасен, особенно по нынешним временам в России, когда всяк кулик свое болото хвалит. Нет, уж лучше по другой поговорке: кого люблю, того и бью. Оно большее, зато здоровее. Итак, я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо ли она или чудовище,— я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре.

Мещанство захватило в Европе общественность; от него спасаются отдельные личности в благородство высшей культуры. В России — наоборот: отдельных личностей не ограждает от мещанства низкий уровень нашей культуры; зато наша общественность вся насквозь благородна.

«В нашей жизни, в самом деле, есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего мещанского».

Ежели прибавить: не в нашей личной, а в нашей общественной жизни,— то эти слова Герцена, сказанные полвека назад, и поныне останутся верными.

Русская общественность — вся насквозь благородна, потому что вся насквозь трагична. Существо трагедии противоположно существу идиллии. Источник всякого мещанства — идиллическое благополучие, хотя бы и дурного вкуса, «сон золотой», хотя бы и сусального китайского золота. Трагедия, подлинное железо гвоздей распинаяющих — источник всякого благородства, той алой крови, которая всех этой крови причащающихся делает «родом царственным». Жизнь русской интеллигенции — сплошное неблагополучие, сплошная трагедия.

Кажется, нет в мире положения более безвыходного, чем то, в котором очутилась русская интеллигенция,— положение между двумя гнетами: гнетом сверху, самодержавного строя, и гнетом снизу, темной народной стихии, не столько ненавидящей, сколько непонимающей,— но иногда непонимание хуже всякой ненависти. Между этими двумя страшными гнетами русская общественность мелется, как чистая пшеница Господня,— даст Бог, перемелется, мука будет, мука для того хлеба, которым, наконец, утолится великий голод народный: а пока все-таки участь русского интеллигента, участь зерна пшеничного — быть раздавленным, размолотым — участь трагическая. Тут уж не до мещанства, не до жиру, быть бы живу!

Вглядитесь: какое на самом деле ни на что не похожее общество, какие странные лица.

Вот молодой человек, «бедно одетый, с тонкими чертами лица», убийца старухи-процентщицы, подражатель Наполеона, недоучившийся студент Родион Раскольников. Вот студент медицины, который потрошит своим скальпелем и скепсисом живых лягушек, мертвых философов, проповедует *Stoff und Kraft** с такою же разбойничьей удалью, как ребята Стеньки Разина покрикивали некогда: сарынь на кичку! — нигилист Базаров. Вот опростившийся барин-философ, пашущий землю, Константин Левин. Вот стыдливый, как девушка, послушник, «краснощекий реалист», «ранний человеколюбец» Алеша Карамазов. И брат его Иван — ранний человеконенавистник, Иван — «глубокая совесть». И, наконец, самый необычайный из всех, «человек из подполья», с губами, искривленными как будто вечною судорогою злости, с глазами, полными любви новой, еще неведомой миру, «Иоанновой», с тяжелым взором эпи-

* Материю и энергию (нем.).

лептика, бывший петрашевец и каторжник, будущая противоестественная помесь реакционера с террористом, полубесноватый, полусвятой, Федор Михайлович Достоевский.

За ними другие, безымянные, лица еще более строгого классического благородства, точно из мрамора изваянные, образы новых Гармодиев и Аристокитонов, Сен-Жюстов и Камиль Демуленов, гневные херувимы народных бурь. И девушки — как чистые весталки, как новые Юдифи, идущие в стан Олоферна, с молитвою в сердце и с мечом в руках.

А в самой темной глубине, среди громов и молний нашего Синая — 14 декабря — уже почти нечеловеческие облики первых пророков и праотцев русской свободы, — изваяние уже не из мрамора, а из гранита, не того ли самого, чью глыбу попирает Медный всадник?

Это все, что угодно, только не мешане. Пусть бы осмелился Флобер утверждать в их присутствии: *la politique est faite pour la canaille*. Он скорее бы сделался сам, чем сделал бы их, — черню. Для них политика — страсть, хмель, «огонь поедающий», на котором воля, как сталь, раскаляется добела. Это ни в каких народных легендах не прославленные герои, ни в каких церковных святцах не записанные мученики — но подлинные герои, подлинные мученики.

*От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.*

Когда совершится «великое дело любви», когда закончится освободительное движение, которое они начали и продолжают, — только тогда Россия поймет, что эти люди сделали и чего они стоили.

Что же это за небывалое, единственное в мире общество или сословие, или каста, или вера, или заговор? Это не каста, не вера, не заговор, это все вместе в одном — это русская интеллигенция.

Откуда она явилась? Кто ее создал? Тот же, кто создал или, вернее, родил всю новую Россию, — Петр.

Я уже раз говорил и вновь повторяю и настаиваю: первый русский интеллигент — Петр. Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети Петровы, — все мы, русские интеллигенты. Он — в нас, мы — в нем. Кто любит Петра, тот и нас любит; кто его ненавидит, тот ненавидит и нас.

Что такое Петр? Чудо или чудовище? Я опять-таки решать не берусь. Он слишком родной мне, слишком часть меня самого, чтобы я мог судить о нем беспристрастно. Я только знаю — другого Петра не будет, он у России один; и русская интеллигенция у нее одна, другой не будет. И пока в России жив Петр Великий, жива и великая русская интеллигенция.

Мы каждый день погибает. У нас много врагов, мало друзей. Велика опасность, грозящая нам, но велика и надежда наша: с нами Петр.

V

Среди всех печальных и страшных явлений, которые за последнее время приходится переживать русскому обществу — самое печальное и страшное — та дикая травля русской интеллигенции, которая происходит, к счастью, пока только в темных и глухих подпольях русской печати.

Нужна ли для России русская интеллигенция? Вопрос так нелеп, что, кажется иногда, отвечать не стоит. Кто же сами вопрошающие, как не интеллигенты? Сомневаясь в праве русской интеллигенции на существование, они сомневаются в своем собственном праве на существование,— может быть, впрочем, и хорошо делают, потому что слишком ничтожна степень их «интеллигентности». Поистине есть в этой травле что-то самоубийственное, граничащее с буйным помешательством, для которого нужны не доводы разума, а смирительная рубашка. Бывают, впрочем, такие минуты, когда самому разуму ничего не остается делать, как надевать эту смирительную рубашку на буйство безумных.

Среди нечленораздельных воплей и ругательств можно разобрать одно только обвинение, имеющее некоторое слабое подобие разумности,— обвинение русской интеллигенции в «беспочвенности», оторванности от знаменитых «трех основ», трех китов народной жизни.

Тут, пожалуй, не только «беспочвенность», готовы мы согласиться, тут бездна, та самая «бездна», над которою Медный всадник Россию «вздернул на дыбы»,— всю Россию, а не одну лишь русскую интеллигенцию. Пусть же ее обвинители скажут прямо: Петр — не русский человек. Но в таком случае мы, «беспочвенные» интеллигенты, предпочтем остаться с Петром и Пушкиным, который любил Петра как самого родного из родных, нежели с теми, для кого Петр и Пушкин чужие.

«Страшно свободен духом русский человек»,— говорит Достоевский, указывая на Петра. В этой-то страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего,— в этой произвольной беспочвенности и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа. Нас очень трудно сдвинуть; но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности. «Все мы, русские, любим по краям и пропастям блуждать»,— еще в XVII веке жаловался наш первый славянофил, Крижанич. Особенности, может быть, очень опасная, но что же делать? Быть самими собою не всегда безопасно. Отречься от нее — значит сделаться не только «беспочвенным», но и безличным, бездарным. Это похоже на парадокс, но иногда кажется, что наши «почвенники», самобытники, националисты, гораздо менее русские люди, чем наши нигилисты, отрицатели, наши интеллигентные «бегуны» и «нетовцы». Самоотрицание, самосожжение — нечто нигде, кроме России, невообразимое, невозможное. Между протопопом Аввакумом, готовым сжечься и жечь других за старую веру, и анархистом Бакуниным, предлагавшим, во время Дрезденской революции, выставить на стенах осажденного города Сикстинскую Мадонну для защиты от прусских бомб,— пруссаки-де народ образованный, стрелять по Рафаэлю не посмеют,— между этими двумя русскими крайностями — гораздо больше сходного, чем это кажется с первого взгляда.

Пушкин сравнивал Петра с Робеспьером и в петровском преобразовании видел «революцию сверху», «белый террор». В самом деле, Петр не только первый русский интеллигент, но и первый русский нигилист. Когда «протоиерей всешутейшего собора» кощунствует над величайшими народными святынями, это нигилизм гораздо более смелый и опасный, чем нигилизм Писарева, когда он разносит Пушкина.

Русские крестьяне-духоборы, очутившиеся где-то на краю света, в Канаде, распустившие домашний скот и сами запрягшиеся в плуги, из милосердия к животным, это ли не «беспочвенность»? И вместе с тем это ли не русские люди? «Духоборчество», чрезмерная духовность, отвлеченность, рационализм, доходящий до своих предельных выводов, до края «бездны», сказавшийся в нашем простонародном сектантстве, сказывается и в нашей интеллигенции. Нигилист Базаров говорит: «Умру, лопух вырастет». Нил Сорский завещает не хоронить себя, а бросить где-нибудь в поле,

как «мертвого пса»: в обоих случаях, несмотря на разницу в выводах, одна и та же бессознательная метафизика — аскетическое презрение духа к плоти. Интеллигентная «беспочвенность», отвлеченный идеализм есть один из последних, но очень жизненных отпрысков народного аскетизма.

Беда русской интеллигенции не в том, что она не достаточно, а скорее в том, что она слишком русская, только русская. Когда Достоевский в глубине русского искал «всечеловеческого», всемирного, он чуял и хотел предупредить эту опасность.

«Беспочвенность» — черта подлинно русская, но, разумеется, тут еще не вся Россия. Это только одна из противоположных крайностей, которые так удивительно совмещаются в России. Рядом с интеллигентами и народными рационалистами-духоборами есть интеллигентные и народные хлысты-мистики.

Рядом с чересчур трезвыми есть чересчур пьяные. Кроме равнинной, вширь идущей, несколько унылой и серой, дневной России Писарева и Чернышевского:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа*

— есть вершинная и подземная, ввысь и вглубь идущая, тайная, звездная, ночная Россия Достоевского и Лермонтова:

*Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...*

Какая из этих двух России подлинная? Обе одинаково подлинны.

Их разъединение дошло в настоящем до последних пределов. Как соединить их — вот великий вопрос будущего.

VI

Второе обвинение, связанное с обвинением в «беспочвенности», — «безбожие» русской интеллигенции.

Едва ли простая случайность то, что это обвинение в безбожии исходит почти всегда от людей, о которых сказано: устами чтут Меня, но сердце их далече отстоит от Меня.

О русской интеллигенции иногда хочется сказать обратное: устами не чтут Меня; но сердце их не далече отстоит от Меня.

Вера и сознание веры не одно и то же. Не все, кто думает верить, — верит; и не все, кто думает не верить, — не верит. У русской интеллигенции нет еще религиозного сознания, исповедания, но есть уже великая и все возрастающая религиозная жажда. Блаженны алчущие и жаждущие, ибо они насытятся.

Существуют многие противоположные, не только положительные, но и отрицательные пути к Богу. Богоборчество Иакова, ропот Иова, неверие Фомы — все это подлинны пути к Богу.

Пусть русские интеллигенты — «мытари и грешники», последние из последних. «Мытари и грешники идут в царствие Божие впереди» тех фарисеев и книжников, которые «взяли ключ разумения, сами не входят и других не пускают». «Последние будут первыми».

Иногда кажется, что самый атеизм русской интеллигенции — какой-то особенный, мистический атеизм. Тут у нее такое же, как у Бакунина, отрицание религии, переходящее в религию отрицания; такое же, как у Герцена, трагическое раздвоение ума и сердца: ум отвергает, сердце ищет Бога.

Для великого наполнения нужна великая пустота. «Безбожие» русской интеллигенции не есть ли это пустота глубокого сосуда, который ждет наполнения?

«Было же тут шесть каменных водоносов. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их доверху. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, тогда зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе».

Надежда наша в том, что наша Кана Галилейская впереди: водоносы наши стоят еще пустые; мы пьем вино худшее, а хорошее Архитриклион сберег доселе.

Достоевский, вспомнив как-то, лет через тридцать, один из своих разговоров с Белинским, восклицает с таким негодованием, как будто разговор происходил только вчера: «Этот человек ругал при мне Христа».

И делает неистовый вывод:

«Белинский — самое тупое и смрадное явление русской жизни». Тут какое-то страшное недоразумение. Страшно то, что Белинский мог ругать Христа. Но, может быть, еще страшнее то, что на основании этих ругательств Достоевский через тридцать лет мог произнести такой приговор над Белинским, не поняв, что если этот человек, как свеча сгоревший перед Кем-то, Кого так и не узнал, не сумел назвать по имени, — и не был со Христом, то Христос был с ним. Всякая хула на Сына Человеческого простится людям. Когда Белинский восстал на Гоголя, за то, что в «Переписке с друзьями» Гоголь пытался освятить рабство именем Христовым, то Белинский, Христа «ругавший», был, конечно, ближе к Нему, нежели Гоголь, Христа исповедавший.

О русской интеллигенции иногда можно сказать то же, что о Белинском: она еще не со Христом, но уже с нею Христос.

Не следует, конечно, на этом успокаиваться: Он стоит у дверей и стучит; но если мы не услышим и не отворим — Он уйдет к другим.

VII

«Безбожие» русской интеллигенции зависит от религиозного недостатка не во всем ее существе, а только в некоторой части его, — не в чувстве, совести, воле, а в сознании, в уме, intellectus'e, то есть именно в том, что интеллигенцию и делает интеллигенцией.

Может быть, самое слово это не совсем точно совпадает с объемом понятия. Сила русской интеллигенции — не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть ее почти всегда на правом пути; ум часто блуждает. Сердце и совесть свободны, ум связан. Сердце и совесть бесстрашны и «радикальны», ум робок и в самом радикализме консервативен, подражателен. При избытке общественных чувств — недостаток общих идей. Все эти русские нигилисты, материалисты, марксисты, идеалисты, реалисты — только волны мертвой зыби, идущей с Немецкого моря в Балтийское.

*Что ему книга последняя скажет,
То ему на душу сверху и ляжет.*

Взять хотя бы наших марксистов. Нет никакого сомнения, что это — превосходнейшие люди. И народ любят они, конечно, не меньше народников. Но когда говорят о «железном законе экономической необходимости», то кажутся свирепыми жрецами Маркса — Молоха, которому готовы принести в жертву весь русский народ. И договорились до чертиков. Не только другим, но и сами себе опротивели. И наконец, взяв

своего Маркса, своего боженьку за ноженьку — да и об пол бряк. Или по другой половице: плохого бога и телята лижут — бернштейновские телята оплошавшего Маркса лижут.

Тянулась, тянулась канитель марксистская, а потом потянулась босяцкая.

Сначала мы думали, что босяки-то уж, по крайней мере, самобытное явление. Но когда пригляделись и прислушались, то оказалось, что так же точно, как русские марксисты повторяли немца Маркса, и русские босяки повторяли немца Ницше. Одну половину Ницше взяли босяки, другую наши декаденты-оргиасты. Не успел еще скрыться Пляши-Нога, как поклонники нового Диониса запели: «Выше поднимайте ваши дифирамбические ноги!» (Вячеслав Иванов, «Религия Диониса», в «Вопросах жизни») Одного немца пополам разрезали и хватило на два русских «новых слова».

Глядя на все эти невинные умственные игры рядом с глубочайшей нравственной и общественной трагедией, иногда хочется воскликнуть с невольною досадою: золотые сердца, глиняные головы!

А эстетика деревянная. «Сапоги выше Шекспира» — этого, конечно, теперь уже никто не скажет словом, но это застряло где-то в извилинах нашей физиологии, и нет-нет да и скажется «дурным глазом» относительно всякой внешней эстетической формы, как бесполезной роскоши. Не то чтобы мы утверждали прямо: красивое безнравственно, но мы слишком привыкли к тому, что нравственное некрасиво; слишком легко примиряемся с этим противоречием. Если наша этика — «Шекспир», то эстетика наша иногда, действительно, немногим выше «сапогов». Во всяком случае, писаревское «разрушение эстетики», к сожалению, глубоко национально. Это — в русской, великорусской, природе: серенькое небо, серенькие будни —

Ельник, сосны да песок.

И здесь, в уме, intellectus'e интеллигенции нашей, как в сердце и воле, тот же народный уклон к аскетизму, к духоворчеству, монашеский страх плоти и крови, страх всякой наготы и красоты, как соблазна бесовского. Отсюда — при отношении истинно религиозном к свободе внешней, общественной — неуважение ко внутренней, личной свободе, отсюда же у радикальнейших из наших радикалов — нетерпимость раскольников, уставщиков, взаимное поглядывание, как бы кто не оскоромился, не осквернился мирскою скверною. И беспоповцы-реалисты, и поповцы-идеалисты, и федосеевцы-марксисты, и молокане-народники, — каждое согласие, каждый толк ест из собственной чашки, пьет из особого «лампадного стаканчика», не сообщаясь с еретиками. И у всех — одинаковый пост, отвлеченное рационалистическое сухоядение «Мяса не вкушаем, вина не пьем».

Говорят, преподобный Серафим Саровский питался долгие годы какою-то болотною травою сниткою. Все эти реализмы, идеализмы, монизмы, плюрализмы, эмпириокритицизмы и другие засушенные «измы», которыми доньне питается русская интеллигенция, напоминают траву снитку.

От умственного голода лица стали унылы, унылы, и бледны, и постны. Все чеховские «хмурые люди». В сердцах уже солнце восходит, а в мыслях все еще «сумерки»; в сердцах огонь пламенеющий, а в мыслях стынущая теплота, тепленькая водичка, подогретая немецкая *Habersuppe** в сердцах буйная молодость, а в мыслях смиренное старчество.

Иногда, глядя на этих молодых стариков, интеллигентных аскетов и постников, хочется воскликнуть:

— Милые русские юноши! Вы благородны, честны, искренни. Вы — надежда

* Брюквенный суп (нем.).

наша, вы — спасение и будущность России. Отчего же лица ваши так печальны, взоры потуплены долу? Развеселитесь, усмехнитесь, поднимите ваши головы, посмотрите черту прямо в глаза. Не бойтесь глупого старого черта политической реакции, который все еще мерещится вам то в языческой эстетике, то в христианской мистике. Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам.

VIII

«Наша борьба не против крови и плоти, а против властей и начальств, против мироправителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных».

Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам.

У этого Хама в России — три лица.

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви.

Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе». «Архиереи наши так взнузданы, что куда хошь поведи», — жаловался один русский архипастырь XVIII века, и то же самое с еще большим правом могли бы сказать современные архипастыри. Духовное рабство — в самом источнике всякой свободы; духовное мещанство — в самом источнике всякого благородства. Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц.

Эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа — живой плоти, против церкви — живой души, против интеллигенции — живого духа России.

Для того чтобы в свою очередь три начала духовного благородства и свободы могли соединиться против трех начал духовного рабства и хамства — нужна общая идея, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ; а такую общую идею может дать только возрождение религиозное вместе с возрождением общественным. Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только религиозная общественность спасет Россию.

И прежде всего должно пробудиться религиозно-общественное сознание там, где есть уже сознательная общественность и бессознательная религиозность, — в русской интеллигенции, которая не только по имени, но и по существу своему должна сделаться интеллигенцией, то есть воплощением intellectus'a, разумом, сознанием России. Разум, доведенный до конца своего, приходит к идее о Боге. Интеллигенция, доведенная до конца своего, придет к религии.

Это кажется невероятным. Но недаром освободительное движение России началось в религии. Недаром такие люди, как Новиков, Карамзин, Чаадаев, как масоны, мартинисты и другие мистики конца XVIII — начала XIX века, находятся в самой тесной внутренней связи с декабристами. Это было и это будет. Религиозным огнем

крестилась русская общественность в младенчестве своем, и тот же огонь сойдет на нее в пору ее возмужалости, вспыхнет на челе ее, как бы «разделяющийся язык огненный» в новом сошествии Духа Святого на живой дух России, на русскую интеллигенцию. Потому-то, может быть, и оказалась она в полной темноте религиозного сознания, в своем «безбожии», что совершила полный круговой оборот от света к свету, от солнца закатного к солнцу восходному от Первого Пришествия ко Второму. Это ведь и есть путь не только русской интеллигенции, но и всей России от Христа Пришедшего ко Христу Грядущему.

И когда это совершится, тогда русская интеллигенция уже перестанет быть интеллигенцией, только интеллигенцией, человеческим, только человеческим разумом,— тогда она делается Разумом Богочеловеческим, Логосом России, как члена вселенского тела Христова, новой истинной Церкви,— уже не временной, поместной, греко-русской, а вечной, вселенской Церкви Грядущего Господа, Церкви Святой Софии, Премудрости Божией, Церкви Троицы нераздельной и неслиянной,— царства не только Отца и Сына, но Отца, Сына и Духа Святого.

«Сие и буди, буди!»

А для того, чтобы это было, надо разорвать кощунственный союз религии с реакцией, надо, чтобы люди, наконец, поняли, что значит это слово Слова, ставшего плотью:

Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете (Евангелие от Иоанна. XIII, 36).

Не против Христа, а со Христом — к свободе. Христос освободит мир — и никто, кроме Христа. Со Христом — против рабства, мещанства и хамства.

Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос.

КРУПНЫЙ ЖАНР РОМАН, ПОВЕСТЬ

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

КАЛКА
Киноповесть

Родился в г. Красноярск-26 (Железногорск) в 1964 году. Окончил школу в г. Осиповичи в 1981, МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви». С 2009 года — секретарь секции критики.

1

В лучах восходящего солнца падают капли. Капли падают с деревянной доски зашивки стрехи соломенной крыши. Из волокового оконца выбивается дымок. Немного покосившаяся хата с завалинкой (простая подсыпка), высоким крыльцом, открытой маленькой дверью.

Маленькие, в ладонь высотой окна с «засовками». Двор, огороженный частью плетнем, а частью — частоколом (там, где он выходит на улицу). На частоколе — белорусские «постилки» и рогожи. Сараи, раскрытые ворота — «вешницы». Голые мокрые кусты с большими почками.

Солнце блеснуло, спряталось за тучу. Весеннее хмурое утро. Крики галок, запахи поля, слегка колышутся тонкие ветки берез.

Еще хаты, крытые соломой и лубом, хлева, грязная улица, с двух сторон — частоколы, кое-где разломанные, деревянные тротуары — «мосты», труп лошади с задранными копытами. Галки и вороны стаями кружат в небе.

Спуск к реке, перевернутые челны на берегу, на тропинке — брошенное коромысло с одним деревянным ведром. Низкие тучи отражаются в темной, уже поднявшейся воде. Упругие струи гнут полузатопленные прибрежные кусты. На другом берегу реки неровная линия леса.

Догорающая небольшая постройка, посередине — остов «черной» печи, разбросанные черные остатки бревен. Куры, гуляющие по улице, на «мосту» валяется кусок белой ткани.

Еще одна улица, куча рухляди: дежки, белорусские «цебары», «кублы» без крышек, какие-то рогожи, колесо, телеги с задранными вверх оглоблями, запряженные, нагруженные и пустые телеги. Люди — мужчины в подпоясанных кожухах, у многих топоры за поясом. Те, что не заняты с лошадьми, смотрят в одну сторону. Некоторые забрались на телеги.

Перед последним рядом дворов «окольного города», на чистом месте строй пеших воинов с луками. В задних рядах — лес копий. Больше двух сотен конных копейщиков. Посредине — знамя с ликом Св. Михаила. На упряжи лошадей большие металлические защитные бляхи, поводья сделаны в виде широких кожаных защитных фартуков с зубцами. Всадники держат шлемы в руках.

Все смотрят на «град» скрытый за валом и стеной. От него до «окольного города» метров 250—300. Настил моста, ведущего через ров к воротам, частично разобран.

На «заборолах» стены града вооруженные люди смотрят на дружину у «окольного города».

Снова конная дружина. Вокруг знамени группа «старших».

Разговор:

— Убьют тебя, не ходи.

— Я пойду, я им сам скажу!

— Не ходи!

Один из всадников в меховом колпачке с красным верхом передает другому свой шлем с золотой инкрустацией. Блестят доспехи и ременные бляхи. Лицо — подобное тем, которые рисует художник Глазунов.

Конь, махнув хвостом, уносит всадника ближе к стене. Вьется плащ. В этот момент за стеной ударяет колокол. Лучники на забороле присели под бруствером, приготовились стрелять. Арбалетчики крутят рукояти взвода тетивы арбалетов. На «затинном» пространстве горят костры с котлами. Много хмурых людей. На воротную башню спешно поднимается руководитель обороны с двумя воинами. В этот момент всадник без шлема, подскакав ближе ко рву, кричит, подняв руку:

— Вы мой город! Покоритесь! Я ваш князь! Так решили все князья! Покоритесь!

Арбалетчики на стене целят в пляшущего на лошади всадника. Злые лица. Разговор: «А Ходоту убил!» «Сам хуже поганого».

Начальник обороны поднялся на башню, кричит: «Без приказа не стрелять!» В этот момент один из арбалетчиков, выцелив постоянно прыгающего туда-сюда князя, нажимает на спуск.

Стрела попадает тому в шею. Бьет колокол. Князь запрокидывается на спину. От группы всадников отделяются несколько человек и змейкой, прикрывшись щитами, с разных сторон скачут к князю. Бьет колокол, стреляют лучники с заборол. В дружине замешательство.

Князь на руках дружинников. Стрелу ломают, вытаскивают (князь громко стонет), пытаются унять кровь.

Раненый оглядывает всех, тяжело говорит:

— Я хотел как лучше. Теперь все ваше.

Дружинники значительно переглядываются между собой. Лицо старшего из них меняет выражение, становится властным. Старший кричит: «Строиться!»

Убыстряющееся действие. Трубит один рог, через секунду — другой. Молодые «отроки» несут на носилках князя. Один из них пытается надеть на голову князю красный меховой колпак, но затем просто кладет шапку в носилки. Вокруг водоворот людей и помощников, и просто любопытных.

Во граде бьет набат. Конная дружина с копьями выстраивается в три линии. Шлемы в руках. Суетливо с двух сторон дружины строится пехота: лучники впереди, копейщики сзади. Вновь кричит старший: «Стрелки вперед!» С двух сторон дружины трубят два рога.

Обходя конников справа и слева, бегут лучники, перестраиваясь на ходу в редкую цепь. У каждого два колчана за спиной. Лучников прикрывают щитники. За лучниками бегут копейщики, выстраиваются в шеренгу.

Мужики с топорами, кольями и веревками валят частоколы «окольного города», рушат хаты. Бревна, брусья, доски бегом несут к настилу не до конца разрушенного моста. По ним стреляют со стен и с башни. Цепь стрелков старается помешать противнику целиться. К цепи бегут еще стрелки и начинают бить горящими стрелами. Гудит набат.

2

Ясный солнечный день в конце февраля — начале марта. Городские улицы и площади заполнены народом. Там-сям горят костры, кто-то через них прыгает, толпа подбадривает прыгунов. Мимо идет священник, криворотится, крестится, плюет в сторону. От ближайшего костра здоровые мужские глотки приветствуют священника: «Здрав будь, отец! Иди, выпей с нами!» Священник с каменным лицом идет мимо, но, пройдя несколько шагов, едва не натывается на совершенно пьяного мужика, который не может ровно стоять, не может говорить, но, тем не менее, при виде духовной власти пытается с уморительно-почтительной миной делать какие-то приветственные жесты.

Вот широкое крыльцо лавки, торгующей дорогим товаром. К ней подходят в окружении свитских женщины в шубах с дорогим мехом или с атласным покрытием.

Вот два богато одетых человека — «контрактеры» — оптовики стоят на широком крыльце богатой лавки, опершись на перила, смотрят на гуляющую толпу. Один говорит задумчиво: «Да, греческое вино лучше болгарского. Ну, пойдем, зайдем, покажу тебе свой товар». Открывает дверь, ведет гостя мимо стойки со вскочившим приказчиком в заднюю комнату. Кричит: «Акулка! Акулка! Иди, свети!» Входит еще один приказчик с подсвечником. Купец открывает один из стоящих в клети сундуков, берет оттуда шкурку куницы, встряхивает, показывает гостю. Тот смотрит на свет, ощупывает.

Крупный план: не совсем чистые руки заворачивают в блины лежащие стопкой на столе квашеную капусту, доставаемую тут же из бочки, затем перекалывают их на другой стол. Там множество рук эти блины разбирают, оставляя мелкую монету, которая тут же переправляется под кожух, на могучий живот, в поясную калиту. Рядом торговец руками вылавливает из бочки моченые яблоки. Вот прохаживается одетый в сукно человек со связками сушеной рыбы на шее. Тут же еще один бородач из большого кувшина, обмотанного войлоком для сохранения тепла и подвешенного на ремне через плечо, разливает в подставленные кружки горячее, парящее варево. Вот смачно пьющие и жующие бородачи. Вот девушки и женщины окружили продавца лент, женщины кричат, девушки шушукаются. Продавец отвечает сразу всем, кричит, хвалит чьи-то красные щеки, к которым подходит вот такая дамасская ленточка и так далее. Вот на снегу сидит целая капелла лохматых певцов без шапок, стройно поющих что-то эпическое. Зрители сопереживают, некоторые стоят, просто раскрыв рот. Вот с визгом прыгают на доске-качелях две совсем молодые девушки-оторвы, парень кричит одной из них: «Эй, Малка, держи сподницу, а то слетит!» Тут же стайка из желающих попрыгать ждет своей очереди, хлопают в ладоши в такт качаниям, кричат: «Зыбай! Зыбай! Дам блинов с рыбой!»

Лошади, жующие овес в мешках, сани с задранными оглоблями, есть уже и две телеги-двуколки. Нахальные галки.

Вот в толпе ходит высокого роста чиновник или дружинник, шуба одета в один рукав, под шубой — явно оружие. Завидев его, торговцы опускают глаза, стремятся раствориться в толпе. Впрочем, служивый пьян, он говорит, ни к кому не обращаясь: «Да что вы! Я — ничего! Я сегодня добрый!» Проходя мимо торговца мочеными яб-

локами, служивый сам запускает руку в бочку, достает яблоко, откусывает кусок, а остальное швыряет в толпу и улыбается. Торговец как бы не замечает самоуправства.

Крик: «Пирог, калачи, подовые, медовые, налетай, крещеные!»

Множество детей и собак: что-то жуют, бегают друг за другом с визгом, смехом, криком и лаем, дерутся, отирают соплю, отнимают друг у друга лакомства, с любопытством смотрят на происходящее и всюду суют носы.

Вот довольно высокая комната в бревенчатом доме. Стены обиты шкурами как обоями. Яркий блеск солнца в небольшое слюдяное окно. На стенах масляные светильники. Часть одной из стен занимает белый бок печи (печь могла быть и кафельной). По периметру стен — лавки с резными ножками, стол из белой липы сдвинут в угол, пол покрыт ковром. На ковре по-татарски сидит старый лысый усатый хан Котян. Группа женщин в меховых безрукавках с «намитками» на головах только что принесла ему на металлическом блюде кушанья и вино в стеклянной бутылке. Блюда поставили на ковер, а бутылку с чаркой на стол. Теперь они столпились у входа.

Котян внимательно рассматривает еду, затем поднимает толстое лицо с жесткими черными глазами и говорит по-тюркски: «Отпусти женщин, дочка. Пусть они накормят моих людей. А ты послужи мне, старику».

Женщины в намитках похожи друг на друга. Одна, самая маленькая, немного гортанно говорит по-русски: «Идите, накормите людей». Женщины друг за дружкой уходят в низкую дверь. Маленькая остается, стоит и смотрит несколько выше головы собеседника.

Котян с чуть заметной усмешкой повторяет: «Послужи старику, который бегает по степи, не моется и дурно пахнет». На его лице блики от слюды окна и от светильников. Женщина делает небольшой шаг вперед: «Все перед тобой, отец». Теперь видно, что у нее смуглое лицо и темные, немного раскосые глаза.

— Ты уже совсем стала русской. Моешься каждую неделю горячей водой. Цареградскими благовониями умащиваешься. Русскому богу молишься. Все так. Все вижу. А я тебе подарок привез. Не обижайся на глупого старика. Не брезгуй, возьми.

Хан достает из-за пазухи одежды, не имеющей воротника, пучок полыни, перевязанный ниткой, дает его женщине.

— Благодарю тебя, отец,— женщина спокойно берет полынь, нюхает, а затем прячет под безрукавку.

— Посиди со мной. Только ты, наверное, разучилась сидеть по-нашему. Тебе нужен трон или кресло.

Женщина молча подбирает платье и садится напротив отца по-татарски.

— Ты хорошая дочь. Не побрезговала стариком. Вот бы теперь на тебя твой муж и твой русский шаман посмотрели бы. Вот бы обрадовались. Ну, ладно. Вот тебе еще подарок.

Котян протягивает дочери маленькую золотую женскую статуэтку, явно сделанную не полонецкими руками.

— Ты знаешь, кто это? Не забыла?

Женщина кивает, целует статуэтку и прячет в одежде.

— А теперь скажи, почему нет Мстислава? Я же извещал о приезде. Он не хочет меня видеть?

— Мстислав был в Белзе. Он знает. Он вернется завтра.

— Ничего он не знает. И ты не знаешь. На нас напали татары. Были три большие битвы. Улан убит. Шика убит. Весь род Тегилея убит. И дети, и внуки. В роду Ворона тоже все убиты. Гека ты помнишь?.. Тоже убит. наших отогнали из приморья на север. Много детей умерло. У Нонки дети умерли и у Айгуль. А ты ничего не знаешь.

Видение женщины: яркое солнце, огромное, притягивающее к себе небо с легки-

ми облаками, весенняя степь волнами бежит под брюхо коня и под ноги всадницы, расцветающей девочки-подростка, рядом — другие ребята на лошадях, девочки и мальчики в остроконечных войлочных шапках, летящие по ветру волосы, смех, веселый крик: «Эй, Котянова, поскакали к ручью! Кто быстрее!»

Развевающиеся гривы лошадей, бешеная скачка.

Снова комната. Женщина спокойно отворачивается к окну. Беззвучно плачет.

3

Пасмурный день ранней весны. Внутренняя часть большого двора, образованного деревянными постройками разной высоты. Кричат петухи. С крыш течет, под ногами снежная каша вперемешку с навозом. На дворе больше двух десятков молодых людей с лошадьми у коновязи, расположенной напротив парадного крыльца. Они, деловито переговариваясь друг с другом, осматривают и подтягивают подпруги лошадей, перебирают экипировку, приторачивают какие-то узлы к седлам, вскакивают в стремена для проверки. Молодые люди отличаются друг от друга: одни из них — витязи в шубах и шапках из дорогого меха, другие в суконных колпаках и в овчинных полушубках или даже в сермягах — оруженосцы. Все вооружены, у витязей к тому же кольчуги под одеждой. К этой группе из нижних дверей парадного дома подбегают слуги, приносят какие-то свертки, предметы, поддерживают коней, уходят назад. В дверях других построек стоят, переговариваются, крестятся любопытные бабы и девки.

Все молодые люди столпились перед парадным входом в большой дом. В большом доме отворяется верхняя дверь, с крыльца спускаются четверо слуг, ловко расстилают на его нижней широкой ступеньке коврик, на него ставят резную тумбочку или столик, на тумбочку — широкий тяжелый металлический сосуд со святой водой и кладут крест, сами становятся по сторонам для охраны. Слуги длинноволосы, как студенты, но лица у них как у бодигардов. Сверху снова отворяется дверь, ведущая на парадное крыльцо, из нее выходят: князь Мстислав Удалой, мужчина средних лет, небольшого роста, остроносый, с рыжеватой бородой, в меховой шапочке-колпаке с острым красным верхом, за ним священник, человек столь же небольшого роста, но более плотный, хан Котян, двое воевод — здоровяков с жесткими лицами: Юрий Домажирич, он пониже ростом, но шире и Держикрай Владиславович. Воеводы без шапок, им лет по тридцать, у Держикрая шрам через все лицо. Все посторонние убираются со двора, только в дверях боковых построек по-прежнему толпятся любопытные.

Князь:

— Здорово, молодцы! Все ли здесь собрались? Все ли у вас на месте? Все ли накормлены? (Священник в это время не спеша спускается вниз).

Всадники снизу хором:

— Здрав будь, князь-отец! (Дальше — вразнобой, но громко).

— Все здесь! Мы готовы! Все у нас есть!

Князь:

— Тогда с богом, дети! Отец Дионисий, теперь твоя очередь!

Священник на коврике. Он в торжественном облачении. Левой рукой поп поднимает с тумбочки большой крест, говорит приличествующие случаю слова. Все, кроме Котяна, сняв шапки, крестятся. Воины и оруженосцы, не толкаясь, по одному подходят целовать крест. Правой рукой священник крестит подходящих Лица воинов: есть и пухлые, и скуластые, и белые, и смуглые, кто с бородкой, кто с усами, один задумчив, а другой ретиво-бесшабашен. Спокойное и твердое лицо князя, он уверен в том,

что все делает правильно. Торжественное лицо отца Дионисия. Котян из-за спины Мстислава быстро перебегают глазами с одного воина на другого. Воеводы то подозрительно косятся на хана, то смотрят на воинов.

На заднем дворе по-прежнему орут петухи.

Стражник открывает ворота. Кавалькада всадников покидает двор, усиленный въездной башней, едет по узкой улице (с двух сторон глухие стены или заборы, над заборами кое-где торчат головы любопытной челяди). Воины, объезжая лужи, минуют церковь, за ней — открытые ворота града (им машут руками и громко кричат, прощаясь, воротники, сами посыльные тоже кричат в ответ). Копыта грохочут по деревянному мосту, ров поверх льда уже наполняется зеленой водой. Кавалькада рысью проезжает знакомую нам торговую площадь и, разгоняя криками и плетью мешан, катит к воротам окольного города.

В это время князь и воеводы надевают шапки, Священник поднимается к правителю, слуги за ним быстро убирают тумбочку и коврик. Князь говорит хану: «Я сделал, что мог. Теперь все в руках божьих. Ты сам все видел». Все в том же порядке, как пришли, уходят с крыльца.

Над городом, над куполами церковей кружит-галдит стая галок.

А всадники уже за городом, в поле, на развилке дорог, у покосившегося большого деревянного креста. Здесь отряд разделяется на две части, воины прощаются друг с другом, машут руками, скачут по холмистой равнине, обгоняя сани и пеших путников — одни к близкому лесу, а другие — к горизонту, затянутому туманной дымкой.

4

Пасмурный день. Из леса на поле идет обоз. В лесу белые полосы не растаявшего снега, поле почти чисто. Кое-где стоит вода. Вид обоза подобен фотографиям беженцев времен Великой Отечественной войны. В обозе бабы, девки, дети с котомочками, с торбами, с мешками. Кто едет на телегах, кто идет пешком с палочками. У всех лица без глаз, все смотрят в землю. На телеге плачет маленький ребенок, мать утомленно и без особых эмоций говорит вечные слова утешения. На другой телеге еще четыре бабы с детьми на руках качаются на ухабах, как неживые. На следующей телеге одна из сидящих шепотом бормочет молитву. Вокруг гарцуют всадники в боевом облачении.

Обоз останавливается. Конники, что ехали впереди, машут руками: навстречу к ним по дороге приближаются три кавалериста. Старший из охранников выделяет двух человек из своей команды они пускаются в галоп к незнакомцам. Остальные кучей сгрудились на обочине дороги. В лесу кричит какая-то птица.

Через полминуты посланцы возвращаются вместе с пришельцами. От группы всадников перед обозом выезжает старший. Теперь видно, что это тот, кто в первой сцене руководил штурмом города. Один из приезжих — воин-посланник Мстислава Удалого, молодой пригожий парень, похожий на артиста Склера в молодости, двое других — оруженосцы. Молодой воин сходится с боярином. Обмен приветствиями. Боярин расплывается в добродушной улыбке.

— Да ты не сын ли Путяты Веремеевича?

— Не сын, племянник.

— А я-то себе думаю: что-то лицо знакомое! Ну, рассказывай, племянник Путяты, с чем пожаловал? Да давай-ка поцелуемся!

Молодой витязь как бы невзначай царапает шпорой коня, конь отпрыгивает в сторону. Воин старается ногами и руками вновь вернуть лошадь на место.

— У меня поручение от моего князя к твоему князю.

Боярин, все так же добродушно улыбаясь, выдерживает паузу, разглядывая, как молодой укрощает непослушную лошадь, а потом говорит: — Князя с нами нет. Его ударили стрелой в шею. Жив ли будет — неизвестно. Говори здесь со мной. Я все равно буду старший.

— Князь не говорит?

— Я же сказал, племянник, — он при смерти.

Опять пауза. Где-то близко затрещала-засвистела птичка. Молодой воин пытается рассмотреть что-то в лице боярина, Но боярин непроницаемо добродушен.

— А сын?

— Сын с мамками остался во граде. Княгиня приехала ухаживать за мужем... Слушай, Путятин племянник, а учен ли ты учтивости? — Боярин сбросил с лица улыбку.— Все, что ты скажешь им, дойдет до меня через полчаса. Я тебя не держу. Путь тебе чист, хоть к княгине, хоть куда. Но ты согрубишь мне недоверием. Да Путятя и должен был мне кое-что.

Опять пауза. Боярин снова улыбается.

Посыльный:

— Это что за телеги?

— Полон. А тебе Горох разве ничего не сказал?

Посыльный еще немного думает, затем вынимает из-под шубы футляр, передает собеседнику. Боярин ковыряет ногтем крышку, разворачивает свиток, читает, шевеля губами.

— Ну что, князь, сам видишь, никуда не поедет. Я такое дело тоже решать не буду. Так и отвечай Мстиславу. Да и не сильно-то помогут ему три сотни наших копий.

— Было же пять?

Боярин не ответил. Оборачивается к своим: «Поехали!»

Молодой — в спину боярину:

— Учтивый воевода, послов ведь принимать и кормить надобно!

— У меня и у моих людей ничего лишнего нет. Останавливаться я тоже не хочу — полон растеряю. Путь тебе чист, отрок! Хочешь — едь к князю с княгиней, не хочешь — во град скачи! Скажи там Курею — от меня. С богом!

Боярин отъезжает прочь. Мимо посланника и оруженосцев топают и едет скорбная вереница полоня. В небе над их головами летят, перекликаясь, гуси.

5

Солнечный день на исходе. С сосулек под стрехами бежит вода. В окнах большого двора на разные цвета блестят окрашенные стеклышки. В небо струятся мирные дымки из труб. У высокого крыльца соскакивает с лошадей еще одна тройка — посланник с оруженосцами. С крыльца покрякивает управляющий:

— Отроку Мстислава — мое почтение! Глыжка — принимай коней! Любка — веди людей воина в гридницу, в пекарскую! Баню, слышишь, баню не забудь! Люди с дороги, люди с мороза! Да послужи им сама-то! От тебя не отвалится! Проходи, дорогой, проходи, ждут уже тебя!

Посланник поднимается на крыльцо, проходит в низкую дверь.

Комната, освещенная разноцветными окнами и свечами, в ней горит печь. Стены обиты узорной тканью. В красном углу — резной деревянный затейливо украшенный трон. На нем сидит князь, на лавках по бокам — бородатые бояре. По правую руку от князя — священник.

Входит посланник, крестится на иконы, здоровается с поклоном в пояс с князем, затем, тоже с поклоном — с боярами.

— Я Михаил, сын Рюхи, отрок Мстислава Мстиславовича. Я привез тебе привет от моего князя, пожелание здравствовать и впредь. А еще я привез от моего князя вот это послание (достает футляр).

Князь берет свиток, читает, хмурится, потом говорит:

— Ну что, утро вечера мудренее.— (Стоящему за спиной отрока управляющему) — Проведи воина, накорми, в баню своди, спать уложи, все как положено, чтобы гость был нами доволен. Брат мой мне честь оказал, письмо прислал! И мы примем его людей честно, чтобы ни в чем нужды не было!

Отрок и дворецкий уходят. Бояре переглядываются. Князь переводит взгляд с одного на другого.

— Так вот, господа именитые! На тестя Мстислава Мстиславовича, на Котяна на поганого напали какие-то другие поганые и сильно его побили.

Кто-то облегченно вздыхает.

— Помолчи, Кирилл, я знаю, что ты скажешь!

Опять чей-то вздох.

— Так вот, Мстислав просит меня прийти на рать с этими новыми погаными. На эту весну.

Все опять переглядываются.

— Что скажете, именитые?

Один из бояр, бородатый с проседью брүннет, лет под пятьдесят, глядя перед собой, спокойно:

— А любит он, Мстислав, это дело. То в Новгород. То из Новгорода. Там повоевал. И там сабелькой помаhal. Ни имения не нажил, ни к земле не прирос. С поганцем Котьяном породнился. Носит его по Руси нечистый дух...

Князь усталым и презрительным голосом, как начальник на оперативке:

— Вратислав, ты хочешь, чтобы я так и ответил посланнику? Я-то отвечу, да скажу, что это боярский приговор. Нечистый дух принесет сюда Мстислава самое позднее — через три недели. (Повышая голос). И с Котьяном! И где ты, лично ты, будешь тогда от него прятаться? На полатах? Под стряпухиным подолом?

Кто-то опять тяжело вздохнул.

— Говорите, господа, по делу — что мне отвечать посланнику?

6

Раскисшая дорога, мокрые кусты, с неба сеет мелкий дождик. По дороге шлепают двое всадников: посыльный, а за ним — оруженосец. Оба заметно промокли, оруженосец бурчит: «Говорил же — давай остановимся в селе, так нет, видишь ли, там курной дух нездоровый! Вот теперь набирайся здоровья, мокни!.. Скоро уже и в сапогах вода будет! Вот проржавеет кольчуга — я ее чистить не буду! Лучше в примачки пойду к Пикулихе...» Воин, повесив голову, едет молча.

7

Крупными хлопьями валит снег. Три заснеженные фигуры лупят ногами в какие-то ворота. Из-за снега видно только часть тына, а больше ничего. На уровне голов в воротах открывается зарешеченное окошко, оттуда — громкий испуганный голос: «Кто такие? Что надо?» — «Я посланник князя Мстислава Мстиславовича! На, смотри!» — один из стучавших сдергивает рукавицу, показывает в окошко перстень с печатью.

Весеннее солнечное утро в Киеве. Мощные валы, Блеск церковных куполов, первые листики в садочках, готовых зацвести, многоцветный базар на Подоле, перекличка петухов — все это будит какие-то неясные детские воспоминания об утраченном рае.

В Десятиной церкви идет обряд крещения. Митрополит в полном облачении, епископы, благочинные... В некотором отдалении стоят русские князья в шапках с боярами свиты (без шапок). Пылают сотни свечей. В синем полумраке горят золотом строгие лики на стенах и на иконах. Перед митрополитом купель — большой каменный ящик с черной водой. Спинай к зрителю стоят трое мужчин. Один в центре — укутан покрывалом, двое других — в зеленых сапогах и в цветастой верхней длиннополой одежде. Это половцы.

По знаку митрополита тот, что был под покрывалом, скидывает его и, совершенно голый, неуклюже лезет в купель. Телохранители бросаются помочь.

Мужчина проваливается в воду по шею, купель очень велика, вода из нее не выплескивается. Священник, произнося слова обряда, с заметным усилием окунает голову половца с длинными темными, немного вьющимися волосами в воду...

Один из присутствующих бояр, мужчина средних лет, стоящий за спиной молодого князя, говорит вполголоса, ни к кому не обращаясь: «Ну вот, был Бастыга — половец, враг поганый, а стал Иоанн, свой в доску».

Служба закончена. Одетый по-праздничному народ толпится на площади. На высокой паперти перед народом — несколько торжественно одетых священников. Вид от их спин на площадь. Ниже священников, перед толпой — цепь здоровенных парней в монашеских одеяниях. Еще дальше — вооруженные служивые. Толпа слушает священника, стоящего в центре, митрополита. Он заканчивает речь мощным, густым голосом.

— ...и будет от того единения во Христе, Господе нашем, великий мир Руси и великая тишина, и благодать всем добрым христианам. И видится в том великое знамение и милость, и любовь божья. И мы со смирением и благодарностью воспримем этот великий дар и великую милость. И будем усердно славить Господа нашего во имя отца и Сына и Духа Святого...

Вид от толпы на паперть. За спинами священников стоят в ряд князья со своими свитами, но из церкви вышли еще не все, из портала все идут и идут торжественно одетые люди, прибывают задние ряды.

Народ крестится.

Священники ушли, князья по одному в сопровождении свиты спускаются вниз. Дружинники охраняют дорогу.

Вид толпы. Перед папертью и вблизи от нее — несколько десятков человек «чистой» публики, вокруг — масса простонародья.

Вот сходит Даниил Романович, совсем молодой парень. У него западноукраинская внешность, длинные, немного вьющиеся каштановые волосы, густые брови, сияющее юное лицо, высокий рост. Люди свиты — под стать своему суверену. В толпе разговор: «А это кто?» — «А ты не знаешь? Данило — князь червенский!» Женские ахи и охи: «Красавчик! Ладушка!» Девушки во все глаза глядят на такого симпатичного парня, перешептываются, становятся на цыпочки, тянут шеи, чтобы разглядеть его из-за спин стоящих впереди.

Тут же толкаются дети, лезут между зрителями, получают шлепки и тумачи, раззевают рты от удивления.

Вот спускается еще князь, окруженный пятью боярами. Это Мстислав Мстилавович. Он явно ниже своих бояр, рыжеват, с небольшой растрепанной бородкой. Князь спор в движениях, несмотря на возраст. Он крестится на ходу, быстро нагоняя Даниила, отводит его вперед от бояр, что-то говорит. Даниил почтительно-добродушно улыбается в ответ. Женские и мужские голоса в толпе: «А это кто?» «Кто это?» — «Ну как же! Мстислав Удалой!» «Удалой! Удалой!» — «Вот это да!» — «Такой маленький — а Удалой!» — «Тише, услышат!» — «Никогда бы не подумала!» — «Смотри, Удалой!» — «Быстрый какой!» — «Наш пострел везде поспел!» — «А мне такие не нравятся!» — «Молчи, баба!»

Князя со свитой идут к своим коням.

С паперти сходит, крестясь, еще князь — летописный дородный муж, высокого роста черноволосый бородач, степенно шествует в окружении своей свиты — столь же здоровых бояр — к своей лошади.

Опять взрыв эмоций в толпе.

«А это кто?» — «Мстислав Черниговский!» «Черниговский! Черниговского не знаешь? Эх вы, полоцане! Сидите на болотах, никуда не вылазите, ничего не знаете!» Опять восхищенные женские возгласы.

Еще делегация.

«А это кто?» — «Не знаю!» — «А говорил, всех знаешь!» — «А этого не знаю.» — «Юрий Несвижский, вот кто!» — «Ух, ты!» — «Несвижский?» — «А-а!»

«Тоже молодой!» «Хорошенький!» — «В болоте сидит, литву воюет!»

Юрий постарше Даниила, блондин с немного пухлым белым лицом, светлыми бровями и ресницами, сонным взглядом водянистых глаз, эдакий взрослый младенец.

Еще князь со свитой.

«Кто?» «Кто?» — «Олег Курский!» — «У, какой сердитый!» — «У такого не повоевольничаешь!» — «Ой, девки, какие брови у него!» Олег — поджарый брюнет с усиками и сросшимися бровями.

Вышедшие из храма князя и люди из свиты, сидя на конях, поджидают остальных. Толпа волнуется за линиями воинов охраны, толкается, сдержанно шумит. Наконец прокатывается всеобщий вздох — из портала появляется Мстислав Романович Киевский, немолодой человек с седыми волосами, редкой бородкой и цепким взглядом.

Затесавшиеся в толпе вижи и прихлебатели выкрикивают: «Отец наш!» «Слава!» Рядом с Мстиславом идут подручные князя Андрей и Александр. За князьями шествует немалая группа бояр. В это время в толпе какой-то парень ущипнул девку. Та визжит. Соглядатаи и вижи, только что славословившие князя, натягивают на лица маски свирепого рвения, расталкивая толпу, лезут в то место, откуда они услышали неподобающий шум. Некоторые в толпе боязливо расступаются перед вооруженными, другие норовят исподтишка толкнуть или прижать княжьих цепных псов.

Парень уже в другой стороне площади. Он взглядом нашел давешнюю девку, разевает рот, делает ей какие-то знаки. Та сперва задается, делает вид, что не замечает ухажера, но потом не выдерживает и показывает ему язык.

Мстислав, как бы ничего не замечая, важно шествует в окружении свиты к лошадям.

Вот все уже в седлах, разноцветная кавалькада направляется по оцепленной воинами улице.

Большой зал в кирпичном доме. Пол выложен плиткой «в елочку». Расписные своды, озаренные свечами. П-образный стол, покрытый скатертями. В «красном углу» — набор икон, под ними несколько свечей. Посередине комнаты высятся две

колонны, поддерживающие свод, стол частично охватывает одну из них. На столе стоят только миски с хлебом и солонки, а также глиняные с глазурью и стеклянные сосуды с вином. За столом на лавках сидят князья и бояре — каждый князь в окружении своих. Между группами правителей княжеств — пустые промежутки. В углах и нишах стоят слуги, готовые подать и налить что скажут. Однако на них никто не обращает внимание. В центре сидит в окружении духовника, подручных князей и свиты Мстислав Киевский.

Все собрание повернуло головы в сторону Мстислава Удалого, он говорит, уперев взор в Мстислава Черниговского:

— Ты, брат Мстислав, сомневаешься в верности половцев. Но посулы ты от них взял. Взял и коней и рабынь. Теперь тебе вольно сомневаться.

Не будь ты мой брат, сказал бы я — мол, еще хочет взять! Я этого не говорю, брат, ибо знаю: велика твоя земля и многих сил и трудов требует! Но подними свой взор от земли. Не поможем мы сегодня половцам, завтра они неволей отойдут к татарам. Не хуже ли нам от того будет, братья и дети? Не больше ли трудов понадобится, чтобы держать столы наши? Не утишится и не замирится от того Земля Русская.

Пауза. Мстислав Киевский:

— Братья и дети, кто еще скажет? (Тишина). Я, старший во всей земле, уповая на бога, иду на войну вместе с братом моим Мстиславом и младшим Даниилом. Дети мои, я знаю, не покинут старика одного. Они бога чтут и старших уважают. (Подручные князья молчат, смотрят перед собой.)

Мстислав Черниговский:

— Ну вот, один глаза колет погаными полонянками, другой вот-вот скажет, что я старших не уважаю! Я и сам старший! И отец мой, и деды о Русской Земле печалились! И я ничего во вред Русской Земле не сказал и не сделал! А что говорю о половецкой неверности, так о том всем ведомо! И говорить здесь все братья вольны — мы все ветви одного ствола, внуки одного деда. И мы думаем здесь не о семейных делах, а о Русской Земле. И на это дело нужно смотреть со всех сторон. Так говорите, же братья! Говорите, дети! (Молчание.) Никто больше того, что сказано, не скажет? (Опять пауза. Один из бояр свиты Мстислава Киевского говорит соседу: «Кто здесь старше? Кто ведет беседу — Киев или Чернигов?») Значит мы решили идти и воевать.

Мстислав Киевский, который слышал перешептывания своих бояр:

— Дай бог тебе здоровья, брат, ты помог мне вести дело. Значит, братья и дети, мы уговорились. Будем целовать на том крест. Отец Иоанн, у тебя готово? (Священник важно кивает, Удалой переглядывается с сидящими в конце стола половецкими ханами. Половцы улыбаются свояку, а затем снова натягивают маски равнодушия.) Теперь будем говорить, как и куда пойдём. Начну я сам. Всем ведомо, что у меня в полку много пехоты. Я пойду вниз Днепра по воде и по суше с обозом и с плотниками, и с запасом дерева на острог...

11

Рассвет в степи. Проснулись, пробуют голос птицы. На травах роса. Балки с кустарниками на склонах, легкий туман внизу.

Внезапно поднимается целая стая птиц. Издали слышен нарастающий шум. В кустах на краю балки кто-то ворочается. Это человек в остроконечном колпаке с монголоидными чертами лица.

По степи скачет татарская сотня с бунчуком. Человек из своего укрытия провожает ее глазами, шевелит губами, а потом уползает вниз, в балку.

Появляется край солнца. Его приветствует птичий хор.

12

Утро. Мелководная затока на реке. Целое поле слегка волнующихся от ветра камышей. Редкие ракиты, кусты орешника сливаются на втором плане в сплошную зеленую массу. В камышах и тростнике копошится, прокладывая тропинку, давешний половец с лошадыю. Головы лошади и человека то утопают в сплошном тростниковом море, то вновь показываются среди зеленых волн.

Три половецких всадника на краю низины среди ракич смотрят на голову среди камышей, держа в руках луки, приготовленные к стрельбе. Только путник добрался до твердой земли — тут же крик: «Стой! Кто ты?» Тот останавливается, слегка оглядываясь, отвечает: «Амхар, сын Кульчи из рода Барана. Иду с вестью к Яруну». Старший из всадников: «Чубук, покажи дорогу человеку».

Один из половцев не спеша прячет лук в налучье, застегивает и отодвигает подальше колчан, вынимает саблю, говорит пришельцу: «Езжай впереди». Тот вскакивает в седло, оба скрываются за кустами.

13

По Днепру, по большой еще воде спускается флотилия из кораблей и ладей. Уже около полудня. Сказочный яркий день, волшебный украинский майский пейзаж. Все вокруг цветет—и на высоком западном берегу, и на низком восточном. Кучевые облака и паруса судов отражаются в воде, покрытой мелкой рябью.

Корабли идут в три ряда. Стройности рядов помогает песня с мощной ритмичной основой: что-то вроде «Уходили в поход партизаны» или «Славное море священный Байкал». В песне поется о седом Днепре, о голубом Дунае, о Черном море, о золотом Цареграде — какое там высокое небо, какие там великие цари, сколько там чудес, богатств и красных девок. На головных кораблях — флаги черниговского, киевского и галицкого князей. Князьи воеводы, как и положено, стоят на носу каждого из передовых кораблей. Рядом — трубачи. На палубах воины и оруженосцы точат оружие, отдраивают и чистят амуницию, кормят лошадей в станках. Поют все или почти все: кто-то увлеченно, во весь рот, кто вполголоса, закусив длинный ус. Поют гребцы, поют бояре, поют подростки-слуги. На каких-то кораблях — настоящие хоры с разными голосами, с подголосками.

14

Восточная сторона Днепра. Прикрытая редкой сторожевой цепью по слабо приметной тропе-дороге идет масса конницы под знаменами Курска, Смоленска, восточных черниговских пригородов. Катят обозы, идут стада скота, небольшие табуны лошадей.

На дальнем холме сторожа разглядели столб дыма от костра. Они собираются кучкой, затем один скачет назад — докладывать, трое — вперед, разведать, трое или четверо остаются на месте.

Разведчики приближаются к кургану. Оттуда им машут руками и копьями какие-то люди. Там бьет барабан. Трое русских всадников приближаются метров на сто пятьдесят. Слышны крики по-русски и по-тюркски: «Послы! Мы послы!» Чехлы луков и колчаны у разведчиков расстегнуты, один из них призывно машет плетью. С кургана скатывается всадник вполне русской наружности, но одетый по-степному в малахай и меховую безрукавку на голое тело. Он демонстративно разворачивается на коне, показывает пустые руки, кричит, обращаясь к тому, кто махал плетью: «Мы послы! Проводи нас к князьям! Будет тебе много чести!»

По степи скачут навстречу с одной стороны — князь со свитой, охраной, знаменем и рожечником, с другой, несколько медленнее — татары с бунчуком. В центре движения — трое разведчиков.

Князь (это Олег Курский) говорит ближнему всаднику, человеку заметно старше себя, но еще не погрузневшему: «Начинай, Бориска!» Тот громко:

— Я Борис, воевода курский! Кто вы и чего вы хотите?

Отвечает все тот же человек, русский по виду, одетый степняком: — Мы послы к русским князьям от Субэдэ-багатура, великого и грозного воеводы всемогущего Джучи-хана, сына покорителя вселенной Чингис-хана! Мы идем к князьям с добрым словом от Субэдэя! Проведи нас, и будет тебе большая честь!

— А не сын ли ты Карпоноса-разбойника, что на Северах клетки разбивал?

— Я воин и слуга мирзы татарского. Мои родители давно умерли. Чем тятка занимался — уже не скажет. А сила татарская велика и тяжела. Где сила — там и правда. Не вороши прошлое, боярин, веди к князьям.

По знаку Олега группа русских конников расступается, становится по бокам татар. Борис говорит своему собеседнику: «Иди вперед!» Все вместе удаляются в расположение русских.

15

Солнце уже сильно перешло за полдень. На холме восточного берега Днепра горит костер. Вокруг ходят несколько половцев, подбрасывая в огонь сухие куски плавника и ветки из собранных поблизости куч. Ближе к воде — кучка половецкой знати, среди них — хан Ярун. Идет разговор по-тюркски. Молодой воин:

— А если они проплывут?

Ярун: — Не проплывут. Они все равно где-то здесь должны будут останавливаться на ночлег. Ты лучше подумай, правильно ли ты поставил дозорных? Почему до сих пор нет вестника?

Все молча смотрят на реку. Блики солнца на воде, кружат и кричат чайки. С берега — топот копыт, скачет всадник, кричит: «Они плывут!»

Ярун поворачивается к парню, с которым только что разговаривал: — Это твой человек?

— Да.

— Пусть подъедет и назовет свое имя.

— Эй, ты, подойди!

Всадник подъезжает, слезает с коня, смиренно опустив голову, идет к начальникам. Свитский: «Кто ты?» — «Карагач из рода Чибиса». — «Вы там разожгли огонь?» — «Да!» Ярун властным голосом перебивает свитского:

— Я запомнил тебя, воин! Возвращайся в свой род!

Издали по реке несется песня. Появляются точки — флотилия русских князей. Половцы валят в костер сырую траву. Поднимается столб дыма.

16

Солнце спустилось еще ниже. Западный высокий берег Днепра. Один за другим пристают корабли. С небольшого возвышения за всем наблюдает Мстислав Удалой. На несколько сот метров по берегу стоят струги и ладьи, люди сводят с них коней, гонят на подъем — пастись. Другие жгут костры, что-то варят.

К Мстиславу спешно подходит Даниил в окружении отроков.

— Отец, здравствуй! У меня Ярун, важные новости!

Оба князя немного отходят от своих свит.

Даниил: — Татары направили посольство к нам. Послы сейчас у тех, что идут берегом. Они ведут себя чинно, говорят дельно. Предлагают мир. Ярун встревожен. Мир будет за его счет.

Мстислав чешет нос.

— Ярун полынь нюхал?

— Да. (Пауза).

— Наши должны были известить Мстислава Киевского. Ты не видел вестников?

— Нет.

— Мне тоже ничего не говорили. Они давно переговариваются?

— С полудня.

— Вот как? (Пауза). Будем считать, что вестников не было. Я отправлю туда двух своих людей, ты отправляй своих. Пусть узнают, что и как. Да, значит, вестников не было... Ты задержи Яруна и молчи. Я сам скажу все на пиру.

Прекрасный майский вечер на Днепре. От западного берега, из-за кораблей русских, из тени, отчаливают две лодки, в каждой из которых по несколько гребцов и по одной лошади. Лодки бесшумно спускаются вниз по течению.

Под открытым небом на корабле Мстислава Киевского — пир. Простой стол с красиво расшитой скатертью, лавки под коврами. На специальных подставках уже подготовлены факелы и греческие бронзовые светильники. На столе греческое вино в стеклянных сосудах, похожих на большие флаконы для косметики. Еда проста: мясо жареное и копченое, птица, рыба, капуста, лук, репа, каша, много черемши. Мстислав Киевский, подручные князя, ближние бояре и духовник князя встречают гостей, шумно поднимающихся на корабль по сходням.

После короткой молитвы князя рассаживаются на лавки (киевский священник садится рядом с князем). За их спинами — слуги. Мстислав Удалой сел напротив киевского князя и сразу же начал:

— Плохие новости, брат. Татары отправили своих людей к дружинам, что идут степью. Мне это послал сказать Ярун (Даниил закашлялся, будто подавился). Здесь три старших князя (посмотрел на Даниила), ну, четыре. Ты — главный. Там только меньшие. Они должны были направить послов сюда. Сам знаешь, чем могут закончиться такие переговоры.

Пауза. Все князья смотрят на Киевского. Отрок-прислужник хочет порезать мясо в серебряном блюде, но Киевский отстраняет его. Говорит со скрытым раздражением:

— Ну вот, братья и дети, захотели отдохнуть, прохладиться... Все слышали? Говорите по старшинству.

Мстислав Черниговский:

— Ну, что тут сказать? Там идет моя тысяча с воеводой Куроедом. Куроеду я верю. Он не будет ничего делать за моей спиной (пауза). Да и верно ли ты говоришь, Мстислав?

Удалой:

— Я отвечу, брат. Ты хочешь, чтобы я предоставил верные улики? Но дело еще не сделано. Будет сделано — будут и улики. Но что тогда исправишь? Ребята получат мзду и разойдутся с полдороги. А ты думаешь, эти татары не знали, где здесь старшие и где — младшие и по ошибке к ним пошли? Не будем считать врагов глупее себя. Но ведь и те дети не должны были их принимать, а прямоком отправить к нам. Братья, я считаю, что надобно требовать этих послов сюда и убить.

Даниил Романович звонким голосом:

— Отцы и братья! Позвольте мне сказать. Я за то, чтобы не было меж нами розни. Если уйдут младшие, они откроют татарам половецкие кочевья. Значит, побегут и

половцы. Придется и нам поворачивать. Мало чести в такой войне: собирались, уговаривались, пошли, а с полдороги и разошлись. Как мы Русскую Землю тогда оправлять будем? Не будет нам веры, братья и отцы. Всяк будет тыкать нам этим бесчестьем. Ведомо всем: мужики переяславские и так шатки, с трудом держатся, а побегут они — и Киев будет открыт.

17

Русский стан в степи. Солнце садится. Горят костры, ходят стреноженные кони. Перед богатым шатром на лавках, составленных буквой «П» сидят младшие князья. В центре — Олег Курский. Справа и слева от него четыре князя, дальше — воеводы. За спинами начальства выстроились рослые охранники с рогатинами. Перед князьями стоит группа монгольских послов без головных уборов. Блестят бритые лбы, едва ли не до пояса свисают жидкие косы. Старший из монголов говорит, человек, похожий на русского, переводит.

— Зачем вы, русские, собираетесь на нас всею силою? Мы вам ничего плохого не сделали, не трогали ни городов, ни сел ваших. Мы пришли на холопов своих и конюхов, на половцев. Издавна они были в нашей власти, но вот возгордились, крутыми себя почувствовали и стали нам грубить. Мы их за это и бьем. А слышали мы, что и вам докуки от них много было. Так чего же вы их защищаете? Мы бьем их со своей стороны, а вы бейте со своей.

Олег Курский:

— Мы слышали твои слова. Уходи в свою палатку. Завтра мы тебе скажем ответ.

Охранники за спинами татар расступаются, передние воины, наоборот, напирают. Послы волей-неволей разворачиваются.

18

Снова совет на корабле. Солнце уходит за горизонт. Говорит Мстислав Киевский:

— Мы решили: татарских послов умертвить, от них не будет дела, а будет только разброд. Чтобы убедиться в честности младших дружин — сказать, пусть они их и убьют. Если отпустят — то будет измена. Будем тогда по-новому делить уделы. А если пришлют к нам — будем думать еще раз. Хорошо ли я сказал?

На берегу пробует голос соловей.

19

Послезакатные сумерки. По степи, распугивая поющих птиц, галопом скачут два всадника в металлических шлемах и наборных доспехах. В спины им светит розовый закат. Воины погоняют лошадей, растворяются в поднимающемся из балок тумане. Еще веселей зазвучал птичий хор.

20

Снова совет младших князей посреди русского лагеря. Он уже похож на шумный спор. Один из князей допытывается у Олега Курского: — Вот ты, Олег, всегда представляешься справедливым и с образом ходишь! А ты скажи честно — веришь Котяну и Яруну? Сколько половцы наших людей и данников побили? Да ты не вспоминай про Переяславль, ты на свой удел посмотри! Сколько они там у тебя побили, пожгли, пограбили — можешь сосчитать?

Олег в раздумье и сомнении. На его лице — сполохи света от костра: — Да, братья, не верю я половцам. Но я слово дал...

Еще один «младший» князь:

— И ты слово давал. И я слово давал. И Шумский давал. И Яневский давал. А все почему? А потому, что боялись мы, братья, как бы старшие про наши уделы не сели мыслить. А ты, Изяслав (он поворачивается к князю, который требовал честного ответа от Олега), еще одну думу имеешь: старший брат у тебя одною ногою в могиле, ты ищешь, как бы и его удел к себе привлечь! А на то надобно согласие старших! У них, у старших, в руках наша воля, как канарейка в силках! Все беды Русской земли оттого, что нету уже среди князей ни родства, ни братства, как отцы и деды нам завещали! Если и есть у кого с кем дружба, то только по уделам! Будь ты хоть младенец, а получи богатый удел — и ты старше седобородого!

21

Уже ночь. Две лошади в балке. С ними — воин. Второй воин уже без брони, в черном одеянии, осторожно лезет на гребень. Отсюда видны всадники сторожевого охранения лагеря «младших» русских дружин. Соглядатай осторожно ползет краем балки, минуя сторожевую цепь. Вот он уже ходит по лагерю, среди спящих вповалку на кошмах воинов, нагнувшись и покачиваясь, будто спросонья что-то ищет. Останавливается, подходит к одному из спящих, говорит: «Дядя, продай сапоги!» Тот мгновенно открывает глаза, отодвигается. Пришелец ложится рядом, шепчет: «Что да как?» — «Татары у нас. Посеяли сомнение среди наших. Сейчас они совещаются, уже долго. Только, думаю, отправят они послов к старшим, на Днепр. Все равно ничего лучше не придумают».

22

Радостное утро. Дружный птичий гам приветствует восходящее солнце. От солнца, распугивая птиц, движутся две точки, растут, превращаются в скачущих галопом всадников.

Вот солнце уже поднялось над горизонтом. Давешние конники подъехали к берегу Днепра. Восточный берег довольно высок, западный — поднимается синей горой. По воде в тени берега стелется туман. Кавалеристы заглядывают вниз, на реку — и тут же быстро отъезжают от обрывчика, прячутся в кустах: от воды поднимаются на берег какие-то люди. Неподалеку причалили два корабля, с них теперь сводят трусящих коней. Вскоре на возвышенности берега уже строится отряд конников человек в двадцать. Впереди князь в красной шапочке (это Андрей, зять Мстислава Киевского), за ним — знаменосец с флагом киевского князя. Отряд уходит на восток, в степь.

Два всадника осторожно спускаются к воде в стороне от кораблей. Разговаривают между собой: «Крикнуть надо бы!» — «Услышат эти (мотнул головой в сторону кораблей)... Да и спят они, наверное». — «Как спят? Ведь можно и голову проспять!» — «А что? Здесь тихо, от начальства далеко, солнышко греет. На, поддержи поводья, пойду искать». Скрывается в кустах.

Отряд русских всадников картинно скачет по степи. Все ребята как на подбор — то ли Васильевские, то ли Васнецовские богатыри. Впереди, осененный знаменем тестя, едет молодой князь.

Уже близко к полудню. К Днепру из стана младших князей в телегах под охраной везут татарских послов. Сзади слышен шум. Охранники оглядываются. Кто-то из татар, угрюмо сидящих на соломе в телегах приподнимается, его без церемоний уда-

ряют тупым концом копья в спину. Охранники готовятся отразить нападение: расстегивают колчаны, вытаскивают из футляров луки. Погоня приближается. Слышны звуки рога. Охранники переглядываются: «Олег Курский?» «Что случилось?» Уже видно, что впереди погони — два князя под знаменами. Метров со ста от телег один из князей кричит: «Отойдите от телег! Я, Олег, говорю!» Охрана, переглядываясь, неспешно отъезжает от телег. Тут же три-четыре татарина перепрыгивают через бортики повозок, бегут в степь. Вслед им летят стрелы. Всадники из погони, за какие-то секунды доскавав до обоза, рубят разбегающихся татар саблями, а затем, на всякий случай, еще и протыкают какие-то тела копьями. Обоз, охрана и приехавшие каратели разворачиваются и едут по своим следам обратно.

В степи снова светло и покойно. Над трупами колышутся травы, стрекочут кузнечики, поют птички.

Над травой осторожно поднимается голова татарина в малахае, он смотрит на убитых, затем — на удаляющихся русских, снова прячется.

23

Снова утро. На корабле Мстислава Киевского — еще одно собрание князей. Общая атмосфера неловкости, лица всех помятые. Мстислав, как старший, сидит в центре на позолоченном троне с маской величавого безразличия на лице. Остальные князья рассматривают блики на воде, перебирают четки или просто смотрят под ноги. Вокруг — вооруженная охрана.

Перед Мстиславом стоят четыре татарина. Один, перевирая слова, говорит по-русски:

— Мы на вас не нападали, а вы перебили наших послов. Вот идете теперь на нас. Идите, но только на все воля божья. С неба все видно — и кто прав, и кто виноват. Я сказал так.

Мстислав, сидя:

— Идите своей дорогой. Путь вам чист. Кому что суждено — тот то и получит.

Охрана выступает вперед. Послы, не попрощавшись, разворачиваются, перелезают с корабля в лодку.

24

Вечер на Днепре. Солнце уже село, отражение оранжевых и розовых облаков в воде. Лодки и корабли со спущенными парусами. На кораблях — тихая печальная песня. Одна лодка отделилась от остальных. На ней под мачтой — палатка, четыре охранника по углам, один — на корме, у рулевого весла. В палатке расстелен ковер, на ковре сидят по-татарски Мстислав Удалой и Ярун, предводитель половцев. Головы не покрыты. Огонь свечей, колыхаясь, бежит по их лицам — спокойно-ироничному у Мстислава, недоверчивому у Яруна. Блестят глаза. — Каково дошли, племянник?

— Я сделал, как мы договаривались. Мое войско в одном дневном переходе отсюда.

— Хорошо, но...

— Позволь спросить — что нового у вас?

Пауза.

— Мог бы дать мне высказаться, племянник.

Ярун сперва спокойно, но потом — более запальчиво:

— Ты вождь дружины, я вождь дружины. Мы здесь союзники, а не родственники. Я выполнил твои условия и хочу знать, что делается у русских!

— Боишься распри? Ха! Я и сам боюсь. Но пока все тихо. Я ничего не замечал, мои люди мне тоже ничего не говорили. В поход вышли все, кто был в Киеве. Черниговцы и киевляне не идут рядом. Было три стычки между моими и черниговскими. Это все, что я знаю. Я тебя успокоил?

— Не знаю, что ответить. За мной пять тысяч человек.

— Я тебе все сказал, остальное в руках божьих. Сомнения отнимают время. Слушай. Ты сейчас вернешься к своим. Выводи их к переправе. Будь осторожен, смотри по сторонам. Силами небесными тебя прошу — не лезь на открытое место. Там много кустов — спрячьтесь, костров не жги, выставь охрану. Мы будем переправляться, пошлем вперед свою стражу. Ближе к тебе я выставлю своих людей. У них будет красное знамя. Как увидишь, что замахали — вылезай из кустов, но не раньше.

Мстислав замолкает, роется в кармане, достает тряпочку, разворачивает, вынимает несколько стеблей полыни и, сделав, задумчиво-спокойное выражение лица, нюхает.

Ярун сперва смотрит на него с удивлением, затем быстро усмехается, вскакивает на ноги (ему надо пригнуть голову, чтобы не стукнуться головой о поперечину), кланяется, говорит: «До свидания, дядя!» Уходит.

На фоне догорающего заката — силуэт большой ладьи. От нее отчаливает челн. В нем — силуэты четырех гребцов и воина в шлеме. Челн уплывает к восточному берегу. С противоположного борта ладьи скидывают сходни, трясут факелом. Из кустов к борту идут люди.

На берегу горят костры. Над всем висит печальная песня.

25

Остров Хортица. Пасмурный, мокрый день. На берегу горят огни. Дым прибивается к воде. Возле костров ходят воины, нахохлившись, как птицы в непогоду, подбрасывают в огонь палки. На ветвях растущего неподалеку дуба, в 10—12 метрах над землей, устроено что-то вроде насеста, там сидит дозорный. С земли спрашивают: «Ну что? Видишь?» — «Нет». — «А ты не ослеп?» — «Если ты зрячий, то лез бы сам смотреть! Одно молоко кругом!» — «Бронька говорил — день пути им осталось!» — «Придут!»

С другой стороны острова слышны ритмичные звуки, сначала слабые, но затем все сильнее и сильнее. Звуки перерастают в далекую грустную песню с ритмичной основой.

На берегу — разговор сразу нескольких голосов: «Галицкие тысячи идут! Обогнали киевских! Домажирич идет, слышите?» Несколько человек, сбросив оцепенение, бегут к лошадям, скачут на противоположный берег острова.

Из тумана нарастает пение. Мощный многоголосый хор повторяет припев. Вот уже показались смутные силуэты судов. Корабли идут без парусов, на веслах, гуськом в одну линию. На первом корабле барабанщик у мачты задает стуком ритм и песне, и взмахам весел. Гребцы без шапок, в меховых безрукавках, у них загорелые до локтей руки, белые плечи, кирпично-красные лица. Воевода Юрий Домажирич в желтых сапогах и в белой, богато расшитой рубахе, стоит на носу первого корабля, кричит: «Держи лево!» Стоящий рядом трубач тут же трубит в рог, чтобы слышали идущие сзади. На корме здоровые молодцы вдвоем ворочают руль.

Трубач по знаку командира еще раз поднимает свой рог, дает сигнал. С берега, темнеющего размытой полосой, тоже трубят. Там у самой воды полыхают три костра. Корабль поворачивает влево, на их огни. Издали, с другого берега острова, тоже слышен звук рога.

Из палатки, поставленной за мачтой, выбирают воины, идут на нос судна. За

палаткой, в деревянных станках — лошади. Им тоже передается всеобщее оживление, они трясут головами.

Гребцы опустили весла в воду для торможения, корабль утыкается носом в песок. С носа на берег бросают веревки, их привязывают к вбиваемым тут же кольям, тащат дощатые сходни.

Рядом в песок врезается носом еще один корабль, его так же привязывают. Обшая суэта, разговор, приветствия, крики: «Ну как там море? Морских русалок не видели?» — «Видели, да тебе не привезли! Ты же у нас святоша!» — «Натягивай сильнее!» — «По одному сходим осторожно!» — «Ты, святоша, молись за нас!» — «Вы, ребята, первые успели!» — «А где киевские?» — «Не знаю, был от них Бронька, говорит — близко уже!» «Не так кладешь, перевернется!» — А на море благодать, ребята! Так бы и до Цареграда плыл!»

Из глубины острова выскакивает всадник, кричит зычно: «Дружины с верховых городов на подходе!» В ответ — радостные крики. К берегу причаливает еще один корабль.

26

Кустарник, мокрая трава, деревья в тумане. Кружками сидят понурые половецкие воины, переговариваются между собой, играют в кости, тихо ругают своих командиров: «Второй день в сырости сидим! Нет у Яруна головы, слушает русских, что ему скажут, то и делает!» В кустах бродят стреноженные кони.

Среди кустов, окруженный караулом, стоит шатер Яруна. Внутри без огня в кружок сидят сам хан и тысячники, молчат, не смотрят друг на друга, по-видимому, все слова уже сказаны.

Из кустов к палатке бежит половецкий воин, говорит какие-то слова стражнику, огибает его, согнувшись, втискивается внутрь: «Русские князья совещаются!» Ярун: «Я слышал. Больше ничего?» — «Нет». — «Долго. Корабли стоят, как стояли?» — «Да». — «Иди назад».

Вестовой бежит назад, по дороге чуть не сталкивается еще с одним воином. Тот, просунувшись в шатер, говорит: «Русские переправляются!» Ярун: «Все?» — «Пока не видно. Идут пять кораблей». — «Хорошо, возвращайся! (Пауза). Амбал, возьми две свои сотни, пешую и конную, подойди к краю кустов. Пеших поставь вперед, но не заходи на поле. А другую сотню спрячь за первой. И чтобы лошади не ржали! Потом, как сделаешь, пришлешь человека!»

Один из тысячников уходит, остальные вновь погружаются в оцепенение.

Разгрузка русских кораблей на восточном берегу Днепра. Уже нет шуток, воины деловиты и даже немного злы. Одного за другим сводят коней на берег, вскакивают в седла, переговариваются между собой,

Туман, кусты, перед ними — равнина. Из кустов на поле внимательно смотрит половец в валяном сером колпаке. За ним еще двое с луками в руках. Медленной рысью по мокрой траве луговины скачет отряд русских человек в двести, тех, что выгружались с кораблей. Вот всадники остановились, начали разворачиваться в редкую цепь. Одни поворачивают коней налево, скачут к половецким дозорным, другие уходят дальше в туман. Внезапно в тумане возникает и нарастает гул. Из степи приближается темная масса кавалерии. Русские, еще не успев развернуться в цепь перекрикиваются, снова собираются в единую массу, теперь уже ближе к кустам. Воины выхватывают из чехлов луки. Один из них поднимает небольшое красное полотнище.

На не успевших еще собраться в кучу русских с визгом и криком летят две татарские сотни. Сначала они нацеливались в центр цепи, но теперь, когда сторожа ото-

шли ближе к кустам, вынуждены повернуть. Вот уже полетели стрелы.

В момент, когда нападающие уже не могут отвернуть, из кустов выбегают гуськом десятки пеших половецких лучников и, путаясь в траве и в длиннополой одежде, отчаянно ругаясь, что есть силы бегут наперерез татарам так, чтобы те, налетев на русских, подставили бока под стрелы. За ними выезжает с диким воем половецкая конница, обгоняет свою пехоту, заворачивает для удара во фланг и тыл татарам. Пехотинцы, пробежав как можно быстрее метров сто, останавливаются и, развернувшись, дают в сторону татар два нестройных залпа. Не успевшая присоединиться к своим часть русских, что дальше других отъехала в степь, собралась в отдельный маленький отряд и теперь разгоняется для копейного удара. На все действие — 25—30 секунд.

От конницы татар отделяется группа (начальник и охрана) и пытаются уйти обратно в степь, скрыться за туманом. За ними немедленно гонятся легкоконные половцы.

Через несколько секунд основная масса татар окружена. Большой русский отряд принял их удар в копыта, со всех сторон наваливаются половцы и русские. Злая сеча.

Голливудская погоня половец за убежавшими от боя татарами. С вершин степных курганов на эту гонку смотрят половецкие каменные бабы со страшными лицами. Татары еще раз разделяются в надежде запутать погоню между холмов. Однако и половцы так же разделяются. Гонка продолжается.

27

На Хортице — погрузка войска на корабли. За ней наблюдает с прибрежного холма группа князей в «цивильных» одеждах, в меховых шапочках-колпачках и в красных плащах. Немного поодаль — вооруженная охрана. Один из князей — Мстиславу Удалому:

— Что же твой Держикрай огня там не зажжет?

Мстислав: — Не знаю.

— У всех бояре нормальные, только у тебя какие-то очень умные.

Мстислав: — Не ищи ссоры, брат, уймись.

— Я не ищу ссоры, я пришел сюда, как и говорил. А из Большого Гнезда никого нет! А у них войска столько, сколько у всех нас, вместе взятых!

Мстислав молчит. Отвечает, как старший, Мстислав Киевский:

— Ты уже так говорил. Все в руках божиих. Будем уповать на него.— Киевский князь истово крестится. Остальные, скосив глаза — тоже.

Затем все с подчеркнутым театральным вниманием начинают рассматривать картину погрузки и восточный туманный берег реки.

От берега острова отчаливает одна ладья с воинами, за ней — другая. Суда на веслах выворачивают поперек реки, их сносит течение. В это время в туманной синеве противоположного берега мелькает огонек, пропадает, затем снова разгорается.

(Продолжение следует)

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)

СВЯЗНОЙ*

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 6. Чаечный остров

Утром, наскоро собравшись, и позавтракав, они упаковывались в катер. Ярко-желтый, красавец — “CROWNLINЕ”, с шашечками на борту, сверкал на солнце. Белая кожа сидений слепила глаза.

У катера был мягкий черный верх, как у кабриолета. Сейчас он был свернут, и лежал в носовом отсеке. Новенький, еще не распакованный спиннинг «Гарри Лумис», также был предметом, которым очень хотел похвастаться перед отцом Игорь.

Петрович, опираясь на сачок для рыбы, внимательно смотрел на длинные, слегка суетливые, сборы Игоря в дорогу.

— Ну как, Матвей Петрович? Нравится катер? — спросил, проходя мимо с сумкой, Игорь?

— Да, нарядно, конечно, но бесполезно,— Петрович звонко шлепнул на шее назойливую мошку.

— Это еще почему? — обиделся Игорь.

— Шумный, яркий, и рыбу распугаешь, и ненужный интерес к себе вызовешь. А кресла белые ночью надо брезентом бы прикрыть. А то, если у берега встанешь — со всего озера мошка к тебе ночевать прилетит, как на фонарь,— со знанием дела рассуждал Петрович.

Игорь нервно забросил последние пожитки и оттолкнул катер от берега.

— Ладно, поехали. До свидания! — Ему не хотелось слушать больше ничего про мошку, особенно при Светочке. Вот ведь жук, Петрович этот! Сам-то, небось, просто завидует!

— Это... Игореха! Ну, ты чего так всполошился то? Я тебе еще хотел сказать! Вы на Хонкасало рулите! Там рыбачки все по островам стоят — не скучно будет, хоть и

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

немного народу — а все-таки лучше, когда живая душа рядом. Да и красота там! На Север не суйтесь! Давеча, в поселке, рыбаки поговаривали, что «лихие люди» возле тех мест появились — на островах. Оружие вроде немецкое ищут да металлы какие-то. Да и знаки «радиация» там раньше стояли. Сейчас-то пусто — нету никого. Да и рыба там не клюет. Слышь, Игоре-е-еха!

Катер, тем временем, уже отнесло на глубину.

Игорь раздраженно отмахнулся от не оценившего его приобретение старика и завел мотор. Тот громко заурчал, нарушая привычную, вековую тишину шхеры. Птицы в лесу всполошились и подняли беспорядочный крик. На середине протоки Игорь резко нажал вперед ручку газа. Катер встал на дыбы, страшно завыл — и вдруг мягко опустился в воду. Игорь добавил скорости. Шум двигателя стал тише. Судно быстро глиссировало по поверхности. Казалось, что катер летит над водой.

Петрович, смотря вслед удаляющемуся катеру, набожно перекрестил воздух: «Спаси и сохрани, дураков неразумных». Затем быстро повернулся и пошел вдоль берега к донкам, поставленным с вечера. Через пару шагов он поскользнулся и чуть не упал в огромную мокрую яму с неровными краями. Еще через пару метров он увидел несколько таких же.

— Екарный бабай! Сколько раз говорил, чтоб твари этой тут не было! Ишь! Навязался! Не отвадить никак! Зараза такая! И так тут все, что можно, уже сожрал! Еще и все донки мне переломал! А ну, кыш к себе! — в сердцах причитал на всю шхеру Петрович.

Огромная, увесистая туша вздрогнула и, шумно вздохнув, соскользнула в прохладную воду шхеры, подняв после себя мини-цунами.

— Вот, гать худая! — продолжал кричать Петрович, отряхивая с одежды потоки воды.

* * *

— А что Петрович такое страшное сказал про радиацию? — Светочка потеревила Игоря за рукав, стараясь перекричать шум двигателя.

— Ерунда! Сейчас. Загружу в «навигатор» остров, про который он вчера говорил, что красивый. Как его? На X...— Игорь водил пальцем по плоскому экрану, периодически поглядывая вперед, чтобы «вписаться» в причудливые изгибы шхеры.

— Ты что, не записал? — Светочка округлила глаза.

— Блин, Света, ты думаешь тут на «X» много островов? А, вот вроде он! Хап... Хапасаари, он, что ли? Похоже он. Непроизносимое название. Игорь нажал «выбрать» и захлопнул крышечку панели управления.— Все, едем!!! Ура!!! Путешествие началось! Держись!

На выходе из длинной извилистой шхеры Игорь так круто заложил катер в правый поворот, что Светочка плюхнулась ему на колени. Они весело засмеялись, и Игорь сделал музыку еще громче.

* * *

Зрелище свободной Ладоги было настолько прекрасным и величественным, что какое то время ехали молча, наслаждаясь открывшимся видом. По местным меркам, был штиль. Даже без ветра, легкая волна всегда присутствует на озере. Вода на горизонте сливалась с небом — все было такое безграничное, прозрачное, и в то же время насыщенное некой удивительно сильной энергией этого, без сомнения, живого организма, по имени Ладога! Дух захватывало!

— Да, недаром заграничные яхтсмены называют наше озеро — «Ладога си», что означает «море». Кстати, входит в семерку самых опасных мест для мореплавания наряду с мысом Горн,— блеснул эрудицией после недавно прочитанной брошюры Игорь.

Светочка восхищенно посмотрела на спутника.

Через пару часов «навигатор» привел их к месту назначения. Игорь в задумчивости почесал затылок, но постарался не показать вида, что ошибся.

Огромный «остров-камень» был размером с футбольное поле. Они назвали его — «Чаечный остров». Он возвышался из воды примерно на метр-полтора с гладкими спусками к воде. Было такое ощущение, что камни здесь когда-то расплавились, а потом засохли, как лава — оттого такие мягкие, теплые формы. На нем жил целый «чаечный детский сад». Только яйца и вылупившиеся пушистые птенцы. Парочке пушистиков Светочка даже помогла вылезти из уже разбитых ими изнутри яиц. Родители-чайки постоянно группами кружили над островком, принося пропитание.

Вокруг, куда хватало взгляда, не было совершенно никого. Светочка нежно обняла Игоря сзади за плечи, ласково взъерошила волосы на его затылке. Теплый ветерок подул с озера, и ему захотелось замурлыкать на весь остров, как довольному коту. Он повернулся к ней. Бирюзовое Светочкино парео, ямочки на ее щеках, серый камень, писк взъерошенных птенцов — все смешалось, как в калейдоскопе. Какое-то время они провели в уютной расщелине на краю островка. Чистый пористый камень был таким приятным, что хотелось еще полежать в этой природной люльке. «Наверное, хорошо тут ночью из тепленькой ямки смотреть на звезды»,— подумала Светочка, томно потягиваясь. Игорь не уснул, повернувшись к ней спиной, как он это всегда делает, но уже давно занимался своими делами у катера. Он прервал ее размышления.

— Свет, надо собираться. Здесь нет дров. И камни слишком гладкие внизу. Катер может унести, если волна поднимется. Якорь просто так на дне лежит — не за что зацепить. Интересно, как такое тут образовалось? Как будто камень в жидком виде в воду вылили и он застыл!

— Ну, может, после взрыва? Петрович вчера про какой-то взрыв еще рассказывал,— напомнила Светочка.

— Да мало ли о чем он там рассказывал,— пожегся Игорь, вспоминая все байки Петровича за вчерашний вечер.— Я в инете ничего такого не читал. Врет он! — отрезал Игорь.

Светочка нехотя вылезла из уютной ямки и спустилась к воде на противоположной стороне островка.

Там, в маленьком заливе, была организована целая «школа плавания». Несколько взрослых чаек, учили плавать колонию весьма уже увесистых, подросших птенцов.

Это было так трогательно, что Светочка сбегала за фотоаппаратом и начала крутиться возле них. Неожиданно, боковым зрением она увидела, как вдалеке что-то быстро поднимается из воды. Это было похоже на шланг или трубу. Светочка присела. Солнце ослепило ее. Она зажмурилась.

— И-игорь!!! — истошно закричала она.

— Что случилось? — подбежавший на крик Игорь тряс ее за руку.

— Там! Там! — Светочка показывала куда-то в сторону открытой Ладоги.

— Да что там? — Игорь всматривался в горизонт. Там ничего не было.

— Там было что-то большое. Высовывалось из воды! — простонала испуганная Светочка. Она уже ругала себя за то, что не сделала фото. Всего лишь надо было нажать кнопку, ведь камера была у нее в руках. Но она так испугалась!

— Блин, ну это же озеро! В нем живут рыбы там всякие, нерпы ладожские! Они — большие! Хватит истерить! Вся рыба сдохнет! Надо собираться, тут дров нет. Поехали! Рыбы хоть половим, если она еще жива, после твоего крика!

— А ты сейчас ловить будешь? — удивилась Светочка.

— Ты совсем что ли? Солнце высоко! Какая сейчас рыба? На зорьке вот вечерней и начнем,— Игорь плюнул с камня в воду, изображая из себя заядлого рыболова.

— Ну что, едем искать пристанище себе. Очень кушать хочется! Сейчас, заложим новый ориентир! — Игорь поднялся с нагретого солнцем камня и пошел к катеру. Светочка побрела сзади.

— Да что это такое! — Игорь колотил кулаком по экрану навигатора. Изображения не было.— Нет, ну это немыслимо! Новый, фирменный навигатор! Ну, вот куда теперь ехать?

— А бумажной карты у тебя нету? — Удивилась Светочка.

— Нету! И подозрной трубы, с рупором тоже! — зло ответил Игорь.— Может, ты и за штурвал встанешь, вместо меня?

— Да ладно, ладно. Тебе виднее, что делать. Ты — капитан.— Светочка попыталась сгладить ситуацию.— Ты же направление запомнил? Нам же все равно, какой из островов. Какой понравится — там и остановимся.

— Ну, конечно, я запомнил направление! — В голосе Игоря звучала уверенность. Но на самом деле ее не было.— Свет, дай-ка свой телефон, а то мой в машине остался, чтобы не доставали звонками. Проверю кое-что.

— Сейчас,— Светочка начала копаться в пластиковом кармашке, рядом с креслом.— Где же он? Я точно помню, что туда его положила! — она растеряно оглядывала катерок.

Игорь пошарил глазами вокруг: «Света! Вот ты, растяпа! Вон же он, около носа, на коврике валяется! Да еще и развалился на две части!»

— Наверное, выпал из кармана,— виновато забормотала Светочка, хотя точно помнила, что не брала его из катера,— И почему на две части? Их должно быть три! Еще батарея!

Батареи нигде не было. Игорь еще минут двадцать выразительно ругал бестолковую растеряху — Светочку, одновременно медленно лавируя между камнями. Светочка сидела на носу катера, виновато втянув голову в плечи, и разглядывала бамбуковый коврик под ногами.

Если бы она на миг подняла голову и посмотрела за спину Игоря, она, возможно, могла бы заметить лодочку, бесшумно отчалившую от «Чаечного острова». Лодочка быстро удалялась и вскоре совсем пропала из виду.

Глава 7. Новая встреча

Катер быстро передвигался по озеру. Пару островов уже встречались им на пути, но все что-то было не так. На одном — слишком отвесные берега, на другом — маловато дров. Несколько напрягало то, что на всем пути они не встретили не одной лодки. Но может, это и к лучшему. Пусть будет настоящее, дикое путешествие. И наконец, их взору открылся небольшой островок, по краю которого была широкая полоса пляжа с каким-то редким для этих мест совершенно белым песочком.

— Вау! — радостно запрыгала Светочка — Туда, туда!!! Баунти!!!

Островок был прекрасен! Странно, что на нем практически незаметно было обычных следов пребывания туристов. Неужели его до них никто не нашел? Необитаемый остров! Вот здорово!

Светочка втянула носом густой воздух. В нем появилась какая-то духота, как пе-

ред грозой, хотя небо оставалось чистым. Кроме того — что-то показалось ей знакомым...

В воздухе стоял тот же чуть сладковатый запах, что она ощущала и возле дома Петровича. Он не был неприятным, даже наоборот. Может, какие-то местные растения? И что-то еще настораживало ее, но что?

Она еще раз внимательно осмотрелась по сторонам — прекрасный остров, деревья, белый песок. Что же не так? Светочка на секунду замерла — насекомые! Ни одного насекомого, которых обычно копошится и летает вокруг сотни, больших и маленьких! В песке, в траве, на тропинках — муравьишки, жучки, букашки, комары — здесь не было никого!

Даже на совершенно голом «Чаечном острове» их донимали слепни и мелкая северная мошка. Их не было только в ямке-укрытии. А здесь она даже ни разу не достала из сумочки репелленты!

Неожиданно раздался протяжный гул. Потом хлопок, как будто железной дверью.

— Что это? — испугалась Светочка.

— Ну, мало ли, может, судно где-то проходит, — отмахнулся Игорь, или в катере нашем что-то хлопнуло — пойду, посмотрю.

— В катере, вообще то, все пластиковое, а это был железный звук! — не унималась Светочка.

— Слышь, хорошо! Железный звук! Надо же такое придумать. Почему — железный? Вот женщины — нафантазируют себе! Хватит саму себя пугать! Сейчас пойду и посмотрю, может, упало что. — Игорь направился к катеру. Через минуту он вернулся. Там все было нормально.

Светочка посмотрела на землю. Ни муравьев, ни букашек, ни птиц. Из всех звуков — только шум воды и этот пугающий гул. Странное место. Через минуту гул повторился — на этот раз он был громче.

— Да что же это такое то? — уже Игорь нервно вскочил с шезлонга. — Все! Хватит сидеть — пошли по острову побродим. Может там, в прошлом веке корабль затонул. ЖЕЛЕЗНЫЙ. — Он выразительно посмотрел на Светочку. — И в нем воеет ветер. Надо увидеть и успокоится, а то будем тут сидеть и думать. Пошли!

* * *

Они шли напрямую через лес, чтобы сократить путь и убедиться в наличии большого железного корабля. Ему, как самому логичному источнику странного гула, каждый из них был бы очень рад.

«Какой же я все-таки дурак! Надо было на катере обойти остров со всех сторон и проверить все! Вот, ходи теперь тут, спотыкайся», — подумал Игорь. Он ударил ногой ближайшую сосну и вдруг резко остановился, уставившись вниз.

— Это еще что?

— Где? — Светочка подошла к Игорю и посмотрела в сторону его взгляда. Сосна, на которую глядел Игорь, была частично обуглена, прямо возле корней.

— Екарный бабай!.. — на манер деда Петровича вскрикнул Игорь и начал растерянно осматриваться.

Все деревья в этой чаще были обуглены у корня! Все!

— Что это? — Безупречная и обычно спокойная Светочка вдруг превратилась в совсем маленькую, испуганную девочку, которой явно нужна защита. Она показывала красивым маникюренным пальчиком прямо себе под ноги.

— Это... я думаю, — Игорь почесал затылок. — Я думаю, во время грозы молния попала!

— Что сразу во все? — Голос Светочки стал визгливым.

— Н-не знаю... Может, что-то сюда притянуло ее. Может, какой-то слой железа внизу под островом... руда там... или что-то в этом роде.— Игорь пожал плечами.

Между деревьев появился просвет — другая сторона острова была совсем рядом.

— Давай уже дойдем до берега, и посмотрим что там? Руда, железо или корабль! — Игорь вдруг решительно пошел вперед, таща за собой спотыкающуюся Светочку.

Вид, открывшийся с противоположной стороны острова, их не обрадовал. Более того — беспокойство усилилось.

Никакого железного корабля там не было. Небольшая, очень черная туча двигалась в их направлении. Похоже, собиралась сильная гроза.

— Боже ж мой! Давай скорее к катеру — надо уезжать отсюда! — Игорь потащил Светочку обратно, вглубь чащи. Они побежали, задыхаясь, не то от приближающейся грозы, не то от внезапно охватившего их страха.

Стволы деревьев замелькали перед глазами. Пробежав несколько десятков метров вглубь острова, совсем рядом с ними, откуда-то слева и сзади, со стороны воды, снова раздался протяжный гул, похожий на стон. На этот раз он был такой громкий, что они невольно обернулись. В просвете деревьев стоял человек среднего роста. На нем было накинуто что-то напоминающее плащ-палатку.

Светочка вскрикнула от неожиданности. Человек резко обернулся. Из-под капюшона показалось багровое лицо, разрисованное синими бороздами вен. Огромные, неестественно светлые на фоне лица глаза казались пустыми и жуткими. Было такое ощущение, что с человека живьем сняли кожу.

Все трое стояли и молча смотрели друг на друга. Светочка задрожала так, что у Игоря замелькало в глазах.

Внезапно тишину нарушил звук мотора. Человек с багровым лицом вздрогнул, резко надвинул на лицо капюшон и как-то неестественно быстро и бесшумно заскользил между деревьями вглубь острова, прямо в ту сторону, где стоял их катер.

— Я боюсь,— тихо сказала Светочка, едва шевеля побелевшими губами.

— Может, тебе станет легче, но я тоже немного боюсь! — Игорь постарался улыбнуться, при этом сильно сжав ее плечо.

— Нет! Не станет! — неожиданно закапризничала Светочка.— Ты мужчина, в конце концов, или кто? Приди в себя и придумай, что нам делать! Пожалуйста! — Она умоляюще посмотрела на него полными слез глазами.

Ему вдруг захотелось, чтобы за спиной выросли крылья, как у супермена. Тогда они смогли бы улететь из этого страшного места хотя бы в домик Петровича. Но крылья не выросли. Шум мотора был уже совсем близко.

— Давай спрячемся там, на берегу, за камнем и посмотрим, кто это едет. К катеру все равно пока не пробраться.— Игорь потянул Светочку за руку, она безвольно поплелась за ним. Ее лицо напоминало застывшую маску.

Их путь лежал мимо того места, где еще недавно стоял этот страшный человек с багровым лицом, в капюшоне. Духота усиливалась. Пройдя несколько десятков метров, они увидели небольшой холмик с заросшим мхом, деревянным крестом. Светочка ухнула, как филин и схватилась руками за сердце.

— Тьфу ты, только могил нам тут не хватало! Света, не бойся! Это старая могила, наверное, военных лет. Света! Ну что ты остановилась то?— Игорь повернулся к Светочке.

На могиле, лежал большой букет свежих, полевых цветов.

— Ну, цветы, и чего? Петрович, вчера говорил что-то, про праздник наступающий церковный. Троица, вроде, называется. Наверное, накануне принято на кладби-

ще к родственникам ходить. Значит, и этот в капюшоне — обычный человек. Родственников чтит. А это значит — нет от него никакой опасности. Пошли быстрее, — от этих мыслей Игорю и самому стало легче.

— А почему тогда он от нас убежал? — не унималась Светочка.

— Боже мой, ну просто не ожидал тут на необитаемом острове тебя, красивую такую увидеть. Наверное, подумал, что ладожская нерпа превратилась в русалку. Давай ходу, пока нас с воды не видно. Успеем еще спрятаться.

* * *

К острову уверенным курсом шла большая резиновая лодка с мотором. На ней сидело три человека в гражданском камуфляже. Игорь видел похожую форму у «черных копателей» на Невском пятачке. Натуральные «лесные братья». На головах — одинаковые «банданы». На лицах — специальные черные маски от ветра.

Один из «братьев» спрыгнул с лодки на камень, чтобы пришвартовать лодку. Когда он повернулся, Игорь четко увидел перекинутую за спину винтовку. Глаза Светочки округлились от ужаса. Игорь приложил палец к ее губам: «Тсс. Не шуми только».

Двое других тем временем выгрузили со дна лодки четвертого человека. Его руки были связаны за спиной.

Человек в камуфляже нагнулся над ним. В его руке блеснуло лезвие большого ножа. Игорь подумал, что сейчас произойдет непоправимое. У Светочки вдруг громко застучали зубы. Игорь сильно зажал ладонью ее рот. По дыханию было件нятно, что она близка к истерике.

Тем временем тот тип в камуфляже поднял нож и быстро перерезал веревку, которой были связаны руки пленника.

— Пусть думают, что сам подох. Если найдут, конечно. Поделом тебе, крыса! — Он сплюнул на камень и брезгливо пнул съездившегося от ужаса человека: «Жить тебе осталось, от силы, минут сорок», — он обернулся в сторону тучи, которая была уже совсем рядом, и уже грозно нависала, прямо над островком. Она напоминала иссиня-черный ядерный гриб. На затихшие листья уже падали редкие, крупные капли.

— Вроде, скоро начнется, — Подняв глаза к небу, продолжил «лесной брат». — Гроза-то, похоже, знатная будет! Хороший из тебя шашлык выйдет! — Он усмехнулся. — Можешь, кстати, попробовать, в воду сигануть. Вода возле острова — градусов восемь, хоть и лето. Местные говорили — подземные ключи тут. Может, и проплывешь метров сто, если повезет! Или привидение покричи — вдруг услышит! — Он громко захохотал, и повернулся к спутникам: «Погнали, парни, пока сами «под раздачу» не попали!» — Запрыгнув с камня в лодку, он по пути ловко отцепил импровизированный якорь. Мотор взревел, и они, подняв при развороте мощную волну, двинулись прочь от острова. Человек на берегу обреченно закрыл голову руками.

— Света, ты слышала, что сказал этот, с лодки? — Игорь затряс холодную руку Светочки. Его ладонь была потной, и очень горячей.

— Бежим скорее отсюда! Еще успеем отплыть! Тут опасно! — Он с силой потянул Светочку к катеру.

— Т... ты что, хочешь этого человека б... бросить здесь одного? — Светочка смотрела на него изумленными глазами. Ее зубы все еще стучали.

— Мы же его совсем не знаем! Ты видела с кем он приехал? У них свои разборки! Не думаю, что надо вмешиваться! — обдав ухо Светочки своим горячим дыханием, зло прошептал Игорь.

— Да, т... ты что, Игорек. С ума сошел? Это же человек! Надо его сейчас увезти отсюда, и посадить где-нибудь на ближайшем берегу! Я же не говорю, что надо его домой к себе везти и вникать в их отношения! Если не возьмешь его, и меня тогда

брось тут! Я все равно не смогу нормально спать потом, зная, что кто-то умер из-за меня! К тому же с ним не так страшно к катеру идти! — Голос Светочки стал твердым, в глазах появился незнакомый блеск.

Игорь на минуту задумался. С одной стороны он прекрасно понимал, что человек этот наверняка один из тех, что были в моторке. И то, что его бросили тут одного, в такой момент, значит, что он сделал что-то такое, что поразило даже этих «отморозков». Надо было оставить все, как есть, и сделать вид, что они его вообще не видели. Но они его видели. И это была проблема. А сможет ли он сам, Игорь, потом спать спокойно, зная о том, что он не только бросил тут этого «чувака», но еще и при Светочке. И больше того, она просила его спасти парня.

— А, черт с вами,— в сердцах, прошипел Игорь — Смотри только, не пожалей потом! Он решительно вылез из укрытия, и побежал по берегу — по направлению к пленнику.

* * *

Первые раскаты грома застали их уже в Ладогe. Катер во весь опор мчался прочь от зловещего острова. Порывы ветра стали такими резкими, что с каждой встречной волны внутрь судна сбивало «шапку» почти в ее половину. Все вокруг потемнело. Воздух, вода и туча слились в общем ужасающем реве. Молнии освещали небо целыми гроздьями. Большинство их било точно по островку. Даже с расстояния, сквозь гул ветра и грохот, было слышно, как трещат на нем деревья. Игорь вел катер, стараясь не пропустить сбоку коварные ладожские волны, налетающие со всех сторон, нарушая все прочитанные им в брошюрах законы течения шторма. Казалось, что катер варится в огромном кипящем чане. Так продлилось почти час. Катер подбрасывало так сильно и часто, что Игорь был даже рад, что ему не хватило денег на ту модель, что была с жесткой крышей — иначе они бы уже поразбивали себе головы. Светочка и Андрей лежали на ковре, между кресел, впившись руками в их основания. Их постоянно окатывало водой, но Андрей, так звали спасенного человека, сказал, что так безопаснее.

На вид ему было около тридцати. Высокого роста, с отросшими, выгоревшими почти добела волосами. Светло-серые глаза ярко выделялись, на загорелом лице.

Не в пример медлительному, по сто раз все перепроверяющему Игорю Андрей ловко отшвартовал катер от берега и мастерски убрал якорь. Затем так громко и четко скомандовал Игорю куда лучше рулить, чтобы ни за что не зацепиться, что спустя пару минут, они были уже далеко от опасного берега. Светочка оценила и его ловкость, и его жилистую, спортивную фигуру. Она невольно сравнила его широкую, крепкую спину с раздобревшим на офисных перекусах мяконьким торсом Игоря.

Андрей поймал ее взгляд и подмигнул. Светочка покраснела и еще крепче схватилась за ножку от кресла, за которую Андрей приказал ей держаться.

Сам он лежал тут же, через проход. Она чувствовала рядом его сильное, теплое дыхание.

* * *

Прошло еще минут сорок. Гроза еще шумела, но силы ее были уже на исходе. Волнение на озере сохранялось. Правда, волны уже не окатывали катер своими мокрыми гребнями и стали более упорядоченными.

Андрей помог Светочке подняться с пола и сесть в кресло. Теперь можно было и перекинуться парой слов.

— Хороший катер! Дорогой? — Андрей пытался перекричать шум двигателя, с интересом оглядывая красивую кожаную обшивку салона.— И аппаратура какая! Даже телевизор есть! — Глаза его заблестели.— Сколько стоит?

— Это навигатор! Катер не очень дорогой. Двадцать тысяч Евро, в кредит купил! — прокричал в ответ Игорь. Андрей удивленно поднял брови. В глазах его загорелся неподдельный интерес.

— Но модель удачная,— продолжил Игорь — Типа «кабриолет».— Игорь был рад, что есть с кем обсудить покупку.

— И с какой скоростью идет?

— Сорок пять узлов — запросто!

— Ух, ты! — Андрей присвистнул. Он уже начинал нравиться Игорю.

— А как вы с навигатором-то сюда умудрились заплывать? Здесь же раньше закрытая зона была! Да и сейчас рыбачки местные не рискуют сюда заплывать. Вы эти, как его? Экстремалы, что ли? — усмехнулся Андрей.

— Как, «зона»? — растерялся Игорь.— Мы же наоборот! На остров, этот, на Х... шли. Там вид еще красивый сверху открывается. Не помню названия. Х... Хонка... что-то там.

— На Хонкасало что ли? — Андрей гулко засмеялся — Так это в другой стороне! А это район Хейнясенмаа — самая опасная точка Ладоги, не читали что ли? Э-эх, ботаники! Тут вон только охотники за трофеями промышляют, да жертвы экспериментов по лесам бегают. Шутка! — Он опять неприятно осклабился.

— А вы кто? Охотник или жертва? — подала голос Светочка. Она все еще крепко держалась обеими руками за кресло.

— Света! — Игорь неодобрительно покачал головой.

— Я-то? Ну, скорее, охотник. Был. Вообще-то я, можно сказать, местный, хоть и уехал с родителями еще в детстве в Питкяранту. Бабка у меня тут живет, неподалеку. Работы Питкяранте нет. Бабка моя тут в лесу, подрядилась всякие травки сушить да продавать — но дохода никакого. А тут, на озере, такие штуки можно найти, что кое-кто целые состояния за это отваливает! — ухмыльнулся Андрей.

— Золото? — спросила Светочка.

— И это тоже. Но это так, если портсигар какой-нибудь шишки немецкой найдешь. Их тут много было понаехавши. Сверхоружие какое-то испытывали, вроде. На островах северных много лабораторий было. А «охотники» сейчас не на зверей охотятся, а редкие сплавы тут ищут. Говорят, нигде больше нет этого. Вроде как метеорит тут, в войну еще, взорвался — вот и от него в Ладоге кое-что осталось.

— Метеорит? Я недавно по телеку передачу про Ладогу смотрел. Про метеорит там ничего не говорили,— удивился Игорь.

— Смотри больше зомби-ящик свой! Так тебе все там и расскажут! Тут чего только нет, в Ладоге то! О, как! Тут даже свое привидение есть! — Андрей поднял вверх указательный палец с черным по краю ногтем.

Светочку передернуло от отвращения. Весь его замечательный мускулистый торс сразу перестал существовать, перечеркнутый в голове Светочки этой маленькой грязной полоской.

— Да, ладно? — изумился Игорь.— Вообще тут действительно много странного. Мы вот у одного старика в избушке, даже гламурную плитку цвета «розовый металл» видели. И еще брусок такой же. Невесомый прямо. А на вид — металлический. О как! А вроде — захолустье.

— Розовый металл? Вы оба видели? Где именно? — Андрей даже приподнялся с кресла.

— Да есть места.— Игорь на миг обернулся и многозначительно подмигнул Светочке, мол, «и у нас есть чем крыть».— А привидение-то настоящее?

— А то! Мужик на бесшумной лодке, в капюшоне. Быстро идет — не догнать! Эх, лодочку бы его заполучить,— в голосе Андрея послышалась сожаление.

Светочка вспомнила того человека на острове, у могилы. Этот Андрей уже не очень нравился ей! Даже захотелось чем-то «уколоть» его. Вскоре она сильно пожалела об этом.

— А за что они вас так? Ну, на острове? Это же могло все плохо закончиться? — спросила она ехидно. Игорь, не отрываясь от управления, вытянул назад ногу и больно наступил ей на носок мокасины.

— Хватит тебе спрашивать! Отстань от человека! Тоже мне, Пинкертон доморощенный!

— Да, дикие люди! — потянулся в кресле Андрей.— Решили, что я находку «зачнул». А это — моя вещь. Наследство, можно сказать. Дед преставился в прошлом году — я в его вещах нашел штуковину одну. Надел — решил покрасоваться. А они, братки-то, не поняли. А я всегда чувствовал, что дед мой что-то не договаривает. Уж больно он не похож был на всех, кто вокруг живет. Блондинистый такой — прям инопланетянин. Говорят, я в него. И бабушку мою, дюже любил. Прямо на руках носил и в рот смотрел. Особенно, когда она ему пела. Тьфу! — Андрей брезгливо поморщился.

— Ну, зачем вы так про бабушку? Может, у них и правда чувства были? — удивилась Светочка.

— Ох, детка! Если бы ты мою бабушку на ночь увидела — утром не проснулась бы! Сущий урод! Ноги кривые, глаза одного нет, горб во всю спину! Прямо дьявол! Говорят, в молодости еще страшнее была. В такое страшилище мог влюбиться только душевнобольной. А дед, когда напивался, все по-немецки бормотал. А как протрезвет — ничего не помнил. И про себя ничего не помнил. Может, он летчиком был, и у него парашют не раскрылся, и он так о землю долбанулся, что разум потерял, вместе с памятью.

— А как его звали? — спросил Игорь, лавируя между волнами.

— Андреем, как меня. У нас всех Андреем звали. И меня, и отца, и деда. Бабка, прямо костями ложилась за это имя. Может, поверье какое...

— Ну, имя-то можно и поменять.— Игорь уже мог не кричать. Ветер поменялся — стало не так шумно.— В советское время немцев-то не любили, сам пойми. Время такое было, нелегкое. У меня, у одного знакомого прадед французом оказался. Фамилия — Тверье. Так его деду, когда родителей арестовали, нянька, фамилию свою дала — Хренов. Ох уж и помучились с ней и он, и все его потомство! А недавно, их по инету родственники из Франции нашли. О, как бывает! Друг уже новый паспорт получил с красивой фамилией. Гордый ходит. Может, твоего деда тоже как-нибудь, Хансом звали, или Зигфридом!

Андрей громко захохотал, откинув голову назад.

— А точно! Недаром мне все немецкое нравится! Вона, смотрите, какая штука! — Андрей расшнуровал ботинок, снял с левой ноги носок. На одном из пальцев был надет большой, серебряный перстень с двумя сдвоенными молниями на черном фоне.

— Блин, ногу натерла, проклятая железка! — Он вытер перстень о штанину и гордо надел на палец.— Красиво?

— Ничего,— Оценила Светочка, поморщившись от ударившего в нос, резкого запаха.— Интересная история. За это, Вас на молниевый остров высадили?

— Да не... там другое,— потянулся Андрей.— Решили, что я им спутниковый телефон и рации сломал. Там из них половина деталей пропала.

— А это не так? — Светочка, раздраженно выдернула ногу из-под тяжелой кроссовки Игоря.

— Конечно, нет! Детка,— хитро растянул потрескавшиеся губы Андрей и похотливо посмотрел на Светочку,— если тебе интересно, я тебе потом отдельно, все подробно расскажу.

Она опустила глаза и машинально застегнула доверху молнию на куртке.

— Покажи-ка! — попросил Игорь, не оборачиваясь.

Андрей, опершись о спинку Светочкиного кресла, протянул руку вперед, чтобы Игорь смог получше разглядеть кольцо.

— Ничего себе! Я такое в интернете видел! У меня одноклассник на Невском пятакче в земле роется. Всем нам мозги «загрузил» — невозможно общаться стало. Как немного «примет» — одна тема — Война Отечественная. Наивный. Думает, что если ржавые каски раскопать и перезахоронить кому-то легче станет. Там у них и родственники давно умерли, наверное. Сейчас и бабушек-то не все помнят, как звали, а тут — древность такая! — Игорь пожал плечами.

Он никогда не понимал — на фига, все это ворошить? Да еще, за бесплатно. Он никогда бы не стал участвовать в опасном рискованном мероприятии, не приносящим прибыли.

— Так вот, они там, по ходу, и немецкие знаки изучают — чтобы не перепутать. Кстати, и в Германию потом оповещения высылают. Дескать, нашли вашего родственничка — заберите! Тоже мне — патриоты! И нашим — и вашим, получается. Так вот — я этот знак — сдвоенная молния, хорошо запомнил — больно красивый! «Научное общество «Аненербе». В переводе «Наследие предков». Какая-то элитная часть у немцев! Такие, вроде, у низших чинов были. У высших — другие. Хочешь, потом «мыло» друга дам — спишешься, поспрашаешь — люди знающие!

— Ну, спасибо, братишка! Прямо обрадовал! — Андрей звонко хлопнул по плечу Игоря.

— Да, чего уж там, «ю велком», как говорится.— Игорь переключил скорость. Катер послушно «загудел» густым басом.

Глава 8. Серая Таппи

— Ба-а-тя! — Матюшке пришлось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до высокого подоконника.— Батя! Тебя там, в протоке, какая-то тетка кличет!

— Кто? — Петр Иванович отрезал пеньковую веревку, которой починал разорванную сеть. Гости в этих местах были крайне редки. Тем более «тетки», да еще и со стороны протоки.

Таппи Халлонен, или «Серая Таппи», как ее тут называли, сидела, сгорбившись, прямо посередине старой, кое-где заросшей мхом, небольшой лодочки и выпускала клубы едко-зеленого дыма из своей трубки.

«Часов пять плыть на этом корыте против течения от ее шхеры — не меньше. Видать что-то важное привело ее сюда»,— заволновался Петр Иванович.

Ее появление вовсе не обрадовало его.

Серую Таппи он знал с детства. У их семейства была не очень хорошая репутация.

Мать Серой Таппи — Серая Луха, была потомственной ворожеей. Серыми их прозвали из-за цвета камня. Возле их дома еще во времена прабабок вырос небольшой Серый Сейд. Говорят, не очень сильный. Или, может, Луха не использовала его в полную мощь. Она помогала местным женщинам удерживать мужей в семьях, заговаривала от пьянства да варила снадобья от бесплодия. Говорят, мужчины после ее зелья и заговоров до самой смерти с женами жили душа в душу, а на других — и не смотрели даже. Сама Луха обладала грубоватой внешностью и говорила неприятным гулким басом. Женщины, хоть немного и робели перед ней, но за долгие годы при-

выкли. К тому же заговоры и снадобья действовали исправно. Ворожея была в душе женщиной беззлобной и по-своему тянулась к людям.

Вот и Таппи она отвезла на лето в начальную школу, в поселок, чтобы вместе с другими детьми ее там научили грамоте и счету. Ее нисколько не смутило то, что школа церковно-приходская, и уроки там ведет приезжий батюшка — отец Андрей, недавно назначенный в приход. Он был высоким и статным, совсем еще молодым человеком. У него были добрые голубые глаза и русая, жиденькая по молодости, борода.

Кто был отцом Таппи, и как Серой Лухе удалось заманить его в свою землянку, никто не знал. В церкви они не венчались. Люди поговаривали, что, видать, за этот грех Таппи и родилась убогой. Хотя во времена предков никто не венчался в церкви. Все поклонялись камням и деревьям — а дети рождались нормальные. У восьмилетней Таппи было грубоватое материнское лицо и очень кривая спина. Вся ее фигура напоминала штопор. Петр видел такой в масляной лавке, в поселке. Тоненькие тугие косички торчали в разные стороны. К тому же, она жутко заикалась, чем вызывала насмешки у детей.

Отец Андрей и его молодая жена — матушка Екатерина, с первого дня взяли ее под свою опеку. Они относились к ней так, как будто она была их дочкой, которая приехала погостить на лето. Остальные дети завидовали уродливой Таппи. Строго-настрога было всем запрещено даже в шутку насмехаться и обижать девочку. Тех, кто все же пытался запустить в нее втихаря «бомбочкой» из жеваного воска или больно плюнуть из лопуховой трубочки рябиной — ругали и оставляли без хлеба в обед. Они получали лишь пустую похлебку из репы.

Матушка Екатерина занималась с ней пением — у Таппи оказался, не в пример матери, ангельский, тоненький голосок. Отец Андрей по вечерам, когда все уже готовилось ко сну, лечил от ее заикания. Он сделал ей специальный амулет — еловую шишку на пеньковой веревочке. Она носила его на шее, и когда слова застревали во рту и язык не слушался, совала шишку в рот и проговаривала сложное слово по нескольку раз.

К концу лета Таппи уже практически не заикалась. Она собирала в лесу ягоды и травы и делала очень вкусный чай, которым угощала всех детей. В ее чае чудился давно забытый вкус сахара. В глазах маленькой Таппи стали появляться веселые искорки, иногда она бедокурила, как все ребята в ее возрасте. У нее оказались очень белые, ровные зубки. Петр Иванович вспомнил, что когда она смеялась, она даже казалась ему симпатичной.

Как-то раз Матушка Екатерина не пришла, чтобы провести занятия по церковному песнопению.

На вопросы обеспокоенных учеников отец Андрей, улыбаясь, ответил, что матушка занемогла. Но немочь эта — приятная. Скоро у них родится ребеночек.

Все радостно заулыбались и принялись за занятия. Но не Таппи. Она вдруг резко побледнела и выбежала из класса. Несколько дней ее не было. Отец Андрей, с детьми обошли все окрестные рощи в ее поисках. Потом она появилась — осунувшаяся, с ободранными коленками. Отец Андрей хотел было поругать ее, но матушка настояла на прощении и пригласила на ужин. Несмотря на то, что Таппи не ела несколько дней, она отказалась. Странно сверкнув глазами, она сказала, что придет в другой раз.

Казалось все успокоилось, Таппи, как и прежде, ходила в школу. Только ни на свои занятия к отцу Андрею, ни на чай к матушке она больше не заглядывала.

Спустя две недели краснощекая и статная матушка Екатерина внезапно умерла, в страшных муках.

Перед смертью она успела шепнуть мужу, что маленькая Таппи Халлонен принесла ей травяной чай по рецепту своей бабушки. Чай был какой-то специальный, для беременных. После него ей и стало плохо.

В тот момент, когда несчастная матушка уже хрипела в агонии, в дверь вбежала взволнованная, раскрасневшаяся Таппи. Голова ее была взлохмачена, в растрепанных косичках застряли еловые иголки. В левой ручке она держала железную кружку, из которой шел пар.

— Вот! Это для матушки! — выдохнула она с порога.

Обезумевший от горя Отец Андрей, забыв про сан, схватил ее за шкуру и со страшными криками начал трясти из стороны в сторону, как нашкодившего щенка. Кружка выпала из рук девочки, горячая жидкость разлилась по полу, распространяя по комнате резкий запах. Таппи, захлебываясь от слез, вырвалась и выбежала во двор. Отец Андрей пришел от этого в совершенную ярость. Он схватил первое, что попало под руку — палку с наконечником, что служила для отбивания льняных снопов, и стал беспорядочно колотить ей съезжившуюся от ужаса в углу двора Таппи. Она закрывала голову руками и тоненько визжала, пытаясь увернуться.

Последний, страшный удар, который успел нанести отец Андрей, прежде чем вбежавшие на двор с улицы, люди схватили его за руки, пришелся в левую часть головы. Безвольно повисшие, окровавленные ручки уже не закрывали лицо, и тяжелый наконечник попал, прямо по залитому слезами, левому глазу Таппи.

* * *

Отца Андрея, после похорон жены, лишили сана и увезли в Питкяранту, в местное отделение полиции. А Таппи, всю заматанную бинтами от пояса до макушки, из поселкового лазарета забрала домой мать.

Рыдая от обиды и боли в своей землянке, кусая опухшие губы во время мучительных перевязок, Таппи никак не могла понять: «почему все случилось именно так? Чем она прогневила Бога, которому научил ее молиться отец Андрей. Может быть, она слишком тихо читала заученную молитву перед обедом и на ночь? Или он обиделся, что она иногда заикалась, в самой важной ее части?»

Вина ее доказана не была. Врач сказал, что Матушка Екатерина не была отравлена. Не было ни пены изо рта, ни рвоты. Она просто вдруг вся опухла и перестала дышать. Никакой связи со злосчастным чаем, что раньше принесла Таппи, не обнаружили. Он был тщательно проверен и не содержал ничего опасного — лишь отвар крапивы и лесной мед. Но люди подумали иначе — и злобу на их семейство затаили. После той истории они почти не выходили в люди. Да и к ним теперь опасались лишний раз соваться. Жили мать и дочь уединенно, у себя в шхере. Иногда промышляли рыбалкой. А несколько лет назад Серая Луха умерла, и Таппи осталась совсем одна. Нелюдимая. Презираемая.

Глава 9. Обмен

Тем более странно было Петру Ивановичу увидеть ее здесь, у себя, понимая, какой длинный путь ей пришлось для этого проделать.

Сколько же ей сейчас лет? Наверное, около сорока, как и ему. Да, глядя на нее, и не скажешь...

Петр Иванович, сложил руки «рупором» и прокричал: «Чего тебе надо, Халлонен? Плыви сюда!»

Серая Таппи, положив дымящуюся трубку на колени, сделала из рук такой же «рупор» и крикнула ему в ответ: «Есть разговор! Плыви ты сюда! Я — не могу!»

«Неужели работает? — заволновался Петр Иванович.— Не может быть! Хотя... что-то ведь ей мешает подплыть к берегу?»

Он наспех спустил лодку на воду и начал грести на середину протоки.

Таппи сидела вся в клубах зеленого дыма. Петр Иванович закашлялся.

— Кхе-кхе! Ну и яд ты куришь! Чего тебе?

— Яд, не яд, а силы придает. Сюда доплыла, да и на обратный путь хватит,— усмехнулась Таппи, похлопав рукой по висящему на поясе плетеному кисету.— А привело меня к тебе то, что есть у тебя кое-что для моего интереса,— она хитро сощурила единственный глаз.

— И что же это? — сделал удивленное лицо Петр Иванович.

— Не надо меня злить! — Она еще раз затянулась, выпустив очередную порцию яда прямо в лицо собеседника.— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Мужчина. С белыми волосами. Он у тебя.

— Допустим,— отмахнулся от вездесущего дыма Петр Иванович.— Зачем он тебе? Он практически не живой.

— Это уже мое дело! — Серая Таппи стряхнула пепел.— К тому же не даром. Я умею быть благодарной. У тебя, милоч, тоже есть что-то, о чем никто не знает. Никто. Кроме той, кому пар над кипящим котлом может показать все, что она попросит. Я знаю, что нужно сделать, чтобы мальчишка поправился.

— И что же?

— Отдашь то, что я прошу?

— Черт с тобой, отдам. И хватит дымить, а то у меня от кашля уже уши болят, боюсь прослушать.

— Ладно, ладно! Нежный какой! А еще мужик! — закокетничала Серая Таппи и достала из складок одежды пыльный зеленый флакон.— Вот. Будешь натошак давать. Быстро поднимется. И женке своей скажи — не надо ему совать мясные отвари! И яйца нельзя! Грибы только да ягоды! А то загубите ребенка!

Петр Иванович кивнул и оттолкнулся веслом от лодки Таппи. Он был рад, что так все складывалось. Возиться с незванным гостем ему совсем не хотелось, но и не помочь израненному человеку он тоже не мог. Пусть Таппи теперь с ним сама разбирается, раз ей так хочется.

* * *

Таппи бережно уложила почти бездыханное тело, на мягкие ветки, подсунув под голову валик из сена. Мать не ошиблась. Удача, наконец, улыбнулась ей.

Она тоже помнила тот страшный день. Добрая матушка Екатерина лежала на кровати. Лицо ее опухло до неузнаваемости. Перед глазами вновь возник отец Андрей, размахивающий у нее над головой тяжелой палкой, с грузилом на конце. До сих пор это иногда снилось ей. Она откинула с высокого, гладкого лба мужчины спутанную светлую челку. Его волосы были мягкими. Он что-то бормотал в бреду. Какое-то имя. Таппи напрягла слух: — Гр... ехен? Гретхен? Теперь это было уже не важно. Важно, что у нее все получилось. Его увечья для нее были плевым делом. Через месяц он будет на ногах. Таппи устало прикрыла глаза. Теперь можно расслабиться — на обратном пути ей поможет течение. Воспоминания вновь перенесли ее душу в далекое детство.

Когда мать привезла ее домой на трясухой тележке, запряженной парочкой старых оленей, Таппи долго не могла оправиться от всего, что с ней было. Мать, как могла, успокаивала ее: «Не плачь, доченька! Ты же не могла знать, что она не переносит мед!».

— Нет! Я поняла потом! Но отец Андрей не пустил меня! Я бы смогла ей помочь! Я приготовила отвар из яснотки с ромашкой, как ты учила! Он бы помог! Ну почему он не пустил меня? — вновь зарыдала в голос Таппи.

— Видать, он ВЕРУ свою еще не до конца постиг, не все добро впитал,— вздохнула Серая Луха, накрывая ноги дочери лоскутным одеяльцем.

— Нет, мама. Он добрый был, добрый! Он любил меня, как родную! И матушка тоже! И я пела ей! И песни мои сработали — у нее ребеночек завелся! — всхлипывала Таппи.

— Без своих испытаний-то, легко добрым быть. На расстоянии. А как колесо судьбы самого придавит — там и становится понятно, настоящая у тебя вера или нет.— Серая Луха раскурила длинную, тонкую трубку с изогнутым краем.— Помнишь, такая красивая дама, в бричке по весне из города приезжала? На суженного погадать. Еще спрашивала, если есть что лишнее для голодающих?

— Угу,— отозвалась с лежанки Таппи,— Помню. Она еще нас поругала, что мы «черствые» и ничего не дали. Мама! Так у нас у самих-то, ведь ничегошеньки и не было!

— Так вот,— глубоко затянувшись, уже медленнее продолжила Серая Луха,— поговаривают, что мать ее, пару лет назад слегла.— Луха выпустила кольцо густого зеленого дыма. В землянке сильно запахло горелой хвоей. — Так она ее в богадельню, в Питкяранте сдала, чтобы та ей не мешала на собрания ходить, где она рассказывала, как голодающим помогать.

— Ой, грех-то какой! Как же можно родного человека на чужие руки бросить? — Таппи даже приподнялась на локте. Ей показалось, что боль, наконец, отпустила голову.

— Вот то-то и оно! Так что не переживай, доча! Значит путь у него такой, у отца Андрея. Испытание ему дается. А у тебя путь свой. И жених у тебя будет самый лучший — светлоглазый, высокий, в красивой одежде! И без глаза полюбит, не сомневайся. Он этого даже не заметит. Ты только верь, доченька! А я уж помогу чем смогу! — Луха кинула в дымящийся на очаге котел еще щепотку пахучей травы и обернулась, чтобы посмотреть на дочь. Маленькая Таппи уже сладко спала, положив под замотанную бинтами головку пухлый кулачок.

Глава 10. Наследие предков

Катерок рассекал V-образным носом, короткие, серые волны.

— А мой дед ребенком в этих местах в лагере был вместе с матерью. Мать погибла от голода, а его и еще несколько детей отсюда на нашу территорию удалось переправить. Только вот непонятно как. В архивы писали с отцом. Нет информации, ни как они отсюда выехали во время оккупации, ни в каком лагере он был. Номера у него почему-то не было на руке, которые обычно узникам ставили. Может, маленьким и не ставили? Он как-то смутно помнит. Ребенок все же. Получили ответ на запрос: «Как Мосин Игорь Абрамович 1937 года рождения оказался в Осиновце и где был до этого — неизвестно».

— Как, говоришь, твоего деда имя-отчество? — напряженно переспросил Андрей.

— Игорь Абрамович Мосин,— не оборачиваясь, ответил Игорь.— Меня в его честь Игорем назвали.

Лицо Андрея вдруг исказилось болезненной гримасой. Как будто у него внезапно прихватило сразу все зубы.

С пульта управления послышалось монотонное пиликанье.

— А это чего за «пикалка» включилась? — Андрей показал пальцем на панель управления, стараясь сделать нормальное лицо.

— Бензин в баке заканчивается! Но, это не страшно. У меня есть запасной. Надо только переключить шланги. Поможешь, Андрюха? Там задний диван надо поднимать — одному не справиться! — Игорь, наконец, обернулся к ним.

— Да, нет проблем, братишка! А рулить, кто будет? Останавливаться опасно — перевернет! И пристать нельзя — о скалы разобьет. Ладога шутить не любит.— Андрей с готовностью поднялся с кресла и подтянул штаны.

— Да Света порулит. Света, возьми штурвал! Я «самый малый» поставлю. Держи на волну аккуратненько, как я учил.— Игорь переключил ручку газа наверх.

— О, круто, братишка! Надо же! Бабу научил! — прищелкнул языком от удивления Андрей и закатил рукава штормовки. На его руках до самых локтей были татуировки со свастиками.

«Вот еще не хватало! Родственничек нашелся!» — злобно подумала Светочка, кладя руки на теплую кожу штурвала. Ее уже очень сильно раздражал Андрей, и она с нетерпением ждала, когда можно будет от него избавиться.

— Может, сначала Андрея на берег высадим, и там поменяешь, чтобы не на ходу? — Светочка уже была не рада, что так яростно заступалась за этого типа на острове.

— Эй, уважаемые, вы чего? — Андрей оперся на стекло рубки.— Места тут дикие. В этих шхерах никого нет на много километров, кроме зверей. И приставать тут к берегу я бы не стал. Даже такие «отморозки», как мои приятели — те, которых вы видели, никогда сюда не заходят. Так что давай, Игореха! Переключай свой бак, и валим отсюда.

— Света, да что с тобой? Разве можно так? Чего ты привязалась то к человеку? Давай, Андрюха, поднимаем.— Игорь начал отстегивать кнопки на заднем диване. Он опять стоял спиной к ним, на самом краю кормы.

— Осталивиста, детка! — произнес Андрей, проходя мимо Светочки, и противно облизал губы.

Дурное предчувствие охватило Светочку. Игорь с помощью Андрея быстро переключил шланги и уже закрывал крышку дивана, стоя на самом краю кормы, когда Андрей быстро отошел от него и принял какую-то странную позу.

— Игорь, берегись! — закричала она, но было уже поздно.

Андрей резко подался вперед и с размаху ударил Игоря по голове кулаком. Затем сильным ударом ногой в спину столкнул его в воду. Игорь, обмякнув, грузно полетел за борт и сразу исчез из вида. Катер быстро входил в поворот шхеры.

Андрей повернулся к Светочке. Зловещая улыбка вновь обнажила золотые зубы.

— Что... что ты сделал? Зачем? За что? — в глазах Светочки застыл ужас.

— Да вот не понравился он мне! Я вообще, если хочешь знать, таких, как он, не перевариваю! На генетическом уровне! — зло закричал Андрей, но быстро справившись с яростью, вдруг заговорил более спокойно.

— Ну а теперь, детка, раз очкарик покинул нас — мы поедем с тобой к добрым дядям на один островок. За такую цыпочку, меня не только примут обратно, но еще и деньжат отвалят. А потом ты нам расскажешь, а еще лучше покажешь, где ты видела розовый металл, о котором он тут щебетал. К тому же, я теперь ценный кадр! У меня катер! — Он противно захохотал и направился к Светочке.

— Да вы что!? — Светочка попятилась спиной в сторону рубки и уперлась в штурвал. Ее рука инстинктивно пыталась найти возле него хоть что-нибудь, чем можно защититься.— Нас же найдут! Вас поймают! Такой катер — он один тут! Ж-желтый! — простонала она, еле справляясь со словами. У нее снова предательски громко застучали зубы. Андрей тоже услышал этот стук и ухмыльнулся. Ему явно нравилось ее пугать.

— Ты права, детка. Доедем до места и там его затопим! Даже если когда и найдут ваше корыто, то подумают, что опять двух «ботаников» поглотила коварная Ладога! Тут это обычное дело! А найдут не скоро, тут никого нет! Только я, ты и дяди на острове! Ну, иди ко мне, крошка. Покажи мне первому свой красивый загар! — Андрей скинул с плеч штормовку и начал надвигаться на Светочку, широко расставив руки. На его груди кроме множества других татуировок был изображен орел и большая свастика под ним.

Светочка, дрожа от ужаса, обреченно смотрела сквозь него. Бежать было некуда. Она все еще шарила руками за спиной в надежде найти хоть что-нибудь.

Вдруг совсем рядом повторился уже знакомый гул. На этот раз он был очень громким и вдруг перешел в оглушающий свист.

Андрей все еще надвигался на нее. За его спиной, поднимая столб брызг, из воды показалась огромная голова на толстой чешуйчатой шее. «Что это? Лох-Несское чудовище?» — промелькнуло в ее голове. Светочке стало так страшно, что она даже не смогла закричать. Она только открыла рот и что-то захрипела. Во рту пересохло.

«Давай, давай, бойся меня! Мне это нравится!» — Андрей несколько раз щелкнул зубами, изображая хищника.

Внезапно, почувствовав брызги сзади — он обернулся. Светочка, наконец, нащупала что-то за спиной и схватилась за предмет, пытаясь вытащить его. Это оказался рычаг газа. Катер взревел, резко задрал вверх нос. Андрей, потеряв равновесие, полетел за борт.

«Так тебе и надо, говнюк!» — промелькнуло в голове у Светочки.

Чудовище ловко поймало его на лету огромным шершавым ртом и скрылось под водой, окатив волной Светочку и катер. Он все еще шел кверху носом, потому что Светочка от шока так и не добавила скорости для глиссера.

Светочка убрала газ и в изнеможении плюхнулась на развернувшееся назад кресло. Пару раз фыркнув, двигатель захлебнулся и заглох. Катер начало раскачивать из стороны в сторону. Нащупав в кармане куртки успокоительные пастилки, купленные в аптеке на всякий случай, она сходу высыпала в рот штук пять. Пастилки были сладкими. Светочка быстро разжевала их и стала ждать. В памяти стали медленно прокручиваться фильмы про морских чудовищ, пожирающих людей. «Он такой большой! Одного Андрея ему будет мало. Сейчас он вернется за мной. Надо в последний раз посмотреть на закат», — подумала она.

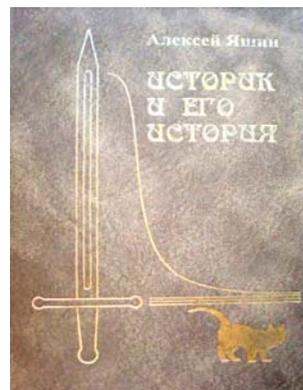
Окончание следует

Алексей Яшин
(г. Тула)

ГЛОБАЛИССИМО!

Сон в летнюю ночь после просмотра
телепрограммы Euronews*

◆ На рассвете четвертого дня, как это пишется в романах, небо на западе прояснилось, а на востоке сквозь округлившиеся тучи выглянуло красное, как мужик наутро после перепоя, усталое солнце. Море сникло, волны спали, пароход медленно потащило по атлантическому течению. К концу дня они увидели землю. После десятка выстрелов из ракетницы боцмана из видневшегося порта навстречу им выбежали патрульный катер и буксир. Виктор Ильич в это время находился, как ему было и положено, в баре и только тогда узнал о счастливом избавлении, когда почувствовал толчок борта судна о пристань. Он вышел, прихватив из каюты задремавшую после трехдневной бессонницы Леночку, и узнал, что попали они в страну Пивных Людей или, как они себя пышно называли, — Пеннорадостная Страна Восходящего Хмеля.

Как только потрепанный бурей пароходик отдал швартовы, измученные пассажиры бросились к сходному трапу, но не тут-то было. Поднявшиеся на борт чиновники в мундирах пивного цвета и пробковых шлемах в форме перевернутых кружек построили их в одну шеренгу и настоятельно порекомендовали немедля изучить гимн государства на языке оригинала; вот он:

*«Эхли юртлары-туймазы бедюген,
Иш-шла! Ит-утла, фебрюген.
Рецедур талмарды эх-ушлат,
Триас боре униз вэ зегерплатт...»*

И так далее. Позднее Виктор Ильич узнал перевод слов гимна на европейский:

*«Есть в океане остров единенный,
И никогда не ступит враг презренный
В священные пределы той земли,
Где счастье деды наши обрели.*

Припев:

*Здесь найден идеал свободы,
Нигде так не живут народы,
Как в пивопенистой стране,
Где люди вольны, как нигде.*

*Мы любим нашу землю
Во хмелю и в ячмене,
И бдительность не дремлет,
А истина-то в пиве, не в вине!*

* Главы из романа «Историк и его История»; полный текст см. на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

*Бесконечны просторы ячменного поля.
В твое счастье, свобода и воля,
Дисциплина у всех на уме,
Не спасись врагам и на Луне»*

Прекрасный гимн и, как позднее же убедился Виктор Ильич, вполне соответствует положению дел в Государстве Восходящего Хмеля.

◆ После того, как пассажиры достаточно слаженно пропели гимн, их шеренгу командой в рупор развернули в колонну по одному и свели по сходням на пристань, погрузили в крытые брезентом машины и везли, как котов в мешке, часа три; потом только выяснилось — в центр островного государства.

По прибытии куда надо, их выгрузили на окраине города прямо у входа в отель и развели по номерам. Поскольку Виктор Ильич представил Леночку портъе в качестве супруги, то их отвели вместе в маленький номерок, что покорило по привычке к роскоши души. Однако делать было нечего. Приказав носильщику свалить в свободный угол парижское шумтье, закусив взятыми в дорогу (на судне было не до этого: Леночку рвало, а Виктор Ильич насыщал организм винными калориями) паштетом, копченым лососем и телятиной в вакуумной упаковке, запив холодный обед «Клико», усталые и измученные бурей (и баром), они по-детски заснули на отдельных монастырских кроватках, от телесного утомления даже не помышляя о греховном. Однако по усвоенной в городе Париже милой привычке Леночка машинально проглотила пилюлю, после чего разделась и, помолясь Непорочной Деве, тотчас заснула.

Виктору Ильичу всю ночь снилось продолжение начатого на пароходе коктейль-пари с боцманом. Он ворочался на непривычно жесткой и узкой кровати, во сне трансформировавшейся в неудобный узкий стульчик корабельного бара. Леночке тоже снилось невеселое, как будто таможня Государства Восходящего Хмеля конфисковала у них все парижские обнобы.

Уже к утру раздосадованный Виктор Ильич догадался расстелить на полу, между кроватями, пушистый ковер — настоящую смирну из парижских гостинцев. На него же стащил с кровати сонную спутницу жизни и путешествий, закрылся тремя норковыми манто и только после этого им обним и наяву, и в дреме стали сниться обычные прекраснотушные сны людей с отягощенными карманами и ничем не обремененной совестью.

Надо заметить, что за дни парижской жизни Виктор Ильич посолиднел телом, исчезла некая, от детских лет привязавшаяся костлявая инфантильность, а Леночка — та и вовсе пышно, но пропорционально округлила свои формы. Но это — все парижские отзвуки; сейчас же это к стране Пивных людей отношения не имеет.

◆ Утро брезжит. Оставим часа на два досыпать и миловаться наших любовников-путешественников, а пока вкратце расскажем историю Государства Восходящего Хмеля, благо не то что история, но само существование его доселе не было замечено цивилизованным миром. Равно, как и нецивилизованным.

Происхождение Государства Восходящего Хмеля, или на языке этой страны — Карримардак, как это ни удивительно, но... космическое. Дедовская их цивилизация существовала и пышно цвела на одной из планет в системе звезды — белого карлика 6-го класса в созвездии Ориона. Цивилизация прошла за десятки тысячелетий путь от неграмотных людоедов до покорителей околопланетного пространства. Жить бы им и радоваться в этом околоорионском пространстве, да идеология (как всегда и везде) подвела. Случилось, что обычные войны из-за жратвы и земельных угодий, урановых

рудников и нефтеносных пустынь понемногу переросли в идеологические битвы, как известно, самые туманные по целям, надуманные, самые жестокие, человеконенавистнические и смертоносные. Но, увы! Не в силах людей было противостоять за сотни лет до этого открытому закону необходимости противоположности для успешного развития цивилизации, хотя бы эта самая противоположность и была столь же надуманной, как и идеология. Ибо когда все сыты, то реальных противоположностей уже нет, приходится во имя исполнения общемирового закона их изобретать.

В конце концов, получилось так, что все государства планеты распределились по двум блокам, идеологии которых были искусственно объявлены противоборствующими. Поскольку к тому времени были накоплены огромные запасы военного снаряжения, то эти блоки автоматически превратились в военные лагеря. Развернулись кампании по обострению отношений, забряцали оружием обе стороны; одна готовилась выступить под лозунгом идеи о всеобщей грамотности (хотя даже человекообразные обезьяны на этой планете умели читать правительственные газеты); вторая же сторона — под девизом свободы покроя одежды, хотя и за сто лет до этого никому не возбранялось ходить хоть голым. Заметим, что и на нашей планете в давние времена случались подобные противостояния, где, например, противоборствовали идеи цветов роз, а один английский писатель-юморист обобщил все эти случаи в историю идеологии о зачистке вареных яиц...

Однако слова повлекли за собою и дела. Вся экономика перестроилась на выпуск военного снаряжения: строились новые ракетноносцы, ядерные базы, форсировано разрабатывались все новые образцы сверхнового и сверхточного оружия. Для поднятия боевого духа нации примерами из истории, воинские части, корабли, типы ракет назывались именами мифологических героев, полководцев древности и прошлых веков, королей и замечательных личностей всех времен, но — своих народов. Вся планета жила под страхом не сегодняшнего, так завтрашнего уничтожения; мир повис на волоске.

А между тем в обоих блоках было немало людей, глубоко плюющих на свободу покроя одежды и всеобщую грамотность. Эти люди по утрам собирались у пивных ларьков, киосков, палаток, бочек цистерн, в приличных — с официантами и подачей закусок — барах, в буфетах общедоступных столовых. Они пили ячменный напиток кружку за кружкой, говорили со всевозрастающим увлечением о достоинствах различных сортов пива, о женщинах, евреях (понятно, что евреи имеются на всех обитаемых планетах Вселенной), поили пивом бродячих собак, цыганят (цыгане — также неотъемлемый атрибут гоминизированной жизни на любых планетах) и собственных детей, которых навязывали им жены на прогулку, ручных ужей, кошек. Также радушно угощали народным напитком бесфамильных бродяг и дебелих баб-алкоголичек. И плевать им было на всю высокую политику и идеологию, лишь бы пиво водой не разбавляли, цены на него не повышали, споласкивали кружки и не задерживали с подвозом к точкам общепита. Единственно, в чем они твердо стояли на патриотических, даже националистических позициях — это на признании полного превосходства отечественного пива над любым импортным иностранным. Так они жили, разобщенные территориально и государственно, но единые во мнении, духе и речах. Это были глубоко спокойные и мирные люди.

◆ До поры, до времени их нехитрые и непритязательные потребности исполнялись; пиво, хотя и не строго по расписанию, но завозили; таранку и сушеных лещей можно было купить у перекупщиков на базарах; кружки мыть воды хватало. А тут как прорвало, и несчастья из черного рога изобилия посыпались на бедных любителей пива. Когда со стапелей одна за другой стали соскакивать атомные подлодки во-

доизмещением 20000 тонн с именами мифологических героев и богов, то в обоих лагерях были спешно проведены реформы, большие и малые, но задевающие покой пивных пивцов. Перестали мыть кружки, объявив воду национальным резервом на случай тотальной войны. Базары ликвидировали,— пропали таранка и лещи; над пивными очередями с утра до ночи с ревом летали на бредущем сверхзвуковые истребители, заглушая голоса беседующих и сдувая пену из кружек вместе с изрядной толикой пива.

Чем дальше, тем становилось хуже; людей стали брать прямо из пивных очередей, затаскивать на организованные митинги протеста против агрессивной политики другого блока, отправлять на двухмесячные военные сборы и пр. и пр. неприятности чинить. Грянул и последний удар грома: буфетчиц забрали судомойками в офицерские столовые, а распределение пива среди активистов и ударников-стахановцев (на той планете, естественно, были и свои Стахановы, кузнец Бусыгин и сестры Виноградовы) оборонной работы передали в ведение комитетов по стимулированию трудового энтузиазма. Все пошло прахом.

А тем временем на флангах противостоящих лагерей вспыхивали то и дело предупредительные конфликты между марионеточными республиками и княжествами; было ясно, что со дня на день посыпятся бомбы и на наших, и на ваших...

Вот тогда-то измученные, выбитые из колеи обыденной жизни любители пива, не сговариваясь, каждая в своей стране, обратились к правительствам с пацифистскими увещеваниями. Понятно, что шло это вразрез с приготовлениями, на которых наживались многомиллиардные состояния и на которые были уже потрачены доходы планеты за двадцать последних лет. Соответственно такому *status quo*, в каждом государстве быстренько, в рабочем порядке, как говорится, были проведены кампании народного возмущения отщепенцами и алкоголиками. По требованию организованного народа отщепенцы были высланы за пределы планеты на морально устаревших и списанных космических кораблях.

Всего было выслано шесть тысяч восемьсот тридцать один недовольный; за многими (но не за всеми!) последовали их жены с детьми, итого было изгоев обоего пола 12302 человека. Международная Организация Всеобщего Мира, исходя из гуманных соображений, милостливо указала им на планету, где, по их данным, наблюдались схожие биологические условия жизни. Этой планетой оказалась Земля.

После восьми лет странствий отщепенцы достигли пределов этой небольшой голубой (в физическом, конечно, толковании этого слова) планеты и высадились на изолированном водными от материковой суши большом острове. Сразу же, хорошо помня о благах всеобщей цивилизации, отгородились от аборигенов планеты, повесив над островом и примыкающей двухсотмильной зоной океана оптически- и электромагнитно-непроницаемый занавес. Так началась для них жизнь на новом месте, а для землян, на радость писателям-фантастам, появились загадки Атлантиды и Бермудского треугольника.

◆...Они затем отгородились наглухо, чтобы жить мирно и покойно, никого не задевая, и чтобы их самих оставили в покое от хлопотных дел и свершений молодой цивилизации, как-то: войны, чума, демагогия о мире и общечеловеческих ценностях. Все же до конца отгородиться от внешнего мира им не удалось, ведь занавес-то их не препятствовал «механическому» проникновению в зону острова людей с небольших судов, унесенных бурями и потерявших управление и ориентацию. Отсюда и смутные догадки о существовавшем ранее материке посредине Атлантики.

Однако самолеты, суда с навигационным оборудованием, даже атомные подводные лодки облетали и обходили зону острова стороной: завеса воздействовала соот-

ветствующим образом на компасы, радары и другое сложное оборудование. Не было никакой античной Атлантиды, но была, есть и будет страна пивных людей Карримардак, успешно прошедшая исторический путь — увы обычный! — от секты до сектантского государства тоталитарного, как сейчас говорят, типа.

Поначалу новоселы вели жизнь, подобную существовавшей на заре цивилизации в свободных греческих полисах: селились, где хотели, и занимались, чем желали. Первым же делом была составлена подробная географическая карта острова, на которую наложили геодезическую сетку с шагом 300 метров, а в узлах этой сетки с привязкой к местности были устроены пивные ларьки, киоски, павильоны, бары,— смотря по тому, в какое планируемое по генплану застройки муниципальное образование попадал конкретный узел геодезической сетки. Поля были обработаны вахтовым методом (это как у нас из НИИ и КБ в колхоз посылали) и засеяны лучшими сортами привезенных с собой ячменя и хмеля. Должности буфетчиц были строго выборными и подконтрольными сессиям народных окружных форумов. Учреждена была и государственная религия с культом Священной Матери Буфетчицы. Недолив пива после отстоя карался каторжными работами, а при рецидиве — смертной казнью утоплением в барде. В прибрежных водах ловилась в изобилии крупная тарань с икрой — дары Атлантики, из которой на номерных госрыбзаводах выделявали первосортные копчущики и бесподобную воблу. В заводах островных рек культивировали породу особо клешнястых раков. Постепенно поселенцы раскушали и не знаемые на их родной планете дары земного океана: крабов, омаров, лангустов, креветок. Народ пил из поколения в поколение прекрасного качества карримардакское пиво, плодился и, не зная о Мичурине, следовал его заветам и покорял некогда чуждую им природу второй родины.

История? — Читай и смейся, читай и плачь! Все повторяется в ней: героическое и трагифарс. Так и наш Карримардак; его жители-нонконформисты думали, улетая на чужую планету, обрести высокую свободу и душевный покой, а сами невольны, как будто кто их подталкивал, как по нотам разыграли обычную комедию цивилизации. Впрочем, достаточно рассказов по истории Карримардака; далее идет уже современность, каковой ее увидели наши герои, случайно занесенные хрестоматийной бурей через прохуdivшийся участок защитного покрова государства, которым отгородились от нового, чуждого им мира осторожные и наученные (но отнюдь не переученные!) горьким опытом пивные люди.

◆ После перенесенных тягот бури и неопределенности, скученности корабельного быта они проспали, как дети, не шелохнувшись, до позднего утра. И спали бы до полудня. Но были грубо разбужены громкой духовой музыкой под самыми окнами. Это государственный военный оркестр № 31 имени Имбирного Пива исполнял торжественную литанию «Пейте пиво спозаранку!»

Не успели Виктор Ильич и Леночка закончить утренний туалет, как в дверь вежливо стукнули. На Леночкино: «Да, да, войдите» — в проеме раскрывшейся двери объявился пришедший с визитом чиновник в пивной униформе. Поздравив с прибытием в Государство Восходящего Хмеля и извинившись за раннее вторжение,— служба, *pardon!* — попросил ответить на шестьдесят четыре вопроса анкеты. Присев на стульчик, чиновник застрочил вопросы-ответы на синих бланках опросных листов.

Виктор Ильич и Леночка, сначала недоумевая, порой смущаясь, попривыкнув, даже веселясь, отвечали вежливому чиновнику на всевозможные вопросы: фамилия, имя, отчество, рождение-происхождение, титул, оспопрививание, знание языков, имя троюродной бабки, степень половой близости и состоят ли в законном браке... но более половины вопросов относились к специфике государства Карримардак: какое

пиво предпочитаете — светлое, темное, портер, легкое, имбирное, горькое, с кардамоном, холодное, теплое, пенное, ячменное, кукурузное, просяное, рисовое; регулярно ли исповедуетесь у священнослужителей Матери Буфетчицы? Как предпочитаете обычно пить пиво: стоя у бочки, стоя под навесом за высоким столиком, сидя на стуле или кресле, в баре, лежа дома на диване? Из чего пить предпочитаете: из бутылки (из горла то есть), из кружки или стакана, нет ли преступной склонности доливать в пиво крепкий самогон, соблюдаете ли двойное золотое правило пивных людей: «вино на пиво — это диво, пиво на вино — г...!»? Пьете пиво утром, днем до полудня, после полудня, вечером, ночью встаете? Чем предпочитаете закусывать: устрицами, раками, креветками, кальмарами в собственном соку, копчеными угрями, миногами, солеными сигадами, сушеным снетком, таранкой, вяленым лещом, семгой, осетровым балыком, пирожками с осетровой же вязигой, бутербродами с красной икрой, соленой кумжей, отварной зубаткой, селедкой или сардинами пряного посола, килькой балтийской, шпротами, соленым сыром, рокфором, пресным сыром, овечьим или козьим сыром, зеленым армянским «сыром-лапшой», швейцарским, плавлеными сырками с тмином, мягкими молочными, крилевыми, запеченными окорочками, обмазаннными креветочным маслом, маслинами, вялеными фигами, сырокопченными окороками или колбасой, колбасой языковой, салями, сервелатом, докторской, ветчиной, корейкой, вареной грудинкой, бужениной, бутербродами с рыбной пастой, солеными фисташками и арахисом, салатом из морской капусты, сушеными акульями плавниками, зеленым горошком, бубликами, баранками, солеными сушками, сушками тминными, сухариками, гренками с маслом, зеленью, запеченной луковичей, мясом с чесночной подливкой, вяленым крабовым мясом, вареными свинными хвостиками, яйцами под майонезом, просто яйцом, начиненным кусочками маринованной сельди, сардельками, сосисками с кислой капустой, заливными куропатками, фаршированной щукой, форшмаком по-еврейски, тортю по-швейцарски, пашотом, паштетом печеночным, селедочным, мясным, шпротным, солеными яблоками или сливами, шашлыком, рыбной запеканкой, солеными галетами, копченым салом помалороссийски, салом крутосоленным, беконом прибалтийским, варено-копченой пуляжкой, колбасными обрезками, ассорти из копченостей, поросенком с гречневой кашей и хреном, просто хреном, картофелем фри, хрустящим картофелем, солеными хлебными палочками, томатным соком, помидорами, пирожками с печенкой, рыбой ассорти, мясом тушеным, требухой, вареным холодным выменем, треской вяленой, филе из голубей, сушеными рыбьими головами и пр. и пр.

Под конец опроса у Виктора Ильича затрещал от жары высохший язык,— спасти его мог только стакан пива. Леночка едва не упала в обморок, услышав, сколько закусок к пиву существует, ибо в родном своем городе *T.* она пиво не пила; в той местности женщины вообще не пили пиво (кроме редких алкоголичек и опустившихся гулящих девок и баб) и старались огибать, обходить пивные ларьки, около которых томились в многочасовых очередях грубые, злые пьяные мужчины, непрерывно матерящиеся, курящие вонючую «Приму» и «Памир», порой дерущиеся из-за порядка в очереди, бьющие друг друга по головам трехлитровыми стеклянными банками,— но что удивительно — головы были как чугунные: банка — в брызги, а голова — хоть бы что!

Также часто наблюдала она, проходя мимо: дождавшись своей очереди, пивной мужик брал три литра в банку, если только он не расколот ее о голову соседа, и еще семь невымытых кружек в пене — и пил до отупения, сидя прямо на голой земле, доливая в кружку водку или самогон, а то и просто запивая яблочным вином «червивкой». А если они и закусывали пиво, то только куском расползшейся от жары соленой скумбрии или бутербродом с мокрой «докторской» колбасой, крутыми яйцами и — великое счастье — обглоданным хвостом таранки, презентованным соседом по оче-

реди (если, конечно, они друг друга банками по голове не лупили), только приехавшим из служебной командировки в Астрахань.

А тут такое изобилие? Было от чего закружиться голове...

◆ Проставив заключительные «да-нет» в последней (Леночкиной) анкете, совершенно удовлетворенный чиновник раскланялся и вышел, разминувшись на пороге со следующим красавцем в пивном мундире. Тот сходу сообщил Леночке замысловатый комплимент, одобрил вкус Виктора Ильича, преподнесшего чиновнику манильскую сигару, и легко перешел к изложению сути своего визита. Дело в том-де, что народ Карримардака един и сплочен; это находит свое отражение в искусстве, литературе, танцах... Короче, чтобы уважаемые гости были готовы по выходу из отеля естественно вписаться в радостный мир пивной страны, они должны изучить вместе с ним популярнейшие карримардакские песни и танцы. Это очень понравилось Леночке — обладательнице легкого и приятного контральто. Виктор Ильич также снисходительно отдался обучению азам местной масс-культуры: в чужой монастырь со своим уставом не ходят!

Заручившись добровольным согласием, ласковый массовик-затейник вынул из кармана мундира губную гармошку и заиграл очень искусно мелодии, предварительно выложив перед кораблекрушенцами листы пергаментной бумаги с текстами народных песен на карримардакском языке, но пропечатанные в транскрипции латинскими буквицами.

Песни имели бодрые и веселые ритмы, явно подстроенные под хоровое исполнение, — вершину коллективного искусства, — как пояснил чиновник-затейник. Все они начинались энергичными возгласами: «Хэ тарглы! Эш-ла-бирлеги! Мап-аг-ры турманды!» и пр. Как перевел на европейский чиновник заинтересовавшегося Виктору Ильичу, — это обычные лозунги бодрых песен Пивного государства: «Эх, ухнем! Все грянем! Все вместе споем!» и пр.

После того, как они уже втроем (чиновник заменил гармошечку на магнитофонную «фанеру») довольно слаженно пропели песенный минимум, затейный чиновник показал *in vivo* основные па национальных танцевальных движений карримардакских хороводов и через полчаса покинул их, совершенно очаровав любезностью и слегка утомив кипучей энергией; на прощанье подарил им песенник и большой альбом «Ритуальные танцы Карримардака».

Далее чиновники пошли непрерывной чередой: был идеолог, довольно-таки настойчиво внушавший, что карримардакское пиво — самое свободное в продаже и распространении, самое демократичное, дешевое и лучшее в мире.

— Попрошу вас твердо это запомнить! — почти пригрозил он на прощанье.

Был чиновник из отдела политического устройства Пивного государства; он пояснил основы конституционного строя Карримардака, построенного на принципах равенства граждан перед производством, распределением и потреблением пива. Далее их посетил священник государственной религии-культы Священной Матери Буфетчицы, сходу попробовавший окрестить своих клиентов в походном пивном чане. Однако Виктор Ильич боялся простуды, а Леночка испугалась, конечно, не того, что придется раздеваться перед незнакомым мужчиной, но пивного запаха кожи, который ни задушишь никакими парижскими духами... Поэтому слегка разочарованный служитель культа ограничился тем, что оставил в номере пивную Библию — свод историй о возникновении культа Матери Буфетчицы и ее трех мучениях: искуплении недолива, греха разбавления водой водопроводной и страстей гневной очереди.

Посетили нашу парочку и интеллектуалы: историк, географ, юрист, поэт и другие. Особенно запомнился визит сексопатолога — живы и свежи в памяти дни и ночи Парижа! Человек веселой профессии объяснил основные принципы интимной жизни

трудящихся Пивной страны. Брак обязателен по достижению двадцатилетнего возраста и обязан быть счастливым. Последнее достигалось равноправием обоих полов перед потреблением пива. Половые сношения производятся по пятницам, в конце трудовой недели, с 23.20 до 00.15 следующих суток. Перед сношением оба супруга выпивают по литру портера. Внебрачная (и добрачная!) половая жизнь приравнивается к государственной измене и наказывается кастрацией мужчин и стерилизацией женщин. Впрочем, по желанию клиентов, эти мягкие меры могли быть заменены более суровыми: запрещением пить пиво. Редко кто шел на это.

◆ Много еще чего интересного рассказал сексологический чиновник-врач, но его заменил последний гость; в отличие от предыдущих, был он одет не в пивной мундир, а в партикулярное платье: кремовый плащ, шляпу, на носу имел дымчатые очки. Одно плечо гостя висело ниже другого — явно от постоянного ношения под мышкой пистолета, как догадался после окончания беседы Виктор Ильич. Это был сотрудник карримардакских органов... ну, тех самых, не половых конечно же. Он даже напугал путешественников, объясняя сурово-ласковым отеческим голосом, как следует себя вести в карримардакском государстве: чтить пиво, хвалить его, елико возможно, одобрять его непревзойденные качества, не высказывать пренебрежения к закускам, не предпочитать импортное пиво и закуску, чтить культ Священной Матери Буфетчицы, не нарушать порядка в пивных очередях и пр. Всего 87 пунктов предупреждения. В заключение гость в штатском взял с Виктора Ильича и Леночки расписку в ознакомлении с чем положено и в том, что после (нежелательного) выезда из Карримардака они в течение 25 лет не должны пить некарримардакское пиво, то есть, исходя из реалий, вообще его не пить. Подразумевалось и пожизненное молчание о существовании Пивного государства.

— Мы живем в отъединении от земной цивилизации, но наши люди есть везде и руки у нас *длинные*, — со смыслом произнес, отбирая расписки, штатский гость.

После ухода тревожного гостя других посетителей не наблюдалось, благо уже наступила ночь. День от зари до темноты прошел в содержательных беседах. На ужин принесли манную кашу. Виктор Ильич приказал выбросить ее в унитаз, взамен же попросил — к своей, из города Парижа, закуске — знаменитого карримардакского пива. Заспанный слуга испуганно кинул и ушел без ответа, пожелав доброй ночи.

Ничего не понимающие путешественники поужинали из своих запасов и, следуя наставлениям последнего визитера, помолясь на ночь Матери Буфетчице, легли поживать. Хотя была явно не пятница, и литра портера они не выпили, тем не менее... Ну, Бог с ними. И мы поспим в узких девичьих постельках, а наутро встанем свежие, безгрешные и бодрые вместе с нашими героями.

◆ Забрестило ласковое, пивное, карримардакское утро — утро социального оптимизма; так их приветствовал первый ранний гость, разумеется, одетый в пивной мундир. Был он прислан министерством пивных дел для инструктажа туристов поневоле в части питья пенного напитка, то есть, как себя вести в священной пивной церемонии.

Гостиничный слуга вкатил столик со множеством бутылок, кружек и даже маленьким бочонком с краником. Макетирование церемонии велось, как оказалось, не натуральным пивом, а подкрашенной водой. Даже не сладкой. Когда нужно было вызвать пену (при изучении теории отстоя), то чиновник бросал в кружку щепотью соды и выливал из принесенной бутылочки несколько капель уксусной эссенции; вода начинала бурно пузыриться, делаясь подобием пенного напитка. Вот в кратком переложении суть рассказов, экспериментов и демонстраций раннего гостя, которую путешественникам следовало заучить и повторить с наглядными пособиями:

— Когда появляется желание выпить пива, либо человека побуждает к этому акту то или иное, обязательное к исполнению указание, равно как и в любом другом случае, клиент звонит в министерство пивных дел (телефон +ПИВО 222 407 — в столице и ++ПИВО 5 302 003 — в провинции), сообщает свой личный пивной номер, заменяющий в Карримардаке удостоверение личности или паспорт, свое местонахождение и желание выпить столько-то пива в каррималитрах (1 *к-литр* равен 0,737 нашего обычного литра). Телефонный автоприемник вводит данные в ЭВМ и через 0,25 секунды дает абоненту ответ: в какую пивточку следует отправиться, в какое время, а также номер очереди, сорт пива и закуски, положенные ему в соответствии с возрастом, трудовым стажем, соцпроисхождением, семейным положением, степенью благонамеренности, размером обуви и пр. Эти же данные по компьютерной телекоммуникационной сети одновременно сообщаются в указанный пивпункт.

Клиент, получив информацию, скоренько добирается до точки, которая может находиться и в противоположном конце государства, так что приходится по литературе Минпивдела лететь сверхзвуковым аэробусом, сообщает секретарю буфетчицы свой шифр, она сличает с данными ЭВМ и выдает удостоверение на право занятия очереди. В очереди приходится стоять, сидеть или лежать — в зависимости от номера удостоверения. Иногда приходится жить в соседней гостинице до двух-трех дней, а то и неделю, ожидая своего часа. Время это оплачивается по среднему заработку по месту службы.

Но вот и очередь подошла. В этот день клиент, одетый в парадный мундир покроя «пивное наслаждение», подходит к двери буфета и отдает свой пропуск в очередь. Взамен ему выдается временный пропуск в буфет. Он проходит, садится за столик. Когда зал заполнится, то под руководством священника культа Матери Буфетчицы, окормляющего паству данного пивного округа, клиенты поют гимны, хоралы, восхваления пиву Карримардака — самому светлому (или самому темному), чистому и пенному в мире. После чего они отправляются отдыхать в гостиницу, а наутро идут по назначенному каждому отдельно, строго тайно указанного места выдачи пива. Обычно это пивные бочки, замаскированные под помойный ящик или телеграфный столб в чистом поле, труп сдохшей собаки, пустой бензиновый бак, а то и просто закопанная в землю на два метра вглубь бутылка с пивом. Откопав бутылку в один, два или три каррималитра и прикрепленный к ней бечевкой полиэтиленовый пакет с закуской, клиент накрывается с головой и ногами заранее припасенной светонепроницаемой накидкой, быстро пьет пиво и давится на ощупь отламываемыми кусками закуски. После чего он пишет отношение по форме *П-132бис* и вместе с пропуском в буфет, двадцатью четырьмя фотографиями *9x12* см (в фас, анфас, профиль, сзади, в рост, одетый, обнаженный, в инфракрасном свете, в ультрафиолете, в рентгене и пр.) относит в местное управление Министерства пивной отчетности.

Получив контротношение Минпивотча, клиент с веселыми песнями пивной радости возвращается в свой родной город или село и плодотворно трудится, не уставая хвалить достоинства родного карримардакского пива. Образец такой песенки:

*«О-хэй, э-хэй, туймарды череншей!
Об-бялды ушукар, эл-малы чишикар!..»* И т.п.

*(«Ох, пивка попил на славу Матери Буфетчицы,
Пивом даже алкаши от запоя лечатся!..»)*

— Несмотря на кажущуюся игривость, — пояснил чиновник, — в словах этих песен заложен огромный социальный смысл!

◆ Чиновник этот оказался неистощимым на рассказы и припевки; он просидел, протанцевал, пропел у них в номере до поздней ночи. Как и накануне, помолясь Матери Буфетчице и поужинав парижскими запасами в вакуумной упаковке, они легли спать, так и не сумев уже за двое суток хоть на минуту выйти за пределы тесного гостиничного номера.

Но вознаграждены они были наутро третьего дня заточения. Едва забрезжил рассвет, как в дверь номера вежливо постучали и порекомендовали собираться в ознакомительную поездку по гостеприимной стране пивных людей.

Не надо описывать, с каким нетерпением наши путешественники собирались выпить,— замученные речами и восжигавшими жажду прославлениями — но, увы, пока почему-то остающимся чем-то ирреальным — карримардакского пива наши путешественники.

В холле радостно встречались и обнимались-целовались, особенно дамы, вновь собравшиеся все вместе пассажиры и команда занесенного богом и бурей в неведомую страну парохода. Уже по дороге к автобусам, ждавшим у подъезда, успели выяснить: в эти два дня всех кормили манной кашей и развлекали лекциями и проповедями с танцами о чудесном пиве этой страны. Мужчины, глядя голодными волками, бешено облизывали пересохшие от издевательских речей губы и водили глазами по сторонам, надеясь узреть пивную бочку или ларек и успеть перехватить пару кружек до отправки автобуса. Увы! Пивных точек поблизости не наблюдалось.

На передних, повернутых к пассажирам креслах уселись гиды-чиновники в неизменных пивных мундирах. Автобусы тронулись, лекция-экскурсия началась. Дивные картины виделись в тот день истомленным бурей и лекциями путешественникам.

◆ Алело небо, задувал свежий рассветный ветерок. Автобусы неспешно ползли по чисто выметенным улицам города. В первые минуты езды они выглядели пустынно, но вот замелькали фигурки людей, потом группки, группы, шеренги, и вот уже автобусы робко прижались к тротуарам и остановились, пережидая; по улицам маршировали батальоны по триста человек — пятнадцать шеренг по двадцать человек, одетых в одинаковые рабочие спецовки. Изредка их перемежали батальоны в темно-коричневых пиджаках, синих рубашках и однотипных галстуках в мелкую полоску; все пиджачники имели лысины, независимо от возраста, и очки. Батальоны стекались, как понял Виктор Ильич, к центру города. Фланговые первой шеренги каждого батальона несли транспаранты. Как перевел гид-чиновник, то был лозунг дня: «Через пиво к радости и всеобщему благу!» Фланговые же задних шеренг и человек, находившийся в геометрическом центре батальона, несли развернутые фиолетовые стяги с изображением пивной кружки в обрамлении венка из мелких таранок.

Обок батальонов, впереди и сзади шли дежурные с фиолетовыми же повязками и флажками в руках: сигнальщики строя и движения. Все батальоны слаженно пели гимн Восходящему пивному дню (в переводе):

*Ночь прошла и — слава Богу,
Поскорей бы за станок,
Пива вытьем много-много,
Подрастай скорей, сынок!*

Припев:

*Прекрасная страна святого пива!
Проглотишь собственный язык.*

*Не чудо разве иль не диво,
Что к пиву так народ привык?!*

*Нет предела радости и счастью
Потрудиться в пенистой стране;
Нет у нас стоящих в стороне
От декретов, данных властью.*

*Власть и пиво — крепкое единство
И основа — трудовой народ,
А не пить — прямое свинство.
Нет у нас ни бедных, ни сирот.*

*Счастье, счастье души заполняет,
Солнце-пиво радость льет.
Ткач мундиры людям ткет,
А буфетчик пиво разливает.*

Тихая радость засветилась на чиновных лицах экскурсоводов:

— Наши славные труженики,— с гордостью пояснил старший из них и сглотнул застрявший в горле комок подавленного волнения и, стыдясь собственных слезинок радости, умиротворения и довольства, полуотвернулся к окну, смахнув бесцветные капельки рукавом пивного мундира. Кое-кто из пассажиров сочувственно кивнул головой, но грубый боцман из команды парохода, с утра успевший хлебнуть из спасенных корабельных припасов, громко и бесстыдно расхохотался: такого он и в кино не видел, не говоря уже о Дувре, Гавре и родном городке Ле-Шантелье в Северной Нормандии.

Гид обиженно и печально посмотрел на грубияна и тихо, укоряюще промолвил: нельзя смеяться над искренностью трудового порыва; лучше помолимся все вместе всепрощающей Матери Буфетчице за дарование сегодняшнему дню успехов, большой трудовой производительности и хорошего, доброго карримардакского пива всем честным (— И нечестным! — гаркнул веселый боцман) труженникам нашего земного рая — Государства Восходящего Хмеля. Встав на колени, гид прочитал в микрофон уже всем известную молитву:

*Пресвятая Мать Буфетчица!
К тебе возносим мы голос свой:
Не оставь милостью и пивом,
Даруй нам каждодневную утеху и радость,
Да преисполнится нам твоим благословением,
Да не иссохнет ячмень на наших полях,
Пиво в наших ларьках, желание пить у наших людей!*

*Священным почитанием,
Дозволенным потреблением пива,
Повышением качества его выработки,
Очищением своих душ посредством питья его,
Строгим подчинением всем поставленным над нами начальникам,
И всем другим, что угодно и желательно тебе слышать,
И видеть,*

*И обонять,
И осязать,
И чувствовать,
И внимать,
И ожидать,
И благословлять —
Всем этим благословим мы себя,
Пресвятая Мать Буфетчица,
Заступница наша,
Спасительница и надежда,
Аминь!*

Виктор Ильич увлекся и чуть было не укололся при резком повороте автобуса, ибо во время молитвы он стриг себе ногти золочеными ножничками парижского маникюрного набора Леночки, которая сама задремала от мягкого качания езды, монотонного голоса гида, а главное — Виктор Ильич, отоспавшийся от корабельной бессонницы, любил ее этой ночью с утроенной энергией...

Автобус тем временем развернулся на площади перед большими воротами, обогнав передовой батальон, а гид предложил всем выйти:

— Экскурсия по заводу пивных этикеток, это — передовой гигант отечественной индустрии,— с гордостью пояснил он.

◆ Театр начинается с вешалки, а завод — с проходной. Сколько лирико-раздумчивых песен слышал Виктор Ильич в детские и юные годы о тех заводских проходных?! Слезинка умиления выкатилась из угла левого глаза, когда он вступил в проходную завода пивных этикеток через наружную дверь.

— Это надо же,— думал он,— прожить половину жизни и ни разу не побывать на заводе, пройти через проходную... Отрывает нас гуманитарщина от истинно-здоровой жизни, от романтики проходных, уводит в беллетризованный, выхолощенный мир романов, поэзий разных, всяких там ренессансов...

Войдя в проходную, он поначалу ничего не разглядел: после низкого, бьющего в упор утреннего солнца, глаза с трудом различали в неярком электрическом свете стены; потом уже выступили потолок, люди. Боже, как испугался тогда Виктор Ильич, в панике подумавший было, что их обманом завезли в тюрьму! Впрочем, все экскурсанты-кораблекрушенцы перепугались попервоначалу, хотя если не все, то десятком другой из них в разное время своей жизни бывали на фабриках и заводах, в основном — собственных, примерно знали тамошнюю обстановку.

Итак, вот какую песенную проходную заводскую увидели Виктор Ильич, Леночка и остальные шестьдесят три гостя поневоле страны Восходящего Хмеля. Она достойна особого описания.

Это была роскошно задуманная бальная двухсветная зала, но только с наглухо забронированным окнами обоих ярусов. Стены выложены мраморными плитками с розовыми и ультрамариновыми прожилками, тщательно отполированными и лакированными; в Европе такой мрамор берут в каменоломнях Каррары; здесь же, очевидно, пропасть его месторождений, раз им облицовывали все общественные службы...

Пол выложен мозаичным, сложного рисунка паркетом из мореного дуба. С лепного потолка — целиком лепного, не только карнизы! — в центре свисала хрустальная люстра; похожую Виктор Ильич видел в Большом театре, куда не раз студентом Архивного института ходил на балкон. По углам залы-проходной висели люстры поменьше, что у нас украшают областные драмтеатры дореволюционной и сталин-

ской постройки, опять-таки хрустальные. На карнизах была устроена умелая подсветка потолочной периферии.

Но еще боле поражала меблировка проходной: залу перегораживала пополам — от одной боковой стены до другой — четырехметровая зубчатая крепостная стена с башенками-бойницами; их Виктор Ильич насчитал девять штук. Зубцы стены окутаны колючей проволокой по типу спирали Бруно.

В башенках, на верхних площадках стояли спаренные тяжелые пулеметы типа бельгийского «Кольта»; за пулеметами лежали в боевой позиции «товсь», пожирая глазам входную с улицы дверь, держа пальцы на спусковых крючках, вахтеры-охранники, одетые в верблюжьей шерсти черно-синие шинели, картузы с пивной эмблемой, штаны, чем-то отдаленно напоминающие изобретение генерала Галифэ, и в спущенные в гармошку — верх вахтерского шика! — сапоги. Кроме пулеметов, вооружены они были и личным оружием: саблей, винтовкой, ножом-тесаком, револьвером 35-го калибра и тройкой противотанковых гранат в связке. Так что и танк не смог бы безбоязненно проникнуть на территорию завода пивных этикеток. Очевидно, на всякий случай на девятой, главной башне, прямо под проходом в стене, находилась трехдюймовая пушка с лазерным прицелом. Вдоль стен на подпотолочной высоте летал кругами небольшой разведывательный вертолет с четверкой подвешенных ракет типа «воздух-земля».

На уровне человеческой головы из стен выпирали консоли-копья метровой длины, на которых была натянута колючая проволока под напряжением в 3000 вольт. В центре, под башней с трехдюймовкой, находились входные ворота, а также — люк диаметром чуть побольше полуметра; это был конец трехметровой трубы, выводившей в другую половину залы. Этим лазом люди, как пчелы в улей на вечерний сбор, проползали один за другим. Но перед люком еще следовало перепрыгнуть через основательный ров, на дне которого металась на короткой привязи два специально не кормленных с утра нубийских льва.

Женщины засопровивлялись было лезть в лаз, но любопытство, этот порок-двигатель женского ума и тела, помог им справиться с неудобством входа на завод, благо в моде в тот сезон были юбки макси, да и основной контингент путешественниц был в молодом, не старше сорока пяти лет, возрасте, так что особо-то стесняться было незачем. Дамы с ужимками и хихиканьем поползли одна за другой; мужики — кроме грубого и нахального боцмана — дипломатично отвернулись, курящие достали сигары и пачки «Мальборо». Потом вползли и они.

Виктор Ильич, проползая, успел осмотреть поверхность трубы и сообразил, что лезущих прошупывают рентгеном, магнитами и даже, как ему показалось, особыми мягкими щупальцами, выступающими вовнутрь трубы и снимающими импульсы биотоков; впоследствии догадка его подтвердилась.

Взмокший, с испариной, он выполз из трубы и поднялся, отряхиваясь, на ноги, изумляясь пуще прежнего.

♦ Вторая половина залы поражала своим изумрудного цвета мозаичным полом. Посредине стоял постамент, а на нем величественно возвышался начальник охраны, запахнутый в байроновский плащ все из того же темно-синего солдатского сукна, пахнущего револьверной смазкой. Плащ твердыми складками ниспадал на хромовые сапоги со шпорами. Голову венчала суконная треуголка с пивной кокардой. От лаза до постамента бежал и на постамент угловато изогнутой змеей вползал ковровый ход.

Гид объяснил, что каждый входящий работник ползет на коленях по ковру, взбирается на карачках на постамент и целует носок сапога начальника, после чего исповедуется в суточных грехах и с миром пропускается на завод. Зала была не пуста: в

шахматном порядке, примерно по одному на пять квадратных метров, стояли по стойке «смирно» охранники, каждый держал на длинном древке плакат с лозунгом; гид перевел на европейский некоторые, наиболее передовые:

«Опоздаешь на пять минут — сядешь на пять лет!»
«Труд на пиво — это диво!»
«Пиво и труд все перетрут!»
«Ударим по пиву!»
«Завалим этикетками всех врагов!»
«Этикеточники! Не пиво красит этикетку, а этикетка пиво!»

И так далее. Но самое главное — все четыре стены, включая крепостную перегородку, были украшены единым мозаичным панно, изображавшим радость трудящихся-этикеточников, успешно совершенствующих свое родное производство. С правой и левой сторон, на уровне восьми метров от пола, были устроены лоджии, на которых задумчиво пели хоры. Тихие и мирные мелодии чередовались с бодрыми маршами, зовущими на трудовой бой, подвиг и бессмертье.

Гости засмотрелись на все это великолепие, так что гиду пришлось вежливо их поторопить — и все взволнованной гурьбой вышли через последнюю на их пути дверь чудесной проходной и попали напрямик в гигантский цех раскроя. Работала еще третья, ночная смена, работала в последнем приступе энтузиазма. Огромные резательные машины вытягивали рулон за рулоном лощеный пергамент и штамповали из него заготовки будущих этикеток: округлые, полумесяцами с закругленными кончиками, квадратные, пятиугольные (вроде нашего обрамления «Знака качества»), ромбические, овальные. Один некрупный французский банкир пробурчал что-то насчет того, что нет этикеток в форме шестиугольной звезды...

Конвейеры безостановочно увозили продолговатые пачки заготовок в смежные цеха. Трудящиеся цеха работали молча, сосредоточенно и, как чувствовалось, с полной отдачей ума, энергии, сознательности.

По стенам цеха и на стойках пролетов висели обычные лозунги о пиве, труде и их естественной, онтологической взаимосвязи.

В следующем цехе на заготовках печатались рисунки. Присутствовавший в числе гостей-путешественников фабрикант-полиграфист из Люксембурга несколько изумился такому техпроцессу: во всем мире при изготовлении продукции типа этикеток сначала накатывают на ленту рулона рисунок, и потом уже выштамповывают форму, а здесь? Но гид, не слушая бормотанья иностранца, увлеченно объяснял, что с помощью самого совершенного в мире полиграфического оборудования здесь и еще в двух десятках печатных цехов предприятия изготавливаются этикетки для трехсот восьмидесяти двух сортов карримардакского пива — лучшего пива в мире.

Как зачарованные, шли гости, переходя из цеха в цех, которые поражали громадой пролетов, машинами, деловой обстоятельностью, громадным объемом продукции. Уже в предпоследнем цехе, где гуммировались клеящими составами тыльные стороны этикеток, гид с гордостью объяснил, что на заводе занято сорок три тысячи работников. Но самое впечатляющее зрелище ждало их не в печатных и гуммировальных цехах, не в цехе подарочно-сувенирных изделий, где изготавливали этикетки из натуральной серебряной и золотой фольги с объемным тиснением и голографическими рисунками, нет, самое поразительное ждало посетителей на складе готовой продукции. Сам склад являл собою сборный алюминиевый ангар — чудо технической мысли, под шатром которого мог бы поместиться, как объяснил гид, целиковый город с населением в пятьдесят тысяч человек. Весь этот объем занимали пачки эти-

кеток. Стеллажи растекались по всем сторонам, образуя улицы этого города, и уходили ввысь, под потолок, облаком летевший где-то на уровне натуральных гроздовых облаков. Гид с гордостью заявил, что здесь находится восемнадцать с двадцатью нулями штук этикеток.

Поскольку многим гостям трудно было представить на слух эту цифру, то улыбающийся их провожатый нарисовал длинную цифру на бумажке, показал ее и пояснил, что этим числом этикеток можно миллионы раз обложить поверхность земного шара. У гостей закружились головы.

Тем временем Виктор Ильич стал свидетелем странной, диссонансной с общим трудовым ритмом завода сценой: бродя по улицам этикеточного города, разговорившись с неким путешественником-англичанином, с которым коротал время в судовом баре, он забрел с ним в дальний конец ангара, где находилась, как он понял, тепло-централь завода. Каково же было их изумление и даже — о, этот, заразивший и их, общий энтузиазм! — негодование, когда он увидел, как рабочий хватал одну за другой пятидесятикилограммовые пачки этикеток и бросал на конвейер, а тот скидывал их в топку гудящей печи.

Англичанин, бывший профессором-филологом, за два дня успел немного освоиться с синтаксисом и словарем карримардакского языка, поэтому, составив фразу, спросил работягу: что-де он делает с этикетками, которые вроде бы и не являются браком?

Тот хмуро пробурчал нечто, поразившее профессора настолько, что он записал фразу в книжечку и... но тут завывла сирена, из проходов выскочили несколько десятков одинаково одетых в штатское человек. Старший из них ловко выхватил книжечку из рук профессора, извинившись на чистом лондонском диалекте, отыскал и вырвал нужную страничку с записью, заставил подписать того протокол о неразглашении под угрозой уголовной ответственности, приложил к голове Виктора Ильича электроды таинственного приборчика, как понял тот — с помощью анализа биоритмов головного мозга штатский убедился, что пациент не запомнил ни единой фразы на незнакомом языке. После чего их вежливо, под руки отвели к основной группе экскурсантов. Оглянувшись мимолетно, Виктор Ильич увидел нечто, помутившее на время его рассудок: вставший временно на рабочее место у конвейера, один из младших по званию штатских, вслед за очередной пачкой погрузил на движущуюся ленту прежнего работягу, и тот молча, не двигаясь, лишь закатив глаза, поехал в жерло печи...

Но и это было не все; когда они вернулись к группе, то гид уже сменился. Как шепнула Леночка, прежнего за несколько секунд до возвращения Виктора Ильича увели люди в штатском, и даже показала куда увели: по коридорчику, что вел к той же печи...

Виктор Ильич побледнел и, перекосившись обычно добродушным лицом, шепнул в ответ подружке: «Молчи, дура!» Леночка было дернулась от незаслуженной обиды, но, увидев побледневшее, с расширенными глазами лицо морганатического своего супруга, о чем-то догадалась, скорее — почувствовала и только слегка, инстинктивно прижалась к нему в знак примирения и прощения.

Новый гид сбивчиво закончил объяснения и восхваления этикеточной промышленности и быстренько вывел гостей с завода, благо наступило время пересменки.

В автобусах их повезли обедать в гостиницу. На этот раз прием пищи происходил в отдельно выделенной столовой зале; ели манную кашку — с голодухи и ее поели, какой-то салатик и все запили горьким чаем без сахара, скорее всего, чай был зеленым. Пива к разочарованию и недоумению путешественников, знаменитого пива, хотя бы одного из 382 сортов, не подали, а официанты на настойчивые просьбы пугались и скоренько убегали в служебку, притворяясь глухонемыми.

Остаток дня путешественники провели, гуляя во внутреннем скверике, смотрели в холле фильм о производстве пива в Карримардаке. Виктор Ильич все порывался уединиться с профессором-англичанином, чтобы все же выяснить: что ответил ему несчастный работяга, но как только он подходил к нему — тотчас, словно из-под земли, появлялся некто вежливый, брал его под руку и, одурманивая ласковыми объяснениями по части особенностей варения карримардакского имбирного пива, отводил в противоположный угол холла или сквера — смотря по тому, где дело происходило.

♦ В таком насыщенном разнообразии прошла неделя в Карримардаке. Горепутешественников возили по заводам пивного оборудования, собственно пивным фабрикам, мастерским варки «домашнего» пива для гурманов. Посетили они организованно и концерт песни «Пиво-83», смотрели в Национальном театре Карримардака балет «Пивной эликсир» и слушали оперу «Сладкое пиво Шербурдана» (Шербурдан — комический герой произведения). Именно из текста оперы изумленные путешественники узнали, что в Карримардаке проживают... до боли родные земные евреи; работают они преимущественно в банках, обслуживающих крупные пивные картели.

Пели гимн «Пиво превыше всего!» на вечере дружбы со студентами-пивоварами Карримардакского пивного университета имени Брыкдуша — легендарного основателя пивоварения на далекой звездной родине, духовного отца Матери Буфетчицы.

И за эти 188 часов все, что они видели (даже и во сне), слышали, обоняли — все говорило, кричало, пело, плясало о пиве, великом и счастливом Пиве Карримардака. О пиве и прекраснейших, утонченнейших закусках к нему. И не менее утонченнейшим издевательством казалось туристам поневоле то, что они за все время пребывания в этой стране не сделали ни глотка пива, а кормились — кто запасливый, тот из дорожных припасов, а иные и манной кашей на воде. Поэтому Виктору Ильичу, съевшему с Леночкой в перерывах между страстными объятиями — чем еще в Карримардаке заниматься? — все парижские остатки, пришлось-таки вызвать опекуна (хотя и дал ради спортивного интереса самому себе слово продержаться самостийно как можно дольше) и приказать набить холодильник качественной жратвой, да строго приказал зашорить глаза шпионам из лакеев и горничных, как будто холодильника для них и не существует!

Однако в тот же день возвращенного изобилия, предвещавшего долгую ночь любви и изысканных закусок, добросердечная Леночка (русского человека, даже если это женщина, скупердяйская заграница не переиначит!) позвала в номер десятков дружественных ей дам и скормила изголодавшимся все запасы, а что не скормила — раздала для бедных, сжевавших зубы на манке мужей подружек по несчастливому путешествию.

Тогда Виктор Ильич, отлучившийся на время пиршества с бесплодной целью отловить своего англичанина, снова вызвал шипшандлера* и дал указание превратить холодильник в рог изобилия. «Всю команду приходится кормить!» — пояснил он рогатому, подумавшему было с тревогой, что его протеже заболел обжорством.

...Их судно несло по запрограммированным волнам таинственного пивного моря-океана Карримардака, государства-мифа.

♦ Постепенно экипаж кораблекрушенцев по привычке к аскетически-речевой-гимновой жизни в государстве пивных людей. Нашлись и тихие радости. Дамы постарше вязали в холле, беседовали о мужьях, детях, о дикости здешних людей и нравов. Леночка, ставшая дамой-патронессой (по причине холодильника) общества, бли-

* Торговец, снабжающий пищевыми припасами судно на стоянке в порту.

стала своим иностранным выговором, получая от новых подруг, среди которых многие были приняты в дипломатических и светских кругах европейских столиц, восторженные похвалы.

Мужчины же отыскивали в одной из служебных комнат бильярд и дулись в американку; до дам доносилось уютное, клубное, мужское и успокаивающее, вселяющее оптимизм: «Красного от борта! — Кар-р-рамболь!!» И так далее.

В углу той же комнаты играли по крупной в покер. Словом, все устроилось. Ощущение у всех было такое, что находятся они в швейцарских Альпах, на горном курорте близ Давоса, однако сильным снегопадом их отрезало на неделю от внешнего мира. Несколько неудобно, но романтично-страшновато, словом, уютно.

В десять вечера, отказавшись от манной тюри, все общество шло в номер наших друзей. Леночка на правах хозяйки и с помощью двух-трех дам-активисток накрывали стол, подоконники, телефонную полку — все, что было плоским и возвышалось над полом. Всюду были расставлены сервизные приборы, рюмки, фужеры. Гости весело кушали омаров, черепаховый суп, настоящий английский *beef-steak* (Виктор Ильич в последний визит рогатого заказал к рогу изобилия и микроволновую печь, только-только освоенную европейской промышленностью). Устрицы запивались «Клико». К хорошему привыкаешь быстро; на третий день совместных ужинов отдельные гурманы уже привычно заказывали, рассеянно поглядывая на Виктора Ильича, на завтрашний вечер блюда китайской, европейской и еврейской кухни.

После ужина все вновь спускались в холл; мужчины захватывали из номера Виктора Ильича свежие колоды карт, ликеры из Кюрасао, коньяк, кофе, свежее, но, увы, не карримардакское, а баварское, финское, американское и английское пиво. Магнитофон фирмы «Филипс», сохраненный с корабельных времен одной бельгийской парой, дополнял уют. Веселье заканчивалось далеко за полночь.

Не стоит и уточнять смышленому читателю, что рогатый вызывался еще раз — навести шоры на глаза, уши, да и на мозги всей отельной шпионской прислуги с половины десятого вечера до трех ночи.

♦ Человек радостен и оптимистичен, как давно замечено, не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил, испытывает высшее наслаждение в жизни, когда он временно отстраняется от комфорта, но при неременном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго. Именно поэтому так веселы и счастливы туристы, путешественники, командированные... да и космонавты-астронавты тоже.

Служивая же команда судна, исключая капитана, допущенного к обществу пассажиров, веселилась в своем кругу по-своему. Боцман исхитрился во время одной из фабзаводских экскурсий неприметно утащить метровую металлическую трубку и в полдня изготовил отличный самогонный аппарат. В качестве исходного продукта использовалась подслащенная манная каша. Веселая матросня сумела, обманув сверхбдительность шпионской отельной прислуги, привести откуда-то местных, карримардакских девушек, и веселье пошло не хуже чем у пассажирского салона. Самогон получался дьявольски крепким, табак в большом количестве был вынесен с родного судна, а девушки оказались очень покладистыми, умелыми в любовных делах и неистощимыми в интимных забавах. К тому же девушки приносили домашнюю закуску к самогону: котлеты и соленые огурцы. Заметим, что так никто из команды и не узнал, что девушки были агентами карримардакского разведывательного управления, специально и спешно обученные по методу Давиды Илоновой ремеслу проституток и стерилизованные, для предотвращения беременности, в обмен на орден и досрочную пенсию. И почет, само собой разумеется!

Идефикс Виктора Ильича не утихал, он все так же тщетно пытался добраться до филологического профессора и спросить: что ответил ему истопник на фабрике этикеток? Однако неизменно на пути вставал агент в партикулярном. Виктор Ильич продумывал различные варианты обойти агента; например, убедившись, что в холле или номере только свои, он закрывал на задвижки все двери, наглухо запирали форточки и направлялся к англичанину, но в тот же миг между ними вставал улыбчивый карримардакец, который по чистой случайности, как оказывалось, перед этим зашел в номер, но у него расшнуровался левый ботинок, и он, стесняясь заниматься туалетом при дамах, зашел за оконную портьеру... В версиях агенты были неистощимы. И никто из присутствующих не мог объяснить толково: откуда, как и каким образом он явился.

От волнения Виктор Ильич две ночи подряд не смог быть мужчиной. Леночка, избалованная ночным вниманием, несколько удивилась, но тотчас поумнела, успокоила своего морганатического супруга, однако испугавшийся Виктор Ильич вызвал того самого и потребовал эффективного возбудителя. Выпив таблеток пять, он обрел самого себя, но разговора с профессором не обрел. Дьявол же отказался наотрез помогать; жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше, земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг.

Другая напасть с Виктором Ильичем приключилась: разболелся некогда пломбированный в родном городе зуб. Коренной. Разболелся так, что спать не давал полную ночь. К несчастью, никто из путешественников и команды (судовой подлекарь, как назло, перед рейсом сам заболел алкоголизмом и остался на берегу) не имел даже ветеринарной квалификации. Пришлось — хочешь не хочешь — обратиться к администратору гостиницы; на рога того он обиделся: опять скажет, что не по его департаменту!

Радости отельного начальника пределов не было.

♦ Весело и счастливо улыбаясь, тот тотчас позвонил за консультацией прямо в министерство пивного здоровья. Инструктировали его с полчаса, а он только выкрикивал в трубку бесконечно-утвердительные «Да-да-да» — либо веско отрицательные «Нет-нет-нет!»

Затем уже администратор консультировал Виктора Ильича; тут же махнул рукой рассыльному и велел проводить гостя, куда тому следует согласно данной министерством директиве. О, сюрприз! — У подъезда их ожидала голубая медицинская машина. Едва они успели захлопнуть дверцы, как роскошный санитарный автомобиль с ревом сирены, презирая светофоры и вопли прохожих с отдавленными конечностями, помчался на скорости, близкой к космической.

Через пять минут город остался позади, машина вырвалась на обсаженную кактусами автостраду. В стремительной езде промелькнул час, далее другой. Автомобиль огибал по радиусам объездных дорог небольшие города и деревушки, климат теплел. «На юг!» — догадался Виктор Ильич. Но обратиться за разъяснениями было не к кому: улыбчивый рассыльный и санитар не понимали по-европейски, а шофер сидел за перегородкой.

От легкой и быстрой езды зуб несколько успокоился, а владелец его задремал. Проснулся, был вечер, значит, ехали более пяти часов. Машина въезжала в большой, расцвеченный огнями город, промчалась по его проспектам и улицам и, резко сдав скорость, подкатила к мраморному, окаймленному колоннадой дворцу. На вой автомобильной сирены из подъезда выбежали многие: два санитары с носилками, три

медсестры и один медбрат, старший и младший стоматологи, восемь зубных фельдшеров, три хирурга, семь ординаторов и одиннадцать интернов, студенты-практиканты, заместитель директора по лечебной части (начмед по-нашему), представитель прессы. Все они хором прокричали:

— *Авварум эс-эччелениум бурхарбан инишаллы, тербердум дун, тоате Карримардакум цуром бешкарнааллы!*

(Что означало: «Добро пожаловать, дорогой пациент, в Карримардакский Центр лечения зубов имени Пивной терапии!»).

Не успел Виктор Ильич ошарашено пробормотать о своей радости и благодарности, как уже был вознесен и помещен посередине сияющей стерильной белизной двусветной хирургической залы. В окошках второго ряда виднелись лица пришедших на операцию адъюнктов военно-медицинских пивных академий. В самом же зале собрались неспешно облаченные в серые халаты, резиновые перчатки, хирургические сапожки, с масками на лицах ведущие профессора и ординаторы Центра лечения зубов.

Медсестры быстренько готовили Виктора Ильича к операции: раздели, вымыли, попытались обрить наголо голову, но он запротестовал. Далее завернули в операционную простыню, уложили в каталку и подвезли к зубосверильному аппарату. С другой стороны к аппарату подкатили обычный — только на роликах — канцелярский стол, накрытый зеленым сукном. На столе были разложены нужные бумаги, пишущий прибор, дыропробиватель, графин с водой и стакан, да ... еще перекидной календарь.

За стол уселся секретарь операции и тотчас застрочил прото... тьфу, историю болезни и описание процесса грядущего исцеления. Профессора сгрудился у стола, оживленно переговариваясь на своей карримардакской латыни. Через четверть часа к операционному креслу Виктора Ильича пододвинули передвижную конторку с ручкой и листок пергамента. Помощник секретаря перевел содержание на европейский:

«Подписка:

Я, нижеподписавшийся (имярек — вписывается), обратился за неотложной медицинской помощью в ответственные за то органы Государства Восходящего Хмеля. Слава пиву! Слава пиву! Слава труженикам пивной промышленности!

Никто меня не принуждал к этому шагу; я добровольно отдал себя в руки медицинских пивных органов.

Мне выпала удивительно высокая честь подвергнуться сложнейшей операции в Карримардакском Центре лечения зубов имени Пивной терапии и всей оставшейся мне жизнью я буду стремиться оправдать это высочайшее доверие и любовь Карримардакского здравоохранения. Слава пиву и его доблестным производителям! Да здравствуют наши славные труженики пивной промышленности, элита класса-гегемона Государства Восходящего Хмеля!

Ура-ура-ур-рр-а-а-а!!!

(В этом месте чтение документа прервали, все профессора, санитарки, а за стеклами второго, верхнего ряда окон — адъюнкты и интерны исполнили Гимн лечебному медицинскому пиву:

Как пиво наше светлое в лечении...

...После чего чтение и синхронный перевод продолжился).

...Сознавая свой неуклонный долг, я, со своей стороны, торжественно обязуюсь: стойко перенести операцию, не иметь — даже в потаенных мыслях — никаких претензий до, во время и в послеоперационный период, а также по поводу любых возможных отдаленных последствий.

Ни я, ни мои родственники не будем также иметь никаких претензий за возможный исход лечения, как-то: неизлечение зуба, потеря зуба, потеря всех зубов, нижней челюсти и челюсти верхней, паралич шейный и поясной, катарсис... Увы, карримардакская медицина, хотя и является самой высокоэффективной из всех мыслимых во Вселенной медицин, но природа создала наряду с живой плотью огромное число неразрешимых загадок.

Всю ответственность за всевозможные, допустимые и предполагаемые последствия я беру на себя, памятуя: никто меня сюда насильно не звал; я, лишь я и только я добровольно, безо всякого малейшего принуждения отдал себя и свое тело, и душу бессмертную в ласковые, заботливые и в меру (но — достаточную!) умелые руки карримардакских медиков.

Слава пиву! Слава преславной пивной медицине!

(Подпись)

(Отпечатки пальцев)

(Фонограмма звукового согласия в 3-х экз. прилагается)

(Дата, печать, свидетельские подписи).

Пока Виктора Ильича заканчивали готовить к операции, ведущие профессора допевали Гимн любимому пиву:

В славу, во славу нашему пивууу!

После чего хирурги и стоматологи ушли на консилиум (даже не открыв Виктору Ильичу рот), а пациента выкатили в коридор и поставили его каталку в общую очередь под номером триста шестнадцатым. Но поскольку он, опаматовавшись, запротестовал, а главное — что был он иностранцем, ему пошли навстречу и сделали снотворный укол, от действия которого Виктор Ильич очнулся только на пятые сутки, когда подошла-таки его очередь.

◆ На слабые его протесты улыбающийся начмед (замдиректора по лечебному профилю) пояснил, что-де пиво любит демократию — и наоборот, а Карримардак есть страна наидемократичнейшая, где никто не имеет привилегий... На этот раз его повезли не в роскошно-приемный протокольный зал, а в каморку с заплывающими кусочками ваты древним зубодробильным агрегатом; такие в Европе использовали на заре электричества (до этого были с педальным механическим приводом). Рядом на колченогом сортирном табурете сидел небритый зубной фельдшер. Со страхом пересев в истертое кресло, Виктор Ильич уперся взглядом в плакат, занимавший целиком стену: «Помни: ты сам сюда пришел!» — И потерял сознание от слабости долгого наркотического сна и вонзившегося в дупло прохудившегося зуба ржавого сверла.

Его мучили с полчаса; короткие вспышки сознания чередовались с регулярными обмороками. В моменты прояснения фельдшер ловко подсовывал ему для подписи различные бумаги. Это были очередные, послеоперационные подписи о неответственности старика-фельдшера за: а) промывание полости рта; б) расчистку дупла зуба; в) зондирование дупла; г) предварительное рассверливание; д) сверление до первого болевого касания нерва; е, ё, ж... и так далее до ста тридцати пунктов (карримардак-

ский алфавит состоит не из обычных букв, а из символов того, что мы называем фонемами и аллофонами, так что запас этих символов намного больше чем в европейских языках). Кроме того, ему подсовывали всевозможные воззвания в одобрение карримардакского пива и его непревзойденных вкусовых качеств, которого, кстати говоря, Виктор Ильич так ни разу в жизни и не попробовал. Последняя бумага, которую он подписал, была расписка о неразглашении под угрозой пожизненной каторги на каменоломнях Национального синдиката по изготовлению памятников и мемориалов Матери Буфетчице.

Через сорок минут операции Виктора Ильича в полуобморочном состоянии выкатили из каморки старого садиста и поместили в шоковую комнату реанимационного отделения. К вечеру температура поднялась до 40,2 градусов по Цельсию, начался бред. В бреду он продолжал давать подписи и подписки.

...Еще не известно: не появилась ли бы через сутки-другие на Центральном кладбище добровольных жертв Пивной медицины могилка с надгробьем в форме пивной посуды с эпитафией: «Эхли фергюррон ишша-алы терьерды!» («Спи спокойно, наш любимый гость-чужестранец!»), — если бы обидевшийся в отместку на обиду Виктора Ильича рогатый не испугался за купленную, то есть подотчетную в финансовом плане, душу (а души замученных насмерть, как известно, попадают исключительно в рай, где юрисдикция дьявола очень и очень ограничена, почти сведена на нет праведниками), и не вынес на себе почти бездыханное тело раба-господина своего.

♦ Безо всякой техники он доставил Виктора Ильича в гостиницу к полуобезумевшей от исчезновения морганатического супруга Леночке и встревоженной недельным отсутствием благодетеля, истощенной манной диетой сотне сотоварищей по несчас..., то есть по счастью пребывания в Стране Восходящего Хмеля. Только этот поступок рогатого и спас страдальца: его быстренько привели в нормальное состояние к великой радости дьявольских сил и огорчению райских праведников. Леночка сбила температуру патентованным, закупленным в Париже американским аспирином «Упса», напоила потомочегонным, поставила перцовые горчичники на пятки; через 12 часов глубокого сна Виктор Ильич проснулся абсолютно здоровым.

Зуб, заштукатуренный строительным карримардакским цементом для подводных сооружений, не беспокоил... его вырвал еще по прибытии в гостиницу боцман — мастер на все руки — простыми электромонтерскими пассатижами, простерилизованными в кипяченом манном самогоне. Анестезию же Виктору Ильичу сделала Леночка, влив в его рот полный стакан «Камю»; остаток почти литровой посуды был вручен «за услуги» боцману. Заметим, что чуть позже, когда оклемавшийся больной вызвал рогатого, тот установил в образовавшейся пустоте искусно сделанный «а ля натюрель» протез.

Уже через два часа чудесно исцеленный со смехом вспоминал свою попытку обращения к карримардакской медицине, правда, согласно подписке не разглашая подробностей организации здешнего здравоохранения, с большим аппетитом глотал устрицы, запивая коллекционным новосветовским шампанским (не пробовавшие его ранее европейцы были поражены качеством напитка из «страны медведей и КГБ»): заставила морганатическая супруга на том основании, что-де, пока десна окончательно не зажила, нужно принимать калорийную, но нежевательную пищу, раз манная каша обрыдла...

Вечером в холле был большой прием по случаю исцеления Виктора Ильича; тезоименинник оделся в смокинг лондонского пошива. В самый разгар веселья вошел посторонний — карримардаковец в пивном мундире спецкурьера и вручил герою дня большой синий конверт с печатями. Под расписку. Важность визита была такова, что курьер прошел в холл, преодолев барьер недопуска рогатого.

В пакете содержался лист белоснежной веленовой рифленой бумаги с золотыми карримардакскими орденами по верхнему полю и типографски набранным текстом, напоминавшим, что лечение Виктора Ильича произведено совершенно бесплатно, а поскольку медорганы теперь несут ответственность за послеоперационное состояние его здоровья, то он поставлен на диспансерный учет, раз в месяц в течение двадцати пяти лет должен являться — где бы он ни жил — на освидетельствование. В конце послания стоял оттиск-факсимиле министра здравоохранения Карримардака.

Самое интересное: такие пакеты стали приносить регулярно через каждые три часа днем и ночью; их вручали лично Виктору Ильичу во время экскурсий, ужина в холле, просовывались в щель под дверь в номер. Утром их вручал сонный портье. Понятно, что чудесно излеченный их более не вскрывал, но отделаться от их вида и присутствия было невозможно: бумага конвертов и самих грамот-посланий была пропитана несгораемым и несминаемым составом. Нельзя было их и разорвать, ибо бумажная масса была нанесена на основу в виде микроскопической титановой сетки. Леночка, хозяйственная женщина, складывала их стопами в стеной шкаф. На всякий случай.

◆ Уже в первый день по бегству из Центра зубодробления Виктор Ильич ощутил грозную атмосферу: на корабле назревал бунт. Пивопенная страна приелась; осточертели агитаторы таинственного, невидимого пива, вызывала тошноту манная каша. При этих словах — пиво и каша — даже у сдержанных и владеющих собою англичан проявлялся рвотный рефлекс. Все путешественники не ходили, а бродили, опустив глаза долу, дабы не видеть плакатов, лозунгов и транспарантов прославляющих пеннистый напиток. От пивных слов и видений у всех давно уже началось хроническое, как при заболеваниях поджелудочной железы, пересыхание горла и удушающая астма. Один из матросов команды сошел с ума и разбил боцмановым самогонным аппаратом головы трем пивным чиновникам, уверяя, что-де из них должно ручьем политься пиво сорта «Старый Карримардак». Беднягу увезли на воюющей машине на вечные терзания и мучительную смерть на чужбине. Рогатый был бессилён помочь. Это стало последним удручающим аккордом.

◆ — Баста! — решительно сказал как-то поутру Виктор Ильич, увидев, что Леночка, с вечера жаловавшаяся на тоску карримардакской жизни, тихо плачет во сне, и вызвал тотчас исчадие ада. Тот было заканючил: подождите, дескать, немного, выждем момент, не хочу идти на явную конфронтацию с конкурирующими службами ада и пр., но Виктор Ильич сурово пригрозил разрывом контракта и велел немедля готовить судно в обратный путь.

Наступившей ночью рогатый самолично, переодетый карримардакским офицером, и четверо вызванных из преисподней помощников тайно отвезли на гостиничных экскурсионных автобусах путешественников и команду в порт, посадили на пришвартованное к дальнему пирсу судно, а капитану рогатый передал карту с указанием коридора-бреши в окутывающем остров-государство экране. Судно также было починено умелыми помощниками рогатого.

Весело забегала команда, боцман на время протрезвел, пароход ожил, засветился огнями и через шесть часов осторожной ходьбы в экранированных прибрежных водах (рогатый нажил массу врагов в департаментах ада, но «вырубил» на это время все радары погранохраны в секторе следования судна) они плыли по спокойному *Ocean Atlanticum* вне пределов утомительного государства.

Так они думали, но лишь через час они окончательно избавились от неусыпного глаза Карримардака, что одновременно ознаменовалось последней и самой тягостной трагедией. Как только спала суэта отъезда, Виктор Ильич разыскал на кормовой

нижней палубе того самого...— увы! Где теперь его бедная душа пребывает: успокоилась в раю или томится в аду?...— того самого знатока английской, а теперь и карримардакской филологии, и поинтересовался: а что же все-таки сказал ему этот несчастный истопник на заводе пивных этикеток?

— А знаете, очень интересную вещь он сказал: «А на хрена они нужны, эти этикетки? Ведь последняя капля пива была произведена в Карримардаке еще две сотни лет тому назад... А за домашнее пивоварение нарушителя и всех его родственников до третьего поколения заживо в землю зары...»

Не успел бедняга-профессор договорить слово, как пал с неба коршуном карримардакец в плаще и, едва коснувшись ногами палубы, в упор изрешетил филолога длинной очередью из ручного пулемета. Следующей жертвой должен был быть Виктор Ильич, но спас его все тот же боцман, проходивший мимо по своим хлопотным делам: не размышляя долго, он выхватил из кармана комбинезона свои знаменитые зубоврачебные пассатижи и грохнул ими по башке агента летучей пивной охраны.

Через пару часов команда и пассажиры выстроились для траурной церемонии морского погребения: на судне, ввиду его каботажного характера, не было соответствующих размеров морозильника. Останки бедного профессора, зашитые в мешковину и утяжеленные личной физкультурной пудовой гирей капитана, пошло на дно; в это время акулы уже обглодали труп сброшенного боцманом в океан агента в штатском.

Потрясенные трагическим событием пассажиры заснули тяжелым, но исцеляющим сном. Виктор же Ильич, как человек благородный и благодарный, прежде чем заснуть в объятиях счастливой Леночки, доделал дела совестливые. Во-первых, он через юнгу переслал спасителю два ящика с раритетным виски «Старый Уокер», боценок черной икры и метровой длины осетровый балык на закуску, две сотни коллекционных «гаван» и десять тысяч долларов наличкой. Вспомнив о пивной жажде карримардакских пленников, присовокупил и ящик портера. Через десять минут юнга возник перед Виктором Ильичом... с ящиком пива, доложил, что боцман благодарит за щедрость, явно не соответствующую такому пустяку — «подумаешь, чурку к акулам отправил... хватило бы и бутылки джина»,— а пиво возвращает, так как после карримардакского пивного издевательства этот напиток не льется в глотку: будь проклят этот Карримардак! — Такой радости в жизни лишил!

Пиво Виктор Ильич отдал просиявшему юнге; тот отнес его к себе и уже потом побежал доложить капитану, что боцман изволил уйти в запой.

Смерть профессора Виктор Ильич отчасти относил на свой счет, отчего чувствовал себя неуютно. Уточнив у старпома, составляющего официальный акт о смерти профессора, полное имя филолога, он отыскал в судовой библиотеке биографический словарь (*Dictionary of International Biography*), ежегодно издаваемый Международным Кембриджским биографическим центром, из которого с некоторым облегчением души узнал, что профессор — холостяк, как то часто бывает с людьми, полностью отдающими себя науке. Однако Виктор Ильич вызвал рогатого и, передав ему бумажку с выписанным из *Dictionary* адресом Института классической филологии Королевского научного общества, попросил перевести «от неизвестного почитателя талантов профессора» пятизначную сумму в фунтах стерлингах для основания десяти именных стипендий памяти почившего гения классического языкознания. Дьявол, ворча о непроизводительном перерасходе авансовых сумм, не осмелился возражать опечаленному другу почившего профессора.

...Проснувшись наутро, пассажиры узрели яркое солнце, вдыхали бодрящий йодистый воздух океана; события последних трех недель показались им на этом радостном фоне неправдоподобным кошмаром. Навстречу шли и весело гудели в приветствии суда, к счастью, не под пивным, а под милыми сердцам пассажиров полосатыми, голубыми, звездчатыми, крестовыми флагами непивных государств.

Из камбуза неслись возбуждающие аппетит запахи жареного мяса, сохранившегося во время пленения в своей вакуумированной упаковке. Ушедший в запой боцман орал героические песни и саги, юнга опился дармовым пивом и блевал за борт.

Еще через несколько часов дамы восторженно закричали: «Земля! Земля!» Капитан дымил презентованной Виктором Ильичем «Большой короной» и поощрительно им кивнул: да, земля...

Однако, чем ближе судно подходило к лазурному гористому берегу земли, тем больше и больше улыбка на лице капитана переходила в выражение полного недоумения. Он часто справлялся в картах и лоции, подолгу смотрел на показания компаса, подзывал старпома, вахтенного начальника, даже велел срочно вытрезвить боцмана. Все четверо совещались, уже вместе смотрели на компас и в карты, с интересом рассматривали в бинокль берега надвигающейся земли, судя по всему — острова. Надо сказать, что еще до появления земли на горизонте внезапно и непонятно почему отказала радионавигация (радиосвязь, как мы помним, была испорчена еще в первую бурю).

Уже где-то в трех-четыре милиях от берега слух сполз с капитанского мостика и промчался, вселяя тревогу, по пассажирской палубе: «Компас врет, а острова нет ни на одной карте!..» Пассажиры заволновались; был кем-то пущен встречный слух, что-де снова вышли на Карримардак, только с обратной его стороны. При слове «Карримардак» всем показалось, что, перебивая ядерный запах бифштексов, из камбуза понесло манной кашей и невещественным пивом...

♦ А навстречу судну уже мчался белоснежный патрульный катер. Как только он приблизился — с изумлением увидели воспрянувшие было духом пассажиры, рассмотрев, что люди в катере не носят треклэтой пивной униформы, но тут же и духом упавшие, что борта легкой посуды раскрашены сценами из древней, преимущественно нордического типа, героической мифологии. Люди же одеты в строгие фиолетовые мундиры, каски с мифологическими же гривами: поверх вполне современных галифе, сапог и френчей с нашивками и медалями картинно вьются пурпурные плащи древних воинов.

Катер лихо подвернул под правый борт судна, а через минуту шлемоблещущий воин рангом постарше сотоварищей-фронтвиков приветствовал пассажиров и команду со счастливым прибытием в страну Хиндельбраант или, как она еще называется, — Государство Нации Браантского Народа (ГНБН).

И еще через четверть часа переговоров *tête-a-tête* капитана с нордическим офицером все находящиеся на палубе ахнули, а кое-кто и к обмороку приблизился. Оказывается, вместо благодатной Европы, ласковых островов Карибского моря, делового Лонг-Айленда Америки, танцующих берегов Западной Африки, винодарующей горы Тенерифе Канарских островов и т.п., словом, вместо родной западно-атлантической цивилизации несчастных вновь по дурацкой невезухе (Виктор Ильич даже на минуту засомневался: не рогатый ли разыгрывает одному ему ведомую карту?) протаранило через иную брешь в магнитном экране-невидимке и протащило на остров тех самых идейных противников Карримардака, также переселившихся на Землю через пару лет после исхода пивных людей, ибо на родной планете случилась-таки война, после окончания которой планета раскололась на куски, а уцелело лишь по несколько десятков тысяч заранее эвакуированных в космос супротивников, в основном, из верхушек, военной аристократии, идеологов и ученых специалистов. Однако счастье повернулось лицом к мифологам: они атаковали и разнесли в пыль корабли противников, после чего улетели из непригодной для жизни зоны в Солнечную систему, на Землю и поселились, опутав его невидимым и непроницаемым для вещественных и

полевых средств обнаружения экраном с пятидесятимильной зоной окрестного водного пространства. Отсюда и в истории Земли не одна, а целых две загадки Атлантики: Бермудский треугольник и Атлантида.

Судно же чудом прошло в специально оставленный — для проводки агентов-наблюдателей в земной мир — секретный проход типа лабиринта. До наших героев только один корабль, ладья викингов в конце X века, попала таким же образом на остров. Пришельцы подружились с браантцами на почве любви к войнам, истории и мифологии и вскоре ассимилировались в аристократической императорской семье Хиндельбраантов, усилив их мифологемы героическими сагами суровой Скандинавии.

— Из огня да в полымя,— враз подумали затосковавшие пассажиры, но тем временем судно уже входило в военный порт (других, невоенных, здесь и не существовало), скользя на буксире к пирсу мимо серых гигантов линейных кораблей и внушающих панический ужас своей полузатопленной крутобокой мощью атомных подводных ракетносцев высшего класса дальности действия и ядерной вооруженности «Брокендаард — Бранд II»,— как пояснил медноликий воин в боевых усах, оттопыренных по-кошачьи.

— Что-то будет?..

♦ Как и в идейно противоположном государстве Пивных Людей, в Хиндельбраанте путешественникам оказали гостеприимную встречу с пением национального гимна, с летучим экспресс-парадом гвардии гарнизона военного порта № 347, куда забрело несчастное судно, с артиллерийскими залповыми приветствиями. Затем, вручив капитану корабля символический ключ от страны, всех посадили в вагон поезда и по стратегической железной дороге № *B-51m* (буквы и цифры по сходству фонем мы примерно переводим на европейский) за шесть часов перевезли в Харбраант — столицу государства. Заметим, что, обладая страстной любовью к военному порядку, жители страны тотчас по прибытии на Землю сгладили по прямой линии собственнотелу контуры острова, его заливов, русла течения рек, озер и лесов; только горы не удалось вписать в круги и прямоугольники, пришлось ограничиться эллипсами — все же правильная геометрическая фигура!

♦ ...Все эти часы поездки путешественники не отходили от окон. Чудеснейшие пейзажи предстали перед ними: ровная местность от побережья до Харбраанта была ухожена и опутана абсолютно гладкими бетонными двенадцатирядными автострадами. Между ними стояли в идеальном номерном порядке длинные низкие домбарраки, оплетенные заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негрятенок, изоляторах высокого напряжения. Люди в одинаковых полосатых одеждах лили воду из пустого в порожнее, а по периметрам оград маршировали в бесконечно замкнутом цикле вооруженные до зубов воины в стальных касках с шишаками и пучками перьев.

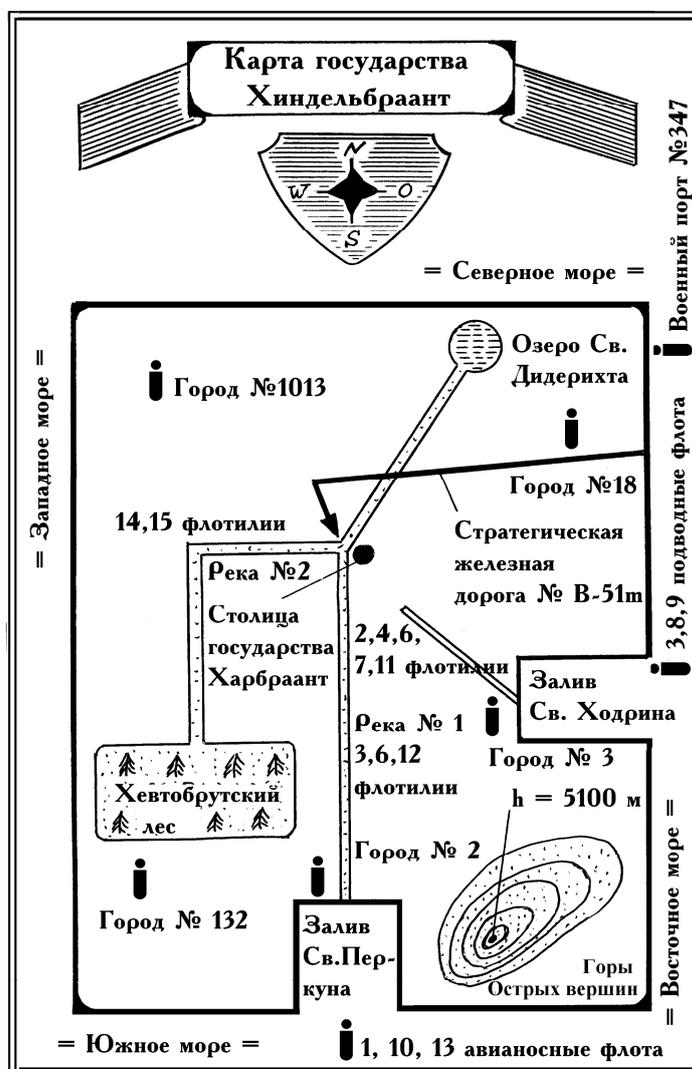
По автострадам непрерывной чередой двигались колонны крытых армейских машин, танкетки, тяжелые и средние танки, самоходки; тягачи натужно тащили платформы со стратегическими и — поменьше — оперативно-тактическими ракетами. В шахматном порядке, в узлах клеток со стороны-шагом, как на глазок определил Виктор Ильич, в два с половиной километра, расположились шахтные установки стратегических стационарных ракет. Воздух содрогался от звуков пронесившихся на сверхзвуковой скорости истребителей и штурмовиков. С вершины неба слышалось монотонное гудение сверхдальних бомбардировщиков.

— Тихо и мирно течет обычная трудовая жизнь миролюбивого Хиндельбраанта,— ласково пояснял по вагонной трансляции приставленный к путешественникам военный гид-проводник.

—Вввеее-еее-сьелооо-о! — вторили ему пикирующие штурмовики, очевидно, имитируя расстрел дорожных колонн вражеской техники и живой силы.

Путешественники интересовались у гида: что за люди в полосатых одеждах носят ведра с водой, а также что за законсервированные — ни дыма из высоких труб, ни огня, ни людей — огромные заводы, по виду металлургические комбинаты, расположены на равнине? Гид же весело отвечал, что люди в полосатых, модных в этом сезоне костюмах — невоенные жители страны; воду же они носят для гимнастических упражнений. А «заводы» — это резервации, лагеря для помещения военнопленных на случай возможной войны, которой, слава Богу, никогда не будет.

Все почему-то замолчали после такого ответа и внимательно начали всматриваться в огромные кирпичные трубы высотой до двух сотен метров. Виктора Ильича почему-то обуяла тоска и невольный страх. И всех других, как отметил он; Леночка впилась ему в плечо. Но поезд, отвернув влево от равнины, уже влетал на всех парах в Харбраант — город серых пятиэтажных домов. Звенели на низких героических нотах и аккордах модные в этом сезоне военные оркестры.

◆ Многая мудрость приносит многие печали; многие и обильные впечатления путешествия утомляют, пресыщают душу и глаза. Но куда бы в дальнейшей его жизни судьба скитальца по собственной воле не заносила Виктора Ильича — самым кошмарным видением и явью для него оставалась память о Хиндельбраанте — государстве военных людей, очень гостеприимной стране, едином военном лагере. Помнился грандиозный военный парад в честь гостей, устроенный в столице Харбраанте, когда перед потрясенными мирными путешественниками по огромной площади Великого Орла-воина отчеканили гусиный шаг миллион меднолицых воинов в квадратных сверхбатальонах 1000×1000 человек. Два миллиона кованых сапог одновременно врезались в гранит площади, заглушая звуки большого церемониального марша «Хиндельбраант царствует над всеми!»

Помнился прием военным президентом государства, исполнявшим заодно и обязанности (не предусмотренного конституцией) гражданского главы государства. После напыщенной церемонии гости возложили венки к подножию километровой высоты монумента — к памятнику легендарного основателя Хиндельбраанта Дюрхику-воителю.

*Легендарный родоначальник династии императоров
Хиндельбраанта*

(Гравюра с картины из областного Военно-исторического музея города № 132
государства Хиндельбраант)

Леночка в придворном женском мундире на малом военном параде, устроенном в честь гостей-путешественников в окрестностях города-санатория № 2

Далее следовали многочисленные ознакомительные поездки по стране. На севере их радушно встречал город № 1013 — построение военно-поселенческого типа. Не жились они на пляжах южного города № 2, города-санатория, битком набитого военными отпускниками, прибывшими сюда для поправки расстроенного в ратном труде бесконечных маневров и учений здоровья, а так как человек без мундира — это не военный вовсе человек, то им разрешалось — со скидкой на пляж — загорать, сняв галифе и сапоги; каски же и китель снятию не подлежали. Очень странно гляделись отдыхающие и купающиеся в полумундирах воины Хиндельбраанта!

В городе № 132 видели они поселение воинов-свиноводов; люди в мундирах работали на гигантских высокомеханизированных фермах-конвейерах, снабжавших беконом, ветчиной, окороками и холодцом все островное государство.

Наблюдали гости большое показательное учение-сражение между 5-ой и 14-ой флотилиями, что базировались при впадении реки № 2 в реку № 1 — величавую красу Хидельбраанта, протянувшуюся своим расчищенным фарватером с севера на юг острова.

На реке № 3, впадающей в Восточное море, любовались с экскурсионных вертолетов на отработку смешанных речно-морских сражений: 2,4,7 и 11-я усиленные авиацией флотилии реки № 3 храбро и умело обороняли устье — на траверзе города-крепости № 3 — от вторжения 3, 8 и 9-го подводных флотов.

В горах Острых вершин путешественники с замиранием сердца смотрели, как группа военных альпинистов с невероятным риском для жизни взбирается по отвес-

ной стороне на высочайший пик Государства (5100 метров над уровнем моря) для водружения бюста Дюрхику-воителю. На противоположном, западном берегу острова, в легендарном Хевтобрутском лесу Виктор Ильич, Леночка и остальные путешественники лично видели, как на их ошеломленных глазах сдвигались целые горы, поросшие хиндельбраантской сосной (лучший материал для ружейных лож), а в открывшихся провалах глубоких шахт маслянисто блистали корпуса огромных стратегических ракет; один такой прибор мог уничтожить весь гнусный Карримардак,— пояснил военный гид и продолжал, что-де таких ракет только на стартовых площадках Хевтобрутского военно-лесного округа восемь тысяч штук!

В конце концов, продемонстрировав все свое небывалое могущество, их миром — к удивлению крайнему! — отпустили восвояси после прощального банкета у милитер-президента, который многозначительно и не единожды говорил:

— Так расскажите у себя дома, что вы видели; мы люди мирные, но, как все убедились, сможем в случае чего постоять за себя! (Как уже потом сообразил Виктор Ильич, не видеть бы им всем свободы, если бы подозрительные жители военной страны не приняли их за шпионов Карримардака!?)

♦ Путешественников отвезли обратно в военный порт № 347, куда прибыл их корабль. Излишне и говорить, что они с трудом узнали свое мирное судно: щедрые хиндельбраантчане бескорыстно подремонтировали потрепанный волнами ковчег путешественников не по своей воле. Теперь это был выкрашенный в серую («шаровую») военно-морскую эмаль броненосец. На случай встречи с гнусными карримардакскими лоханками на верхнюю палубу установили два орудия среднего калибра, лазерную пушку, три касетные установки тактических ракет класса «земля — воздух». Такие же установки были встроены в бортовые ниши-площадки. Под ватерлинией угадывались носовые и кормовые торпедные аппараты. Борта обшили бронеплитами и судно надежно скрыло большую часть своего тоннажа под водой.

Не узнали попервоначалу путешественники и команду судна, не взятую на экскурсию. Теперь перед ними выстроились в идеальную шеренгу по двое прошедшие ускоренные флотские курсы, подтянутые, обмундированные военные моряки.

Боцман, трезвый до безумия, просвистал команду: «Смир-р-р-на!» Моряки выстроились на юте, а капитан корвета отрапортовал признанному дуайену путешественников Виктору Ильичу о своей готовности домчать их на скорости сорок узлов куда угодно.

Поприветствовав своих подопечных, матросы лихо и деловито заносились по палубам и рубкам.

Виктор Ильич рапорт принял, одобрил внешний вид и выpravку экипажа и приказал держать твердый курс на Европу. Пассажиры разошлись по военизированным своим каютам, а броненосец, разведя пары, под салют портовой артиллерии покинул военно-гостеприимный остров. Снова в океан!

Виктору Ильичу почему-то пришло на ум из писания: *«Потому сказываю вам, что отнимается от вас царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».*

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ПЕРНАТЫЙ МУФЛОН

Ростовчанин Федор Михайлович окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4).

Публиковался в зарубежных журналах: «Edita» (Германия), «Процесс» (Чехия), «Новый свет» (Канада), «Лексикон» (США), «На любителя» (США), «Артикль» (Израиль) и других. В центральных российских изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Смена», «Мы», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и К°», «Наша молодежь», в еженедельнике «Литературная Россия». В журнальных изданиях: «На русских просторах» (Санкт-Петербург), «Приокские зори» (Тула), «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород) и других. Автор девяти книг. Причислен к направлению «жестокое» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Ночью из вольера зоопарка одного из южных российских городов таинственно исчез муфлон. То есть, конечно, не сам исчез — экспонат не был склонен к побегам, — да и не так чтобы уж очень таинственно. Его — размышляли удрученные зоологи — грубо и цинично под покровом душной ночи наверняка похитили существа более разумные. Как, например, те же бомжи, коих неподалеку от обездоленного зоопарка, в пойме реки, летом обреталось изрядное количество.

О самом механизме похищения тоже гадать особо не приходилось. Он явно совпадал с механизмом исчезновения купца Портретова из знаменитого уголовного рассказа Чехова «Шведская спичка»: «Мерзавцы убили и вытащили труп через окно». Равно как и купец Портретов, живым муфлон мало кого интересовал: тащить-то его во здравии представлялось чреватым. Куда сподручнее было перемахнуть огражде-

ние вольера и прикончить беззащитную жертву прямо в ее родных пенатах. Дабы затем перебросить свежатину через сетку и, за неимением окна, умыкнуть сквозь дырчатый забор. На воле же труп муфлона, ясное дело, был надежно скрыт путем зажаривания с последующим поглощением.

К тому времени, как в районный отдел милиции от директора научно-просветительского учреждения поступило соответствующее заявление, прошло уже трое суток, и от самого муфлона остались, как в народе говорится, рожки да ножки. А тотальное и радикальное промывание желудочно-кишечных трактов окрестных бомжей никаких улик теперь дать не могло. Однако заявление было зарегистрировано, и факт исчезновения живности по закону требовалось расследовать. И начальник уголовного розыска райотдела поступил так, как на его месте поступил бы и всякий другой начальник УГРО по России: поручил это бесперспективнейшее дело самому на тот момент молодому оперуполномоченному — лейтенанту милиции Игорю Пискареву...

Хоть и молод был сыщик, но он даже после третьего стакана понимал, что отыскать особо ценный экземпляр у него ровно ноль целых и хрен десятых. Тем не менее, он добросовестно облазил весь зоопарк, так что его начали узнавать некоторые из экспонатов, — особенно долго не сводил с лейтенанта желтых зековских глаз огромный уссурийский тигр. Побеседовал Пискарев и с несколькими бродягами, коротавшими время у шалаша из веток на берегу реки — из тех, кто на момент разговора еще мог вязать лыко. Из такового общения опер вынес твердое убеждение, что именно они-то и сожрали несчастного красавца, но подкрепить солидную версию доказательствами... Увы: плевое в общем-то дело превращалось в безнадежный «висяк» — из тех, что уже ни в сейф до лучших времен не засунешь, ни до суда никакими стараниями не доведешь.

Понимая это и ощущая многократно поротым местом пониже спины грядущие неприятности, начальник УГРО ежедневно, на утренних и вечерних оперативках, на глазах у злорадных коллег устраивал лейтенанту показательные и обидные разносы. И, явно переусердствовав в этом, допек Пискарева до отчаяния и богатой идеи, что поскольку следов взлома замка на двери вольера не было, так почему бы и не попробовать от кошмарного фактового дела отбояриться отказным материалом?

Идея сулила покой. Идея спасала всех. Но надо было ее как-то убедительно обосновать... Главное: куда конкретно мог самоустраниться из запертого вольера своенравный муфлон?..

На Руси единственным и доступным каждому сотруднику милиции источником зоологических знаний спокон веку являлась передача «В мире животных». Но наш герой, судя по всему, ее отродясь не смотрел. Иначе бы...

Впрочем, воображением Господь Пискарева не обидел, а посему, основательно поломав голову над чистым листом и обгрызая кончик авторучки едва ли не на сантиметр, оперуполномоченный в муках творчества родил следующий нетленный документ (цитируется полностью):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об отказе в возбуждении уголовного дела

город Н-в

20 сентября 199... г.

Оперуполномоченный ОУР Свердловского ОВД г. Н-ва лейтенант милиции Пискарев Игорь Юрьевич, рассмотрев материал за № 982647 от 29 августа 199... г. по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка,—

УСТАНОВИЛ:

26 августа 199... г. в Свердловский ОВД г. Н-ва поступило заявление от директора городского зоопарка Маркизова Семена Вениаминовича об исчезновении из запертого вольера муфлона.

В ходе сбора материала был опрошен работник зоопарка Котелко Павел Иванович, который утром, при раздаче корма животным, непосредственно и обнаружил отсутствие муфлона в запертом вольере. Произведенный осмотр территории зоопарка и примыкающей к нему местности положительных результатов не дал. Проведенный подворовый опрос жильцов близлежащих домов свидетелей исчезновения муфлона изначально не выявил.

Однако в беседе с работниками зоопарка установлено, что ветеринар учреждения гражданин Бескорвайный Валентин Андреевич, в обязанности которого входит наблюдение за состоянием здоровья зверей и птиц, содержащихся в зоопарке, своевременно не принял необходимых должных мер к предотвращению возможности самостоятельного покидания муфлоном территории упомянутого учреждения, поскольку по бесконтрольности не обстриг ему крылья в срок, указанный в графике обрезаний, что позволило вышепоименованной птице, с учетом наступившего периода перелета пернатых на юг и сильно развитого у семейства муфлонов чувства стадности, при обнаружении стаи диких муфлонов, пролетающих над зоопарком в направлении теплых стран, разбежаться, взлететь и присоединиться к собратьям, каковой процесс улетания наблюдался свидетелями, гражданами Стрюковым Юрием Дмитриевичем и Припойко Сергеем Валерьевичем, лицами без определенного места жительства (отобранные заявления прилагаются к постановлению).

С учетом изложенного, руководствуясь статьей 113 и пунктом 1 статьи 5 УПК РСФСР,—

ПОСТАНОВИЛ:

В возбуждении уголовного дела по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка отказать за отсутствием события преступления».

Пискарев радостно и витиевато подписал документ, и он лег на стол начальника ОВД. Тот немедленно согласился с отказным и даже похвалил молодого сыщика за фундаментальные знания особенностей поведения муфлонов и прочих рептилий. Материал стремительно списали в архив... Из зоопарка, правда, раза два еще звонили и робко интересовались посмертной судьбой муфлона, но к тому времени начальник УгРо уже перевел все телефонные стрелки на Пискарева, а тот важно отвечал: «Ищем... Всем отделом... Как только, так сразу...» А потом зоопарк захлестнули события: заболел африканский слон, у четы уссурийских тигров появилось потомство (ох, недаром полосатый папаша так присматривался к нашему лейтенанту), но больше всего хлопот доставлял недавно прибывший из забугорья сварливый и неуживчивый кот манул. Словом, вскоре о неразъясненной пропаже напрочь забыли...

Но ровно через год грянула гроза. Прокурор, кропотливо проверявший отказные материалы, наткнулся на дело о «пернатом муфлоне». И все было бы ничего — сам проверяющий скупно разбирался в вопросах птичьих перелетов, но вот слово «муфлон» ему показалось до любопытства знакомым...

На беду лейтенанта Пискарева, у прокурора была жена. Да не просто жена, а зоолог. Мало того, кандидат наук. И терзаемый смутными сомнениями муж обратился к спутнице жизни за справкой: действительно ли упомянутые птицы относятся к разряду перелетных и дружны, как октябрюта застойных времен?

Нам неведомо, в каких именно выражениях супруга работника правоохранительных органов отозвалась об умственных способностях своей сильной половины. Важнее другое. Женщина сообщила, что муфлон — это жвачное парнокопытное животное, относящееся к подвиду архаров и размножающееся быстрее других его представителей. А чтобы уж у мужа исчезли последние иллюзии, снисходительно добавила: «Баран. Полорогий. Горный. Каменный. Дикий».

Прокурору хватило смекалки отнести последние высказывания не только на свой счет...

Что сделали с лейтенантом Пискаревым по служебной линии — о том История скромно умалчивает. Надо полагать, ничего хорошего. Но куда хуже другое. С того времени к бедолаге навеки приклеилось обидное прозвище: «Пернатый муфлон». В райотделе опера и до сих пор никто по-другому не называет. Хорошо еще, что за глаза...

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого.

ВЬЕТНАМСКИЕ БУДНИ

Борковский Анатолий Васильевич, родился 08.03.1937 в Одессе. Время пребывания во Вьетнаме: 25.08.1967 — 03.08.1968.

— До сих пор не могу понять,— разводит руками Анатолий Васильевич,— зачем приезжала во Вьетнам рисоводка с Кубани, Герой Социалистического Труда? Как нам объяснили, якобы, для обучения вьетнамцев правильному выращиванию риса. Это кого же она приезжала обучать? Людей, которые в год собирают по три-четыре урожая? Да...

Из воспоминаний подполковника в отставке Анатолия Борковского:

«...В Москве, на военном вещевом складе нас переодели в гражданскую одежду. По документам мы были работниками сельского хозяйства.

До Вьетнама добирались поездом. Вначале «телепались» почти семь суток до Благовещенска. Переплыли через Амур, и впереди замаячила столица Поднебесной.

В Пекине — остановка на неделю. От Пекина до границы — опять поездом. Проездные, прогонные, верстовые, командировочные 50 юаней (как их ни называй) испарились, улетучились, исчезли (как ни называй) еще на китайской территории. А 25 рублей — наш НЗ, наша гарантия от голодной смерти на обратной дороге из Вьетнама — нагло хотели забрать китайские пограничники, прекрасно осведомленные и о нашем НЗ, и о нашей принадлежности к сельскому хозяйству.

Впереди — переправа. Так мы и поплыли по реке Красной на пароме на вьетнамскую сторону в кромешную темень экваториальной ночи. Цикады стрекочут на всю округу, эхо взрывов от американских бомб где-то вдали салютует нашему прибытию. Заждались, видимо, зажрались америкосы без наших ракет. Ну, ничего, все — впереди.

...Что бы вы думали?

Хотя, если взглянуть непредвзятым глазом, то ничего противоестественного и не произошло. Вьетнамцы вправе были устроить нам такое подобие испытательного тестирования — как-никак, а надо было им знать с кем «идти в разведку». В

первый же день мне предложили провести регламентные работы с оборудованием, на котором предстояло работать. При нормативе в 4 часа 20 минут специалисту первого класса — чего скромничать-то? — за глаза хватило 2-х часов.

Потом мне предложили отведать хлебного дерева — хорошо, меня предупредили заранее, что, пройдя этот ритуал, ты становишься своим в доску вьетнамцем. Ем, значит, кусок этого дерь... то есть дерева — мыло, сплошное хозяйственное мыло пополам с замазкой, давлюсь, но ем, ем, нахваливая невиданный — век бы его не видеть, а тем более, не ням-ням кушать — экзотический вьетнамский деликатес. Съел и даже — не подавился.

...Климат?

Климат — как климат. Летом ночью в тени (?), а мы в тень-то и не лезли, — плюс тридцать, естественно, по Цельсию. Мы же — не дураки, мы же работали в кабинах, где ни ниже, ни выше плюс пятидесяти градусов, естественно, опять же по Цельсию, температура не опускалась и не поднималась.

Какие кондиционеры? Без них сбивали их «Фантомы». По первости, одной ракеты хватало на три самолета, когда ракета взрывалась среди группы самолетов, летящих на бомбардировку. А так, обычно три наших ракеты считалось приемлемым вариантом на один их самолет. Пустить ракету на цель и... только успевай смазывать пятки — иначе получишь ответный удар. В Союзе норматив по свертыванию батареи ПВО после пуска ракет составлял около четырех с половиной часов. Вьетнамцы покидали позиции через — внимание!!! — через полтора часа. Передвигались только ночью. Где мы едем, куда едем мы абсолютно не знали, но приезжая на новое место, нас всегда ждала полностью оборудованная позиция, готовая для стрельбы — ха-ха-ха — для стрельбы с лошади стоя.

Кстати, о лошадях: единственной тягловой силой вьетнамцев, кроме, понятное дело, — самих вьетнамцев, были буйволы. Так они в суровую вьетнамскую зиму при плюс 12 (двенадцати) градусов по Цельсию элементарно, грубо говоря, дохли. А мы — балдели от такой температуры. Каждому, одним словом, — свое.

...Быт?

Жили в пагодах.

Пагоды — это наподобие наших храмов (только из бамбуковых стеблей и пальмовых листьев), где через посредников общаются с Богом. И эти самые пагоды американцы — засланные казачки и среди вьетнамцев имелись, такие, значит, Павлики Морозовы вьетнамского разлива — не бомбили, зная наверняка, что в пагодах жили русские специалисты сельского хозяйства. В этих пагодах кишмя кишели крысы, в нашей — тоже. Мы предложили настоятельнице — или, как там ее, эту посредницу при общении с вьетнамским Богом, еще называть — в один момент избавиться от непрошенных соседей, которые чуть ли не изо рта вырывали ложку.

— Что вы! — с неподдельным ужасом воскликнула она. — Хо Ши Мин сказал, что крысы — это наш стратегический резерв животного белка и просто так их, то есть крыс, убивать и, тем более, кушать категорически запрещено. Под страхом смерти.

Во как — Хо Ши Мин сказал!

Это — что?

Угостили, еле упростили детей этой самой настоятельницы пагоды взять у нас пару пряников. Что тут началось! Мать наорала на детей, те в слезах приносят нам обратно гостинцы, мать следом бежит — низя, мол, категорически низя попрошайничать, брать подарки у кого-то ни было. А если взял, то отчитайся перед их деревенским комиссаром на вечерней исповеди у него, значит, а подарки сдай в общий котел. И вообще каждый вьетнамец каждый вечер должен отчитываться перед этим самым заместителем вождя. И попробуй, что утаи — немедленная кара.

Подарил я однажды своему водителю старенькие-престаренькие часы «Маяк» — хорошие, стало быть, наручные часы. Через день, весь измордованный, он попросил у меня справку с гербовой печатью, удостоверяющей, что он не украл эти часы, а получил от меня в подарок. Пришлось выдать ему сертификат оный. Даже командиру полка вьетнамского ПВО выдали справку, когда на день рождения подарили тоже часы, правда «Командирские», которые он скромно попросил, когда мы узнали о его именинах.

...О праздниках?

На 7 ноября — Годовщина Великой Октябрьской Революции (кто забыл или не помнит) — случилось более 150 налетов американцев на Ханой. На Новый год и Рождество, наоборот, ни одной бомбы на город не упало. Ханой, практически весь лежал в руинах. Целыми, невредимыми, такими сиротами стояли Драматический театр, здание электростанции и пагоды. Почему не бомбили театр — не знаю, пагоды — говорил об этом ранее, здание электростанции — в нем держали пленных американцев. И стоило однажды вывести пленных в баню, на обед или куда еще, то в сей же миг электростанция была разбомблена — засланные казачки и здесь сказали свое веское слово. Правда, электростанцию вскоре восстановили и больше из нее пленных американцев никуда не выводили.

...О пленных?

Интересный такой фортель получается. Разбомбят американцы какой-либо мост и предлагают вьетнамцам за такого-то и такого-то пленного за три дня восстановить разрушенный мост. По рукам? По рукам — водное перемирие: и вьетнамцы освобождают пленных, и американцы восстанавливают мост. А через три дня — ровно через три дня — мост опять разбомблен. Мочало? Да, опять начинай сначала.

Но разбомбленные дороги вьетнамцы восстанавливали сами. Асфальтовая дорога и справа, и слева от нее, уходящие за горизонт рисовые поля: воронки, месиво от американских бомб никак не обойти, не объехать, но... Но к утру, ни к понедельнику, ни к началу месяца, ни, тем паче, к началу квартала, а именно к завтрашнему утру — дорога восстановлена, какой бы искореженной она не была».

На том мы и расстались.

Краткая биографическая справка:

- в 1941 году с родителями переехал в Винницу;
- в 1956 году — призван Полтавским ГВК в ряды Советской Армии;
- в 1956—1959 годах — срочная служба в Киевском военном округе (от рядового до старшего сержанта) инструктором радиотехнического оборудования самолета Ту-16;
- в 1959—1962 годах — учеба в Житомирском Краснознаменном радиотехническом училище войск ПВО страны;
- в 1962—1986 годах — служба в различных частях ПВО страны;
- 27.03.1986 — уволен из рядов Советской Армии в звании подполковника;
- в Туле с 1980 года;
- награжден орденом Красной Звезды (29.11.1968), медалями, вьетнамской медалью «За дружбу» (22.07.1968).

Ноябрь — декабрь 2012 года, Тула

СБЕЙ СУПОСТАТА

Ключников Александр Максимович, родился 12.03.1940 в городе Елабуга Татарской АССР. Время пребывания во Вьетнаме: 01.03.1966 — 04.11.1966.

Первый раз лейтенант Ключников во Вьетнаме должен был оказаться в двадцатых числах декабря шестьдесят пятого года прошлого века вместе с ракетно-зенитным дивизионом, где имел честь служить после окончания Энгельсского военного технического училища войск ПВО страны. Дивизион подняли по тревоге. Посадили личный состав на машины. Выехали за ворота части. И...

— И, как гласит военно-фольклорная мудрость: не спеши выполнять первую команду,— смеется Александр Максимович,— последует другая, отменяющая первую.

— Знакомо такое положение вещей,— поддакиваю добродушно.— Чай, в одной Красной Армии служили...

Из воспоминаний майора в отставке Ключникова:

«...Значит, выехали за ворота части, выехали и в тот же час вернулись обратно. Таможня не дала «добро». То есть, китайское правительство банально — наши наперсточники от зависти локти кусали, наверное,— прокинуло наше правительство, пообещав вначале не препятствовать перемещению в полном составе советских зенитно-ракетных частей в Демократический Вьетнам, а чуть запахло жареным — от ворот поворот.

Тогда офицерский состав в срочном порядке начал проходить всевозможные комиссии: от мандатной — через органы (понятно — какие) — до медицинской. Затем — во, хохма парадоксальная — переучивание на устаревшие системы: с шестикабиночной «Двины» на трехкабиночную «Десну». Новых-то, тем более новейших, Союз в другие страны тогда не поставлял. К концу февраля эта бодяга окончилась и нас, прошедших сито проверок, на двух Ил-18 отправили во Вьетнам по маршруту: Сеца — Иркутск — Пекин — Ханой. Почти двое суток полета и из февральской стужи оказались в тропических влажных джунглях.

За два месяца обучили два полка вьетнамских пвошников, и вьетнамские зенитно-ракетные дивизионы выдвинулись на боевые позиции вокруг Ханоя. Первые два пуска делали мы, затем — вьетнамцы сами, но под нашим руководством, справлялись с американскими Ф-15.

Интересный подход у вьетнамцев был к обучению, выражаясь шершавым языком плаката: «Если ты не освоил технику, значит, помогаешь американскому империализму!» Ни больше, ни меньше. Правда, за весь период обучения был отчислен всего один вьетнамец, который практически не был в принципе способен к восприятию даже простой информации, а необходимо было при настройке аппаратуры контролировать до шестидесяти параметров. Лучшие всего усваивали «Науку побеждать», то есть сбивать американские самолеты, пацаны лет 15—17. Да и наши солдаты проявляли, не побоюсь этого слова, буквально, чудеса. Орден Красного Знамени заслужил сержант, пустивший ракету вдогонку самолету, который «нырнул» за гору. Сбил супостата. Сбил, вопреки всем законам физики, аэродинамики и другим заумным наукам. О чем через неделю доложили наземные службы. О каждом сбитом самолете подтверждение приходило ровно через неделю. Как у Теркина: «Кто стрелял?» — так и мы семь дней ожидали результата: попали или не попали...».

— Попали — молодцы! Не попали — попади в следующий раз,— завершает нашу беседу Александр Максимович.

Краткая биографическая справка:

— после окончания ПТУ до 1961 года работал на оборонном заводе электромастером;

— в 1961—1964 годах — учеба в Энгельсском военном техническом училище войск ПВО страны;

— в 1964—1969 годах — служба в войсках ПВО страны под Брянском;

— в 1969—1987 годах служба в войсках ПВО страны под Тулой;

— награжден орденом Красной Звезды, медалями, вьетнамской медалью «За дружбу».

Декабрь 2012 года, Тула

В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ — ПОВАРОМ

Малиновский Иван Иванович, родился 05.08.1932 в деревне Москаленки Освейского района Витебской области Белорусской ССР. Время пребывания во Вьетнаме: февраль — август 1962 года.

Оказывается, с Иваном Ивановичем Малиновским мы служили в одном полку — 51-м гвардейском парашютно-десантном полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии. Правда, служили вместе всего один год. Правда, служили в далеком... не то в семьдесят третьем, не то в семьдесят четвертом году. Естественно, друг друга не помним: он служил прапорщиком в каком-то тыловом подразделении, я — врачом первого батальона.

— Припоминаю только, что полком командовал какой-то нерусский подполковник.— Иван Иванович удобно усаживается в мягкое кресло.— Ноги совсем плохие стали, с палочкой хожу.

— По паспорту он родился в тридцать втором,— как бы оправдывая мужнину возрастную группу здоровья, поясняет Тамара Ивановна — супруга ветерана.— На самом деле он двадцать девятого года рождения.

— В сорок втором поймали немцы почти всю деревню в лесу и не расстреляли нас только по каким-то неизвестным нам причинам. В последний момент дали команду отступить, а так стояли под дулами их автоматов, готовые к самому худшему. После освобождения два года, как принято сейчас формулировать, был занят на трудовом фронте...

— Все бумаги, все документы сгорели,— вновь комментирует Тамара Ивановна.— А по свидетельским показаниям, что представил Иван в военкомат, в выдаче удостоверения участника трудового фронта отказали.

Она показывает заверенные синими печатями два листа свидетельских показания соседей по сгоревшей белорусской деревни.

Из воспоминаний старшего прапорщика в отставке Ивана Ивановича Малиновского:

«...Срочную службу начинал в пятьдесят втором году с учебки под Москвой, где получил профессию повара. Шесть месяцев учебы и два с половиной года поваром в авиационных частях, затем — сверхсрочная служба тоже поваром.

В шестьдесят втором оформили допуск, как положено, переодели в гражданку, собрали команду на аэродроме в Кировабаде и самолетом через Монголию доставили во Вьетнам. В Северный Вьетнам, конечно же.

Кормил наших летчиков. Никуда нас не выпускали. Где располагался аэродром,

до сих пор не знаю. Море было рядом — это точно, джунгли, комарье доставало до печенок. Спали в накомарниках. Полгода пролетели, как одно мгновение... Вот, и весь мой Вьетнам».

— Дослужился до старшего прапорщика на Клоковском аэродроме. После увольнения в запас в семьдесят девятом работал там же, на аэродроме, до расформирования вертолетного полка.

Прощаясь с Иваном Ивановичем, говорю ему, что 51-м гвардейским парашютно-десантным полком в начале семидесятых командовал гвардии подполковник Иосиф Баграмович Оганян...

Март 2013 года, Тула

ДВЕ НЕДЕЛИ ВЬЕТНАМА

Прокопьев Николай Александрович, родился 01.04.1954 в городе Зима Иркутской области. Время пребывания во Вьетнаме: август — ноябрь 1980 года.

С Николаем Прокопьевым мы часто пересекались на всевозможных мероприятиях, проводимых Тульским морским собранием, но что он «разок захаживал» во Вьетнам узнал совсем недавно.

— Значит — про Вьетнам, про вьетнамскую экзотику? — доставая из «дипломата» файлы с фотографиями и два листа машинописной автобиографии, начал Николай Александрович.— АПЛ, на которой я тогда служил, входила в эскорт кораблей Тихоокеанского флота, направляющихся к берегам Вьетнама.

Из воспоминаний капитана 1 ранга в запасе Прокопьева:

«...С Вьетнамской землей, именно, с землей, а не с морем, знакомство проходило всего две недели. Такое время лодка стояла в доке на профилактических регламентных работах и нас, свободных от вахты офицеров и мичманов, отпускали на берег. Отпускали только группами, опасаясь конфликтов с местным населением, которые, мягко говоря, недружелюбно относились к советским морякам. Они же, то есть местное население, остались после ухода американцев безработными со всеми вытекающими отсюда проблемами нищенской страны...»

...Чем питались вьетнамские военные, мы только догадывались, но точно знали, что в выходные и праздничные дни они не стояли на армейском довольствии, перебиваясь, кто, чем может. И такой момент: на лодке, да и на других наших кораблях в тропической жаре у личного состава аппетита особенно и не было. Поэтому в котлах оставались излишки нашего рациона, и повара, то есть коки, эти излишки складывали в большие толстостенные полиэтиленовые пакеты: первое блюдо — в один пакет, второе блюдо — в другой пакет и хлеб буханками — в третий. Пакеты выносились на пирс, где стояли, типа наших мусорных, контейнеры из... нержавеющей стали, к которым спешили с тележками различного габарита вьетнамские военнослужащие. Вот такая, понимаешь, гуманитарная помощь...

...Экипировка вьетнамских военных. Военную форму матросам выдавали на семь лет: одежду, обувь, все остальное. Через год форма напоминала... Не буду о грустном. Надеюсь, в настоящее время с довольствием вьетнамской армии все изменилось в лучшую сторону...

...Поразили нас, конечно, дороги. Ровные, прямые, абсолютно без неровностей: и магистральные, и второстепенные. Американцы строили, одним словом...».

Две недели пролетели незаметно. АПЛ погрузилась на глубину, выполнять очередные приказы Родины. Старшего лейтенанта Прокопьева ждали новые страны, новые морские просторы...

Краткая биографическая справка:

— *учеба:*

— *в 1976 году окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище по специальности — инженер по специальным энергоустановкам;*

— *в 1987 году окончил 6-е Высшие специальные офицерские классы ВМФ (Ленинград) по специальности — заместитель командира соединения АПЛ по СЭУ;*

— *в 1997 году окончил ВАК Федеральной пограничной службы РФ (Москва) по специальности — командная, оперативно-тактическая Погранвойск РФ.*

— *служба (работа):*

— *август 1976 года — сентябрь 1986 года — атомные подводные лодки Тихоокеанского и Северного Флотов СССР;*

— *октябрь 1987 года — декабрь 1993 года — старший помощник, затем — командир технического отдела 1-й Флотилии АПЛ Северного флота;*

— *декабрь 1993 года — май 1996 года — начальник отдела устройства службы и режима; начальник службы войск и воинской дисциплины 1-й флотилии АПЛ Северного флота (капитан первого ранга);*

— *август 1996 года — сентябрь 1999 года — старший преподаватель кафедры тактики Курганского военного института Федеральной пограничной службы РФ (полковник ФСБ РФ);*

— *май 2000 года — сентябрь 2001 года — начальник 89-го отряда Ведомственной охраны Министерства Финансов РФ по Курганской области;*

— *ноябрь 2001 года — май 2002 года — заместитель руководителя Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов РФ по Курганской области;*

— *май 2002 года — март 2006 года — руководитель исполкома Курганского городского отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»;*

— *с сентября 2006 года — инженер технического надзора Центра ГИМС МЧС России по Тульской области.*

— *дальние походы:*

— *1978 год — бухта Апра острова Гуам (Тихий океан, США);*

— *1980 год — Камрань (Вьетнам);*

— *1982 год — арктический переход с Камчатки в бухту Западная Лица Мурманской области;*

— *1983 год — Куба (патрулирование вдоль Исландии, Англии, западного побережья Северной Америки и в Бермудском Треугольнике).*

— *награды:*

— *пятнадцать медалей и знак «За заслуги».*

Апрель 2013 года, Тула

РАСЧЕСКА ИЗ ПОДБИТОГО САМОЛЕТА

Репкин Виктор Иванович, родился 20.02.1935 в городе Щелково Московской области, умер 13.08.1999 в Туле. Время пребывания во Вьетнаме: апрель — июнь 1967 года.

Репкин Виктор Иванович, с отличием окончив в 1956 году Минское высшее инженерное радиотехническое училище противовоздушной обороны, до 1980 года слу-

жил на одном из оборонных заводов Тулы. Уволился из рядов Советской Армии в звании подполковника-инженера, побывав в 1967 году в командировке во Вьетнаме, откуда вернулся с медалью «За боевые заслуги».

Из рассказа сына Виктора Ивановича Репкина — гвардии ефрейтора запаса Андрея Репкина.

«...Отец обучал вьетнамцев стрельбе из зенитно-ракетного комплекса не только теоретически, но и практически. Он первым из советских спецов ракетой сбил американский самолет, вероятнее всего — бомбардировщик В-52. При очередном налете вьетнамцы из расчета попрятались в окопах, а отец — по его воспоминаниям — самостоятельно поразил цель.

...К отцу, как и ко всем нашим военным специалистам, были прикомандированы вьетнамцы — переводчик, личный повар и шофер. Они-то из обломков сбитого самолета сделали расческу и перстень и подарили их отцу. В довесок к подаркам отец из Вьетнама привез и осколок того самого, сбитого им, самолета...».

В ноябре 1967 года В. И. Репкин награжден медалью «За боевые заслуги».

Август 2012 года, Тула

ВОЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ ТОЛОКОЛЬНИКОВ

Толокольников Гений Павлович, родился 10.04.1937 в городе Рубежное Луганской области Украинской ССР. Время пребывания во Вьетнаме: 11.1986 — 11.1990.

Первый вопрос, который я задал Толокольникову при нашей встрече, касался его имени.

— Отец назвал, — и, как само собой разумеющееся, продолжил: — В честь Гения всех времен и народов Владимира Ильича Ленина. Младшую сестру назвали Викторией — опять же в честь Виктории, то есть Победы, и не просто Победы, а Победы Всемирной Революции. Во — как: ни больше и ни меньше.

Отсмеявшись, прошу Палыча — десять лет возрастной разницы не повлияло сразу перейти на «ты» — рассказать об истоках его военной стези.

— Отец погиб на войне, дядя служил в 1-й Конной армии у Буденного — он-то меня вначале и повез в Новочеркасск в сорок восьмом году. Там — сорок человек на место. Меня дальше медкомиссии не пропустили, заявив, — Гений Павлович опять смеется, — что у меня одно яйцо ниже другого. Откуда было пацану знать, что это, наоборот, нормальное явление мужского организма. На следующий год дядя привез меня в Тулу. Начальник училища вызвал старшину, тот сгреб меня в охапку и отнес в баню. Затем — учеба...

Собеседник задумался.

— Сейчас модно разглагольствовать о нагрузках нынешних школьников. У нас: шесть часов занятий, обед, час сна, полдник и самоподготовка до ужина, отбой у младших классов в двадцать два ноль-ноль. Спасибо нашим преподавателям, которые занимались с нами с утра до вечера. За три месяца — некоторые суворовцы и читать-то толком не умели — всех подтянули до среднего уровня. Возились... как с родными детьми. Спасибо еще раз им, нашим педагогам, нашим воспитателям.

Наша беседа за стаканом чая — не за рюмкой, не за рюмкой — а, именно, за стаканом чая перескочила на Вьетнам.

— Увидев на термометре почти сорок по Цельсию, обливаясь потом, спрашиваю у старожилы, который нас встречал: «Как вы в такой жаре спите»? «Запросто,— следует ответ.— У нас же — кондиционеры.— Далее пауза по Станиславскому и... сногшибающие слова.— Правда электричества часто, ну, очень часто, не бывает»...

Из воспоминаний Геня Толокольниковца:

«...В ноябре 1986 года я прибыл с женой в аэропорт Ханоя Ной-Бай, в связи с назначением меня руководителем Военного Представительства Министерства обороны СССР в Социалистической Республике Вьетнам. Самолет прибыл во второй половине дня сразу после мощнейшего тропического ливня. Оформив документы, погрузились в «Волгу» и поехали в Ханой. Вся дорога была полностью заполнена велосипедистами, ехали со скоростью 10—15 километров в час. Темное мрачное небо лежало, казалось, на самой дороге. Вся зелень вокруг являла собой, перефразируя Конан Дойла, этюд в мрачно-ядовито-зеленом цвете. И... тишина... Нет, мертвые с косами вдоль дороги не стояли, но — ни единой птицы в воздухе. Настроение — под стать природе. Как говаривал все тот же Конан Дойл или кто другой, в такую погоду только и совершаются самые гнусные и кровавые преступления.

Поздно вечером разместились в гостиничном комплексе Ханоя «Ким Лиен» на четвертом этаже в двухкомнатной квартире 1-го корпуса. Почти не спали: в какую тьмутаракань нас занесло — синхронно и тревожно металось в наших головах, а на сердце скребли... Да на каком сердце? Это крысы скребли в соседней комнате, обжираясь нашим мылом — тоже оказались неравнодушными к советскому парфюму.

...Утро началось, естественно, с восхода солнца, затем — выезд в аппарат Главного военного советника министра национальной обороны СРВ Героя Советского Союза генерал-полковника Ю. Ф. Зарудина. Доложив о прибытии, получил краткие ЦУ и очень краткие ЕБЦУ — ценные и еще более ценные указания. Спеца учить — только время терять. Свои обязанности в осуществлении руководства работой советских специалистов не вызвали никаких затруднений. Засучив рукава — хотя, какие рукава у безрукавки? — не раскачиваясь и не расслабляясь с дороги, сразу включился в работу.

Через двое суток меня представили вьетнамской стороне в качестве руководителя Представительства Министерства обороны по оказанию содействия в создании объектов для обслуживания и ремонта военной техники, поставляемой из Советского Союза.

За неделю ознакомился с обстановкой на объектах технического содействия — это так назывались всевозможные стройки военного назначения во Вьетнаме, — которых до моего прибытия насчитывалось около 150 в разной степени готовности. На этих объектах трудилось более трехсот советских специалистов.

...Первая командировка на создаваемый объект — училище ПВО в районе Шантая. Без приключений не обошлось: как всегда, «дело было не в бобине...» и далее по тексту — на полдороге лопнул ремень вентилятора двигателя. В десантных войсках не только у каждого водителя имеется своя палочка-выручалочка на все случаи жизни — парашютная стропа; у нас, в багажнике ГАЗ-24 нашлась подходящая веревка, которая и заменила злосчастный ремень. А вокруг... Вокруг поля с непонятно какими овощами-фруктами, издали похожие на капусту. Читал, что во времена Екатерины Великой под Питером в открытом грунте выращивали эту экзотику, но вот так, вживую впервые увидел плантации ананасов.

В училище нас встретил начальник Герой Вьетнама и Герой Вооруженных Сил Вьетнама генерал-майор. После быстрого знакомства, нас усадили за «позавтракать» с длинными, прославляющими компартии обеих стран, тостами... У нас в стране — помните? — набирала темпы антиалкогольная компания. Видя наше за-

мешательство и осторожность, начальник училища полушепотом, доверительно поведал, что всухую произнесенный тост за наши героические народы будет воспринято кое-где наверху превратно, и мы уже без всякого опасения подняли полные стаканы (а кто ж пьет водку из мелкой посуды?) вьетнамской водки «Лемойка».

День работы, затем — переговоры, уточнение планов громадьи и... обед с национальными блюдами все под ту же вьетнамскую водку «Лемойка».

На ночлег остались в училище. Спали под навесом на деревянных кушетках два на два метра, покрытых циновкой с небольшим валиком под голову. Думал, как на этом «безобразии» без матраса и других прелестях цивилизации можно спать? Ан оказалось, что при ночных двадцати пяти — двадцати восьми по Цельсию с плюсом лучшего, чем циновки и деревянные настилы, не придумать. Что с большим нашим удивлением обнаружилось на утро, когда проснулись бодрыми, полными сил и энергии для новых... и застолий тоже.

...Туристический центр Далат, расположенный в трехстах километрах северо-восточнее Хошимина. Город гор и лесов, город озер и водопадов, город громадных сосен и орхидей, гладиолусов и роз, город — сказка, одним словом.

...Или город Хюэ, расположенный в центральной части Вьетнама, который долгое время был столицей страны. Город гробниц династии Нгуенов, которые расположены на берегу Ароматной реки. Каждая из гробниц представляет собой законченный образчик пейзажной архитектуры, являясь неповторимым шедевром древних вьетнамских зодчих...».

Биографическая справка:

— полковник в отставке;

— 1949—1956 годы — учеба в Тульском суворовском военном училище (восьмой выпуск);

— 1956—1958 годы — учеба в Московском высшем военном училище имени Верховного Совета РСФСР;

— 1958—1960 годы — учеба в Омском высшем общевойсковом командном училище имени М. В. Фрунзе;

— 1960—1964 годы — служба в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ);

— 1964—1969 годы — учеба в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева;

— 1969—1972 годы — служба в военно-строительных войсках: начальник строительного-монтажного отдела; начальник производственно-технического отдела, главный инженер строительных организаций;

— 1972—1974 годы — технический специалист в Республике Сомали;

— 1975—1986 годы — старший офицер отдела, заместитель начальника отдела Управления по строительству объектов за границей Министерства обороны;

— 1986—1990 годы — заместитель главного военного советника — руководитель военного представительства МО СССР в СРВ по вопросам технического содействия в строительстве специальных объектов;

— в 1992 год — увольнение из рядов российской армии;

— с 1993 года — заведующий отделом в Московском институте машиноведения имени А. А. Благонравова;

— награжден медалями, вьетнамским орденом «За боевые подвиги» I-й степени.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ПИСЬМО ОТЦУ

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Здравствуй, папа! Я никогда не видел тебя. Сохранилась только одна фотография, где ты с мамой, молодые. У тебя густые черные волосы на прямой пробор и бабочка в светлый горошек. Она с гладкой прической под белым беретом, надетым слегка набекрень.

Берег этот двойной портрет. Всегда боялся его потерять из-за многих переездов, случившихся в моей жизни. Другого доказательства, что был отец — у меня не было.

Когда кончилась война, все ждали возвращения своих отцов. Все, кроме мамы. Это было самое тяжелое, что пережил мальчишкой. Много всего было за долгую жизнь, но это было самое тяжелое.

Завидовал другим, к кому вернулись отцы.

Когда спрашивали, где твой папа, говорил — пропал без вести. Так научила мама. Так часто тогда говорили. Плен, дезертирство, остался в другой стране, вернулся не в свою семью. Или погиб и захоронен в братской могиле — неопознанный, безвестный. Еще не было поисковиков, которые искали такие могилы. Они появились спустя десятилетия после войны. Находили тела погибших солдат, по документам, случалось, находили их родственников. «Воскресали» близкие, сложившие голову на войне. Ты не воскрес.

Я никогда не видел документ, где было бы написано «пропал без вести». Или какой-нибудь другой бумаги о тебе, когда взрослый разбирал наш скромный семейный архив. Не было ни одной твоей фотографии, кроме той, где ты с мамой. Как она уцелела в круговерти многих десятилетий, не знаю.

Люди не любили тех, у кого «пропал без вести». Подозрительность, стукачество были в ходу. Ты такого слова, наверное, не слышал. Стукнуть, значит донести, чаще без всякого основания или «корысти ради», а иногда бескорыстно. Впрочем, может быть слышал.

В то время многие семьи осиротели. Война. Безотцовщина. Но безотцовщина была разной. Папа герой, сложил голову за Родину. Вот медали, ордена. А если «пропал без вести», кто его знает, что за этим стоит. Подозрительно как-то.

Особенно тяжело было, когда настало время получать всякие документы. В графе «отец», посмотрев внимательно на тебя, делали прочерк. Прочерк, этот как бы вы-

черкнули человека. Не было его. А откуда ты взялся, возможны разные варианты. Стыдно было. Мальчишкой все это переживалось больно. Потом привык.

Трудно было без тебя.

После войны было голодно. Хлеб давали по карточкам. У мамы была карточка «на иждивенца», она «по болезни» не работала. У меня — детская карточка. Это черный хлеб, маленький, как плитка шоколада, кусочек. Иногда мне доставалось несколько таких кусочков. Потом я узнал, что она сберегала свои, чтобы дать мне наестся. Пережитый в детстве голод оставил след на всю жизнь. И сейчас в своей семье я не выбрасываю остатки недоеденной еды или хлеба. Или доедаю, чтобы не были выброшены домохозяевами, или сберегаю.

Чтобы как-то выжить мама шила на ручной машинке Singer. Обшивала меня — куртка черного сукна, как сейчас помню, с серой кокеткой. Помню брюки-клеш по-моряцки, без ширинки, с клапаном по бокам на пуговицах. Война еще оставалась в каждой детали быта. Шила и на продажу по ночам. Боялась «финна». Потом я узнал, что финн это фининспектор. Узнав о нелегальном «бизнесе», обложил бы налогом. «Заработок» от шитья был нерегулярным и скудным. Налог бы задушил нас.

* * *

Мама помнила тебя всю свою жизнь. Она хотела, чтобы я был во всем похож на тебя. Поэтому я учился хорошо. Был внимателен к ней. Случалось, мои мальчишеские проступки огорчали ее. Она, обидевшись, долго со мной не разговаривала. Это было самым тяжелым для меня наказанием.

Она говорила — папа был добрым. Я старался быть добрым. Она говорила: папа был образованным. Несмотря на бедность, не заставила идти работать. Настояла на том, чтобы поступал в институт. Что-то было во мне от тебя, как с ее слов я себе тебя представлял. Была планка, которую должен был достичь. Хорошо учился. Поступил в институт. Мама этим очень гордилась.

Ты не переставал жить в ее сознании. Она говорила мне — ты вылитый папа. Тогда смотрел на тот единственный портрет — похож, когда своими годами сравнился с твоими. Теперь тот, на портрете, ты годился бы мне в сыновья.

По вечерам, пока еще был холостой, мы часто выходили погулять вместе. Мама брала меня под руку и, кажется мне, что в эти минуты я был для нее ты. В те первые годы после войны мужчины были нарасхват. Никто не заменил ей тебя. Ваша любовь друг к другу была такой, о которой написано в старинных книгах.

Мама неохотно рассказывала о тех годах, когда вы были вместе. Особенно о том, как все тогда, до войны, жили.

Один ее поступок, запечатлевшийся с детства, спустя много лет показался мне знаменательным и кое-что объясняющим. Но это понял много лет спустя. В школе принимали в пионеры. Пришел домой с красным галстуком на рубашке. Утром, собираясь в школу, галстука не нашел. Мама сожгла его в печке. В коммунальной квартире, где мы тогда жили, была дровяная печка. Не для отопления, для приготовления пищи. Не помню, что сказал в школе.

Знаешь, папа, с годами все больше понимал, что мы с мамой, как бы сказать, были другие.

Она не читала газеты и редко слушала радио.

Когда я окончил техникум, чтобы быть принятым в институт, надо было вступать в комсомол. «Что ж,— сказала мама,— вступай в комсомол». Долго не мог понять, с чем это было связано. Теперь понимаю. Надо было уступить. Уступил и много лет спустя. Надо вступить в партию, сказали мне, давая понять, что без этого дальнейшее продвижение по службе невозможно. Наивный, пошел к шефу спросить, что делать.

Ответ был лаконичный, даже не ответ, а вопрос — что, еще не созрел? Емкий вопрос. Надо было «созреть», чтобы преуспеть в те времена.

Во мне есть ощущение, что мама пошла к баптистам, чтобы отличить себя от того времени и общества.

* * *

Все пережитое с памятного детства — до поры необъяснимая безотцовщина, особенность нашей маленькой семьи из двух человек, — повлияло и влияет до сих пор на мое восприятие или неприятие текущих теперь событий, которые образуют жизнь.

Войну помню и знаю только по книгам, фильмам, песням тех лет. Когда она началась, мне исполнилось четыре года. Меня увезли в Рязанскую область в эвакуацию. До сих пор помню это слово — эвакуация. Где вы были в войну? На фронте? В тылу? В эвакуации? В плену? Хорошо, если на фронте. В тылу — тоже не плохо, если «своим трудом ковал победу». В эвакуации — мама увезла сына к родственникам, где можно было как-то пережить нужду и голод. Хуже всего было тем, кто был плену. Об их судьбе узнал только много лет спустя.

Не было семьи, в которой не было бы погибших на фронте. У нас погиб — умер от тяжелого ранения в эвакогоспитале брат мамы, мой дядя Яков. У маминой сестры Лизы, моей тети, погиб муж Анатолий, морской летчик — лейтенант. Вместе с извещением ей прислали его вещи, из которых мне до сих пор памятен моряцкий кортик. Это была игрушка, какой не было ни у кого из моих сверстников, вызывавший у них зависть. В черных с золотом ножнах, блестящий, острый.

И все-таки когда я смотрю по телевизору праздничные парады Победы, мне кажется, что не испытываю тех чувств, которые испытывают другие. Те, кто знает, где их отцы были во время войны. Где ты, мой отец, был во время войны? Почему кто-то отнял у тебя причастность к Победе? Кто отнял у меня сопереживание вместе со всеми радости Победы!?

От того, что я теперь знаю кто, мне не легче.

* * *

Мои юность и зрелые годы были как у всех тогда.

На мое студенчество пришелся Всемирный фестиваль молодежи. Хорошо помню, как вместе с сокурсниками бегал на улицы, по которым из проезжавших открытых грузовиков нам махали руками и разноцветными флажками черные, белые, желтые молодые люди в сомбреро, чалмах, шляпах, фуражках. Они улыбались нам, мы улыбались им. Как вместе с ними танцевали на улицах. Это был праздник для нас тоже.

Помню победы наших хоккеистов над канадцами. Оторваться от телевизора в дни матчей — было невозможно. Гордость за СССР была искренней и всеобщей. Халл, Бурбоне, Эспозито — это канадцы. Наши — Толя Фирсов, какие изумительные обводы и финты. Его боялись канадские голкиперы, бравады ради игравшие без защитного шлема. Тройка нападающих, равной которой нет и уже, вряд ли, будет — Харламов, Петров, Михайлов.

А фигуристы! Эти зрелища были привлекательны еще и тем, что мы могли видеть не только катание, но и раскованное поведение «ихних» спортсменов и их тренеров, непосредственность выражения их эмоций, их наряды. Это был праздник не только спорта, но и праздник жизни, для нас неведомый. Потому столь притягательный. Фигуристы были тоже всеобщими любимцами.

Гордость за победы наших спортсменов переполняла нас. У себя дома перед телевизором мы тоже вставали, когда исполнялся гимн в честь наших победителей.

И первый и очень неприятный «звоночек» — Белоусова и Протопопов навсегда уехали за границу. Объяснить это тогда никто не мог.

Уже Олимпиада 80-го не вызвала всеобщего воодушевления и гордость за страну, как раньше. Жить стало хуже. Из-за Афганистана мы не добрали целый ряд национальных спортивных команд. Энтузиазма поубавилось. Патриотизма тоже. Поветало холодом с Запада.

Посыпались анекдоты про власть. Не злые — насмешливые, с примесью разочарования. На праздничные демонстрации ходили уже не «по зову сердца», а по обязанности. На службе старались помалкивать. В отдельных квартирах, пришедших на смену коммуналкам, кухня стала дискуссионным клубом. В квартире с соседями, особенно не поговоришь. На кухнях же, завянных табачным дымом, шли жаркие споры о том, что есть и что будет. В отличие от советов, здесь не было поголовного единогласия. Спорили до хрипоты и расходились друзьями. Мини-парламент. Оказалось, измени быт — и изменится идеология.

Параллельно «вольнодумство» среди молодых и немолодых процветало в туристских походах. Песни у костра. Почему-то часто пели «Колыму» и «Таганку». На смену «криминальной лирике» пришли Визбор и Окуджава. Следом авторская песня. Стоило посмотреть на лица и в глаза тех, кто приходил на концерты бардов. Зал и авторы дышали одним воздухом, были едины эмоциями и мыслями.

Это было в мои зрелые годы.

Воздух накалялся. Предчувствие и желание перемен ощущались кожей.

* * *

Я не смог дочитать до конца «Архипелаг Гулаг». Уже был «Один день Ивана Денисовича». Ожидаемое, но не потрясшее произведение. Еще раньше посыпались реабилитации. Узнали, что у многих и многих известных людей — артистов, певцов, ученых их родственники были репрессированы и даже расстреляны. Удивление и недоумение было всеобщим.

Но «Архипелаг Гулаг» был так насыщен описаниями людских страданий, унижений, издевательств, боли, что у меня не было сил читать до конца страницу за страницей. У пожилого уже человека болело сердце, раскалывалась голова, на глаза наворачивались слезы.

А дальше было то, что ты, наверное, не смог бы себе представить. Среди бела дня над головой все в одну и ту же сторону летели вертолеты. И в той же стороне слышались орудейные залпы, так знакомые по фильмам про войну. На экранах телевизора танки шли на толпу, пытавшуюся их остановить. На высоком белом здании из окон вырывались языки пламени, и стена в этом месте становилась черной. Ты мог бы представить, что рабочие своими пластмассовыми касками будут стучать по асфальту, чтобы выразить свое негодование? По телевизору нам нередко показывают, как в чужестранных парламентах депутаты кулаками отстаивают правоту своих взглядов. И в нашем парламенте в то время и до сих пор случается видеть, невиданное ранее — рукопашный бой, как самый действенный аргумент в дискуссии. Ты смог бы себе представить, как председательствующий выносит на обсуждение указ о роспуске одной единственной в стране партии, и депутаты большинством голосов этот указ утверждают? Все это на экранах телевизора транслировалось на всю страну. Некоторым улицам и площадям вернули прежние названия, сняв таблички с именами уходящих в небытие вождей — больших и поменьше.

Такие были времена.

Страна стала другой. Ты бы не узнал ее, буде дожил бы до всех этих перемен. И зная со слов мамы твои убеждения, не уверен, принял ли бы их.

* * *

Жить стало труднее, но интереснее. Открылись шлюзы информации, стали известны факты и события, которые перевернули представление о себе и стране. Теперь ты стал отвечать за себя, за свою судьбу сам, а не «добрый дядя». Какие книжки удалось прочитать! Какие художественные выставки — посмотреть! В Большом театре певцы стали петь оперные партии на языке оригинала. Легализовали джаз. Вспомнили Вадима Козина. Лидию Русланову. Прочли «Бесов». Фильм поставили по этой книжке Достоевского. Вернули Набокова, Бунина, Платонова. По Булгакову поставили фильм «Белая гвардия». Ранее непредставимое! Помню, как переписывали от руки «Реквием» Ахматовой, стихи Мандельштама. Теперь эти книжки можно купить запросто. На смену журналам, изданным на быстро изнашивающейся бумаге и со скромными иллюстрациями, появились гляцевые журналы с непривычно многими страницами рекламы модной обуви, шикарных автомобилей, изящных красоток в туго обтягивающих платьях или откровенных купальниках. Автомобилей отечественных почти стало незаметно в потоке «шевроле», «вольво», «хьюндаев», «фордов», «опелей», «рено».

Научились следить за курсом валют и процентной ставкой. За ценами на нефть и газ. За ценами на продукты питания и ценами за электричество и телефон. Стало много очень бедных и очень богатых. Бедные терпеливо ждут улучшения жизни. Богатые не стесняются выставлять свое богатство напоказ. И в то же время свои коттеджи обнесли высоченными заборами с колючей проволокой поверху. Было ли бы тебе это по сердцу, так свято веровавшему в счастье для всех?

Стали возможными поездки за границу. Без прохождения партийных комиссий. Выправляешь визу и в самолет. Знаменательно, но поначалу, например, британскую визу выдавали нам, российским, бесплатно. Потом за большие деньги и снятием отпечатков пальцев.

Не знаю, кого благодарить, но на седьмом десятке жизни удалось побывать в разных европейских странах. И в Испании.

В Европе тебе улыбаются на каждом шагу. В транспорте, в магазине. Кого-то нечаянно задел, улыбка. Спросишь, отвечают с улыбкой. Как пройти или проехать — тоже объяснят с улыбкой и, случалось, проводят до нужного места, если не далеко. Раздраженных лиц не видел. Хотел бы перенять этот обычай или привычку и улыбаться у нас не рискнул. Скорее всего, неправильно поймут.

Видеть другие страны и полезно, и поучительно. Лучше понимаешь себя и свою жизнь.

* * *

Стал возможным поиск своих близких, исчезнувших из жизни по не всегда понятным причинам или обстоятельствам. Раскрылись архивы. Все ли, не знаю. Кому-то удалось что-то узнать. Получить документы. Узнать о реабилитации. Кому-то нет. Получила свою расшифровку аббревиатура СЛОН. Стали печатать фотографии со стройки Беломорско-Балтийского канала. Был издан альбом с рисунками узницы одного из «лагов» Евфросинии Керсновской.

Мы лучше узнали историю своей страны, которую ты так любил, не зная этой истории.

На одной из знаменитых площадей в центре города на месте снятой статуи не менее знаменитого человека положили огромный камень в память всех исчезнувших из жизни по разным причинам и обстоятельствам. Стало традицией приходить и возлагать к нему цветы. С каждым годом к нему собираются все больше и больше людей. Стоят молча. Кто-то плачет. Речей не произносят.

Однажды пришел к нему и я. Купил десять красных гвоздик. Народу было много. Хотел приблизиться к камню. Расталкивать собравшихся было бы неуместно. Это ведь не зрелище, которое надо непременно увидеть поближе. Вереницей образов и событий в памяти прошла вся моя жизнь без тебя.

Когда перед моим внутренним взором как бы пролистались страницы альбома Евфросинии Керсновской, не смог сдержать слез. Возможно, и тебя постигла участь тех, кто изображен самодельной художницей, видевшей все своими глазами. Мужественной женщины, которой хватило сил и умения создать документ пережитого всей страной,

С полными слез глазами так и отошел с цветами в руках. Отдал их девушке, подходившей к камню.

PS.

Ты для меня всегда был живой. Поэтому так написалось — здравствуй папа! Не помню тебя живым совсем. Как ты держал меня на руках. Как радовался моему появлению на свет. Это все, наверное, было. Но на какой-то краткий момент. Знаю, что тебя давно уже нет — в любом случае. Мама умерла 17 лет назад, не дожив до ста лет этих самых 17. Вы одногодки. Когда раскрылись архивы, у меня не хватило душевных сил искать о тебе правду. Боялся, что она будет столь жестокой, что жить, зная ее, будет невыносимо тяжело.

В моей жизни ты присутствуешь таким, как на той фотографии с мамой — густые черные волосы, рассыпанные на прямой пробор, бабочка в горошек на шее. Добрые, умные глаза. Давно позади остался мой возраст, когда я был, как говорила мама, так похож на тебя. Теперь я стар и сед, а ты, мой папа, так и остался для меня на всю мою жизнь молодым — двадцати трех летним. И будешь таким всегда.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ПО СЛЕДУ «БЕСА»
Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.)

Этот случай, о котором я собираюсь рассказать, к герою моих постоянных публикаций — полицейскому уряднику Сидорову — никакого отношения не имел, но к деятельности крапивенской уездной полиции Тульской губернии имел самое непосредственное. Итак, представьте себе раннее январское воскресное утро 1846 года. На еще темном утреннем небе, гася яркие огни ночных звезд, красной краской запылял утренний рассвет. Пропахшие прогорклыми запахами от дымящихся печных труб тихие крапивенские улицы еще продолжали оставаться во власти сна, когда их тишину нарушили своими колокольными перезвонами крапивенские церкви, оповещая жителей о начале заутренней службы.

В Архангело-Михайловской церкви прихожан было много, а потому на еще одного вошедшего в церковь прихожанина никто не обратил никакого внимания. Высокого роста и широкоплечий, в черном подпоясанном овчинном тулупе, он снял шапку, отряхнул рукавицами свои валенки от снега, а затем провел рукой по бороде и усам, отирая их от налипших в виде сосулек маленьких капелек. Поставив некоторое время у входа, и осмотревшись по сторонам, он, опираясь о палку и прихрамывая на одну ногу, тяжелой поступью пошел сквозь стоявших вплотную друг к другу людей, при этом задевая и толкая их своими плечами. Недалеко от клироса остановился на мгновение, а затем под негромкие и мягкие голоса певчих, шагнул к алтарю.

Священник отец Арсений, громко произнося слова молитвы, стоял у Царских врат и уже собирался распахнуть их и выйти к прихожанам, как в это самое время в расположенную рядом с вратами дверь вошел незнакомый ему человек. Отец Арсений замер от неожиданности и с удивлением взглянул на вошедшего.

— Ты меня знаешь? — грубым тоном, спросил вошедший.

— Нет, не знаю, — прекратив читать молитву, спокойно ответил священник.

— Я — Ермил, — назвал себя незнакомец.

— Чего-то хочешь от меня, Ермил? — продолжая внешне оставаться спокойным, спросил отец Арсений, хотя спокойствие ему давалось нелегко. Он интуитивно почувствовал опасность для себя, которая исходила от Ермила.

Ермил не ответил. Он, сверкая глазами, злобным взглядом смотрел на священника, и сжимавшие рукоять палки его пальцы от напряжения побелели. Нехорошие предчувствия еще с большей силой вкрались в душу и сердце священника. В это время с противоположной стороны иконостаса послышались голоса, и в алтарь вошел церковный староста Андриан.

— А ну, выдь отсель, неча тебе здесь делать! — приказал он, но Ермил на его слова никак не отреагировал, лишь повернулся неуклюже и косым взглядом на него взглянул.— Выдь из Алтаря сказано тебе! — вновь потребовал Андриан, но Ермил в ответ замахнулся на него палкой.

— Молчи, собака поповская! А не то я тебя пришибу! — продолжая злобно сверкать глазами, пригрозил Ермил.

Однако Андриан не испугался. Он ловко одной рукой перехватил занесенную над ним руку с палкой, а другой схватил Ермила за подпоясину и стал вытаскивать из алтаря, но тот не поддавался. Он отмахнулся от Андриана и, взбрыкнув ногой, попытался пнуть его, но Андриан увернулся и, схватив Ермила за волосы, вывел его из алтаря. Заревев от боли, Ермил, в бешеной ярости вырвался из рук Андриана, оставив зажатым в его кулаке пук своих волос, после чего с размаха ударил его палкой.

— Вот тебе, собака! Вот тебе! — Ермил еще раз со страшной силой ударил Андриана палкой по спине.— Запомнишь надолго Федота! — выкрикнул он и, вновь взмахнув палкой, со страшной силой обрушил ее на висевшую перед иконой Казанской Божией Матери лампаду. Со звоном разлетелось битое стекло, и из поврежденной лампы, словно кровь, медленно потекло лампадное масло, роняя свои вязкие капли на истоптанный десятками ног грязный пол.

Увидев разъяренного Ермила-Федота, стоявшие рядом с ним прихожане в ужасе шарахнулись в сторону, певчие прекратили пение, и по храму единым стоном прокатилась волна негодования. На помощь Андриану бросились дьяк Андрей, пономарь Петр и еще несколько прихожан мужчин. Они вытолкали Ермила на улицу и попытались сбить его с ног, с тем намерением, чтобы связать его и сдать полиции, но сделать это им не удалось. Ермил-Федот отчаянно от них отбивался палкой, а затем, заревев по-звериному, растолкал всех в разные стороны и, прихрамывая, подбежал к своей лошади, быстро отвязал ее от коновязи, несмотря на хромоту, ловко запрыгнул в сани и умчался прочь.

— Ох, и силен, шельма! Будто бес в нем сидит! — воскликнул пономарь Петр.

— Он и есть — бес! Слыхал, как заревел-то? Нешто человеку так свойственно как зверю реветь? — тяжело дыша, проговорил Андриан и, взяв в руку горсть снега, вытер им свое лицо.

Спустя четверть часа в церкви была полиция. Осмотрев место преступления, и описав подробно в протоколе разбитую лампаду, они приступили к опросу очевидцев.

В дореволюционный период России преступления совершенные против церкви и вероисповедания, так же как и преступления, совершаемые против существовавшего строя, а равносильно, подрывавшее экономические устои фальшивомонетничество, относились к разряду преступлений особой важности, и к их расследованию нередко подключались жандармы, а сам ход расследования таких преступлений, находился на особом контроле лично у губернатора. Поэтому для раскрытия этого преступления и розыска преступника были привлечены лучшие силы крапивенской полиции.

Из протокола допроса церковного старосты Андриана, цитирую: «Староста Архангело-Михайловской церкви казенный крестьянин Московской слободы Андреян Тимофеев 28 января во время церковной службы он увидел, как неизвестный ему крестьянин самовольно вошел в Алтарь. Он вошел следом и попросил того неизвестного выйти из Алтаря, но тот стал его оскорблять недостойными и матерными словами, а затем ударил палкою. Того крестьянина он в церкви раньше не видел и как его зовут он не знает. Назывался то Ермилом, то Федотом».

Допрошенные дьяк Андрей Супроцкий и пономарь Петр Веслов также показали, что крестьянина, нарушившего тишину и порядок в церкви, они не знают и раньше его никогда не видели. Опрос находившихся на тот момент в церкви прихожан также не дал никаких положительных результатов и расследование, как сейчас сказали бы,

зашло в тупик, и возможно из того тупика не вышло бы, если бы не случай. В тот же день, 28 января, в крапивенскую полицию поступило прошение крапивенского мещанина Владимира Белобородова об избиении его чиновником Чизенковым (*имя и отчество в прошении не указано.— Авт.*) По этому заявлению разбирался квартальный надзиратель Адамов. Он-то неожиданно и получил сведения о преступлении, совершенном в Архангело-Михайловской церкви. В поданном на имя полицейского исправника рапорте он указал следующее: «...в ходе разбирательства жалобы мною установлено, что чиновник Чизенков нанес оскорбления мещанину Белобородову, отстаивая честь своей знакомой Анны Тепловой, которая во время ее опроса высказала претензию, что лучше бы полиция приняла меры к одоевскому крестьянину, разбившему в церкви лампаду, чем притесняет честного человека Чизенкова».

Анну допросили в тот же день. Из протокола допроса, цитирую: «Дворянка канцелярийша крапивенского уездного казначейства Анна Матвеевна Теплова 28 января находилась в Архангело-Михайловской церкви на утренней службе вместе со своею матерью. Во время службы одоевский крестьянин по имени Федот вошел в Алтарь, а затем палкой ударил сторожа церкви и разбил лампаду у иконы Божией Матери. Того Федота она видела в одоевском казначействе, когда приезжала туда по казначейским делам».

В Одоевское уездное казначейство крапивенские полицейские выехали утром следующего дня, а уже в полдень нарушитель тишины и спокойствия давал признательные показания. Цитирую: «Крепостной крестьянин господина Соловьева села Вышина (*возможно Вешино или Вяшино, запись неразборчива.— Авт.*) одоевского уезда Федот Савельев показал, что 28 января он был в Крапивне в Архангело-Михайловской церкви. Он увидел у образа Казанской иконы Божией Матери маленький огарок свечи догорает и хотел его потушить. В это время неизвестный ему крестьянин схватил его за волосы и потащил из церкви вон. Тащил его мимо стола к оному был приставлен фонарь, и он тулупом своим за оный зацепил и оный разбил, после чего тот крестьянин вместе с другими крестьянами вытащили его за волосы на паперть. Он три раза ударил их палкою, чтобы они его не трогали, а он в то самое время хотел вернуться в церковь за своими рукавицами».

Вот такие показания дал задержанный крестьянин Федот Савельев. Однако, принимая во внимание показания свидетелей, крапивенские полицейские не могли признать их правдивыми, и 2 февраля 1846 года крапивенский уездный исправник на имя тульского губернатора направил донесение следующего содержания, цитирую основную и заключительную части донесения с сохранением стиля и орфографии: «Вашему превосходительству честь имею донести, что минувшего генваря 28 числа оного года города Крапивны священник Архангело-Михайловской церкви Арсений Михайлов Успенский в отношении присланных вверенную мне городскую полицию изъяснил, что 28 числа того же месяца неизвестно чей человек по имени себя объявивший то Ермилом то Федотом во время священнослужения в упомянутой церкви непонятно зачем зашел в Алтарь, а затем церковного старосту ругал непристойными словами и палкой своей намеренно расшиб светильник. (...) Расследование данного дела имело быть в непродолжительном времени и отослано на законное рассмотрение и определения в Крапивенский уездный суд. Крапивенский уездный исправник». (*Подпись исправника неразборчива.— Авт.*)

Надо полагать, что за умелые и оперативные действия при раскрытии этого особо опасного преступления, Тульский губернатор поощрил всех крапивенских полицейских, а Тульское управление духовных дел... впрочем, это уже совершенно другая история.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ДВЕ ВОЙНЫ — ОДНА ВИНТОВКА

Рассказ в двух временных пластах

Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге, закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, в Израиле с 1978 года. Главный редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия).

Автор 18 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Печатается в журналах России, США, Израйля, Германии, Франции, Канады, Австралии, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки. Среди литературных премий — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору», 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2014 году на Международном конкурсе журналистики «Неизвестная Россия» стал победителем в номинации «Мастерство» и занял 1 место на международном конкурсе имени Лаврентия Загоскина «Вслед за путеводной звездой» в номинации «Проза», проводимом Русским географическим обществом.

1

— Адрес запомнил? Я тебя спрашиваю, Гриша Кобрин! Адрес запомнил? — настойчиво повторил старшина Ханьков.

— Запомнил.

— Учти, я на тебя надеюсь, хоть ты еще совсем пацан. Напоминаю, моя винтовка — лучшая прицельная винтовка 1941 года. На майских снайперских учениях 1941 года выбила 99 очков из 100.

— Приташу, не волнуйтесь!

— Нет-нет, именно потому, что волнуюсь, я даю тебе прикрытие. Юрий Чучельский пойдет с тобой до опушки леса, а дальше, в Пружанах, ты своим ходом. Только не высовывайся там. Внешность у тебя...

— Что?

— Как тебе объяснить? Немцы подозрительны на твою внешность... Понимаешь?

— Не понимаю.

— Словом, так: не высовывайся! И выполняй задание, как приказано.

— Будет сделано. Винтовку разберу на части, спрячу в мешок с картошкой и притащу. Семью вашу проведу. Доложу: так, мол, и так, прорываемся к своим. Встретимся после победы.

— Голубчик, так и передай — «после победы».

Тень легла на изможденное лицо старшины. Уже два месяца бредут они по лесу, и что ни день — новая неопределенность. Куда податься? Ни фронта, ни партизан. Тьма сознания! А мальчишкам — что? Сдать бы их под пригляд матери и жены, живущих в этих местах, но до них самостоятельным шагом не дойти. Приходится пацанов посылать на проверку: живы ли, здоровы? А им, сумасбродам, бой подавай. Как же, снайперы! Пусть метки они, пусть сверхметки... Но разве бросишь их в огонь? А как пройти меж огня — к своим, и не угодить в полымя? Это еще та география! На штабных учениях не изучена, на маневрах не опробована. Постигай все на своих ошибках. Но тут война, на ошибках не поучишься, каждая — последняя, как у сапера.

— Иди, солдат,— с тяжелым вздохом сказал старшина Ханьков и отдал Грише честь.

Гриша тоже вскинул руку к козырьку фуражки.

— Есть!

Пружаны — городок, знаменитый стрелковым полигоном, где проходили соревнования на первенство Белоруссии по пулевой стрельбе среди школьников, внешне не очень изменился. Некоторые дома, правда, разрушены прямым попаданием бомбы, пара улиц — в рытвинах и ухабах, со следами танковых траков.

Номерные таблички на фасадах домов вели мальчишку к Анастасии Сергеевне и Евгению Никитичне — матери и жене старшины Ханькова. «Уже недолго,— твердил себе Гриша, пряча глаза от проходящих мимо гитлеровцев.— Полста шагов вперед, потом поворот направо и третий дом от угла с небольшим приусадебным участком».

Когда же, наконец, свернул направо, то почувствовал, как по телу прокатился озноб. Третий с краю дом был наполовину разрушен. Кое-где торчали почернелые от огня стропила. Дранка, слетевшая с крыши, усыпала крыльцо.

«Вот так история! Что я скажу Ханькову?»

Говорить ничего не хотелось: ни потом — Ханькову, ни сейчас — самому себе.

Гриша приоткрыл дверь — никого.

Потеряно, шаркая по-стариковски подошвами, прошел в гостиную, усыпанную битым стеклом и спекшимися комками штукатурки.

Напротив, в красном углу, в покореженной, в пятнах копоти рамочке, некогда тщательно отлакированной, заметил свадебный портрет Ханькова.

Старшина ободряюще улыбался, стоя за усевшейся в кресло с букетом цветов на коленях женой. От него, в ладно сидящей армейской форме — кожаные ремни вперекрест, планшетка на боку, усы подкручены по-чапаевски — веяло какой-то былинной силой.

Казалось, он способен взвалить весь этот дом на плечи и унести его, в случае опасности куда подальше, в какое-нибудь укромное место.

Но от дома уже практически ничего не осталось... Война внесла свои коррективы... Нечего было спасать... Впрочем...

Гриша вспомнил, зачем он пришел сюда. Отсчитал третью половицу от окна, выходящего на улицу, поддернул ее финкой, и — открылся тайник. А в нем, как в футляре, лежала снайперская винтовка системы Мосина — трехлинейка, завернутая в парусину.

Гриша проверил затвор: ходит, как миленький. Что ему сделается, когда оружие в надежных руках? Дослал патрон в ствол. Осторожно приподнялся над подоконником.

Выбитая рама. Открытое пространство. Слева, через дорогу, метрах в семи, киоск. Рядом два немца с пенными кружками. Один в форме гауптмана, второй в кожаном плаще, в шляпе с высокой тульей.

«Без пива не можете, суки?»

Гриша аккуратно, без малейшего шороха, примостил винтовку на подоконник.

«Это будет для вас последний глоток!»

Навел оптический прицел на офицера: метр шестьдесят ростом, не больше, глаза голубые, волосы русые, нос маленько помят, как у боксера. Его собеседник был повыше ростом, шире в плечах, с родинкой под левым глазом.

«Вот сейчас мы тебя и научим мигать на этот глаз!» — злорадно подумал Гриша: очень уж ему не понравилась родинка. Чем? Кто растолкует — чем? Не понравилась, и все тут: «Мужчины не должны носить родинки не лице — женское это дело!»

Немцы чокнулись пузатыми кружками.

— Гауптман Кайзер!

— Герр Трайгер!

«Молитесь своему Богу!» — зло прошептал Гриша.

Но в тот момент, когда указательный палец снайпера лег на спусковой крючок, в его уши проскользнуло заветное, словно выкраденное из детства: «Зайтн гизунд!»

«Евреи? — опешил Гриша.— Какие евреи? Откуда? И по-немецки «зайтн гизунд» — это, наверно, «зайтн гизунд» — будь здоров! А если — нет?»

Гриша внезапно ощутил какую-то потливую слабость и незаметно для себя самого отошел от ненависти. Ему расхотелось стрелять. Ему хотелось слушать. Слушать чужую речь. Слушать этих немцев, выглядевших, как немцы, но говорящих на идиш. Или это он ослышался? Но говорили, говорили, и он слышал. «Зайтн гизунд!» — слышал собственными ушами. И еще его ухо выловило... Что? Вот что!

Трайгер — гауптману Кайзеру: «Аклеинере ингеле» — «Маленький мальчик».

Гауптман Кайзер — Трайгеру: «Их вейс?» — «Я знаю?»

Что-то еще было на идиш. Но что? Вроде бы совсем фантастическое: «При переходе через фронт, передай нашим, что «Красная капелла» внедрила своего человека в ставку Гитлера, ждем подробной информации о плане «Барбаросса».

Гриша напряг слух. Но больше не удалось ничего различить. Расстояние. Небольшое — семь метров, но все же расстояние. Оно замыкает слова. Но не память. Имена странных немцев Гриша запомнил. Казалось, на всю жизнь. Герр Трайгер и гауптман Кайзер. Он опять напряг слух. Но какой-то посторонний звук, похожий на шмелиное жужжание, задрожал в воздухе, и вмиг разогнал всех по домам.

«Самолет!» — понял мальчик. И еще он понял: сейчас — самое время проскользнуть к лесу, вряд ли кому попадешься на глаза. Не став даже разбирать винтовку, он замотал ее в одеяло, взятое с кровати, и кинулся к лесу, сопровождаемый эхом от разрыва бомб у железнодорожной станции.

Юрчик встретил его, где и уговорились, в яру под тремя сосенками, сбжавшимися к обрыву.

— Гляди, что делает! — восхищенно показывал он на языки пламени, взметнувшиеся у разъезда, — Видать, эшелон с боеприпасами гробанул! Наша машина — «ДБ-3Ф».

— Откуда знаешь?

— У меня на их звук ухо натаскано. Мой батяня служил на таком же.

Юрчик запрокинул голову к небу, отодвинув в затылок автомат, и из-под козырька ладони всматривался, щурясь, туда, откуда поднимались цветные сполохи. Серая точка, издающая ровное жужжание, увеличивалась в размерах, обретала сигарообразное очертание, размашистые крылья.

— Никакого прикрытия! — сказал Гриша, высвобождая трехлинейку из свертка.
— А ему никакого прикрытия и не требуется! — запальчиво отозвался Юрчик.—
У него знаешь какие пулеметы — артиллерия!
— А скорость?
— Ладно тебе! — махнул рукой Юрчик.— Накличешь!
И, видно, накликал.
— Мессеры!

Вынырнув из-за мохнатого облака, три немецких истребителя, раскрашенные в камуфляжные цвета, с крестами по центру фюзеляжа, догонисто пошли на перехват тихоходного бомбардировщика дальнего действия. Он заложил крутой вираж и попытался оторваться на безопасную дистанцию. Но не вышло. Огненные трассы прочертили воздух, прошли впритирку с кабиной летчика. Самолет задымил, стал терять высоту.

«Все! Конец! — поняли ребята.— Прыгать надо!»

Юрчик сорвал с плеча «Шмайсер». Присел, упер локти в колени. И, взяв на прицел ведущий «Мессер», дал очередь.

— Не переводи патроны! — разозлился Гриша.

— Молчи!

Юрчик был на пределе. В нем на какое-то мгновение возникло ощущение, что за штурвалом падающего ТБ-3Ф он различил собственного отца. И потому, спасая его, он стрелял по «Мессерам», стрелял, стрелял, страшно ощерив рот, пока автомат не заглох и отражатель выбросил последнюю гильзу. Лишь теперь, когда магазин «шмайсера» опустел, и горка отстрелянных патронов испускала легкий дымок, он осознал всю пустоту и глупость затеянной им пальбы.

— Только внимание привлечешь,— жестко сказал Гриша.

— Молчи! Там, может быть, мой папа погибает!

Юрчик со злобой пнул подвернувшегося нектати под ноги ежа, бросил бесполезный автомат на землю. И рухнул следом за ним. Уткнул глаза в мокрый мох, закрыл ладонями уши, чтобы не видеть и не слышать того, что сейчас должно было произойти. Губы его почти беззвучно шептали:

— Прыгайте! Прыгайте!

И будто на зов его голоса, прямо над головой, отделились от бомбардировщика три темных комочка, заскользили с возрастающей силой падения вниз, высветились белыми куполами и упруго зависли в совсем низком уже небе, где-то на уровне ста метров от верхушек сосен.

— Юрчик! Теперь порядок! Идем встречать! — сказал Гриша, беря винтовку под мышку.

Но вражеских самолетов, очевидно, такой «порядок» не устраивал. Они развернулись, вновь легли на боевой курс, и понеслись на беззащитных парашютистов.

Под плоскостями «Мессеров» запульсировали огненные точки. Два шелковых купола вспыхнули, охватили, словно коконом, тела летчиков, и с ускорением бросили их на дно глубокого яра.

Третий парашютист благополучно разминулся с трассой крупнокалиберного пулемета, и плавно приближался к земле. Пятьдесят метров! Тридцать! Двадцать! Еще чуть-чуть, и — здравствуй жизнь!

Однако ас люфтваффе вновь развернулся на боевой курс.

Почти касаясь крыльями верхушек деревьев, металлический стервятник пошел на сближение с беспомощной жертвой.

Охотник на человека нажал на гашетку.

— Мимо! Мимо! Есть попадание!

Восторженное — «есть попадание!» — было последним, что довелось произнести и услышать немецкому майору, сидящему за штурвалом истребителя.

Своей пули не слышат.

Своей смерти не видят.

Гриша опустил ствол оружия.

Протер тыльной стороной кисти заслезившиеся глаза.

И сказал:

— Прав Ханыков. Самая прицельная винтовка 1941 года. Я с ней теперь не расстанусь.

2

Николай проснулся от пронзительного визга. Мара? Да, кричала Мара. Но не у него под рукой, а метрах в ста пятидесяти, у въездных ворот.

Заполоненно он соскочил с кровати, подушку — в сторону, давай форменку натягивать. И, чертыхаясь, подумал: «По тревоге сапоги — правильное, раз — и в обувке. Бери винтовку и вперед! А с этими ботинками намучаешься, пока зашнуруешь».

Но не босым ведь бежать по разрыв-траве, колючкой поросшей.

Женские крики перемежались русскими ругательствами, не на родном для них языке, с акцентом, но без должной выразительности.

— Деньги давай!

По голосу, машинально определил Николай, — это Ахмед, тот, кто хватанул от него по зубарикам на Гришиной квартире за рэкетирские замашки. Считает, паразит, что никакого Израиля не существует, поселение, мол, находится на палестинской земле, и за это надо платить, в особенности русским, понаехавшим сюда от своих белых медведей, что гуляют по Невскому проспекту.

— Деньги давай!

А это братан его — Юсуф.

— Какие деньги, зараза?

А это? Это Изя Майер, свой человек, охранник поселения! Действительно, откуда ему знать про деньги: не всех же вводить в курс рэкетирских запросов местной палестинской мафии. Впрочем, зря позабыл его проинформировать. Как бы дров не наломал?

И сразу же прозвучал выстрел.

«Узи!» — определил Николай, выбегая из домика. Прислушался: ни стонов, ни воплей раненого зверя.

Точное соблюдение инструкций. Сначала выстрел в воздух, потом на поражение. Но второго выстрела не последовало. Послышался хлопок гранаты, и осколки с противным свистом пронеслись мимо уха.

«Черт!» — выругался Николай, вытер пот со лба, повернул кепи козырьком назад, для удобства во время стрельбы, взвел затвор.

На плацу, возле сторожевой будки и ворот в израильское поселение, вырисовывалась довольно занятная, если отбросить страхи, картина американских боевиков.

«Забавно! — подумал Николай. — И пистолет прячут за сливной бачок, как в фильме «Крестный отец». И в заложники берут, точь-в-точь по сценарию фильма «Смерть в подвале». Своих мозгов нет? Впрочем, если и есть, то их им высыплет Гриша Кобрин, старейший снайпер земли израильской, взявший винтовку в руки совсем пацаном, еще на войне с немцами. Кстати, где он?»

Не высовываясь из-за будки, изрешеченной осколками, Николай повернул голову к казарменному кубарю. И заметил Гришу с Юрчиком — они занимали снайперскую позицию у каменного бруствера на крыше.

«Что же теперь? Пуля вылетит — и ага!»

Помахал Грише солдатским кепи, подавая знак: «внимание», но не сунул его под погон, что означало бы разрешение на открытие огня. Надо было прежде разобраться с обстановкой.

Обстановка складывалась в общем-то нормально, если, конечно, позабыть о неучтенной при разработке плана гранате. Оказалось, припрятана она была у старика Ахдаллы, пропущенного на работу в поселение.

«Стариков запрещается обыскивать! — совсем некстати пронеслось в уме.— Очень гуманно, пока не выпустят тебе кишки. Все они на словах старые, немощные, ничего не видят, ничего не слышат. У каждого — больные ноги, больные руки, им тяжело добираться до родной деревни. Ицик прав: сейчас никого нельзя оставлять на ночь за нашей колючкой. Война! Гони всех на их территорию!».

Граната никого не ранила, разорвалась в будке, выбила окно, посекала на пристеночке глиняные фигурки местных умельцев. Но — что удивительно — не задела осколками миниатюрный радиоприемник Юрчика, висевший там же, на шнурке.

Транзистор, как ни в чем не бывало, анонсировал радиопередачу «Из Ливана, с оказией» по рассказу Ефима Гаммера, напечатанному 13 марта 2012 года в литературной газете» в Москве. Она должна была выйти в эфир через три минуты по окончании рекламных сообщений.

«Мой материал,— отозвалось в Николае, и с какой-то грустью подумалось: — Надо бы позвонить в Кирьят-Гат, предупредить маму Моисея — посмертный рассказ о ее сыне».

Но как позвонить? Как предупредить?

Стационарный телефон приведен террористами в негодность, эбонитовое покрытие в дырках, трубка расщеплена. На связь с городом, а тем более с военной комендатурой рассчитывать не приходится.

Впрочем, если честно, эта связь сейчас только помешать может. Первое распоряжение из комендатуры — ясно и без звонка: не принимать никаких решительных действий против захватчиков. Ждать приезда парламентария. Он вступит в переговоры и выяснит условия, на каких террористы согласны обменять заложника.

Велика тайна! Условия понятны и без переговоров. Поначалу — десять тысяч баксов. А если в ответ на вымогательство откажешься платить, тогда... Вот тогда закрутят «политику»: заложника — в обмен на всех наших братьев, страдающих в Израильских тюрьмах.

А страдают за что? За то, что попались, когда шли убивать (или уже убили) безоружных евреев. Либо за воровство, угон автомашин. Мало ли за что? Кодекс восточный, на всех подберет статьи закона.

Николай положил ствол винтовки на основание посеченной осколками оконной рамы и сквозь дверной проем — напротив — взял на мушку Ахмеда: усики, витая шевелюра, глаза с поволокой, а в них томление вселенского масштаба. Это томление, впрочем, отнюдь не мешает левой его руке покоиться на горле Мары. В правой — «Макаров», приставленный к ее виску. Рядом Юсуф и Ахдалла наизготовку с ножами для забивания скота.

— Деньги давай! — повторил Ахмед.— Деньги или ее жизнь!

— У меня минус в банке! — вразумительно разъярялся бандитам свою финансовую несостоятельность Изя, так и не врубившийся в ситуацию.

— Зови на разговор Ури! А то поздно будет! — угрожающе помахал ножом Юсуф.

— Ребята, не шалите! На два ваших ножа у меня припасена одна очередь.

— А на пистолет? — вызывающе улыбнулся Ахмед.

— Пуст твой пистолет, как и твоя башка! — бухнул Изя.

— Ха!

— Он правду говорит, балда кудлатая! — послышалось со стороны.

Ахмед повернул голову на Ицика, скорым шагом приближающегося к нему. И мгновенно перевел «пушку» на бывшего милицейского следователя, чтобы не зарывался, помнил свое место в «раскадровке» ситуации, и остановился, как это происходит по воле режиссера, метрах в пяти от пули.

Ицик остановился. В пяти метрах от пули, которой, как понимал, в наличии нет.

Террорист снова притер ствол к виску Мары, уже не дергающейся, а спокойно ожидающей развязки этой, совершенно идиотской в своей неправдоподобности истории.

Ей тоже было непонятно требование грабителей. «Деньги! Какие деньги? Наличных нет даже в поселковой кассе. А чеки? Ни один банк не обналичит этим разбойникам с малой проселочной дороги чеки, выписанные за оплату воды и электричества».

— Десять тысяч баксов! Или будет пролита кровь! Мы ждем! — давил на басы Ахмед.

— Никто вам не заплатит ни агоры!

— Заплатите! Даю на размышление две минуты! Потом — смерть!

Ицик, в соответствии с ходом мысли советского оперативника, располагал безотказным средством для обезоруживания и добровольной сдачи в плен не слишком изворотливого на бандитские выкрутасы противника.

— У тебя нет патронов, балда! Не веришь? Вот! — вытащил изъятую обойму и показал ее, держа в горсти. Ночью мы обнаружили этот пистолет за сливным бачком и вынули патроны. А пистолет оставили — для приманки. Иначе вас в суд не потащишь — без пистолета».

— Ха! — повторил Ахмед. — Минута! Потом — смерть!

Ицик непроизвольно, подчиненный приливу злости, сдвинул пальцы в кулак, и... Большой палец податливо ушел вовнутрь обоймы. Нет, не наполовину, не на треть — всего на мизинец. Но и этого хватило, чтобы его лицо, секунду назад источающее уверенность и превосходство, как бы потеряло самое себя, осунулось, побледнело, и, более того, приобрело какой-то «могильный» серый оттенок.

«Один патрон был в стволе! — с той же внезапностью осознал Николай. — Как же Ицик не проверил затвор, когда вынимал обойму? А еще бывший следователь!»

— Время пошло! — злорадно, в точности с титрами из какого-то вестерна, оповестил Ахмед. — Тридцать секунд! И — смерть.

Он опять приставил пистолет к виску Мары.

Николай оглянулся на крышу, снял кепи, предупредительно помахал им, сложил пополам, и спрятал под погон.

Выстрела он не слышал. «Глушитель!» Но результаты снайперской работы увидел тут же.

Ахмед свалился ничком, не успев схватиться за простреленный лоб.

Мара кинулась за будку, спасаясь от ножей.

Ножи кинулись за ней вдогонку.

Но их опередили пули из израильского автомата «узи».

В бывшем конвоире советских зеков младшем сержанте охранных войск товарище Изе Майере сработало вбитое в него кирзовым сапогом правило: «Шаг в сторону считается за побег». И он открыл огонь на поражение.

Гриша Кобрин с усмешкой подумал о том, что и он, старик, все еще пригоден для войны, как и его трехлинейка системы Мосина. Он передернул затвор «лучшей прицельной винтовки 1941 года», которая, по словам старшины Ханыкова, на предвоенных снайперских учениях выбила 99 очка из 100, а в его руках угробила больше сотни гитлеровцев. И взял в перекрестие прицела еще одного террориста.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОСУДАРСТВА

Член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Международного Литфонда, Российского Союза ветеранов Афганистана. Занимается научной, педагогической, литературной и общественной деятельностью. Автор более 30 книг. Лауреат Международных отечественных и зарубежных литературных фестивалей и конкурсов (им. Ким Ир Сена — КНДР, им. Назыма Хикмета — Турция, «Диалога культур» — ИРИ, Золотой медали «Дивное слово» — Болгария, «Золотая Ника» — Россия, статуэтка «Александр Македонский» — Греция, «Почетный диплом» Всемирной Федерации непальской литературы — Непал), знаки отличия Центра афганской диаспоры, Московского Фонда культуры и других организаций. Награждена медалями, дипломами, грантами.

Все это произошло десятки столетий назад в одном очень древнем государстве, название которого не сохранили даже летописи. История эта передавалась из века в век, из уст в уста, из поколения к поколению, а я узнала ее от одного современного восточного мудреца.

Рассказ об этой древней безымянной стране удивил меня тем, что, хотя и был похож на сказку или притчу, но при этом многое напоминало день сегодняшний. Так, в исчезнувшем государстве была выборная система власти, процветала «культура воровства», разрушение было объявлено началом строительства, медь продавалась по цене золота, и происходило немало чего другого, не менее интересного, познавательного и странного.

Конечно, этот рассказ не прибавит исторических или географических знаний, ведь забыты как имена правителей, так и точное местонахождение и самой страны, и государства, покорившего ее, но назидательный урок из чужого далекого опыта извлечь можно.

Итак. В очень-очень далекие времена в стране, где были бескрайние земельные просторы, несметные природные богатства, многочисленное население, трудолюбивый народ, расцветали всевозможные ремесла, умирал старый царь. Обычно цари имеют громкие имена, которые им дает ближайшее окружение или прозвища, которыми их наделяет народ. Были в Истории цари, которых называли Великий, Блестящий, Справедливый, Грозный, Великолепный, Правильный, Добродетельный, Львиное Сердце, Ясное Солнышко. Были и с такими прозвищами, как Алчный, Косоротый, Меченый, Беспалый, Лысый и прочие. Конечно, и у царя исчезнувшей страны было имя, но оно нам неизвестно, а вот, судя по всему, жизнь в государстве, хоть и не была идеальной, но народ жил в мире, не воевал, не голодал, имел время и для работы, и для отдыха.

Лежа на смертном одре, думал царь, как сохранить целостность государства и в тоже время разделить наследство между сыновьями, чтобы никого не обидеть. Это в русских сказках «у царя три сына», а у царя той безымянной страны сыновей было больше двадцати и все любимые. Отдашь власть старшему, остальные никогда управлять не научатся, да еще рассорятся. Вот и придумал царь, пусть сам народ выбирает одного из сыновей на царство, а чтобы все было достойно и честно, надо ограничить срок правления двумя годами. А там народ снова сам решит, оставлять еще на срок этого правителя или другого избрать. Так же царь предложил выбирать советников и министров.

И вот огласил царь свой указ. Народ, конечно, возрадовался, что получил право выбора, да и сыновья ничего против не имели, тем более, что и у неизбранных неплохие перспективы. Им предстояло в разных районах государства, куда их выбранный брат пошлет, порядок наводить, благосостояние народное поднимать. Правда, когда в соседних странах стала известна программа умирающего царя об участии народа в выборе власти, то сначала многие очень удивились, но, поразмыслив, поняли, что все равно власть остается в одной династии и восхитились мудростью царя.

Сразу же, как старый царь покинул бранный мир, люди стали обсуждать кандидатуры наследников. Так как опыта выборов и голосования еще не было, то народ раскололся на группы, симпатизирующие разным наследникам, хотя никого из них хорошо даже в лицо не знали, имена путали, да и обещания у всех братьев тоже были похожие, как близнецы. Но в день выборов все собрались на площади перед дворцом, братья-наследники уселись в ряд, поставили перед собой деревянные короба, а жители шли и бросали маленькие камешки тому кандидату, которого хотели видеть на престоле. Избрали того брата, у кого камешков оказалось больше. Такова была первая процедура голосования, и она действительно была честная, без плутовства, подтасовок, без жульничества и подкупа избирателей. Получив власть, избранный брат собрал всех остальных братьев на совещание. О чем у них там шла речь неизвестно, но они в течение ночи разделили государство на части и впервые поссорились, споря, кому куда ехать править. Оставшись один, новый царь задумался: «Два года правления это слишком мало. А на второй срок могут и не избрать. Придется усиленно потрудиться, чтобы обогатиться, как следует. Надо набрать за этот срок столько богатства, чтобы хватило на всю жизнь».

А остальные братья, опомнившись от пережитого шока, что не их народ избрал, стали собирать на брата-царя компромат, вспоминать его слабости, личные семейные секреты, а через месяц сообщая обвинили его в мошенничестве. Не исключено, что и их отец проедал вместе с ними народное добро, но делал это медленно, незаметно, а новый царь действительно в раж вошел так, что жители и сами видели злоупотребления и, потребовав досрочные выборы, избрали другого брата. Но и со вторым, и с третьим правителем история повторилась. Все они брали мзду, любили дорогие подарки и приношения, и в народе пропал прежний энтузиазм и надежда, что жить станет лучше, жить станет веселее, что благосостояние улучшится. А наследники не на жизнь, а на смерть начали борьбу за власть, раздавая бесплатные лепешки в провинциях в обмен на камушки-голоса.

Но неожиданно к началу следующих выборов появился самовыдвиженец, вернее тоже какой-то родственник старого царя, а может, даже побочный сын, ведь первый царь часто выезжал в чужие государства. Народ, глядя на самовыдвиженца, посмеивался, уверенный, что за него никто голосовать не станет, а сыновья так вообще его за конкурента не считали. Действительно, был он невзрачный, картавый, пьянящим зельем злоупотреблял, некоторые даже говорили о его слабоумии. Но часть людей решила, в отместку прежним правителям, отдать свой голос, то есть свой камешек, за этого пришельца, уверенная, что больше за него никто голосовать не станет. Другие

решили свой голос ему отдать, чтобы голоса у других нежелательных кандидатов оттянуть. Третьи думали, чем черт не шутит. Если выберут, то по своему слабоумию новый правитель не додумается до реформ по дальнейшему ограблению народа, а из-за физической слабости войн не будет затевать. И что же? Этот претендент на власть и сел на престол к всеобщему удивлению. И сразу как-то ростом выше стал и держал себя так уверенно и высокомерно, будто заранее знал, что престол будет его при любом раскладе.

Отсюда и начинается самое интересное и странное одновременно.

Имени нового правителя тоже никто не может вспомнить, да и зачем. В истории столько дат, информации и тех же имен, заучивание которых бесполезно. И так в архивах нашей памяти масса ненужной бессмысленной информации. Но, чтобы легче было вести рассказ, назовем его не царь, а монарх. Взойдя на престол, он своим верным людям, приглашенным из другой страны советникам, откровенно сказал, что пришел к власти не для того, чтобы довольствоваться малым. Уже в первый день своего правления он объявил об обновлении государственной политики, и доверенные лица стали подобоострастно называть его основателем нового стиля управления государством, в котором главный тезис «**Люди привыкнут**». И действительно первое время реформы, программы, законы, указы вызывали у населения шок, протест, удивление, но потом люди стали привыкать к непредсказуемым действиям правителя.

Монарх был человек малообразованный, в науках познаниями не блистал, и назначал на самые высокие посты еще более невежественных, чем он, не владевших элементарными знаниями. Высший армейский пост получил толстяк, никогда не державший оружия в руках, а занимавшийся ранее выращиванием сладкой клюквы. Еще он терпеть не мог заниматься прополкой сорняков. Может быть, поэтому и предложил он засеять все приграничные территории колючей крапивой, объявив ее необходимой составляющей для обороны от возможных врагов. Верховный суд возглавил одноглазый водовоз. Кстати, он получил такую высокую должность за то, что предложил бесплатное использование воды из рек сделать нормированным, а дополнительную кружку с водой выдавать за дополнительную плату, что и было незамедлительно сделано. А отдел культуры возглавил сын торговца, молодой выскочка, делавший в каждом слове не менее двух ошибок, но проявивший себя в государственной программе «**Против науки и знаний**», рассказ о которой ниже.

Первоочередной задачей монарха и его нового окружения стала постоянная критика правления предыдущих правителей и в первую очередь старого царя, которого люди все чаще вспоминали добрым словом. Была создана большая группа просветителей-летописцев, которые с утра до ночи и с ночи до рассвета писали и рассказывали о тирании и притеснениях в былые времена. Эти полуграмотные люди профессионально владели набором ругательств, за что отмечались знаками отличия.

Непредсказуемыми были и проводимые реформы. Так, в этом государстве люди испокон веков сами выращивали корма для своего скота, и теперь они продолжали выращивать корм сами, но должны были, вырастив его, сдать государству, а потом выкупать, выращенное своими руками. Создание «частного сектора», видимо, тоже принадлежит монарху-самовыдвиженцу. Жители так же, как и прежде, имели право заниматься торговлей и ремеслами, но теперь для этого надо было получить массу разрешений у царского окружения и самого монарха и заплатить за них немалые средства. Так же был создан государственный орган, препятствующий людям в осуществлении их планов. Один из советников предложил ввести правило, что прежде чем получить разрешение ремесленник должен обойти пешком несколько десятков городских районов, оплатить пользование дорогой и по пути проверить, будут ли покупать его изделия в этих районах, что также надо было оплатить. В результате принятия этих законов отчисления в казну возросли, что увеличивало не столько до-

ход самого государства, сколько монарха и его семейства, которое объявилось вскоре после избрания на трон. Семейство было немалое — жена, дочери, зятя, внуки и внучки. Чтобы было поменьше наблюдателей, как идет распределение доходов, монарх издал указы, чтобы на эти должности назначались слабовидящие люди, либо владеющие искусством не видеть, как грабят казну. При грабеже государственных доходов эти люди и себя не забывали, а в оправдание им ходила по стране притча, о слепом и зрячем, которые ели из одной тарелки. Слепой сначала брал понемногу, затем стал хватать пищу горстями. На замечание зрячего невинно ответил: «Я же не вижу, сколько ты берешь. Может, ты сам хватаешь двумя горстями и мне ничего не оставишь».

Искусство не видеть стало процветать, так как давало все блага и многие добровольно стали закапывать в глаза капли, затуманивавшие ум и зрение и получали высокие должности за то, что не замечали, как вокруг жульничают, мошенничают, обманывают, воруют.

Те жители страны, что поумнее, уже в первые месяцы правления нового монарха стали понимать, что их ждет ужасная трагедия. Одни ученые люди, которые в отместку прежним правителям, проголосовали за нового монарха, страдали угрызениями совести, но не теряли надежду, что власть, основанная на невежестве, скоро падет. И будут новые честные выборы и надо потерпеть, не доводя до разногласий, которые могут привести к кровопролитию. Другие ученые люди, видя, что происходит в государстве, каких невежд назначают на высокие посты, стали уезжать в другие страны и продавать свои знания другим государствам. Третьи, молча, продолжали заниматься своими делами. Четвертые вступили в оппозицию, чтобы заставить одуматься тех, кто занимал высокие придворные посты, министров и советников. Но вокруг монарха сплотились те, кто ради приумножения собственных богатств и высоких постов был готов на любую подлость. Все, кто приобретал хоть самую малую власть, заболели страшной болезнью — алчностью. Люди у власти хотели владеть тем, что им не принадлежало. Для оправдания воровства была разработана программа «**Культура воровства и Искусство лгать**». Был выдвинут тезис: «**Воровство непристойно, но необходимо для укрепления положения**». Не было только сказано, о чем положении шла речь. Идея специальной программы «Культура воровства» полностью принадлежала монарху. Монарх как-то подумал, раз еще он не упразднил культуру воровства и в государстве много мастеров, делающих произведения искусства из камня, дерева, глины, соломы, железа, бронзы, почему не может быть Культуры или Искусства воровства, делания имущества, богатства, денег. Так и появилась государственная программа с пособиями и курсами лекций для начинающих, в которых утверждалось, что все люди — лжецы, интриганы, воры. Но, безусловно, есть те, кто не решается на воровство по слабости характера. Но зато нет тех, кто сможет отказаться от приношения.

Высокий уровень культуры воровства заключался в том, чтобы спокойно, уверенно и хладнокровно тратить чужое, как свое. Лучшим временем для воровства объявлялось дневное, рабочее, так как никто не назовет публичное, открытое присвоение чужого воровством. Перед началом операции необходимо было отвлечь внимание окружающих, назвав кого-то вором и переключив на него общественное око, и спокойно приступить к делу. Ночное воровство осуждалось, так как это время суток для слабых и ничтожных, нерешительных людей. Неотъемлемый принцип культуры воровства — справедливое распределение украденного, то есть необходимо поделиться с вышестоящими и, конечно, с правителем, а не прикарманить все себе. Только зная культуру воровства, можно понять и секрет культуры выживания на высокой и любой другой должности. Также занимающие высокие посты обязаны были владеть «**Искусством лгать**». Ложь — великое искусство. Ложь, произнесен-

ная уверенно, решительно, твердым голосом правдоподобнее правды. Но и это искусство не по силам любому, так как нужен сильный, дерзкий характер. Если только нести в народ ложь, то рано или поздно истина станет очевидна. Высокое искусство лжи — это талант доносить до народа часть правды, умение под нейтральными словами скрывать истину, чтобы прослыть правдивым и честным и заслужить людское доверие, при помощи которого можно повернуть любое дело.

Так как в государстве еще оставались равнодушные, образованные люди, началась **кампания против науки и знаний**. Демонстрировать презрительное отношение к людям науки, искусства, культуры стало нормой. Появились лозунги **«Знания — это нищета»**, **«Избегайте знаний — от них несчастья»**, **«Образование отнимает время от отдыха»**, **«Величайший враг спокойной жизни — знания»**, **«Все проблемы от ученых»**, **«От учености нет удовольствия»**. На совещаниях советников и министров монарх постоянно подчеркивал, что люди делятся на 99 процентов обычных и 1 процент людей, которых называют личности, так как у них есть яркие способности и таланты. И нельзя допускать, чтобы число таких талантливых людей увеличивалось, так как именно такие люди создают проблемы и мешают властвовать. Обычных людей кандидатам на выборах легко привлечь незначительными обещаниями и подарками. Сделать это можно в массовой форме, собрав людей на площадь, раздав сладости или шапочки от солнца. С учеными и культурными личностями надо долго работать, но при этом их голоса, как других, обычных людей имеют одинаковый вес на выборах. Конечно, быстро переделать людей не удастся, — соглашался монарх, — тем более тех, кто успел получить какое образование, знает грамоту и этим гордиться и тех, кому раньше уже внушили, что образование и достижения науки важны для развития государства. Но когда они увидят собственными глазами, что ученые живут в нищете, а у специалистов нет работы, что высокие чины, награды, могущество и богатство у тех, у кого власть, то дело пойдет, как по маслу, и народ будет подчиняться даже полному невежде, если он от него зависит. Поэтому необходимо внушить населению, что знания — это лишнее, а тех образованных, кто уже популярен в народе, надо использовать, так как именно их активность и знания могут обеспечить поддержку власти. Именно они сумеют объяснить большинству населения, что только такая власть им нужна. Монарх постоянно напоминал своему окружению, что в сфере культуры, науки, искусства действуют те же принципы купли — продажи. Советники и доверенные лица использовали все свое мастерство в тонком и щепетильном искусстве втянуть нужных людей в выборный процесс и при этом так выбрать время покупки нужного человека, чтобы не столкнуться с его слишком высокими, завышенными амбициями, самомнением и не переплатить. Они искали и находили рассудительных, которые за разумную плату соглашались поддерживать власть. Стремилась расположить к себе талантливых, находящихся в зените славы певцов, танцоров, поэтов, чтобы не упустить момент, когда их может привлечь оппозиция, и тогда придется платить им тройную цену, хотя уверенности в их преданности не так и много. А уж если находился кто-то из образованных и пытался разъяснять жителям, почему их карманы пусты, и что поругание образования, знаний, науки и культуры самая скорая дорога для гибели государства, то он лишался работы и узнавал вкус нищеты. А уж говорить о том, что не разрушение, а постоянное строительство — свидетельство крепости власти, вообще было преступно, так как в государстве вступил в силу закон, основной тезис которого **«Разрушение — начало строительства и благосостояния»**. Родился этот закон из банального происшествия, когда новый монарх споткнулся во время прогулки в лесу об пень. **«Все должно быть ровно. Не единого препятствия во всем государстве»**, — было записано в тот же день в судьбоносном законе, положившим начало эре разрушения и развала. Сначала вырубали все деревья, затем уничтожили все, что имело какую-то высоту над уровнем

земли. Убрали все постройки и жилье простых людей, конечно, оставив дворец монарха и роскошные особняки советников и придворных, выделив каждому сопровождающего, который должен был идти на шаг впереди, проверяя, насколько земля ровная, чтобы слуга народа не оступился. Конечно, содержать этих служак должны были простые люди из своих средств. Почему люди не протестовали? А вы забыли, что первый принцип правления монарха: **«Люди привыкнут»**. Вот и привыкли жители этого безымянного государства все принимать молча. Все эти акции по разрушению сопровождались хорошо организованной рекламой.

«Кто больше разрушит, тот больше построит». **«Если можете строить, ломайте»**. **«Разрушение — начало благоустройства»**. **«Развал — начало строительства»**. Официально новое строительство согласно указам и законам могло начаться только после полного и окончательного успешного разрушения всего, что было вокруг. А пока люди должны были радоваться, что просыпаются и засыпают на свежем воздухе, освободились от своих домов и всех забот. Им теперь ничего не надо делать, кроме, как разрушать. Соседние страны согласились обеспечивать их всем необходимым, едой и одеждой, получая взамен золото и нефть.

Но начались холода, и люди стали замерзать. Надо было решать проблему отопления. И тогда монарх издал новый указ, чтобы все срубленные деревья и снесенные ранее деревянные постройки превратить в уголь. Этот указ был объявлен самым справедливым за все государственное правление, так как бедные, малоимущие, инвалиды, многодетные получали свою порцию угля бесплатно. Те же, кому выделенных норм было мало, могли купить дополнительно истлевшие угли за большие деньги. Люди, получившие льготный уголь или имевшие излишки, стали тайно его продавать, чтобы купить что-то необходимое и пережить зиму. Это сразу же стало известно правителю и его советникам, и вышел закон, по которому норма выдачи льготного угля была сокращена. А цены на уголь, продававшийся государством, резко возросли. Зима была в тот год лютая, и всем жителям и богатым, и бедным пришлось покупать уголь по завышенным ценам. Прибыль, конечно же, разделили при дворе, согласно программе **«Культура воровства»**. А весной советники монарха разработали вообще самый хитроумный план, неслыханный по масштабу, которому позавидовал бы любой алхимик. **Программа называлась «Медь — это золото»**. Программа была секретной, поэтому, когда на улицах появились скупщики меди с криками: **«Медь по цене золота»**, то люди сначала не поверили своим ушам. Некоторые шептались, что это новое мошенничество, так как настоящее золото всегда стоило в 50 раз дороже, чем обычная медь, но когда торговцы стали платить, конечно, не в 50, а в пять раз больше реальной стоимости меди наличными, то люди понесли им все свои медные изделия. Некоторые обогащались в одночасье, отдавая скупщикам медные чайники, подносы, ложки и вилки, кастрюли, подсвечники, рамы от зеркал и прочую утварь. Многие, получив деньги, сразу же побежали на медный базар, думая скупить там медные изделия и снова продать их скупщикам. Но медный базар был пуст. Все уже было скуплено, согласно государственной программе. Люди пришли в уныние, что остались вообще без тарелок и вилок, но на следующий день вышел царский указ, что каждая семья может приобрести посуду по числу членов семьи по цене в два раза ниже, чем продала скупщикам. Люди благодарили за такую милость правителя, так как пусть не в пять раз, но все-таки имели прибыль. Но со временем, люди ощутили, что такое ограниченное количество утвари очень неудобно, особенно для тех, кто уже имел жилье и хотел, например, пригласить гостей, а дополнительной посуды не было. Кто-то предложил закупить медь за границей, но новый патриотический указ запретил ввоз меди в любом виде из других стран, но разрешил приобретать медные изделия отечественного производства неограниченно, но теперь в обмен на золото. Медь, сообщалось в указе, приобрела историческую ценность, а золото ее потеряло.

Жители стали сдавать все свои золотые украшения, чтобы получить медный чайник или поднос. Потом эти украшения можно было видеть на женах и дочерях царских советников и министров.

Вообще в этот период правления монарха, жизнь придворных приобрела такой размах обогащения, что многие увлеклись играми, которые называли «**Азартные игры**». Причем и простой народ стал так азартно играть, надеясь на выигрыш, что почти прекратил работать, что насторожило монарха, и хотя азартные игры приносили большой доход, он издал закон об их запрете и наказании распространителей, чем очень удивил свое окружение. Но на все вопросы монарх и его ближайший советник загадочно отвечали: «Еще не время. Все свое время». Люди, правда, тайно продолжали играть в безлюдных местах, либо подкупали проверяющих щедрыми подарками. Но вдруг за несколько месяцев до новых выборов монарх, собрав совет из самых верных подданных, сказал: «Время пришло и надо снова легализовать игры». Кто-то оценил это как ослабление власти, но монарх дал убедительное объяснение своей позиции. Оказалось, что указ о запрете игр не отменялся, а только дополнялся. В нем было сказано, что действительно азартные игры не самое достойное занятие, но в рамках начинающейся программы по развитию досуга населения играть можно, но желательно не в рабочее время. Так монарх опередил конкурентов, которые в своих программах хотели вернуть азартные игры и получить дополнительный шанс на избрание на выборах.

В эти же дни была разработана **программа борьбы с внутренними и внешними врагами**, от которых исходит опасность для государства. Правда, проблема состояла в том, что этих врагов надо было создать. «Настоящий враг — это, конечно, большая опасность, — сказал в своем выступлении монарх, — а вот враг-призрак это очень важно и жизненно полезно». Именно такого врага-призрака можно обвинить во всех просчетах власти, возложить на него вину за невыполнение обязательств. Монарх призвал ближайшее окружение отвлекать внимание людей на врагов, так как только в том случае, если народ поверит в существование сильного, опасного, злого врага и в его коварные замыслы, он при необходимости примет участие в трудных и дальних переходах для завоевания чужих земель.

Были разработаны **основные принципы новой предвыборной программы**, которая мало отличалась от прежней, но ей надо было следовать более жестко, чтобы иметь положительные результаты. В программе отмечалось, что люди, население — это стадо, которому нужен пастух. Население будет таким, каким его воспитает власть. Власть ни должна не перед кем отчитываться и ничего объяснять. Простые люди должны быть непрерывно заняты работой, семейными проблемами, домашним хозяйством, добывать свой хлеб в трудах, не иметь свободного времени для размышлений, иначе могут начать качать права, устраивать собрания, а то еще и мятежи. Перед выборами надо громогласно, твердо, убедительно и повсеместно заявлять, что самые невыполнимые обещания будут выполнены, а потом всегда можно найти тысячу причин, почему это сделать не удалось. Простых людей одурачить легко. Если наступает продовольственный кризис, надо постоянно рекламировать полезность голодной диеты и продвигать лозунг: «**Больше спите, экономьте энергию и силы**». И много чего еще было в этой программе. Готовясь к новым выборам, монарх и его окружение действительно работали не покладая рук, разрабатывая принципы, подкрепляющие первый основной: «Люди ко всему привыкнут, будут все воспринимать как должное и даже благодарить, что еще живы».

Но новых выборов в этом государстве не состоялось. История страны, о методах правления в которой рассказал восточный мудрец, закончилась.

Кто-то, наверное, подумал, исходя из известной нам современной истории, что народ все-таки взбунтовался и сверг власть монарха. Нет, в этом государстве у людей уже не было сил и желания для мятежей. У них не было никаких идей и инициатив, а

появилось всеобщее равнодушие, усталость. А когда незащищенное государство оказывается на роковом рубеже нестабильности при несостоятельной власти, упадке науки и культуры, то создается благоприятная почва для нашествий чужеземцев. Так и произошло. Перед воротами этого древнего государства, о котором нет теперь даже напоминаний в летописи, разбили лагерь войска другой страны. Узнав об этом, монарх выступил с речью перед населением, перечислив все свои заслуги и призвав выйти с оружием и заблокировать границы, чтобы враг не проник на территорию страны. Правда, речь его многим показалась какой-то вялой и сонной, что приписали страху перед реальным врагом, а не врагом-призраком. Но последующие события иначе как шокирующими не назовешь. Ни один житель в назначенное время в назначенное место не пришел, так как у народа не было доверия к монарху. На площади собралось два или три советника да торговцы оружием. Даже ближайшее окружение не вышло из своих хором. Естественно, новость молниеносно дошла до лагеря врага, и армия, не пролив ни капли крови, беспрепятственно вошла на территорию страны и сразу же почувствовала себя здесь как дома и даже лучше. Правитель чужого государства, которое было намного меньше захваченного, спокойно занял престол, а жители его страны сразу стали считать эти земли своими и получили разрешение жить в двух государствах по собственному выбору в любое удобное для них время (так родилось, наверное, двойное гражданство). Кстати и с народом захваченной страны заключили соглашение о мире.

Хотите знать судьбу бывшего монарха? Здесь тоже нас ждут непредвиденные неожиданности. Обычно, согласно современной, известной нам истории, угнетатели получали по заслугам от собственного народа. Да и победитель мог казнить бывшего монарха, но так как передача владений прошла мирно, то он сохранил жизнь монарха, чем завоевал добрую репутацию. Побежденного правителя перевезли в государство победителей и там до конца своих дней он жил в достатке, даже роскоши в просторном дворце и наслаждался жизнью. С чего бы ему так повезло? А ларчик открывался просто. Весь секрет оказался в том, что монарх забытого ныне государства был исполнителем политики страны завоевателя, и из этой страны был прислан для участия в выборах под видом родственника первого царя. Он отлично исполнил возложенную на него задачу по уничтожению, растлению и развалу процветавшей некогда могучей страны, которая была лакомым кусочком с ее несметными богатствами, большой территорией, всевозможными ремеслами, многочисленным народом. Все награбленное монарх направлял в страну-завоевательницу, чтобы потом жить на эти средства в свое удовольствие. Вот такая печально-трагическая сказка, притча или действительность, но интересно, что на протяжении долгих веков, узнавая историю этого безымянного государства, правители одних стран брали на вооружение многие политические принципы, методы, планы, программы монарха, эксплуатируя и унижая свои народы. Другие делали выводы из услышанной истории, понимая, что твердой и прочной может быть только та власть, которая уважает свой народ и проявляет о нем заботу. Умные правители, давали согражданам права на жилье, труд, образование, веру, участие в управлении страной и многое другое, разъясняли свои действия, старались проводить реформы в интересах народа. Может быть, и в наше непредсказуемое время, узнав печальную историю исчезнувшего древнего государства, те, кто находится у власти, те, кто тратит силы на каждодневные словесные баталии на телевизионном экране, все, кого называют слуги народа, да и сам господин-народ, всерьез задумаются над старой, как мир, проблемой взаимоотношений народа и власти. И тогда, возможно, сбудется мечта об идеальном государстве на нашей планете.

Яков Шафран
(г. Тула)

ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА ЭНСКА

*Все образы собирательны,
все совпадения случайны,
никому не стоит принимать на свой счет...*

Ростислав Ищенко, политолог

ЭНСКИЕ СТРАННОСТИ

Всякое случается в городской жизни — смешное и грустное, хорошее и плохое, порой и приключения бывают, а порой и трагедии, как взрыв бытового газа, например. А давеча зама губернатора за руку поймали — взятки брал, наверное, непомерно и долго, — тоже трагедия для города, ну как же, лицо Энска пострадало, да и попривыкли к нему, молодцеватому заму. Или не трагедия? Может, она была бы, если б не поймали?.. Да, много чего происходит в городской жизни, и от смешного до грустного частенько рукой подать. Вот, казалось бы, творческая среда, писательская — где, как не в ней, быть концентрации доброго, разумного и вечного? — Ан нет, вот, поди ж ты...

Анатолий Михайлович Славский, заместитель главного редактора газеты «Литературный Энск», спустился по лестнице со второго этажа, где располагалась редакция, выбежал на улицу и стал нервно ходить взад и вперед по аллее небольшого, располагавшегося недалеко сквера. Он что-то негромко, размахивая руками, бормотал, рывком снимал белую — от палящего солнца — кепку, резко смахивал пот с блестящей лысины и вновь небрежно водружал головной убор на место. Любой прохожий, — а их было немало, хоть был разгар, выражаясь по старинке, рабочего дня, чем сейчас уже, правда, никого не удивишь, — мог подумать, что человек явно не в себе.

И было от чего! Сегодня утром главный редактор пригласил Анатолия Михайловича к себе и велел остановить верстку кропотливо приготовленных Славским материалов очередного номера газеты.

— Что случилось, Иван Алексеевич?

— Срочно снимай и не спрашивай, Анатолий Михайлович, — ответил Афанасьев.

— Так ведь авторы уже оплатили, то есть пожертвовали... — попытался возразить Славский.

— Не надо мне напоминать, что газета существует благодаря пожертвованиям авторов и печати тиража местным университетом! — сердито прервал его Иван Алексеевич. — Материалы авторов поместим в следующий номер.

— Мг...

— Представляешь, обе писательские организации, и заметь, одновременно пода-

ли свои статьи, каждая на две полосы, представляющие своих новых членов: первая — генерального директора (понимай, хозяина) крупнейшего в губернии газонефтеперегонного завода Игоря Петровича Ухтомского, а вторая — председателя комитета по культуре и образованию Губернской думы Петра Игоревича Комарика, обе с большим портретом, обширной биографией и рассказом. Так что вся газета отдана этим двум, с позволения сказать, письменникам.

— Неужели и рассказы?

— А то! Что слабо Виктору Ивановичу Рогову с Иваном Викторовичем Горовым по такому случаю по рассказу сочинить?

— Думаю, не слабо, — согласился Славский.

— Занимайся, не теряй времени, а то, как бы чего не вышло, номер-то уже через неделю должен выйти! — завершил разговор Иван Алексеевич...

«Эх! — в сердцах подумал, продолжая ходить по скверу, Славский. — Работаете, работаете, а для чего — непонятно. И деньги-то небольшие, с таких не разбогатеешь. Да и разве дензнаки — главное? Тут вот, скажем, пишешь, пишешь или корректируешь, с орфографией и стилистикой измучаешься, а возьмут и пнут тебя с твоей работой, и дело с концом. И никакой тебе компенсации и утешения. А кто-то нашел себе нишу — гавань спокойную — и держится за нее десятки лет всеми пятью точками, не сковырнешь. Да что там!..» — и махнув рукой, засеменял обратно в редакцию переверстывать номер.

...Читатель уже понял, что в небольшом губернском городе Энске действуют целые две писательские организации: «Писательский союз Энска» и «Союз Энских писателей». Только это еще не все — в городе нет ни единого, более или менее пишущего человека зрелого возраста, кто бы ни был так или иначе связан с одним из союзов. И не мудрено, ведь в самом начале «катастрофы» развернулась целая компания по вербовке как в старый ПСЭ, так и во вновь созданный СЭП (ну, как может один светоч местной литературы пойти в замы к другому?) новых членов. Прямо что-то вроде соревнования было устроено по распродаже, то бишь раздаче за бесценнок, членских билетов. Так и разделились поголовно все местные и районные письменники на два лагеря. Да и где и кем определено, что писательская организация, — а они все сейчас общественные, — должна быть одна? Уж их-то теперь, хоть пруд пруди. Собрались три человека, договорились о чем-то — вот она и есть.

Нет, председатели отнюдь не были врагами друг другу. Где-то даже и на приятелей походили. А там кто их разберет? Ведь чужая душа, тем более председательская, — потемки.

...Журналистское любопытство обуяло успокоившегося уже на следующий день Славского, и он, памятуя, что таковые всегда и обо всем, что происходит в коллективе, знают, позвонил своей старой знакомой Светлане — секретарше Рогова. И та — не по телефону, конечно, а в приватной беседе за чашечкой кофе и ее любимым шоколадным тортом «Вдохновение», — не менее вдохновенно поведала о разговоре двух мэтров, состоявшемся накануне.

А разговор (как подслушанный? — не нам с вами, читатель, грех на душу брать, судить) был таков:

— Что ж это такое, Виктор Иванович?

— Ты это о чем, Иван Викторович?

— Забыл наш уговор?

— Какой из них?

— Ну, давний наш...

— Как же забыл? Все помню: договорились все наследие бывшего СП СССР в Энске поровну разделить, — припомнил Виктор Иванович. — Так и поделили ведь: и

комнаты, и телефоны, и библиотеку, и прочее имущество, а также писателей... Правда, они сами разделились, и что удивительно — почти поровну...

— Не только разделить уговор был, но и в дальнейшем делить все по-братски,— разгорячившись, заявил Иван Викторович.

— Да, да, было такое...

— Ну, и?..

— Что и?— заулыбался Виктор Иванович.

— А депутат с директором?

— А... Ну, так это же моя «рыбка», Иван Викторович, так долго ловленная...

— Эх, Виктор Иванович, старых друзей-приятелей забываешь, а ведь договор, понимаешь, дороже денег, да и на них ведь, твоих человечках, все не кончается. И у меня улов, может, больше твоего будет, и я поделюсь, мало ли? А?

— Да, ты прав, старик,— бес попутал, язвы его в корень!

— Ну, не переживай! Давай лучше их поделим.

— Давай! Газонефтяного директора я беру себе, а ты — председателя,— ничтоже сумняшеся, сказал Виктор Иванович.

— Нет уж! Давай, ты — депутата, а я — буржуя! — в пику ему заявил Иван Викторович.

— Какая тебе разница? — спросил Рогов.

— В смысле?— не понял Рогов.— Буржуин при деньгах, а депутат...

— Опомнись, Иван Викторович,— перебил его Виктор Иванович,— хозяин при больших деньгах, и они дают ему соответствующие возможности, это так, а председатель комитета при очень больших возможностях, а это — те же деньги, понимаешь?

— Это то же, что два плюс три и три плюс два все равно будет пять?

— Вот видишь, ты, сочиняя стихи и прозу, все же высшую арифметику-то не забыл.

— Согласен, давай мне комитетчика.— Иван Викторович почесал затылок и сказал: — Через три недели выходит наш «Литературный Эпск», неплохо бы за это время, получив взносы, конечно, далеко не стандартные, и отпраздновав на банкетах, принять их в союзы и дать материалы в газету с большим фото и биографией.

— Правильно мыслишь, Иван Викторович! Но кроме взносов, полагаю, неплохо бы им издать хотя бы по одной нашей книжке в хорошем переплете и с суперобложкой.

— Хорошее предложение! А мы по одному нашему рассказу им отдадим, пусть их, не жалко для таких людей. Как думаешь, Виктор Иванович?

— Да, ты прав.

— Слушай, а скажи мне по совести, зачем им в писатели подаваться, что им это даст? Ведь у них все и даже больше есть. Того же писателя можно на договор посадить — все, что угодно, напишет литературный труженик за соответствующую зарплату.

— Как не понимаешь, Иван Викторович?

— Ну?

— Раньше, при Советах, духовная сфера общественной была, а сейчас она частная. Вот мы с тобой, если бы не были председателями Эпских союзов, книжки свои на собственные денежки издавали. А им удостоверение члена союза нужно: одному — в Москве, на съезде предпринимателей там или еще где, а другому — в Губернской думе, а там, глядишь, обоим и в Госдуме, показать: вот, мол, мы какие — не только в материально-денежно-политической сфере вертимся-крутимся, но и духовные все из себя, пописываем...

— И о вас прописать можем!

— Вот-вот... Кстати мы тут недавно приняли одного директора издательства Энского пединститута. Поэт, сам пишет, между прочим. Ну, думали, теперь все книжки свои и коллективные сборники будем бесплатно издавать — печатать, то бишь... Не тут то было! — Принципиальным оказался. Так мы ему прописали такую коллективную рецензию на его книжку и разместили ее, где только можно, что его теперь вряд ли где напечатают, и отношение в литкругах будет соответственное...

— Правильно сделали, нечего тут!

— Но вернемся к нашим пегасикам... Так что, согласен?

— Согласен, давай депутата, по рукам!

— По рукам-то по рукам, но это, Иван Викторович, я тебе даю. Поэтому с тебя та девица, молоденькая поэтесса, которую ты себе недавно в новые секретарши взял, Светлана, кажется, ее зовут. Пусть у меня посекретарит.

— Хм... — глубоко вздохнул Горов. — Ну, да ладно, чего для друга не жалко. Только и ты пойми, от сердца, что называется, отрываю, поэтому и с тебя, друг Виктор Иванович, причитается.

— Что хочешь, Иван Викторович?

— Ты собрался принимать в свой союз одного молодого и перспективного стихотворца.

— Кого ты имеешь в виду?

— Того же, кого и ты — Смольникова Валерия.

— Лады, — немного подумав, вернее, представив все видимые и невидимые достоинства получаемой в дар молоденькой поэтессы, согласился Рогов.

...Теперь читатель понимает, почему раздосадованная и оскорбленная в своих лучших чувствах Светлана так подробно, в мельчайших деталях, рассказала все Славскому? Всю ночь не спал Анатолий Михайлович, все думал над услышанным, думал о том, какие дела в подлунном Энском мирке творятся, и вспоминал свою личную историю взаимодействия с союзами.

...А началось это взаимодействие сразу же по приезде Славского из центра соседней губернии в Энск. Пришел он тогда со своими книжками и конспектами в СПЭ познакомиться с местными писателями. Нужно сказать, что Анатолий всегда выглядел солидно, а тут по случаю надел свой лучший костюм, что заметно прибавило ему респектабельности. В союзе за столом в одиночестве сидел седовласый человек и читал какой-то журнал. На приветствие вошедшего, он встал и протянул посетителю руку. Как оказалось, это был сам председатель — Виктор Иванович Рогов. Разговорились. Анатолий Михайлович показал ему свои книги, вырезки из газет, список публикаций, кое-что прочел вслух.

— Вы хотите вступить в союз? — спросил Рогов, делая ударение на «хотите».

— Если старшие товарищи посчитают возможным меня принять и дадут рекомендации, то да, — ответил Славский.

— Нет! Я спрашиваю, *вы* (он сделал сильное ударение уже на «вы») хотите вступить?!

Теперь-то Анатолий Михайлович понимал: «Какие рекомендации? — Пустое это все! Денежки нужны были, видимо он принял меня за богатого», — подумал он.

...Вспомнилось ему, как еще в ранней молодости пригласили их отметить день рождения знакомого подруги жены в расположенном недалеко от дома Анатолия ресторане. Поднимали тосты, выпивали, ели, танцевали... А в конце оказалось, что у друзей нет ни копейки денег, чтобы расплатиться за все... На недоуменный взгляд Анатолия Вадим, так звали «знакомого подруги», заявил: «У вас (так же, как и Рогов, делая ударение на «вас») что, денег нет?!» Недолго недоумевали Анатолий с женой, пришлось ему идти домой — ведь он был в квартале хода от ресторана — и принести требуемую сумму, о которой «друзья» потом благополучно забыли...

...И тогда в союзе писателей недоумение Анатолия Михайловича было недолгим. Отворилась дверь, и вошедший седовласый, как и Рогов, мужчина с возгласом: «Эх-ма!» припечатал к столу пол-литра чистой, как слеза, жидкости. Вслед за ним пришел еще один седовласый, как потом выяснилось, заместитель председателя Кленов, и достал из портфеля пластиковый контейнер с порезанной на кусочки селедкой и пакет с порезанным же на аккуратные ломтики, дурманно пахнущим черным хлебом. Славский собрал книги и бумаги — он не был любителем выпивок, хотя мог, конечно, поддержать дружеское застолье, немного выпив для атмосферы. Но с чужими людьми, как в данном случае, не любил этого делать. Потому, чтобы не мешать компании, ушел.

...Прошло полгода. Как-то позвонил Рогов и, продиктовав телефон Афанасьева, главреда «Литературного Энска», сказал, что тот хочет с ним поговорить. Славский созвонился с Иваном Алексеевичем и на следующий день встретился с ним. Тот, посмотрев документы и трудовую книжку, предложил Анатолию Михайловичу должность заместителя. Славский сразу же согласился, ибо любил эту живую — с авторами, издательствами и материалами — работу. Но тут началось. Еженедельные звонки от Рогова и Кленова чередовались с аналогичными от Горова и его зама Неелова с предложениями набрать на компьютере тексты их рассказов, повестей и романов, стихов и поэм и отдать их, естественно, бесплатно, в газету, чтобы печатать с продолжением. Зная финансовое положение газеты, Анатолий Михайлович посоветовался с Афанасьевым.

— Поступай, как хочешь. Набирать, не собирать — дело твое. А то, что финансы у нас поют романсы, знаешь сам, — ответил тот на вопросы Славского.

Анатолий Михайлович мэтрам отказал. После чего его нигде — ни в альманахах, ни в коллективных сборниках обоих союзов даже за деньги не печатали и несколько раз к ряду проваливали на собраниях по приему в члены. К слову, эти собрания — тема отдельного фельетона. А дело вот в чем.

Например, в союзе 50 членов, из них 15 человек недееспособны, то есть уже давно ничего не пишут и куда не ходят. А «изюминка» в том, что каждый из не посещающих собрания давно уже написал «вечную» доверенность на имя только одного человека. И этим счастливец, конечно же, является сам председатель. Следите за мыслью? Получается, на собрании как бы присутствуют все 50 человек, но голоса не равноценны: председатель, вместе со своим, имеет 16 голосов и может распорядиться ими по своему усмотрению. А если учесть, что несмотря ни на какие рекомендации и агитации, как председатель проголосуют еще 3—4 человека, то хотя бы слегка знакомому с арифметикой становится ясно, что, имея 19—20 голосов, можно при желании заблокировать или, наоборот, принять любого кандидата, так как прием осуществляется при наличии 2/3 голосов от 50-ти, то есть 34-х.

Читатель может возразить: «Ну, а новые члены, они ведь дееспособны, на собрания ходят и могут проголосовать “не так”?» Святая наивность, все предусмотрено: на одного-двоих независимых (талантливых ведь все же надо принимать) всегда примут двоих-троих, пусть и менее талантливых, а может, и вовсе посредственных, но — своих. Вот и вся «высшая математика». И она одинакова как в одном, так и в другом союзе, которые, как читатель уже понял, в Энке суть одно, но разделенное на два предприятия. Ну, как тут не вспомнить постоянно краснеющего Александра Яковлевича из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Вспомнилось это все, и так тоскливо стало на душе общительного и деятельного Анатолия Михайловича, что хоть... Нет, наш герой, несмотря на сильные душевные переживания не только от несправедливости по отношению к себе, но и вообще от несправедливости, не таков, чтобы бежать топиться на дальний мост, где хоть какая-то река течет...

Куда же податься бедному литератору Славскому из этого затянутого тиной озера литературной жизни Энска? Тут как-то мелькнула надежда. По городу прошел слух, что собираются создать Общество духовных писателей. Нашелся и энтузиаст, который под это Общество уже и литобъединение организовал, куда вошли созданные им же два клуба духовных писателей. Да недолго они просуществовали и вместе с так и не открывшимся Обществом канули в лету. Оклеветали человека и «ушли», вот и дело с концом. Нечего высовываться и баламутить «чистую» заводь.

Так что, уважаемый читатель и не менее уважаемый литератор, культура и ее важнейшая часть — литература,— думается, дело общегосударственное, а не частное. В противном случае таких и еще больших странностей нам не миновать!

ИНКВИЗИТОР

Многое происходит в жизни. Часто даже такое, что думаешь: ну, вот это — точно выдумки, а если и нет, то уж точно не со мной произойдет, ан нет, глядишь, и случается. Вот и в славном городе Энке, утопающем в зелени, где наряду со зданиями новейшего архитектурного стиля мирно уживаются здания всех предыдущих эпох, произошла, читатель, следующая история.

На старой тихой улице, среди маленьких частных домов, стояло старинное красивое здание университета, в прошлом пединститута, готовившего добропорядочных советских учителей, так хорошо описанных в произведениях многих советских же писателей, а теперь — сугубо «болонских» спеццов (не поворачивается употребить в применении к ним доброе старое слово — «специалист»). И работала в этом университете преподавателем немецкого языка и литературы Александра Михайловна Харламова. В прошлом — нужно сказать, она, будучи активной подвижницей некоей христианской церкви — сейчас уже не упомяну какой,— вела на местном телевидении передачу «Спасение» — во времена оные чего только не было на телевидении и радио, вспомним хотя бы пресловутое «Аум-синрикё». А до этого, в «катостроечные» годы, по линии комсомола Александра Михайловна вела молодежное кафе, где в неформальной обстановке, не мытьем так катаньем, подвигала молодежь на «ускорение», «углубление» и «расширение».

Завела она по былой памяти в университете литературную гостиную. Дело-то само по себе благое, хорошее. Да вот только людей со всего города собиралось, в интимной, так сказать, обстановке, всего 3—5 человек. Пришел как-то, узнав о мероприятии из газеты, и поэт Николай Кириллович Яковлев, которому, ну, не нравилась келейность всех городских литобъединений и клубов, мечтавший о широком общественном движении по развитию культуры, литературы и в частности поэзии — бывают же такие люди! — среди горожан. Гостиная ему весьма понравилась и своим антуражем, и дружелюбной обстановкой, да и имевшимся рядом большим залом, что тоже немаловажно. И решил,— эх, почему он не был ясновидящим? — что будет ее активным участником, будет приглашать авторов и вообще творческих людей и, что считал главнейшим,— слушателей.

Николай Кириллович рассказал об этом Харламовой, она отнеслась с одобрением, и он, не щадя живота своего, стал обзванивать друзей и знакомых, приглашая их со знакомыми же на мероприятия. И что вы думаете? — Уже на третью, считая от первого его появления, гостиную пришло около семидесяти человек! Был создан литературный клуб «Светоч»,— они с Александрой Михайловной — сопредседатели,— стали проводиться, кроме гостиных литературно-музыкальные вечера, посвященные известным поэтам и прозаикам, важным общественным датам. Словом, работа пошла. Но вот беда — преподаватели университета, имеющие отношение к филологии и русской словесности, именитые литераторы, приходящие иногда на гостиные и вечера,— никто,

кому, как говорится, сам Бог велел, так и не подвинулся на занятия с любителями и начинающими. Никто! — Сколько бы разговоров с ними на эту тему ни велось.

Посему решил Яковлев, что поговорка «Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается» в данном случае не работает, ибо «сказка» долго сказывалась, а работа ни на йоту не продвигалась. И он, не бросая работу в «Светоче», задумал организовать еще один клуб, но уже при местном Обществе содействия развитию культуры. Там уж, думал Николай, — где еще, как не там? — точно найдутся люди, которые станут продвигать народную литературу и способствовать совершенствованию любителей — поэтов и прозаиков.

Когда Яковлев зашел в кабинет к председателю Общества Максиму Сергеевичу Родомыслову — молодому симпатичному человеку, — его весьма поразил шикарный вид кабинета, наличие последней марки кондиционера и новейшей модели компьютера. Теперь он не удивлялся богатому авто представительского класса у входа. Кроме того на стене кабинета висел огромный — полтора метра на метр — живописный портрет хозяина кабинета. При первых же словах знакомства Николай Кириллович почувствовал непререкаемый начальственный тон — это у молодого-то человека! — и дистанцию, создаваемую всем поведением собеседника.

Но выслушав, то ли сообразил для себя новую выгоду — «Господи, да какую же?» — подумал Яковлев, — то ли он попал, что называется, «в струю»: может быть, поветрие такое создалось в городе, или, скорее всего, это будет хорошо для некоей отчетности верхам... Так или иначе, а случилось, что Родомыслов сразу согласился... Позволил, дал добро.

Теперь дело стало за малым — найти себе помощника в организации нового клуба, — и название уже Николай придумал на ходу — «Радость».

Вот тут-то мы и приступаем ко второй части нашей истории...

Жил в Патрусевске сын в прошлом крупного советского чиновника Алексей Сергеевич Владимиров. Окончив среднюю школу, он не захотел идти по стопам своего отца — институт, партшкола и далее партийная же или чиновничья карьера, а пошел в военно-морское училище, после окончания которого ходил по разным морям земного шара и дослужился (не без помощи авторитета папы, конечно) до капитана 1-го ранга, командира крейсера. В свободное время на корабле выучил английский и немного испанский и, как говорится, в иностранных портах пил виски и ром.

Однако пришла перестройка, вернее, катастрофка, флот сильно сократили, и он, не дослужив до положенного срока два года, сошел на берег, вернулся в родной город, размышляя, чем бы заняться, в чем его предназначение? Все вокруг уже, казалось, ответили себе на эти вопросы, и в ажиотаже бросились зарабатывать деньги. И тут Владимиров в зале филармонии на концерте заезжего московского солиста встретил старого знакомого. Правда, не сразу узнав его, он заходил то спереди, то сбоку, а когда понял, что это его одноклассник Дмитрий Семенов, обратил на себя внимание, назваля. И тот — уже Дмитрий Иванович, лысоватый и с брюшком — узнал в подтянутом, но с обильной сединой, человеке Алексея. И началось: «Сколько лет, сколько зим!» — «Да как ты?» — «Да где ты?» — «Ну, это же надо, вот так встретиться!» — «Да-а-а!..» — «А ты постарел...» — «Да и ты, гляжу...» и прочая и прочая. Весь антракт ушел на эти обычные реплики.

В следующем антракте они, вновь встретившись в фойе, разговорились.

— А ты, значит, моряком стал?

— Да.

— Откуда же прибыл?

— С Черноморского флота, из Севастополя.

— До кого дослужился?

— Капитан 1-го ранга в отставке.
— Это как полковник, что ли?
— Ну, да. А ты как сейчас?
— Я владелец фирмы.
— Ого! А чем твоя фирма занимается?
— Компьютерами и телевизорами.
— Ты по специальности электроник? Что закончил?
— При чем здесь «электроник»? А закончил наш пединститут, но это неважно.
Я — бизнесмен!
— Ну, а если, Дмитрий, нужно разобраться в технике, а ты в ней, гуманитарий, ничего не понимаешь?
— На то у меня есть инженеры-электроники. Слушай, а иди ко мне, ты кто по военной специальности?
— Инженер по автоматическим системам управления.
— Вот! Мне как раз требуется начальник отдела над всеми этими электрониками, которые нужны, чтобы в случае чего довести телик или комп до ума. Пойдешь?
— А пойду! — сказал Алексей Сергеевич.
Так наш герой стал сразу чуть ли не замом директора, то бишь, хозяина фирмы. И вот тут-то...

Но прежде нужно коснуться внутреннего мира Владимирова. Школа, военноморское училище и служба его, находились под мощной, как теперь выражаются, крышей отца и отцовских связей в верхах. И когда в истории страны случился — хотел, дорогой читатель, сказать перелом, да язык не поворачивается, — катастрофический слом, и все привычное быстро и разом рухнуло, и отец, скорее из-за стрессов, а не по возрасту, быстро покинул сей мир, что совпало с досрочным увольнением Алексея Сергеевича из армии и его «швартовкой» в родном Энке, но уже без «крыши», без связей и без денег, так как они обесценились прямо на глазах, вот тут-то и вылезло таившееся в глубинах его души содержание... Привыкший всегда и везде быть первым: школа с золотой медалью, лучший по сумме баллов выпускник училища, на службе — хоть и сторожевого катера, но командир, и далее командир эсминца, командир крейсера, — он и здесь, на фирме, никак не мог свыкнуться со второй ролью. Была ли это моральная неустойчивость из-за плохого воспитания или генетическая предрасположенность — трудно сказать, здесь нужно проводить глубокое психологическое исследование личности. Но, так или иначе, оказавшись в данной ситуации, Алексей Сергеевич проявился именно так, а не по-другому. Между Владимировым и Семеновым началась тайная война, вернее, односторонние действия первого против второго, о которых последний долго не догадывался, — привык доверять людям, тем более другу детства и человеку, получившему из его рук все готовенькое. А когда понял, было уже поздно, ибо за два года «друг» сплел такую сеть интриг и подкопов, что нервы Дмитрия Ивановича — а нервы в те годы, по сути, войны за выживание у людей были на пределе, — не выдержали, и он с инфарктом попал в больницу... Когда же выписался, фирма была уже не его, а благополучно перешла в руки Владимирова. Видимо, до больницы Дмитрий Иванович наш где-то, как-то, что называется, «подмахнул», не глядя, один документик, да оно и понятно, не до того было... Но не будем останавливаться на подробностях, как это все делалось, — хоть дьявол и в деталях, — ибо читатель и без нас поднатюрел в этом, посматривая многочисленные телесериалы на тему «друг, жена, сын и так далее... кинул». Одним словом, разобравшись в том, что произошло и кто виноват, и не зная что делать, от горя Семенов впал во второй к ряду инфаркт, после которого, как сказал врач, бороться было уже противопоказано. И получив часть капитала в виде отступных, — совести еще хватило у бывшего друга, — ушел в сторону.

Так Владимиров стал крупным бизнесменом. Но, несмотря на положение, была у него одна слабость. Алексей Сергеевич еще с юности любил петь под гитару. И вот это его увлечение и привело однажды на гостиную в «Светоч».

И тут начинается третья часть нашего повествования.

Владимиров не пропускал ни одного заседания клуба, более того, активно выступал на гостиных, вечерах и выездных встречах: пел, читал стихи классиков, вслух анализировал произведения выступающих. Все бы хорошо, но со временем — ну, как скрыть большое? — была замечена за ним одна странность: Алексей Сергеевич перед каждым мероприятием подходил к Яковлеву и настоятельно просил ставить его аналитическое выступление самым последним, даже после самих ведущих, то есть обзорно завершающим. Это стало несколько коробить ведущих, пару раз они ставили Владимирова в конец списка выступающих, но, прослушав его амбициозные критические выступления, отказали в этом. Отказ был воспринят нашим «героем» недоброжелательно. Но больше он этот вопрос не поднимал и по-прежнему, среди прочих, пел, читал и анализировал, однако только тех, кого успел прослушать.

И вот, когда клуб «Радость» был организован, и были проведены две гостиные, Николай Кириллович понял, что на оба клуба его не хватит. К тому же, нужно сказать, он был занят еще и работой в редакции одной из губернских газет. Проследив за активным участием Алексея Сергеевича в работе «Светоча», оценив положительно его организационные способности и умение разбираться в людях и произведениях (а амбиции руководителю не помеха), и, несмотря на отмеченные отрицательные моменты — на безрыбье и рак — рыба,— надеясь, что загруженность работой и ответственность сбалансируют плюсы и минусы, Яковлев предложил ему возглавить «Радость». Владимиров сказал, что никогда не руководил творческим коллективом, кроме того, сам не литератор, а только исполнитель. Но Николай обещал ему активную помощь, на этом они пришли к согласию, и уже на следующей гостинной в ОРСК Яковлев представил пока еще нескольким участникам клуба нового руководителя. Николай Кириллович сдержал свое обещание — всячески поддерживал Алексея Сергеевича и не только в «Радости», но и в «Светоче», передал ему всю методику организации гостиных, тематических литературных вечеров и выездных мероприятий, телефоны всех знакомых ему энских литераторов и исполнителей, постоянных слушателей-зрителей, а также известных в городе авторов исторических и краеведческих проектов, творческих людей районов губернии.

Поначалу их сотрудничество складывалось хорошо: Яковлев помогал Владимирову организовывать и вести мероприятия, подсказывал что-то по телефону, сам приглашал новых людей в «Радость». Однако постепенно стали происходить довольно — опять-таки! — странные вещи: новый руководитель стал явно тяготиться Николаем Кирилловичем, нервничать, несколько раз в разговоре резко отвечал, а потом и на самих мероприятиях стал публично ему хамить и с каждым разом все сильнее. Тогда-то и оставил Яковлев «Радость», тем более что там все заладилась.

«Радость» процветала — уже информация по всему городу и не только пошла о том, что в Энске кроме известного клуба «Светоч» еще и новый клуб есть, который проявляет свое особое лицо. Но не тут-то было...

Стал Николай вдруг замечать некоторое охлаждение к себе со стороны Харламовой. Вот она стала частенько намекать ему, что он как бы что-то должен рассказать, в чем-то признаться... Даже на одном вечере, посвященном Г. Р. Державину, она опять весьма загадочно, при всех, предложила ему «это» сделать. А когда он с непониманием поглядел на нее, последовало: «Нет? На вечере не хотите?..» Но в глаза о причине своего такого поведения сказать так и не решилась...

Прошел месяц. И вдруг раздался телефонный звонок:

— Ну, как там дела у сайентологов? — спросила Харламова.
— Что-что?
— Да-да, Николай Кириллович, мы все знаем.
— Не понял, Александра Михайловна, в чем дело?
— В Интернете опубликована информация: вы в списках московской сайентологической организации!
— Не может этого быть!!!
— Да как же это? Своими глазами видела!
— Так вы же Интернет не любите и не работаете в нем. Сами ведь сколько раз говорили!
— А мне показали!
— Да кто же?
— Алексей Сергеевич проявил бдительность.
— И что он вам показал?
— Да я же вам уже сказала!
— Боже мой, ну, как же это может быть, если я туда никогда не вступал!
— Это вам судить, как это может быть. Но факт есть факт! Поэтому, Николай Кириллович, мы в ваших услугах более не нуждаемся!
— Большое вам спасибо! Теперь получается, что я ни к одному из организованных мною клубов и отношения никакого не имею?!
— Ну, почему же? Вы можете приходить, слушать, выступать...
— То есть как руководитель-сопредседатель я уже не нужен?
— Получается, что нет...
— Понятно, ведь клубы уже не только организованы, но и известны в губернии, благодаря...
— Николай Кириллович, разговор закончен!
— Вот как! И это все на основе этого интернетовского фейка?
— Какого еще «фейка»?
— Это же клевет, клевета, подделка!!!
— Ну, нет, Николай Кириллович, документ со всеми реквизитами — адресом, электронной почтой, телефонами. Телефоны, правда, уже устарели, но почта оказалась прежней. Мы списались и нам все подтвердили. Вы в списках!
— Да этого просто не может быть!!!
— Так, мы уже по второму кругу с вами пошли...
— Всего доброго, Александра Михайловна, суди вас Бог!
— И вам того же!..

На сем они расстались. Ошарашенный не только новостью, но и отношением, Яковлев долго не мог успокоиться. Как же? Его детища — уже не его, отобрали, даже не поблагодарив за сделанное. Но, понемногу успокоившись, он решил все же войти в Интернет и попытаться разобраться — правда ли есть такая информация? Николай набрал свою фамилию и имя в окне поиска в Google, и сеть выдала ему множество страниц. Оказалось, на земном шаре у него было множество тезок. Упорно, где-то с час времени, «полистав» странички, он, действительно, нашел-таки себя в некоем списке, датированном годом пятнадцатилетней давности. И он начал вспоминать...

В те годы, живя в Москве, Яковлев интересовался разной информацией, в основном духовного плана, бывал на презентациях разных учений, ради любопытства и для литературного творчества, приобретал там книги, чтобы поглубже познакомиться с предметом. Пришел он как-то и на сайентологическую презентацию. Хотел купить у них книгу — киоск располагался рядом с входом, прямо за ресепшн. Но, оказалось, чтобы это сделать, необходимо было пройти. А чтобы пройти, нужно было зарегист-

рироваться, то есть просто сообщить свои Ф. И. О., что Николай легко и сделал, ни о чем таком плохом и не думая. Это только потом, пройдя через многие тернистые жизненные обстоятельства, приобретя многие знания и опыт, он понял, что сайентология — это новое издание «информационной армии». Тогда же, приобретя книгу, он напрочь забыл о своем посещении, тем более о каком-то списке на ресепшн. Вот так Яковлев и попал через пятнадцать лет, как кур во щи, в «костер инквизиторов». И «раскопал» это все (это же нужно было так постараться!) наш «героический» моряк и бизнесмен Владимиров, из благодарности, конечно.

Зато университет приобрел предмет своей гордости, пунктик в отчете для верхов — не допустил «сайентолога» в свое чистое лоно, выявил и удалил, «дезинфекцию» произвел, так сказать, инквизицию*.

Все бы хорошо, да на литературные гостиные в «Светоч» стали ходить все те же прежние 3—5 человек. Несмотря на все попытки Владимирова стать сопредседателем клуба (кстати, у него это не получилось), люди как-то так, сами по себе, разбрелись кто куда. То ли неинтересно стало, то ли привыкли к Яковлеву, к тому, как он приглашал, вел, звонил после мероприятия — благодарил за участие, обсуждал... Ведь фактор душевного подхода еще никто не отменял, как и душу, и ее проявления. Харламова же, как говорила — в силу занятости, — а фактически из-за характера, этого делать не стала, да и не могла. А Владимирову то ли разрываться на два клуба стало не с руки, то ли — что более соответствует истине, — люди его в «Светоче» не приняли... Вот и вспомнилась старая русская поговорка: «Бог не Микишка, Он все видит». Но клуб «Радость» процветал по-прежнему. «Что это — избирательность? — думал Николай, и сам себе отвечал: — В известном смысле, да. Ведь более виноват не доносчик, а тот, кто ему поверил. А доносчик от содеянного, может быть, мается во сне и наяву. Ну, да Бог ему судья!»

Харламова, призванная, по самой должности своей, сеять разумное, доброе и вечное, когда закулисные дела сработали на прекращение деятельности в области литературы в самом, что ни на есть отдельно взятом, лоне культуры и образования, растерялась, так как не ожидала подобного эффекта. А ведь уже и студенческая молодежь, было, потянулась...

Ну, а клуб «Радость», как и на былой службе Алексея Сергеевича крейсер, двигался по жизни своим ходом, но уже под его единоличным командованием, впрочем, как и «завоеванная» фирма. Все свои способности на сто процентов реализовал этот человек — вписался-таки в общество победившего Хама. Красиво получилось, ничего не скажешь!

КРИТИКИ

«Критики должны иметь место. Без них не может быть полного счастья».

Ильф и Петров
«Хроника б. Херсонской губернии»

Много в жизни такого, над чем хочется посмеяться. К тому же смех, говорят, полезен для здоровья, но больше для тех, конечно, кто сам смеется. А тому, над кем потешаются, зачастую и обидно бывает, и даже очень. Вот и приходится смеяться внутренним смехом, когда лишь чуть подергиваются щеки и раздаются негромкие звуки то ли поперхивания, то ли судорожного покашливания, как говорится, — смех сквозь слезы.

* Инквизиторы так и не «сознавшихся», то есть не согласившихся с обвинением, людей сжигали на костре заживо, а тех, кто принимал обвинение, «раскаявшихся», перед сжиганием удушали.

Вот и о том, что рассказал и показал мой приятель Георгий и что я хочу вам в свою очередь поведать, хочется и смеяться, и плакать.

Дело было в воскресенье на очередном заседании литобъединения Энской губернии. ЛитО как ЛитО,— только, конечно, с чем сравнивать? Перефразируя известное изречение Л. Н. Толстого, скажем: все счастливые организации похожи друг на друга, каждая несчастливая — несчастлива по-своему... На заседание в старинном зале, в это морозное воскресное утро на праздник литературы собралось достаточно много людей. Литератору нужен праздник, а то все работа да творчество, работа да творчество... Юноши с девушками, но все более люди зрелого и почтенного возраста сидели и, перешептываясь, кутались от холода в зимние пальто и шубы (общественные места у нас теперь плохо отапливаются) в ожидании начала, которое всегда, как известно, несколько задерживается. Рядом с Георгием, уронив подбородок в меховой воротник куртки, средних лет мужчина перебирал листы с напечатанными стихами. Как бывает при редких встречах, все между всеми уже было переговорено, и в зале стояла тишина.

Но вот появился солидный, судя по выражению лица, походке и осанке,— заслуженный, преклонных лет руководитель объединения. Это был Кленов Сергей Маркович, заместитель председателя Союза писателей Энска. Заседание началось. Все зашуршали своими отпечатанными и написанными от руки текстами стихов, рассказов и эссе. Однако, движением руки призвав всех ко вниманию, ведущий достал из дипломата только что изданный двухтомник своих стихов и, потрясая им в воздухе, размеренно, с ритмическими ударениями, с небольшим пренебрежением, как это обычно делают мэтры, прочел одно довольно длинное стихотворение. После чего, скромно потупив взгляд, предложил желающим после мероприятия приобрести двухтомник по сходной цене в пятьсот рублей.

— Графоман,— тихо проговорил впервые приглашенный мною молодой человек, но его шепот потонул в бурных рукоплесканиях членов литобъединения.

Когда все успокоились, заседание пошло своим обычным ходом. Люди по очереди выходили и читали перед собравшимися свои произведения, после чего начиналось обсуждение — кто-то делал упор на положительные моменты, а кто-то, наоборот, останавливался на отрицательных. Литераторов ведь (за редкими исключениями, связанными с непочтением к Уголовному кодексу) судят не в судах, а на литературных собраниях. Заключительное же слово по каждому прочтению, конечно же, принадлежало мэтру, в гордом одиночестве восседавшему за столом, с лежавшими на нем томами своих стихов.

Подошла очередь выступать и соседу Георгия, мужчине средних лет. Он бодрой походкой вышел вперед и, встав у колонны, стал декламировать. Когда он прочел четвертое стихотворение, руководитель остановил его и предложил начать обсуждение. Но присутствующие почему-то прочитанные стихи обсуждать не стали. Точку над «i» поставил председательствующий. Он, спросив предварительно, где мужчина учился, в каком литобъединении занимается (оказалось, что он инженер, стихотворчество осваивал самостоятельно и нигде не состоит), сказал, что стихи достаточно слабые и над ними нужно еще много работать. В частности отметил сбивку ритма, слишком вольную рифму, местами неверно поставленное ударение, не совсем правильные словообразования и несколько слабых образов.

Наконец сосед вернулся на место.

— Мне понравились ваши стихи! Да и другим, по всей видимости, тоже. Видели? — Никто не критиковал. Я не согласен с мнением руководителя,— сказал Георгий.

Но сосед, наклонившись к нему и давясь от смеха, тихо проговорил:

— Ну, и литобъединение у вас!

— А что такое? — тоже негромко спросил Георгий.
— Если руководитель не узнал руки «нашего всего»!
— Кого-кого?!
— Пушкина, Александра Сергеевича нашего!
— А при чем тут Пушкин? — удивился Георгий.
— Так ведь я, правда, малоизвестные, но его стихи прочел! А уж учителю-то следовало знать стиль гения русской поэзии...

На этот раз прыснул Георгий, правда, покраснев, ибо и сам не узнал в понравившихся стихах их автора. Как оправдание ему пришла мысль, что он не мэтр и таким себя не считает.

— И вы правы, никто, кроме руководителя, не критиковал! — сказал сосед.

— Да-да, никто, кроме него!

И они оба затряслись тем самым утробным смехом, боясь помешать окружающим слушать завершающие заседание разглагольствования председательствующего о достоинствах великой русской поэзии.

Вот такой случай, а может быть, не случай, но промысел Божий, имел место в Энском губернском литобъединении. И произошло это то ли в Год культуры, то ли в Год литературы, сейчас уже Георгий и не упомнит. Но не суть важно, ведь и культура без литературы невозможна, как, впрочем, и литература без культуры. Можно еще поспорить, кто важнее — поэт или прозаик, простой литератор или именитый, да хоть и сам руководитель писательской организации, но произведения ведь сами за себя говорят.

А вот еще к теме. Встретил как-то Георгий одну поэтессу, глядит, а в глазах ее тоска несусветная.

— Что с вами стряслось? — спрашивает.

— Да вот, послала свои стихи поэту Залужскому, который в клубе всем предлагал свою помощь по разбору стихотворений. А он слова на слове не оставил в них, все раскритиковал в пух и прах, ничегошеньки хорошего не нашел...

— Как же так, совсем ничего?

— Совсем!.. — И у нее на глаза навернулись слезы. — Думаю, нужно бросать это занятие...

— Ты погоди, не торопись, мало ли кто что скажет!

— Да нет, видно нет у меня способностей... — вяло проговорила знакомая и, опустив голову, пошла своей дорогой...

...Георгий знал Станислава Евгеньевича Залужского. Это был человек сильный, зрелый и, хоть у него имелось множество знакомых, и по большей части женщин, одинокий. Друзей же у него не было, да и какие друзья могут быть у человека, который всегда не любил людей, а если с кем и разговаривал, то с женщинами, чтобы покрасоваться перед ними и, скорее всего, не только, а с мужчинами, чтобы показать свою непобедимую мужественность, а то и предложить свою помощь при случае. И еще у него был «пунктик», вернее, целый «пункт» — критиковать чужие стихи. «Для чего писать стихи, которые никому никакой пользы не приносят и по определению принести не могут, тем более высокой культуре? — любил говорить он. — Ведь уже все написано классиками, что может быть лучше?»

— А ты сам-то ведь пишешь стихи? — как-то спросил его Георгий.

— Я уже все свое написал. Да и работы много — других править, а то и вообще отбивать от писания.

— Ну, и как ты считаешь, твои стихи хорошие?

— Считаю, что хорошие, — нимало не сомневаясь, отвечал Залужский. — А по-

этов сейчас просто нет! Я, может быть, последний... Все, что пишут современные стихоплеты, гроша ломанного не стоит... Молчи, не говори мне ничего о них, слушать не хочу! — воскликнул он, заметив, что Георгий хочет ему возразить.— Дай мне любое стихотворение, и я разложу его по косточкам так, что «мяса» не останется.

И Георгий припомнил, как однажды, в литклубе, куда он тогда ходил, Станислав Евгеньевич налетал на все, что читалось там и публично громил поэтические произведения, буквально уничтожая авторов.

Это воспоминание наложило на недавнюю встречу со знакомой и посещение Георгием заседания литобъединения, о котором говорилось выше. А тут еще одна поэтесса написала письмо, что хочет бросить писать стихи, так как Залужский запретил (!) ей. Это было последней каплей. «Кто дал ему право так судить, плевать в душу и бить молотком по голове?! — возмутился Георгий.— Да, у каждого человека свой уровень, но ведь он может качественно расти!» И он решил устроить «критику» проверку. Как-то он отнесется к малоизвестным стихам великих поэтов?

Решив так, Георгий послал Залужскому по электронной почте письмо, прикрепив к нему четыре малоизвестных стихотворения: по два А. С. Пушкина и С. А. Есенина, и попросил (взял грех на душу) посмотреть их как новые стихи знакомых авторов. Расчет был таков: если он одобрит, то и впрямь всем нужно прекращать писать стихи; а если раскритикует, то всем буду говорить, подтверждая свои слова этим фактом: «Пишите, друзья!»

Залужский ответил на следующий день — «критик», как всегда, щелкал стихи, как орехи. Ниже, читатель, содрогаясь от утробного смеха, по старой опаске,— как бы кому не повредить,— приводим тексты посланных стихов и комментарии «судии» к каждому из них.

С. А. Есенин

* * *

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые
И где следы творенья рук?
Ужели все дела святые
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил?*

Комментарий С. Е. З.:

— Не могу понять, и принять к сердцу, обстоятельство места «В ТИШИНЕ». А если не в тишине, то тайна ясна? Но это — цветочки. Да, да — мысль, с трудом, но понимается. Автор не точно употребил это слово. Оно в нашем языке не однозначно из-за понятия относительности. Но он-то хотел образ абсолютного беззвучия! Поэтому, здесь это слово просто недопустимо, уводит в сторону.

— Последняя строфа сложена нелитературно (так написано Залужским — **прим. авт.**). Я долго не мог прочесть мысль трех последних строк. Прошу автора, на будущее, проставлять полностью знаки препинания. Так вот, чтобы правильной передать читателю свою мысль, совершенно необходимо поставить запятую после слова «СВЯТЫЕ», дефис после слова «УЖЕЛИ» и троеточие (выразительная пауза!) после «ВСЕМОГУЩИЙ ЗВУК ЖИВОГО СЛОВА».

* «Кто скажет и откроет мне...» (с. 271).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1961, 2 дек. № 144 (в статье В. Белоусова «Ранние стихи Есенина»). Печатается и датируется по письму к Г. А. Панфилову 1913 г. (РГБ). Отрывок из стихотворения «Смерть», полный текст которого неизвестен (см. письмо к Г. А. Панфилову и коммент. к нему в 6 т. наст. изд.).

БУРЯ*

*Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль...
Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному стеклу
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...
А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Поднимают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.*

Комментарий С. Е. З.:

— Нет гармонии в образе: Листочки неуказанного растения — дрогнули, А закачались в лесу — только клены, А с золотистых веток (зеленого!) леса полетела просто пыль...

— Ветры — ламинарное течение воздуха, они не могут шуметь сами. Шум создается колебанием всего, что на его пути... Но об этом автор уже говорил. Так что пусть заменит «зашумели ветры».

— Об «ЭХЕ» говорят, если оно создано одиночным звуком. У автора же, звучит целый оркестр, тут уж не до эха! «Зашептался с ветром высохший ковыль!»

— Буря — на улице и по всей округе, а «у окошка сидит кошка».

Почему буря — пасмурная? Это все равно, что змея — злюка. Но это как посмотреть...

— Понагнулись ветлы, а еще — голову понуря...— это повторение сказанного.

— Угрюмая тоска ветел, как и пасмурная буря, не свойственны природе, но лишь человеку.

— Полутьма в двух ипостасях — в стекле и под тучами. Так, куда же смотрят эти ветлы? От таких вопросов нужно уходить.

— Если выползают тучи (во множ. числе), то бури еще нет. Она приходит с огромной одинокой тучей. Так что пусть пишет «выползает туча».

— Эпитет «грозный» — стационарен, он постоянно угрожающий. Советую поставить «Гневная река», это о силе прибывающей воды.

— Образ водяных круч, даже виртуально, не дробится на брызги. А вот, о каплях дождя у автора не сказано вовсе.

— Последняя строка вызывает недоумение: Речь идет о воде, а в метафоре — мечет землю сильная рука...

А. С. Пушкин

* * *

*Стрекотунья белобока**,
Под калиткою моей*

* Слова. Серебряный век. Сергей Есенин <http://slova.org.ru/esenin/drognuli/>

** Стихотворения 1829. Дата создания: 1829, опубл.: «Материалы для биографии Пушкина» — «Сочинения Пушкина», изд. Анненкова, т. I, 1855, стр. 344—345. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 154.

*Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре алой,
Серебрится снежный прах.*

Комментарий С. Е. З.:

— «Под калиткою...» — допускает мысль о мертвой птице. Лучше «За калиткою...»

— Предпоследняя строка урезана? Нужен эпитет.

— Снег, снежная пыль — не есть снежный прах. Таковым можно назвать лед или воду. Хорошо бы убрать это слово совсем.

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

Комментарий С. Е. З.:

— Чем оправдан эпитет «легкая способность»?

Меня он озадачил.

— Думаю, что слово «прошли» — фатальное, невозвратное. А «ушли» — переходящее, потому и вернулись.

— «Мощная власть» — термин технический. А поэтическим будет лучшим — «вечная власть!»

Примечание:

В текстах комментариев Залужского сохранена авторская грамматика и стилистика.

...Судите сами, читатель, содрогаясь уже не от нутряного, а от вполне звучного, открытого смеха, а то и хохота по поводу рассказа Георгия и переданных им мне материалов, какие у нас критики — никого не пощадят, даже гения русской поэзии и всей русской литературы А. С. Пушкина и народного любимца и замечательного поэта С. А. Есенина — строфы на строфе не оставят. Только и вам, наверное, обидно за многие чистые поэтические, пусть с еще не совсем совершенными стихотворными проявлениями, души. Потому, как и мне, вам уже не смеяться, а плакать, наверное, хочется...

Но я говорю вам: «Пишите, друзья, пишите и совершенствуйтесь!»

* Дата создания: 1835, опублик.: 1855. Источник: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. М., 1956—1962. См. Стихотворения Пушкина 1835 г. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 347.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

PERSONALIA

Родился в Тульской области в 1949 г. Окончил Тульский политехнический институт. Живет в Туле. Член Союза писателей России, Международной Гильдии писателей, Тульского клуба православных писателей «Родник». Автор 10 книг и множества публикаций в российских и международных изданиях. Стихи входят в антологии: «Русская поэзия: XXI век», Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..», «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), и др. Лауреат ряда литературных премий, фестивалей, конкурсов. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» (Тула, 2014) вошла в СПИСОК лучших произведений русской литературы 2014 года. И она же награждена в Германии Дипломами двух международных конкурсов на лучшую русскоязычную книгу года (Берлин, 2015; Лейпциг, 2015) и в России Дипломом Южно-Уральской литературной премии (Челябинск, 2015). При необходимости подробнее см. сайт «Стихи.ру» и ссылки на этом сайте.

СЫН КУЗНЕЦА И МЕДСЕСТРЫ

Прилежней нет в селе чтеца:
Всю ночь порой на кухне.
Сын медсестры и кузнеца
Давно уж не был в кузне.

Уходит в лес он, жжет костры —
И вот уж свищут птицы:
Сын кузнеца и медсестры
Чурается больницы.

«Сынок, пора бы выбирать!
Чем будешь ты кормиться? —
Мальчишку спрашивает мать, —
Не кузня, так больница...»

«Сынок, никак я не пойму,—
Отец пыгает парня,—
Что ближе сердцу твоему:
Шприцы иль наковальня?..»

Щепотка соли, пять картох,
Тетрадка в рюкзакишке.
Что выбирать, коль выбрал Бог —
И свет Его в мальчишке?..

И смят листок — сто слабых строк
В костре пылают новым.
Зачем пыгать? Пыгает Бог,
Пыгает парня Словом!

Вот он — с тетрабочкой худой,
Худой, но увлеченный —
Поет, обедая водой
С картошкой печеной.

А что поет? Стихи поет,
На слух стькуя звуки.
И снова пишет,
Снова рвет
В бреду блаженной муки!

Будь счастлив, парень!
Пой, чудак!..

Но встретится девчонка —
И бросит оземь свой рюкзак
Небритый мужичонка!

И проклянет — свой дар,
Свой труд,
Где никакой зарплаты:
Стихи не сеют, мол, не жнут —
И не годятся в сваты!

И вспомнит мамины бинты,
Огонь отцова горна...
А Бог посмотрит с высоты —
И засмеется горько!..

РОЖОК

Я еще застал рожок,
Настоящий, деревенский —
Будто мягкий голос женский
Собирал нас на лужок.

Поутру под ветхий кров
Звуки нежные вторгались,
И проворнее коров
Мы на улицу сбегались.

Шли деревней пастухи.
Кнут свистел — и пыль, как порох,
Вдруг взрывалась!
Петухи
Голосили на заборах.

В мире утреннем, живом
Все светилось от восторга,
И казался волшебством
Шар, встающий из-за стога...

Гнали стадо на луга,
Заливные, клеверные —
Вились волосы льняные
У мальчонки-пастуха.

Он играл, играл, играл,
Будто сказывал былинку —
Даже злого бугаину,
Видно, за сердце он брал:

Опечаленный бугай
Шел, губой кольцо качая,
Никого не замечая,
Хоть под носом пробегай...

ФУРАЖКА

(В День Победы)

В боевом солдатском званье,
В гордом званье старшины,
В новом обмундированье
Возвратился дед с войны.

Гимнастерку и рубашку,
Пару яловых сапог
Износил он. А фуражку
Почему-то все берег.

Надевал фуражку в праздник,
Очень ею дорожа.
Бабка скажет: «Новой разве
Нету? Все для куража!

Как в такой пойдешь к соседу:
Не хозяин что ль рублю?

На базар поеду в среду —
Шляпу там тебе куплю...»

Дед припрятанную «Старку»
Брал: да что тут говорить? —
Спорить с бабкой, что по танку
Из винтовочки палить...

Не спеша он шел к соседу,
Что под Курском воевал,
И с соседом за Победу
«Старку» — чаркой распивал.

С ним, осколком ослепленным,
Пел о самом дорогом,
Пел и плакал!
И граненым —
Пил за мертвых самогон!

Добирались и до бражки...
Правда, ум не пропивал:
Никогда чужой фуражки,
Уходя, не надевал.

Перед бабкой отвечая,
Говорил: «Да что там пью? —
От чужих же отличаю
Я фуражечку свою!»

«...Отчего ж тебя качает,
Что корову в борозде?
Знаю, как ты отличаешь:
Ты ж — на ощупь, по звезде!..»

Дед молчал. Когда ж от брани
Строгой бабки уставал,
Не ложился на диване —
Уходил на сеновал.

И проваливаясь в небыль
От нахлынувшей тоски,
Видел он, как шли по небу
Краснозвездные полки.

Там по цвету и по лаку,
По немеркнущей звезде —
Узнавал свою фуражку!
Ту, что в доме, на гвозде...

СУМАСШЕДШИЕ

В старинных зданиях Петелинской* больницы
Надежны стены, окна — крепости бойницы.
Фашисты ставили в те окна пулеметы —
Какие мощные естественные доты!
Какой обзор — в бинокль Упа** почти что рядом.
Их не достанешь тут ни пулей, ни снарядом...
Ну а больных, чтоб не мешались под ногами,
Гони на улицу прикладом, сапогами.
Зачем психованным пилюли и постели:
Лежачим — пули, остальным — гулять в метели.
Так поднимай же их с кроватей, полусонных —
Пусть убираются в чем есть: в одних кальсонах...

Гора Осиновая***, Упское***, Барьково***,
Вы столько видели, но только не такого!
А не хотите ли еще вы этих, шедших
Куда глаза глядят, раздетых сумасшедших?
А если кто из них и вылечен — понятно,
От лютой стужи он с ума сошел обратно...
Присады Нижние*** и обе Еловые***,
Недалеки до вас дорожки полевые,
Но если ноги, если руки — как сосульки,
Не добрести, не доползти до вас за сутки.
А доползешь — не трогай лихо, если тихо —
Кому же нужен лишний рот, к тому же психа...

Помог ли кто им? Знать — не знаю. Но едва ли:
Их немцы — гнали, и свои — не принимали.
Спроси в Никитино***, в Бредихино***, в Ильинке*** —
Ну кто их вспомнит? И нужны ли им поминки,
Тем, что по улицам прошли, как привиденья,
За восемь лет почти
До моего рожденья?
Ну разве только моя тетка пожилая
Поставит свечку им и рая пожелает.
Забьется сердце у нее, как у синицы.
Она всю жизнь свою работала в больнице.
Теперь она за всех убогих молит Бога.
Наверно, тоже сумасшедшая немного...

МАМЕНЬКА

Ветер холоден и выюжен —
Оглашенный снеговой...

* Петелино — поселок недалеко от г. Тулы.

** Упа — река в Тульской области.

*** Осиновая Гора, Упское (Сергиевское), Барьково, Нижние Присады, Большая и Малая Еловые, Никитино, Бредихино, Ильинка — деревни под Тулой.

Никому-то ты не нужен,
Кроме маменьки своей.

Огонек далекий светит
Из-под ставенки одной.
И никто тебя не встретит,
Кроме маменьки родной.

Ты оборван и не выбрит,
Колесованный бедой —
И никто слезу не вытрет,
Кроме маменьки седой...

Ты уснешь,
Но в сон твой дышит
Огнедышащий дракон —
И никто твой стон не слышит,
Кроме мамы у икон.

За окошком вьюга воев,
Бесы лезут на порог,
Но стоит Великий Воин,
Воин Духа, поперек...

А проснешься — варит, жарит.
С торбой снеди и обнов
Так никто не провожает —
Только маменьки сынов!

На развилке у пригорка,
Где поземка иву гнет,
Так никто не крестит горько,
Что-то зная наперед...

И не зря тебе казаться
Стало вдруг на склоне лет:
Богородицей Казанской
Смотрит маменька вослед.

ЛАЙ

Видно, впрямь ты что-то знаешь,
Что-то чувствуешь за тьмой,
Если лаешь, лаешь, лаешь,
Верный пес мой, Шарик мой.

Кость любимую не гложешь,
Сам не спишь и нам уснуть
Не даешь. Сказать не можешь, —
Выйду — тянешься лизнуть.

Вор ли, недруг у забора
Часа ждет, что попоздней?
Но для недруга и вора
Лай и жестче, и грозней.

А в твоём тоска такая!
Будто близкий умер кто.
Лаешь, лаешь, намекая
Ты на что-то. А на что?

Что такое там, за мраком,
За туманами, во мгле,
Что известно лишь собакам,
Вам единым на земле?..

* * *

Был дом с коровой продан за бесценок,
Пошел, как говорится, с молотка.
Не жалко —
Никаких особых пенек
Мы сроду не снимали с молока.

Да что там дом —
Избушка в три окошка:
Войдешь, и тянет голову пригнуть.
А рядом клуб —
И песни, и гармошка.
И до утра порою не уснуть.

Теперь никто под окнами не пляшет,
На весь квартал — гармошки не сыскать.
Восьмой этаж!..
А мама вяжет, вяжет,
Чего-то ждет — и спать никак не ляжет.
А свяжет —
Начинает распускать...

РОЩИЦА ПРОЗРАЧНАЯ, НАГАЯ

Рощица прозрачная, нагая,
Листья днями прошлыми шуршат.
Есть ли на Земле земля другая,
Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы
Отражает, словно камыши.
Есть ли на Земле другие воды,
Чтобы так смывали боль с души?

Русские холмы — как милой груди,
Буйный бор — как братья во хмелю.

Есть ли на Земле другие люди,
Коих так — без жалости — люблю?

Перекресток Крест на сердце высек,
Чтобы вместе верить и страдать...
Есть ли на Земле другие выси,
Что так обещают Благодать?

ПОКА МЫ С ВАМИ НЕЗНАКОМЫ

Есть у мечты свои законы —
В один из них я посвящен:
Пока мы с Вами незнакомы,
Я очарован, я — смущен.

Я начинаю заикаться,
Не веря собственным глазам,
Что нищ мой мир классификаций:
Ваш лик — подобен образам!

Я встречи новой, неслучайной,
Ищу, как праздника, уже:
Ваш голос музыкой венчальной
Священнодействует в душе...

Прошу Вам колкую улыбку,
Легко солгав, что по пути,
И буду сумку, словно скрипку,
До дома бережно нести.

И в майский час, когда мы вместе
Идем к метро по январю,
Вам подарю охапки лести
И три тюльпана подарю!..

Пока мы с Вами незнакомы,
Мне Богом, кажется, дано
Благоухание балкона,
Где Ваше светится окно,

И вечер с трепетною тайной,
Сюжет загадочно-любой,
Где звать Вас — Музой или Таней,
Где звать Вас — Ольгой иль Судьбой...

Владимир Трусов*
(г. Мончегорск, Мурманская область)

ИМПЕРСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

* * *

Писать стихи не хочется,
Чернила — желчь и йод.
Да только одиночество
Поблажек не дает
И требует служения
Монашеству под стать.
О чьем-нибудь вторжении,
Ну, разве, что мечтать
Могу по старой памяти.
И кто я есть таков,
Желать честной компании
В период отпусков
На широте без малого
Арктической? Эхма,
Не лучше снега талого
Все доводы ума —
То вроде наводнение,
То слякоть — размазня.
Ни в жизнь, чтобы сомнения
Оставили меня,
И пусть. Ведь даже с возрастом
От них я не помру...
Рука чудесным образом
Вновь тянется к перу...
И в сердце откровением
Нисходит Божий свет,
И вовсе нет забвения,
И даже смерти нет,
Покуда длится таинство,
Почти, что волшебства,
Пока в судьбу сплетаются
Слова, слова, слова.

* Наш постоянный автор.

СТРАННАЯ СТРАННОСТЬ

На асфальт просыпал кто-то
Воробьев и крошки хлеба,
Песню улицы раскрасив
По-дворовому вполне.
А на вечную скамейку,
Что под кленом пустовала,
Предложил присесть идущим
Просто так — тебе и мне.

Мы взглянули друг на друга.
И с улыбкою неожиданной
Ты мне руку протянула
И сказала мне: «Привет!»
Я тебе поверил сразу.
Знать и вправду нам с тобою
Одиночество бывшее
Застилало белый свет.

Все же радостно и странно
Ощутить счастливым случаем,
И понять, что это чудо
Нас с тобой не обошло.
Рассыпались карамелью
Трели рейсовых трамваев,
Удивленных, что кому-то
В наше время повезло.

Так, казавшийся безбрежным
Город, вдруг посторонился.
Сколь незрячим и нелепым
Здесь бывает человек.
Оттого мы знать не знали,
Мы и думать-то не смели,
Что для нас однажды летом
Распахнется новый век.

* * *

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда умаслит кривой слепых:
Зоркость-де от бедности не спасет,
А во тьме сойдет на продажу все,
Или от народа добро сгноят!
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. А ну, еще!
Эх, азартно, весело, горячо,
Копошилась куча-мала-гурьба!

Ну, из скольких выдавили раба,
Пояса советуя затянуть?
Ни к чему вытаптывать верный путь!
Хлестко бы да скоро, да широко!
Ожиданье в снятое молоко
Превратит в итоге любой нектар!
О похожем смолоду я мечтал
Да окстился вовремя. Может быть
Шуранул зазря поперек судьбы,
Только так он по всему честней.
И какой я крови, от чьих корней,
Забывать мне или таить не след,
Особливо здесь, на своей земле,
Где навзрыд порою душа поет.
Знать я отъюлил, отолгал свое,
Хоть, по меньшей мере, надежда есть,
Если речь ершистую взялся весть,
И не захлебнулся пока слюной.
Пусть беда шуршит по пятам за мной.
Заварить бы солнцем тугу — печаль...
Ничего мне, Господи, не прощай!

* * *

Уже которую версту
Лишь ночь — глаз выколи и падай!
Но я, вспоровший темноту
Внезапной дикой эскападой,

Восстал впервые супротив
Традиций самосохраненья,
Спиной свободу ощутив
Сквозь вздохи, страхи и сомненья,

Мол, быть собой не по зубам
Рабу известных обстоятельств,
Хоть сердца верный барабан
Морзянку гнал: «Окстись, приятель!

И не особенно дерзи
Судьбе. Откуда эта смелость,
Коль после стольких лет в грязи,
Ее покинуть захотелось?

Ну, а без отчины куда?
Пусть и мала, и неприглядна,
Пусть грязь, да все ж таки среда!
Вот есть в наличии... и ладно!

В иных широтах здешний хват
Рискует стать ничтожно малым,

И чаще бунт его чреват
Позорным гибельным финалом,

Чем даже шансом на успех!
Едва ли противостоянье:
Один — единственный на всех.
Сотрут в песок, без покаянья.

А уцелеешь, значит сам
Себя сломал — перекурочил.
Под чью-то музыку сплясал
В угоду самым разным прочим,

Во исполнение мечты,
Убитой в пляске. Поздно плакать.
Ведь ты — уже не прежний ты,
Да и кругом кругом туман и слякоть»...

Нет! Отступить вдвойне грешно!
Во мгле свой курс вполне усвоив,
Я жаждал солнца! Где оно?
Большое? Рыжее? Живое?..

Светало. Лишь тяжелый снег
Валил из облачности низкой...
В усталой сказочной стране
Чего с похмелья не приснится!

ИМПЕРСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

Изваландали вандалов, на века ошельмовали!
Ну, а сами, ублажая сиволапых дикарей,
Сколько раз свой вечный город им с испугу отдавали,
Мертвой родиной торгуя ради пары сухарей

Да веселья циркового! Всенародная забава —
Дело издревле святое. Даже в случае войны,
— Хлеб да зрелища! — упрямо пела римская орава.
Мудрено ли, что холопы перекрашенной страны,

Возжелав подметных песен, о любви заголосили,
Мол, никто нас не разлучит, только мать сыра земля!
Но с чего-то возомнили, дескать именно в России,
К деревенскому колодцу приковали журавля.

Вновь «петровским» было время! Пусть Петра недоставало!
То-то шороху давали оголтелые птенцы,
Меж собой деля гнездовье вероломно и кроваво,
Сквозь побитых прорастая в основатели отцы

И сегодня, тем, кто сверху, вторя слаженно и бодро
(Ведь иначе в новом мире не добьешься ни шиша),
Большинство прибавит в теле. Невесомая свобода —
Это, граждане, при жизни отлетевшая душа,

И чего о ней впустую?! Разбираться неохота,
Где библейские заветы, где заветы Ильича!
Лишь бы сыпалась в атаку забубенная пехота,
Перевязывая раны счастьем с барского плеча...

А куда подует ветер — не робей, собаки, сбрешем!
Врежем хором, пострашнее самой бешеной грозы!
Ты прости меня, родная... Что ж поделать, если грешен?
Оттого и не умею, прикусить больной язык!

Виктор Еремин
(г. Тула)

Еремин Виктор Иванович родился в 1954 г. Журналист. Окончил филологический факультет Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого. Член Союза журналистов России. С 1998 г. возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат многих творческих конкурсов.

РОДНОЕ МЕСТО

Бабушке Елене Ивановне Харитоновой

Из многих, многих тысяч мест
Есть лишь одно родное место,
Как для России крепость Брест,
как для души — натальный крест,—
твой край, где проходило детство.

...Там руки бабушки твоей...
Она тебе погладит темя
Ладонью ласковой своей.
Вспоминанья детских дней...
Они забылись лишь на время.
Ты там посеянное семя...

НОСТАЛЬГИЯ

*Позвонил закадычному другу,
Не узнал одноклассник и долго молчал...
Дни колбком прокатились по кругу,
Получаю письмо, и признаюсь — с волнением читал:*

— Ты просишь: напиши мне про деревню,
Мол, не бывал на родине давно...
Наверное, уж выросли деревья,
что мы с тобой сажали под окном.
О чем писать... Деревни нет в помине,
Закрыли ферму, как исчез колхоз.
Нет школы, клуба, книжки на машине
Библиотекарь в город перевез.

Деревня как-то сразу опустела.
Век доживают только старики.
Дома стоят, и окна даже целы,
Но ночью в них не светят огоньки.

Кто помоложе, в город укатили,
Ты, встретивши, узнаешь их едва.
Да, о деревьях... Их давно спилили,
Как разобрали школу на дрова.

А про родных узнаешь на погосте.
Над ними ветер шевелит кусты.
К ним очень редко приезжают гости,
Чтобы поднять упавшие кресты...

* * *

*Я за все только Богу отвечаю
Я сегодня в себе наяву!..
И разлуку храню, будто встречу,
И разлукой, как встречей живу...*

БЕССРОЧНАЯ ОСЕНЬ...

Я на изломе солнечных путей
Стою один, влюбившись тихо в осень,
Вдыхая синь изменчивых полей
И запах трав, и скошенных колосьев.

* * *

Летят перелетные птицы,
Летят в неземные края,
И скопом последние листья
Уносятся в дым октября.

Листва отлетает с откосов.
Дрожит золотая межа,
И словно бессрочная осень,
Себя повторяет душа.

Душа, словно осень, без края.
И что ей родная страна?!
Она в этом мире чужая,
Она только Богу нужна.

Взлетает душа одиноко
За вольными птицами ввысь...
И, может, узнает до срока
Зачем ей бессмертная жизнь?

Я знаю, что все повторится,
Но все не вернуться назад...

Летят перелетные птицы,
И листья, как птицы, летят.

Во тьме — перелетные птицы,
В огне — неземная стезя...
Нельзя с этой жизнью проститься
И с Богом проститься нельзя!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Никто не слышит голос Неба!
И на Земле, как вне Земли,
Рабы безумного ущерба
В грехе свободу обрели.

И бытие без человека —
Залог бессмертья Сатаны!
И будто сломанная ветка —
Душа в преддверии весны...

И как затишье — полнолуние...
И я в отеческом краю,
В тупом компьютерном безумье,
В лицо себя не узнаю.

И с верой в неземное чудо,
И о любви своей скорбя,
Я сам себя навек — забуду,
И вспомню вдруг... но не себя!

ЗАЛОЖНИКИ

Мы — осколки советской эпохи,
Нас не склеить уже, не сложить;
Хороши на излете иль плохи —
Надо век без надрыва дожить.

* * *

Мой народ, заложник власти,
Грезит все еще о счастье,
Средь бесчисленных разборок
Не поймешь — кто друг, кто враг,
Мы живем в глубинке тихо,
Ждем, когда минует лихо.
— Замордованный, забытый,
Воровской Москвой забытый,
В государстве криминальном
Как живешь, народ?
— Нормально!..

АНИКА-ВОИН

Один герой, конечно, не народ.
И все ж один бывает в поле воин.
Он за собой потянет нищий род,
И, значит, он из чести с волей скроен.

Ему поверят ближние в тоске,
Им эта жизнь до смерти надоела.
Слова писали в школе на доске,
Что до России жулику нет дела.

А их у нас в болезной развелось,
Как той заразы на нечистом теле.
Застряла в горле у России кость —
Бесчестье с воровством дуэтом спелись.

Ну, где ж конец пирам и сладкой лжи?
Ну, где ж конец в стране головетяпству?
Иль русскому в России уж не жить?
Иль русского опять толкают к рабству?

Ну, нет, постой, заря уже встает,
И в день ненастный прорываясь смело,
Труба Аники-воина
призывная поет,
Хоть ночь пока что петь и не велела...

НЕ УМИРАЙ!

Как будто вместо водки — политура,
А вместо храма — дровяной сарай;
Родимая моя литература,
Прошу тебя, молю: «Не умирай!»

Какая омерзительная сводня
Подсунула нам этот яд и мрак?
Мне без тебя мучительно сегодня
Среди бездушных ерников-кривляк,

Что сделали тебя сплошным приколом,
Провозглашая всяческую гнусь, —
Не обожгусь пылающим глаголом,
Над вымыслом слезой не обольюсь.

Где ты сокрылась, вечность золотая,
Серебряная, где ты нынче, где?..
Как, сколько лет к святому припадая,
Вдруг очутиться в этой пустоте?..

Юлия Воловикова
(г. Барнаул)

ОТПЕЧАТКИ

Воловикова Юлия Викторовна, родилась в 1987 г. в Барнауле. В 2009 г. окончила Алтайский государственный университет, экономический факультет. С 2009 по 2011 гг. училась в Лингвистическом институте. Живет в Барнауле. В 2010 г. стала лауреатом Пушкинской премии среди барнаульских авторов. Участник Всесибирского семинара молодых писателей — Барнаул, 2014 год. Живет в Барнауле.

ОТПЕЧАТКИ

Забывать слова... И мысли те глухие,
слепые, но упрямые, как прут.
Закрывать глаза, которые соврут.
И улететь в созвездия иные —
иных имен, иных ночей и губ.
Я очень мал, я очень-очень груб,
чтоб слышать шепот рек и водомерок
тех иноземных дальних государств.
Но сердце велико у всех из нас
по самым точным объективным меркам —
оно живет без лести и коварств
и слышит далеко и без лекарств
тот дивный шелест рек и водомерок...
Мы — отпечатки сокровенных царств.

НОВОЕ НАЧАЛО

Весна, весна! А дальше — лето,
круговорот ночей и дней,
минут, часов... Все было спето,
но не на памяти моей.

А значит — новое начало
в тобой закрученной петле.
Мы столько лет, как время, мчались,
сегодня встретились в нуле.

Мы — точка в плоскости Вселенной.
Глубокий оставляя след,

кружим, танцуя против лени
метафорический балет.

* * *

Плыви далеко-далеко, за зеленую заводь,
а дальше — за шумный прибой и раскаты волны.
Плыви далеко, дальше места, где чувствует память,
плыви, даже если не знаешь, куда ты заплыл.

Плыви дальше мыслей корыстных о призрачном счастье
и дальше желания вдруг оглянуться назад,
пока за спиной не останется груз неподвластных
законов и правил и шум городских автострад.

Плыви дальше солнца и дальше багряных закатов,
и дальше своей самой глупой и детской мечты,
плыви, пока месяц сияет тебе бородатый,
и дальше последней
и самой последней
черты.

* * *

Теплых добрых снов и глазастой ночи!
Провода белеют, как нити сна,
и крадется тьма по болотным кочкам,
и грудная клетка опять тесна.

Я — бескрайних звезд золотых мерцанье,
ароматный лунный небесный свод
и шумящая суетою стая
птиц, решившихся вновь в полет...

И зеленый облик прохладных мыслей,
веткой ткнувшихся мне в окно,
тишина и нежность лохматых высей,
кадры спутанного кино.

* * *

Листья-люди летят, как птицы,
падая в центр Вселенной.
Им, порой, по ночам не спится,
грезятся перемены...
Хочется выпрыгнуть на свободу!..
Скоро луна на убыль...
А по утрам, как и прежде, воду,
в ржавые ловят трубы.

* * *

Очень сильно тебя люблю,
звездно-звездно и снежно-снежно.

Нарисую тебе зарю
в синем небе ночном безбрежном,

нарисую тебе луну
и деревья в лесу дремучем,
растворюсь в них и утону
каплей счастья в махровых тучах...

И забуду твои глаза
и, как полночь, шуршащий голос...
Чтобы мне никогда не знать,
чем закончится эта повесть.

* * *

Я с каждым шагом падаю, как в пропасть,
прошли столетия планов и дорог.
Идти в траве, не видя даже ног,
в означенную мне живую волость.
Какой-то есть особый в этом прок.

Я поняла, как ходят по воде,
и как летают птицей в сновиденьях.
Закрыв глаза перед лицом сомнений,
наощупь, наугад, по темноте
идут на солнце и проходят стены.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ТЫ — ДРУГАЯ

Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

ТЫ — ДРУГАЯ

Твоя постель полна цветов весенних.
Ты сладкой негой в них растворена.
На стену от свечей ложатся тени.
Ты в комнате своей совсем одна.

И сладких грез предчувствуя томленье,
Ты ощутишь какбудто в полусне
Необъяснимых чувств своих волненье,
Которое бывает по весне.

А утром, когда первые лучи
Коснутся глаз и губ твоих, играя,
Забудешь ночь и было что в ночи.
Проснешься и поймешь, что ты — другая...

ТАНГО

Я в ритме танго вел тебя,
А ты мне просто доверяла.
Сегодня в танце ближе стала
Ты как никто и никогда.
Я в этот самый краткий миг
У легкой музыки во власти
Всем телом и душой постиг
Прикосновение и счастье...

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь горит сильнее,
Волною накрывает снова.
А ты уже который день
В плену у города другого.

А я хожу по площадям,
По улицам хожу, мечтая.
И город древний по утрам
В цветах прекрасных утопает.

В цветах сейчас душа моя,
В цветенье любящее сердце.
И свет небесного огня
Поможет нам с тобой согреться...

ДОЖДЬ

Сегодня дождь на улице весь день.
И все успехи, радости, удачи
Совсем не так уже и много значат,
Когда тебя со мною нет, поверь.

Моя душа размокла под дождем
Без голоса, без взгляда, без улыбки.
И все вокруг так призрачно и зыбко,
Когда с тобой в разлуке, не вдвоем.

Я у погоды солнца попрошу,
Чтоб нам светило в жизни ярким светом.
Зимой, весной, осенью и летом
Любовь в душе и сердце я ношу.

Ты, дождь, не плачь. Наступит ранний час
Весеннего и радостного утра,
Когда сияя, словно перламутром,
Придет любовь, соединяя нас...

Вадим Горинов
(г. Москва)

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, Я ПРИЕДУ

*Родился в Москве в 1963 году. Закончил Московский авиационный институт.
Автор трех поэтических сборников.*

* * *

Если хочешь, я приеду,—
Как обычно: ближе к ночи.
Из-за двери — тихо очень
Спросишь,— ключ крутнется — следом.
Как обычно: сядем рядом:
Бесконечны разговоры.
...И — холодный свет — сквозь шторы —
На одежды —
беспорядок.

* * *

Немного сыра и дешевого вина,
И — быть бы рядом.
А — чуть тому назад — казалось — нам
Так много надо.
Весенним переулком — на закат
Лет через тридцать
Откроется простое. А пока —
Молчит и длится.

* * *

Рассмеяться, вдруг заметив —
Вот призвание мое —
В январе на голых ветках
Урожай из воробьев.
Просыпаться: солнце встало!
Вновь нахлынувшим апрелем.
На прогулку — снегом талым —
Шлепать — ах, какая прелесть!
Плыть, однажды став лучами,
Над землей (повсюду вместе!)

Тихо, чисто, как в начале.
Ничего опять не веся.

* * *

Бродить по улицам, мечтать.
Шататься без руля и смысла
Бог знает где... Уж лучше так,
Чем дома на диване киснуть.

Уж лучше ветер и зима,—
Попеременно — снег и слякоть:
Когда подует, будто март,
Когда метет и крутит всяко.

И вспоминаешь, что живешь.
Что есть дела важней и проще,
Когда торжественно идешь
Распахнутою снежной рощей.

Выходишь на трамвайный круг,—
На звон, на перестук, на память.
И, просветленный, имя вдруг
Роняешь легкими губами.

* * *

Вот так бы и состариться —
В безделье и любви.
Расслабленными пальцами
Знать волосы твои.

Расставленными вехами
Прوماхивать года.
И душу — также нехотя
Берущему отдать.

* * *

Любовью пишется легко:
Одним штрихом, одним дыханьем.
Наверно не было стихами
Все, что писалось до сих пор.

Какой подарок к Рождеству:
Помимо праздничного снега,
Понять, что я поэтом не был,—
Прийти к такому — самому.

Как будто свежим ветерком
Дохнуло ласково и томно.

Душа открыта и огромна:
Прими опять учеником!

* * *

Не уезжай далеко.
Не отлучайся надолго.
Это совсем нелегко,—
Что — и не выскажу толком.

Это — как в детстве в толпе
Вдруг оказаться забытым.
Этой (не слышать, не петь!) —
Нет изощреннее пытки.

Тупо сидеть и молчать.
Дело: возьмешь и оставишь.
Это не просто печаль,
Это — врожденная старость.

Рук (не мешают — твори!) —
Полная в жизни ненужность.
Это не сердце болит.
Это значительно хуже.

Это — прожить одному
Видно уже невозможно.
Это — в ответ твоему
Громкому — выдохнуть: «тоже...»

* * *

В поисках счастья, в поисках Бога.
(Есть же, наверное, где-то они)
Мне ведь и нужно, в общем, немного.
Просто немного нужно любви.

И догадаться будет нетрудно.
Сердце почует прежде всего.
Так и брожу я в поисках Чуда,
Веря в него и не веря в него.

* * *

Ничего, кроме песен,
Никогда не умел...
Опаленное место
Остается во мне.

Видно, выше не прыгнуть,
Чем задумано — там.

Вечно платой за крылья
Назначалась беда.

Два огромных, тяжелых.
Ни вдохнуть, ни поднять.
Словно темные шторы,
Заслоняют тебя.

* * *

Мне хватит кусочка стола —
В нем мир отражается целый.
Здесь звуки цепляет игла,
Здесь смотришь, как в прорезь прицела.

Охота, погоня, война,
Любовь к покоренному звуку —
Как нежно умеет она
Направить ведомую руку.

Чтоб снова возникли значки
Из хаоса многих звучаний
Простым продолженьем руки,
Вселенной моей окончаньем.

Ольга Фокина
(г. Усть-Илимск)

КОРАБЛИК

Фокина Ольга Викторовна — выпускница ННГУ им. Н. И. Лобачевского (каф. журналистики, филологический факультет). Организатор и координатор творческого объединения «СТИМУЛ», автор книги стихотворений, прозы и авторских песен «Дуэт» (Москва, 2005—2015 гг), книги стихотворений «Светлячок сильнее темноТЫ» (Новокузнецк, ISBN, 2016 г). Финалист международного литературного проекта им. Р. Казаковой и международной литературной премии им. А. Ахматовой. Лауреат международных конкурсов-фестивалей: “You’re super star”, «Талант-2016», проекта в Сан-Франциско, всероссийских конкурсов: «Восходящая Звезда», «Лучший урок письма», «Проба пера», «Край ты мой родной», конкурса «Молодежь Иркутской области в лицах», регионального литературного конкурса «Мир в твоих руках». Стихотворения и песни вошли в «Патриотическую пластинку».

КОРАБЛИК

Куда-то плывет мой кораблик
Назло всем ветрам и буре.
Быть может взлетит дирижабль,
А может потонет все...
Но я капитан упрямый,
Иду я к заветной цели.
И жизни цветная гамма
Несет победные трели.
В заливе небес лазурных,
В сиянье зеленого моря,
В потоке людей дежурных,
Мечте своей твердо вторя.
Кораблик мой не согнется,
И парус не повредится,
В душе моей — яркое солнце,
К мечте я лечу, как птица!
Куда плывешь, мой кораблик?
Не бойся свирепой бури,
Ты знай: не свернет твой всадник,
Быть может, и зря я рискую...

ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Перед чашей весов правосудия
Не прошу о пощаде небес.
Разве может спасти словоблудие?
Да и слезы имеют ли вес?
Я на цыпочках, без сожаления,
Вновь пройду по фрагментам судьбы.
Только с Божьим благословением,
Постараюсь дойти до черты.
Я молю об одном: дать спасения,
Чтоб смогла Человеком я стать.
Только нужно ли мне прозрение,
Если мир бесполезно спасать...

Я НЕ ИГРАЮ СВОЮ ЖИЗНЬ

Я не играю свою жизнь, я так живу.
Я не ломаю миражи, я их топлю.
Я с колыбели не игрок, и это рок.
И это вовсе не стихи, судьбы потоп.
Я в призме попыток наших дней смотрю кино.
И я смеюсь, где люди-судьи пьют вино.
Они вершат судьбы потоки, будто Бог.
Они никто, им не поможет Царь Горох.
Зачем даны мне ощущения, чувства-блажь,
Когда вся жизнь как в заточеньи, лишь мираж? .
Лекарство — разум-отключенье, алкоголь,
Ведь жизнь — всего лишь приключенье, где пароль?

ПРОЩЕНИЕ

Я прощаю вам зависть и подлость в поступках,
Я прощаю вам желчь на жестоких губах,
Я не слабая, просто иду на уступки,
Не хочу, чтобы память изныла в рубцах.
Я прощаю вам грех, злость, пороки, измены,
Я прощаю вам все, что прощает вам Бог.
Просто есть в этой жизни такие пределы,
Я желаю достойно пройти сто дорог.
Я прощаю вам взгляды, паршивые сплетни,
И препятствия те, что мешали идти,
Я прошу об одном, пусть лучи предрассветные
Помогают нам всем в полумрачном пути.
Сбереги же нас Бог от такого падения,
Что не в силах уже приподняться с колен,
Покажи нам святое свое направление,
Сбереги наши жизни от злых перемен.

Алексей Борычев
(г. Москва)

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Член Союза писателей России, окончил с отличием в 1997 году МГТУ имени Баумана, кандидат технических наук, автор девяти книг стихотворений. Печатался в периодике России, Украины, Молдовы, Татарстана, Башкирии, Казахстана, США, Германии, Финляндии, Израиля, Австралии. Основные публикации в газетах: «Литературная газета», «Российский писатель», «Московский литератор», «День литературы», «Культура» (Россия), Основные публикации в журналах «Новая Юность», «Смена», «Юность», «Нева», «Аврора», «Наш современник», «Южная звезда», «Московский вестник», «Журнал ПОэтов», «Волга 21 век», «Байкал», «Ковчег», «Вестник российской литературы», «Вокзал», «Литературный меридиан», «Нива» (Казахстан), «Лава» (Украина), «Аргамак» (Татарстан), «Наше поколение» (Молдова), «EDITA» (Германия), «Время и место» (США), «Русский свет» (Финляндия), «Жемчужина» (Брисбен, Австралия), альманахах «Истоки», «День поэзии» 2011 г., «Новый енисейский литератор», «Сияние лиры», «Муза» (все — Россия) и др., многочисленных сетевых публикаций, лауреат литературной медали «А. С. Грибоедов».

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Это были стихи. Это были стихи!
Просто были стихи... но какие! —
Отмывалась душа. Отпускались грехи.
Это — вечная боль по России.

Это были не рифмы, а рифы, на них
Разбивались бесчувствия шхуны.
Вот таков и бывает он, подлинный стих.
Вот такие звенящие струны!

Кто осмелится после еще написать —
Это будет подобье подобий.
Устреми мысль и чувства под небеса —
Не получится; даже не пробуй!

Только чистый простор ненаписанных строк,—
Он все манит тебя, он все манит.
Кто же, кто преподаст тебе новый урок
В этом горестном жизни тумане?

МНЕ БОЛЬНО ДУМАТЬ О ТЕБЕ...

Мне больно думать о тебе,
Многострадальная Россия,
Изнеможенная в борьбе
За процветание... Спроси я:

«Скажи, зачем тебе оно,
Ведь ты и ветхая прекрасна?..
Горчит старинное вино,
Но пьется в радости и страстно!

Тебе идет тоски печать.
Бог за тебя. С тобой и сам он! —
Холмов летящая печаль
И белых дней лучистый саван».

Не отвечаешь ты. Молчишь.
И лишь туманы шевелишь.—
Молчание мудрее слова...
Ты — к новым подвигам готова.

КОГДА УШЛА ТЫ В НОЧЬ...

Когда ушла ты в ночь из дома моего,
Свечение времен сверкнуло и погасло,
И задрожал хрусталь забытых мной тревог,
По рельсам белых дней текло, пролившись, масло...
В петле из ста проблем повесился мой мир
И смерти всех удач, как яд, вошли под кожу.
И бряцала весна на струнах старых лир,
Расстроенных тобой и мною, впрочем, тоже!
А ты брела по дням в скрещении лучей,
Которые всегда светили нам обоим,
И звал тебя покой, просторный и ничей.
Ведомая судьбой, сама была судьбою!
По небесам сердец, забытых и пустых,
Прошла огнем побед над суетностью дольней
В края высоких снов, как детский мир, простых,
Где духу твоему и легче, и раздольней.

Хоть не было меня в пространстве снов твоих,
Ты кольцами ночей сплетала зыбкий невод —
Ловить мечты мои, где был с тобою в них,
А после воскрылять в сновидческое небо.

КОГДА Б...

Так много мест чудесных. Я б пошел
Туда, забыв о том, что было счастье.

Наверное, мне стало б хорошо,
Когда б не знал, что надо возвращаться.

Так много мест прекрасных. Я б поплыл
Туда, к былому будто непричастный,
Но вряд ли, вряд ли мне хватило б сил,
Придя обратно, к ним не возвращаться.

Закат воспоминаньями объят,
Но ведь любой рассвет — лишь тень заката.
И в будущее я поверить рад,
Когда б прошедшим не было распято!

УСНУВШАЯ ТИШИНА

Заблудившись между елей,
Тонким голосом свирели
Разрыдалась тишина,
Брагой вечера пьяна.
На тропе вечерней, мгlistой
Сквозь апрельскую весну
В мягкой шапочке из листьев
Кто-то кликал тишину.
Раздавался по туманам
Чей-то звонкий голосок
Средь густого балагана
Оживающих лесов.
Оживающих, смотрящих
На весну во все глаза,
Голосами птиц звучащих
И прозрачных, как слеза.
И напрасно кто-то кликал
Тишину — она спала
До зимы в цветенье бликов
У елового ствола.

ПЕСНЯ О БЫЛОМ

Плыву, плыву я по реке,
От берегов невдалеке.
А вдоль реки, а вдоль реки,—
Бегут, бегут березняки.

Истомный зной, и тишина
Моим былым напоена,—
Всем тем,— что было и прошло...
Но так в душе моей светло!

Осока, плески весел, хвощ.
Весенний гам. Дыханье роц.

Стрекоз оравы надо мной.—
Вот — милый мне предел земной.

И — по реке плыву один.
И — от бывшего — грустный дым.
И лишь смеются вдоль реки
Березняки, березняки...

ПОД СВИРЕЛИ ВЕТРОВ

Последний летний день с небес слетел,
Прохладно стало темными ночами.
На мягкую лиственную постель
Покой ложился тихими лучами.

Простор лесов прозрачнее, светлей.
Гуляют переливчатые блики
По сумраку пустеющих аллей
Под журавлей прощающихся клики.

Рядится осень в алые шелка,
И ветры, как осипшие свирели,
Свистят, и гонят, гонят облака
По выцветшей небесной акварели.

Ах, осень, осень... ты ли это? Я ль
Попал в твои холодные объятия?
И — понимаю:
Если есть печаль,—
Она приходит в самых ярких платьях!

СОВСЕМ ОПУСТЕЛИ ТРОПИНКИ МОИ

Совсем опустели тропинки мои.
Лишь память над ними совою летает,
И мысли кричат, будто вороны в стае,
Что осень дана одному — не двоим...

Что мир бесконечных цветных одиночеств,
Которыми чуткие души полны,
Натянут до звона осенней струны
На скрипке дождливой сентябрьской ночи.

И в танцах срываемой ветром листвы
Легко угадать отраженное лето:
Все вроде бы то же безумие света,
Но дни в опадающем свете мертвы...

И циркулем в прошлом пропавшего счастья,
Его острием — воплощенной мечтой —

Очерчен магический круг несогласья
Души с приближающейся пустотой.

Вне круга того — декабри на излете,
Внутри — расцветающий грозами май.
В том круге — грядущего знакам внимай
Как свету огней на туманном болоте.

НЕ НАДО НИЧЕГО...

Не надо ничего... букет
Пылает ярко в вазе.
И слово тихое «привет»
Я слышу в каждой фразе.

Окно. Весна. И небеса.
И то — что с нами было...
Опять листва... Опять гроза.
Легко. Свежо. И мило.

И только там, где чей-то сон
Гуляет важно, гордо,
Закатной грезе горизонт
Располосует горло!

ТО НЕ ВЕТЕР СВИСТИТ...

То не ветер свистит, то не птица пищит.
Это север струится сквозь сито
Тонкоствольных берез, и, рисуя мороз,
Через сердце печалью сквозит он.

Умирает февраль, вьюжит снежную даль,
А, когда затихают метели,
То, надув паруса, вдаль плывут небеса,—
В акварельные воды апреля.

Через слякотный март, без компАса и карт,
Уплывают небесные шхуны...
И веселые дни зажигают огни
И колеблют весенние струны.

Все земные места, как горящий кристалл,
Отражающий сонное время,
Освещают простор, будто спица, остер —
Он сверкает в иных измерениях...

То не ветер свистит, то не птица пищит.
Это север струится сквозь сито
Тонкоствольных берез, и от солнечных слез
Через сердце весной сквозит он.

ПЛАТФОРМА «ЯУЗА»

На платформе «Яуза» нету никого.
На платформе «Яуза» нету ничего.
По перрону прыгает одинокий лист.
Над платформой «Яуза» вечер свеж и чист.

И ни звука-отзвука. Пустота молчит.
Догорают в воздухе поздние лучи.
На платформе «Яуза» будто бы не я.
На платформе «Яуза» тень небытия.

Что же это, Боже мой!.. Где же, где же все?..
Прокатилось по сердцу злое колесо.
Фонари неяркие. Я стою. Темно.
«Острова Лосинога» черное пятно.

И сигналы поезда что-то не слышны.
На платформе «Яуза» — царство тишины.

То, чего не стало здесь — мне сдавило грудь...
От платформы «Яуза» — мой последний путь.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧУЙСКИЙ ТРАКТ: ТВОРЧЕСТВО БИЙСКИХ ПОЭТОВ

Дмитрий Шарабарин
(г. Бийск)

ПЕЙЗАЖИ

Родился в 1937 году в Томской области, школьное и профессиональное образование получил на Алтае. Выпускник историко-филологического факультета Бийского пединститута. Работал в системе начального, среднего и высшего профессионального образования. С 1983 года — руководитель Бийского литературного объединения «Парус». Член Союза писателей России. Автор девятнадцати книг поэзии и прозы: «Шапка Мономаха», «Шиповник зацвел», «Время тает», «Оберег» и др. Публиковался в местных, краевых и сибирских периодических изданиях. Лауреат муниципальной и двух краевых литературных премий. Награжден медалями, в том числе — «За служение литературе». Руководитель Бийского отделения Союза писателей России.

ПЕЙЗАЖ

Пахнет росный луг деревней,
Молоком парным — заря.
На земле большой и древней,
Может быть, живу не зря?

Может быть, с годами вижу
Жизнь большую изнутри:
Что-то — дальше,
Что-то ближе,
Что утонет — не сгорит...

Сквозь нетающую роздынь,
Там, где берег — на излом,
Проступающие звезды
Кто-то черпает веслом.

А под ветром на пригорок,
Что подмыт струей реки,
Мчатся, не сбавляя скорость,
Юных лет березняки.

ЗОЛОТЫЕ КОЛОКОЛА

Печаль мою ветви качают.
Тропа никуда не спешит.
Простреленный косо лучами
Сосняк паутиной прошит.
А время неслышно, незримо
Куда-то течет и течет.
И кажется: все повторимо,
Но нет повторенья ни в чем!
Широкий закат над рекою,
Клубится осенний туман.
Все было на свете такое,
Но так не сводило с ума...
Шумит листопад по откосам.
Как зарево,
Ликом светла,
Высокая русская осень
звонит
в колокола.

ПРОТАЛИНА

Первая проталина,
Белый пар над ней:
Сложная, простая ли —
Тает жизнь, как снег.
Лес одет в безмолвие.
Средь сосновой мглы,
Как застежки молнии,—
Белые стволы.
Солнечно, безветренно.
Под лучом косым
Сок на ветке светится
Капелькой росы.
Жизнь опять оставит мне
Память о весне.
Первая проталина
И последний снег.

РОДНЫЕ ОГОНЬКИ

Лежат закатом опаленные
Сугробы, инеем искрясь.
В снегах — пронзительно-зеленые —
Сосенки дремлют, затаясь.

Покрыты заревыми пятнами
Заиндевелые поля.
За тишиною необъятною
Тоскует родина моя.
К ней не дойти по снежным замням,
Где чутко бродит лисий след,
Добраться можно только памятью
Через завалы стольких лет!
В душе не гаснут дали светлые,
Где сосны — словно маяки.
И все горят,
Горят заветные
Мои родные огоньки.

ТАМ, ЗА ЧЕРТОЙ

Белые валежины,
Снежные мосты.
Разбрелись, как ежики,
В инее кусты.
Хмурая. Морозная,
Будто пелена,
На ветвях березовых
Стынет тишина.
Жизнь моя — мгновения,
Вечно на бегу.
Половодье времени
Замерло в снегу.
Под его затворами —
Прошлые года.
Эхо криком ворона
Уплывает вдаль.
Все тревожней дышится:
За чертой лесов
Все острее слышится
Колокольный зов.

* * *

Мне запомнился краешек лета.
В то пространство —
Как будто окно,
Где все было тобою согрето,
И тобой было освещено.

Гляну:
Видишься в утренней сини,
В отраженье вечерней воды.
И в пронзительном блеске
Росинки,
И в туманном паденье звезды.

РАССВЕТНЫЙ ВЕТЕР

Река. Я с нею
Много лет знаком,
Но берега не узнаю! —
Другие.
Лизнет телячьим
Жестким языком
Мне сердце над обрывом
Ностальгия.

Рассветный ветер
В дымке золотой
Пропах зарею
И бродячим счастьем.
Но это все
Осталось за чертой,
Осталось позади —
Не докричатся!

Печальный мир
В глаза твои глядит
А вечность — нить
На перекрестья нижет...
Пока еще все это впереди,
Но с каждым годом
Ближе, ближе,
Ближе.

ПОЭТ

По снегу, по траве,
Сквозь вьюги и дожди —
Идущий человек
Маячит впереди.

И плаваются, как лед,
Усталые года.
Куда его ведет
Бродячая звезда?

По краешку земли,
Слиянию веков,
Что ищет он вдали
От шумных городов?

Беги или иди,
Лети на дальний свет,
А он все впереди —
За дымкой зим и лет.

ЩЕНОК

Щенок играет собственным хвостом,
А с ним играют тополя и клены.
И кружится весенний мир зеленый
В лучистом звоне,
Блеске золотом.

И бабочки порхают из-под ног,
И кружатся под небом страны света.
Никак не остановится щенок,
Никак не остановится планета.

ВЫСОТА

Вижу словно со стороны —
Детство.
Лезу к вершине сосны,
Где звенит, синевой налита,
Высота!

А потом, не сочтешь,
Сколько раз,
Падал — сыпались искры из глаз,
Но звала, глубока и чиста,
Высота.

Где б я ни был,
Пока я живой,
Над седою моей головой —
Будто истина смотрит
С креста —
Высота.

Анатолий Краснослободцев
(г. Бийск)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках, в журналах «Алтай», «Барнаул», «Встреча», «Огни над Бией», «Бийский Вестник», «Огни Кузбасса». В антологиях: «Писатели Алтай» т. 13 — Барнаул — 2002 г., «Дыхание времени» — г. Бийск — 2004 г. XX век «Русская сибирская поэзия» — Кемерово — 2008 г., «Обратный Отсчет» — г. Барнаул — 2010 г, в журнале писателей Бурятии «Северо-Муйские огни». Лауреат журнала «Огни над Бией» 2014 года. Выпустил три самостоятельных сборника стихов: «В стороне моей простуженной...», «Свет зари на снегу», «Вернуться б снова к тополям...». С 2012 года в Союзе писателей России.

* * *

Скоро сад станет скуп и невесел,
отсвистят, отпоют соловьи,
Первый снег упадет с поднебесья
На бескрылые плечи твои.

В белом сне задымится дорога
у безлистных, бескровных ракич,
и неожиданно нахлынет тревога,
И о прошлом душа заболит.

Тронет память бывшего страницы:
Прожитые до доньшка дни,
Все родные близкие лица,—
Как же дороги сердцу они!

Вечер темные брови насупит,
Боль с ресниц осторожно смахнет,
Ветви сада сильнее остудит,
И поземкой следы заметет.

ВЕСНА

Весной все ярче, звонче,—
и мысли и слова ...
и чувствуется тоньше,—
Весна. Кругом весна!

Открылись неба створки.
Промчался свет зари,
И зацвели пригорки,
Разбуженной весны.

Густой настой черемух,—
Такой,— хоть залпом пей!
И на ветвях зеленых
Защелкал соловей.

Тугих ветвей коснешься,
Раздвинешь куст едва,—
И сердцем улыбнешься,
при виде муравья.

Огромную соломину,
Взвалив на горб,— спешит...—
Под красной смородиной
Он хочет нынче жить.

И я, себя настроив
На дачную волну,
Садовый домик строю,
подобно муравью...

СТАРОСТЬ

Телом слабею,
Скупей все движенья.
Веткой к окошку прильну,—
И там я увижу
Зимы приближенье,—
Прожитых лет глубину.

* * *

Дождя давно ждала земля.
И вот из темно-серой тучи,
Он, тихоструйный и певучий,
Пошел на знойные поля,
На обессиленные травы,
На безголосый лес... потом
По небу прокатился гром,—
И все вокруг затрепетало.
Дождь шел. И радовались люди,
И воскресали зелена —
Его вбирала полной грудью
Благословенная земля.

ИЩУ СУДЬБУ

Толи дождь принес печали,
От того ли, что устал,
Сердцу чаще снится стали
Позабытые места:
Звонкий лес, ржаное поле
У поселка на краю,
А вчера приснились кони —
Пьют вечернюю зарю.
Небо синь в реке полощет.
И за быстрою рекой
По родной, кленовой роще
Бродит август молодой.
Ходит с кистью. Ранним цветом
Красить пробует листву.
Опаленный жарким летом,
Я хожу за ним по следу
И судьбу свою ищу.

Ольга Заева
(г. Бийск)

Родилась в г. Карши (Узбекистан). Окончила три курса ТашГУ. Стихи и прозу публиковала в краевых периодических изданиях и за рубежом — журнал «Звезда Востока» (Узбекистан), «Современная литература мира» — Нью-Йорк. Участник краевых семинаров молодых писателей. Автор пяти поэтических книг и книги прозы. Имеет краевые награды за литературную деятельность, награждена Дипломом Берлинского литературного института за активное участие в совместных проектах и популяризацию Берлинской библиотеки современной литературы. Лауреат Международного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 (Германия). Лауреат журнала «Огни над Бией» — 2014 года. Член Союза писателей России.

* * *

Не изменяй моей основы,
Осенняя пора!
Пусть будет высветлено слово,
Но живо, как вчера.

Пусть будут прядки сединою,
Но молод взгляд и смел.
И пусть останется со мною,
Кто к сердцу прикипел.

* * *

Осень. Горький вкус полынный
На губах.
На пригорке вербы стыннут
Без рубах.
Гложет сердце беспокойство
И печаль.
Может, лучше будет после?..
А сейчас
Беззащитна перелесков
Нагота.
Там, где мы с тобой не вместе,
Все не так.

* * *

Дым застывает белым столбом.
И ледяные точатся грани.
Так, чтобы остро.
Так, чтобы больно.
Стужей живое
Обжечь,
Полоснуть.
Плоть,
Словно масло,
Тепла и податлива.
Кто виноват,
Что уже не оттаять
И не согреться?!..
Только сгореть
В этом мире,
Кипящем враждой
И людским страстями.
Адский огонь
Вырывается из преисподней
Вспышками войн.
Души идут за бесценок.
Стужа и пламя —
Час испытаний.
Господи,
Сжался над нами!..
С нами пребудь,
Прости и спаси!

БЛАГОВЕСТ

Катится со всех сторон
Колокольный звон
Бим-бомм!..
В окна, в двери, в каждый дом
Бим-бомм!..
Солнца спичка
Разожгла купола.
Каждому — лично —
Дорога светла.
А мороз до слез
Пробирает.
Сердце колоколом
Играет
Бим-бомм!..
Город мой
Раскален
Добела.
Я вчера —
Не жила!..

* * *

Сухие губы
Исекли слова.
У слов свои
Особые права.
Они звучат помимо,
Вопреки.
Им не с руки
Юлить
И лебезить.
И юркими
Рыбешками
Скользить.
Они горьки
И раны бережат.
Идут,
Когда хотят.
Спасенья нет!..
От шепота
До крика —
Соль и боль.
Мое дыханье,
Свет.
Моя любовь.

ПУРГА

Убелился рассвет сединами.
От земли до небес — снега.
С песней жалобной, лебединою,
Выгнув шею, летит пурга.

В свистопляске не слышно голоса,
Не видать машин и людей,
А печаль моя тоньше волоса,
Но всего на свете слышней.

Иван Образцов
(г. Бийск)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АВТОБУС

Образцов Иван Юрьевич — поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1977 г. в городе Бийске Алтайского края. Публиковался в литературных журналах: «Алтай», «Барнаул литературный», «Культура Алтайского края», «Ликбез» (Барнаул), «Огни над Бией» (Бийск), «Союз писателей» (Новокузнецк), журналах «Клаузура», «Русский пионер» (Москва), «FolioVerso» (Санкт-Петербург). Изданы книги стихов: «Квантовая лирика 1...» (2010), «За гранью глаз» (2012), «Жизнь Замедленных Листьев» (2013), поэтический аудиодиск «Лебединые песни 21 века» (2011). В 2014 году в Канаде вышла первая книга прозы «Рула (сонные заметки о романе)». Редактор отдела «Молодая литература» (альманах «Огни над Бией», официальное издание Бийского отделения Союза писателей России).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АВТОБУС

*«Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон»*

Николай Гумилев

Хвала общественному транспорту!
Крепитесь мускулы и нервы.
Мне мест никто не занимал,
особенно, на креслах первых.
Но вот, сажу, в переднем крае
и точен мой билет контрольный,
ведь многим много актуальней —
Держись за поручни в салоне!
Сажу, еще б скрести окошко
монеткой десятикопеечной.
Скребют в карманах злые кошки,
не надеясь медной мелочью.
Но я общественно спокоен,
сажу на кресле, как на троне,
а тем, кто этим недоволен —
Держись за поручни в салоне.
Вот, слышу, скоро остановка —
моя родная, незабвенная.
Я — выходить, но тут — издевка —

пыхтят, хватают за колена.
Пришлось кричать, толкаться, ерзать,
как в переполненном вагоне,
но выдал мне в ответ автобус:
«Держись за поручни в салоне!»

* * *

Катунь — как много в этом слове
людской надежды на слова.
Текла вода без сна, без боли,
так холодна, так нежива.
И в вечность упирался немо
чужой старинный Бабырган.
А я стоял, живой и бледный,
я не кончался — умирал.
А выше — было только небо,
и в вечном небе коршун плыл.
Я был для неба, словно не был,
и равно также, словно был.

БАЯН

Страна, село и ветхий Дом Культуры.
Баян играет. Муха на окне
засохла в паутине арматуры,
запутавшись в изменчивой судьбе.
Как муторно, обидно и тоскливо —
Пьяным пьяна раздольная душа —
сильна, непобедима, нелюбима,
богата, как проклятье, без гроша.
Темным темно, пропахший грязью воздух —
не разглядеть надежного плеча.
Все жемчуга закиданы навозом —
увязли в одноразовых речах.
Ну, что же ты?! Вставай же в час разбитый!
Ты слышишь ли, сквозь темень и бурьян,
над всей моей Россией неумытой
летит и надрывается баян!

Наталья Курилова
(г. Бийск)

Образование высшее техническое. Член литературного объединения «Парус». Стихи публиковались в журналах «Огни над Бией», «Бийский вестник», «Сверстнику», «Бийск литературный», «Формула жизни». Лауреат журнала «Огни над Бией» 2014 года.

* * *

Стынет тоска в обнаженности старого сада,
Ветер пожухлые травы по полю шерстит.
Пылкая осень, отринув хмельные наряды,
Страсти изношенной платья бросает в костры.

Холод нестойким ледком поутру затуманит
Ризницу памяти, жаром палимой листвы.
Исподволь вынет тоску из распахнутых ставен,
В солнечный звон от нее перекинет мосты.

Встану, умоюсь водицей с колодца студеной,
Тропкой подстывшей по тихому саду пройдусь.
Хрустнет ледок, и взорвутся тугие бутоны
Нежной любви, где таилась до этого грусть.

* * *

По полу шаги шуршат:
— к черту, к черту...
Утро без тебя —
рву аорту...
Без тебя...
Кофе крупницы
с ложки
в пламя горелки газовой —
искрой в огне
тризну
по нежности
празднуют...
Без тебя...
Сон наяву...

— Я есть или нет?..
Без тебя...
Холодно...
Не родившийся день умирает
в схватках беременной души.
— Уходить не спеши —
горизонт еще не упал
в бездну...
А по улице шел трамвай,
Подмина пространство
Поздно...

У РЕКИ

В полынье-полыни холодил исход,
Заострялся остров, истончался лед.
Снег снедала с берега талая вода,
Растекалось солоно слово «никогда»...

Растекалось солоно слово «никогда»...
И цеплялось пеною за осколки льда.
Холода метельные уносил поток,
Все смотрела вслед ему... Куталась в платок.

* * *

Под игом эго
Скрипит телега.
И стонет Русь
И тонет в грязь.
Удельный «князь»
В припадке бега
Все тешит эго,
Помолясь
Чужим
Богам

* * *

Памяти ветер. Прибоя печаль.
Пристани хладной уют.
Волны невольны в безлюдный причал
Пульсом безжалостно бьют.

Красные маки на черном песке.
Чайки пронзительный крик
С ветром соленым в тотальном пике
Черными маками к сердцу приник.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

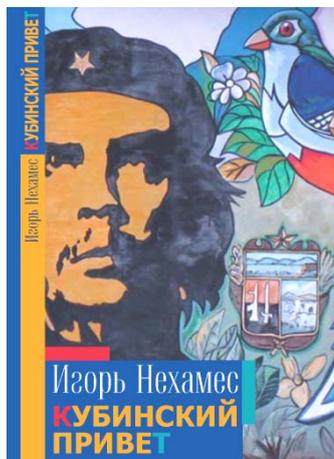
Рагим Мусаев
(г. Тула)

ВСЕМ ПРИВЕТ

*Впечатления от книги Игоря Нехамеса
«Кубинский привет»*

Постоянный автор журнала, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Кубинский привет» Игоря Нехамеса, вышедший в 2015 году в московском издательстве «У Никитских ворот», собрал под одной обложкой прозаические и поэтические впечатления автора об Острове Свободы. Вечный Фидель, сигары, винтажные автомобили и, конечно же, ром! Вот, пожалуй, и все, что приходит в голову нам при упоминании этой далекой страны. Почти ничего из этого ряда потертых ассоциаций вы не найдете в «Кубинском привет». По крайней мере, эти явления совершенно точно не играют в книге сколь-нибудь заметной роли, и читателю придется потрудиться, чтобы найти упоминания о них.

О чем же книга? О прошлом и настоящем Кубы, о зарождении кубинской революции, о любви и дружбе, о порядочности и предательстве, о жизни и смерти...

Она обо всем. Потому что она о жизни во всей ее полноте.

Кто же главный герой? Автор прямо его не называет. Более того, может показаться, что его во всей этой пестроте сюжетов и впечатлений попросту нет. Тем не менее, все рассказы, стихи и даже двустихия-восклицания объединены общим героем. Это Старая Гавана. Самобытный и неповторимый район кубинской столицы. Его населяют удивительно непохожие одинаковые люди: находчивая негритянка Кончита, спесивый агент Ли, уличный музыкант Оскар, непокоренная учительница Сильвия, одинокий охранник Эухенио, простоватый рубщик кокосов Мигель.

Игорю Нехамесу удалось показать самых обычных кубинцев неожиданно интересно и ярко. Каждый из них стремится, любит, страдает, болеет, радуется, переживает, зарабатывает. История каждого — отдельная тема повествования и размышле-

ния. Но у всех них есть нечто неуловимо объединяющее. То ли это пережитые страдания и разочарования, то ли гордый, непокорный нрав, позволяющий гнутья, но не дающий ломаться. А может быть, их объединяет неукротимое желание жить? Жить вопреки. При этом жить долго и счастливо. С готовностью в любой момент умереть за свои идеалы. Чудны обитатели Старой Гаваны.

Удивительным образом эта загадочность кубинской души не отталкивает, а приближает диковинную Кубу к российскому читателю. Очень скоро манкость наносной экзотики отступает, и на авансцену выходят простые, понятные всем человеческие чувства и проблемы.

И в этот момент ты понимаешь, что беды и проблемы Кубы середины прошлого века удивительно преломляют и проявляют отчасти сегодняшнюю, а отчасти недавнюю Россию. Камертоном этого понимания становится самый первый рассказ книги «Боги Барбудки». Он, как эпитафия, предваряет наше восприятие «Кубинского привет», обнажая скрытые безвременьем российско-кубинские связи. К удивлению, они оказываются и крепче, и серьезнее, чем принято думать. Согласитесь, немногие знают о помощи кубинцев в лечении советских детей, пострадавших от чернобыльской катастрофы.

Далее следует основное по смыслу и объему произведение книги — «Галапагосский спасатель», погружающее читателя в неспешно-коварную атмосферу океанского острова середины XX века с расплавленным от вездесущего солнца воздухом, сонным океанским бризом и экспансивно-взрывными страстями.

Невозможно не проникнуться любовью к пылливому герою повести Хави Фаранесу. Он неприлично юн, сметлив, честен и порядочен в своих целях и желаниях. В какой-то момент начинает казаться, что автор излишне идеализирует парня. Но все скоро объясняется его наивным возрастом. К тому же, опытный литератор умело наделает героя неидеальными поступками. Впрочем, они лишь усиливают симпатию читателя.

Пересказывать сюжет «Галапагосского спасателя» — дело неблагодарное. Лучше и проще прочесть. Отмечу лишь, что повесть увлекает и держит в напряжении, постоянно подкидывая в топку читательского интереса все новые и новые неожиданные повороты, не дающие возможности предсказать развязку.

Впрочем, на самом интересном месте читателя поджидает предательская фраза «конец первой части». Возможно, такое дробление повести — удачный маркетинговый ход, призванный заинтересовать в приобретении следующей книги автора. Мне эта оторванность показалась сомнительной. Во-первых, не настолько велика повесть, чтобы не уместиться в книге, а, во-вторых, половина повести не производит законченного впечатления. Первая часть, безусловно, раззадоривает интерес. Однако отложенный на финал смысл исканий главного героя выводит на первый план лихой, но легковесный вихрь приключений. А как хочется верить в большое будущее обаятельного Хави Фаранеса!

Герои и истории Игоря Нехамеса несут крайне важную миссию в нынешнем неспокойном, разбитом противоречиями, мире: они объясняют, примиряют и объединяют. И они живые. С ними интересно. За них переживаешь и радуешься.

Отдельного абзаца требует стиль писателя. Автор избрал крайне удачную манеру изложения. Она полностью лишена красот и литературных изысков, а потому ничто не отвлекает читателя от повествования. Стиль Игоря Нехамеса напоминает воздух соснового бора. Вроде бы ничего невероятного в нем и нет, но как вольготно дышать! Городским воздухом дышать тоже можно. Вот только вряд ли кто-то получит от этого удовольствие.

Завершают сборник атмосферные рассказы, объединенные в цикл «Памятные встречи» и поэтические импровизации на кубинские темы. Стихи и «Кубинские вос-

клицалки» переводят восприятие читателя в мир образов, как бы предлагая поближе рассмотреть детали и ощутить ароматы Старой Гаваны.

Рассказы «Визитная карточка Кубы», «Роща Мигеля», «Мышиные бега», «Два Анхеля» и «Самая долгая память» возвращают читателя в современную Кубу и дополняют кубинский колорит мелкими, но крайне важными бытовыми подробностями жизни далекой страны.

Неспешный ритм океанского острова диктует обстоятельные описания героев и событий. Тут симпатии писателя целиком на стороне людей дела. Повар, музыкант, художник,— профессия не имеет значения, если человек отдает ей свою душу. Не нашедшие себе занятия не находят себя. Им остается роль приживалов.

В каком-то смысле этими завершающими частями мозаики автор пытается оценить результаты непримиримой освободительной борьбы ушедшего века.

Интересно, что рассказчик не восхищается и не ужасается. Он лишь напоминает, что история, увы, никого ничему не учит. Поэтому и книга Игоря Нехамеса — всего лишь привет. Привет этот никого ни к чему не обязывает, но задуматься заставляет. «Кубинским приветом» писатель подводит черту под собственными странствиями, раздумьями и впечатлениями, давая читателю возможность ухватить в них свою тему и сделать свои выводы. Почему так? Может быть, потому, что кубинские реалии в зеркале Игоря Нехамеса удивительно преломляют и проявляют нас самих?

Игорь Нехамес

ФИДЕЛЮ КАСТРО РУС

13 августа 2016 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Фиделя Кастро. Команданте жив-здоров и трудится на благо Кубы.

У каждого из нас своя планида*:
На белом фоне путь — узора гжель,
Но думаешь всегда про «ларга вида»**
А в страсти нас объединил Фидель!

Страсть эта — в острове Свободы,
В энтузиазме напряженья сил,
В мечте, что снова обрели народы,
Дыша под взмахи многосильных крыл!

Мехам подобно раздуваем пламя,
Огонь наш воплощается в труде,
И революции в руках всполощет знамя!
Увидели его на всей земле!

Бородачи шагали в авангарде:
Карл Маркс и Энгельс, Ленин и Фидель.
И верили, что сила только в правде,
А революцию не посадить на мель!

* Планида — судьба (старорусск.).

** Ларга вида — долгая жизнь (испанск.).

У океана натиск исполина,
Но Куба с честью выдержит шторма!
Грядя преград тогда преодолима,
Когда верна дорога и пряма!

В мельканьи дат, событий и пристрастий
Не просто выбрать правильную цель,
Но созидает авениду* счастья
Неукротимый искренний Фидель!

(Написано 20 февраля 2015 года в 16 ч 45 мин по кубинскому времени в № 767
отеля «Комодоро» в Гаване)

* Авенида — прямая дорога (испанск.).

Юрий Иванов

(д. Бардово, Псковская область)

«РУССКИЙ КРЕСТ» ВАЛЕРИЯ САВОСТЬЯНОВА

Юрий Иванов (лит. псевдоним Иванов-Скобарь) — поэт, журналист, литературный критик. Выпускник исторического факультета Омского государственного университета и сценарного факультета ВГИКа. В середине 90-х переселился на родину предков — в деревню Бардово Бежаницкого района Псковской области. Был директором сельской школы, преподавал историю и литературу. В настоящее время свободный литератор. Автор книги стихов «Хронология обстоятельств» (2010 г.), многих публикаций в российской литературной периодике.

Входит во всероссийскую поэтическую группу «Дикороссов», образованную Ю. Беликовым (Пермь). В последнее десятилетие активно сотрудничает с еженедельником «Литературная Россия».

*«...У поэтов так бывает:
Бог дает им свой язык —
Словно радий добывает
Из любви и горя их...»*

В.Савостьянов.
Памяти Анатолия Брагина

Литература в России всегда была делом столицецентричным. Благо в царской России почти все поэты, как и их читатели-почитатели, были сосредоточены в столицах. При советской власти, широко распространившей грамотность, ситуация не изменилась. Кто жил в столице, тот и был знаменит или, по крайней мере, известен. Не берем совсем уж дальние годы, например, 1920-е, но кого из недавних кумиров мы вспоминаем первыми, когда произносим слово «поэт»? Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский. Можно вспомнить и других, но это наша «святая троица». Кто они? «Дорогие мои москвичи...».

Таланты из провинции, так и не пробившиеся в Москву, оставались талантами для внутреннего пользования. Кому из широких слоев читателей были известны те же Александр Плитченко из Новосибирска или Василий Казанцев из Томска, да тот же Николай Рубцов? Юрий Поликарпович Кузнецов, боюсь, так бы и остался мало кому известным поэтом с локацией в Краснодаре, если бы не смог после окончания Литинститута пристроиться в Москве. Даже ленинградские поэты смотрелись тогда поэтами как бы второго плана. Ситуация была понятна: центральные издания, крупнейшие издательства — все сосредотачивалось в первопрестольной. Публикация в центральном литературном журнале стоила книги, да может быть и не одной, изданной в провинции.

Один из провинциальных представителей традиционной поэзии в нашей стране — Валерий Савостьянов из Тулы. Поэт талантливый и в своей Тульской области хорошо известный. А почему не широко в России? Ведь еще при Советской власти у него вышли книги стихов «Товарищ мой» (Москва: «Современник», 1984), «Календарь» (Тула: Приокское книжное издательство, 1984), «Лебедь с девичьим лицом» (Москва: «Современник», 1989), «Деревенская школа» (Тула: Приокское книжное издательство, 1991).

И позднее, с 2003 года, он автор еще 4 книг стихов (все изданы в Туле) и множества публикаций в различных местных, российских и международных (Армения, Белоруссия, Германия, Латвия, Украина) изданиях, в том числе в престижных всероссийских антологиях: «Русская поэзия: XXI век» (М., 2010), Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..» (М., 2010), «Поэзию любят красивые люди» (С.-Пб., 2012), «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), а также в антологии тульской поэзии «Наши современники» (Тула, 2008) и в хрестоматии «Три века тульской поэзии» (Тула, 2010).

Существует, однако, в литературе и такое понятие, как везение. Кому-то везет с успехом, кому-то нет. Если посмотреть на литературные регалии В. Савостьянова, голова может кругом пойти, чего там только нет! Лауреатств хватит на добрый десяток литераторов (подробно можно посмотреть на «СТИХИ.РУ» <http://www.stihi.ru/avtor/airi2>). И все заслуженно. Что не так? Талант? Дай бог каждому. Биография? Да, литературная — достаточно заковыристая. Житейская?

Обратите, однако, внимание на разрыв в примерах приведенных публикаций: 1991 г. и далее — с 2003 г. А случилось простая вещь: только стал входить В. Савостьянов в литературную известность поэтом поколения Николая Дмитриева, как случился политический катаклизм — развал СССР. И вместо литературных забот пришлось заниматься элементарным выживанием, семью кто-то должен был кормить.

В. Савостьянов родился в 1949 году и прошел долгий жизненный и творческий путь. Инженер по образованию, технарш по работе, издевавший и черный трудовой рабочий хлеб, он должен был выстраивать свою жизнь так, что долгое время три линии — поэтическая, как веление таланта, интерес к науке, как потребность души, и житейская, как необходимость зарабатывать на жизнь семье, шли рядом. Но, с другой стороны, это опять же традиционно-обыденная ситуация для многих литераторов. Как в прежние времена, так и в нынешние.

Но, может быть, «каждому овощу — свое время»? Недаром когда-то К. Чуковский писал: «Писатель в России должен жить долго».

И вот в 2014 году в Тульском издательстве «Гриф и К» вышла в каком-то смысле итоговая для определенного периода книга нашего автора «Русский крест» — очень сильная по уровню, но не очень ровная по содержанию книга. Правда, автор в послесловии сам признает, что не включил многое из своего творчества: философскую лирику, большую часть любовной, рабочую тему. По поводу отсутствия последней особенно жаль, потому что любовная все-таки отражена в одном из разделов; философия опосредованно прослеживается в большинстве стихов. Что до трудовой тематики, то автором в Интернете выложен цикл стихов, даже скорее, поэма о шахтерах, замечательная поэма, отсутствие которой в сборнике несколько обедняет палитру книги.

Автор готовил книгу к 40-летию своего творчества в 2003 г., а издать удалось только к 50-летию литературной деятельности. Таковы реалии нынешнего литературного — и не только — процесса.

Основной корпус стихов, как упоминает автор в своем послесловии, писался в эпоху 1990-х годов. Что это за эпоха, рассказывать не надо. Позор национального

унижения, вакханалия продажи Родины оптом и в розницу, бандитские разборки, разделы и переделы общенародной собственности олигархами при активной помощи и содействия властей. Не дай бог пережить такое снова! Понятно, чем сердце поэта горело, то он и вложил в свою книгу

В сборнике восемь разделов. Уже из перечисления названий видно, что владеет душой поэта, какая «пламенная страсть»: «Дедовы медали», «Гимн Союзу», «Русская вьюга», «И Николай Чудотворец», «Тульский герб», «Девичьи фамилии», «Родословное дерево», «Одиночество поэта».

Что касается «Дедовых медалей», то это так естественно, ведь нет в России семьи, где бы не было погибшего за Родину в годы Великой Отечественной войны. Тема по-прежнему волнует многих. Многие пишут об этом. Но уже не участники войны. Их дети, внуки, которые, конечно, ту войну не видели.

Надо отдать должное В. Савостьянову. Он практически не поддается соблазну описывать войну от первого лица, чем грешил, на наш взгляд, например, столь популярный В. Высоцкий. Поскольку рядовой читатель издавна привык отождествлять лирического героя с автором (тот же С. Есенин, например, приучил, Я. Смеляков, все поэты-фронтовики — если поэт пишет о чем-то, значит, он это пережил, это было с ним), неудивительно, что в свое время ветераны постоянно писали Высоцкому: а не воевали ли мы с вами? А не воевали ли вы там-то и там-то? Актер привык актерствовать и в стихах. Можно, в конце концов, назвать это вживанием в роль. Что, по большому счету, не совсем честно по отношению к читателю (у В. Высоцкого — по отношению к слушателю). В этом плане В. Савостьянов честен предельно. Описание войны у нашего автора только опосредованное: «Фуражка», «Деду», «Дедовы медали», «В доме погибшего летчика», «Солдатка», «Легенда», «С колхозного подвала», «Край рощи перекопан...», «Спор по поводу врага», «На сборы», «Вторые», «Кладбище в Белграде» и другие.

По поводу второго раздела — «Гимн Союзу», — можно сказать, что это по-прежнему большая тема для многих бывших граждан СССР. Кровоточит эта рана и у В. Савостьянова. Достаточно привести хотя бы одни названия стихов, чтобы догадаться об их содержании: «Нищие», «Дефолт», «Ненависть», «Век волков», «Мечты», «Месть», «Чтоб России возродиться...», «Канул век» и т.п. Поэт, образно говоря, «пилит опилки», мучается прошлым. Но изменит ли что-то поэтическая констатация свершившегося краха? Нет, поэтому остается только сожалеть о том, что было и чего уже никогда не будет. Страница истории перевернута, и нужно отдать историкам и политика миссию осмысления того, что было. Потому что эмоции притупились. И надо идти дальше.

И как не мечтать после разорения и покорения страны «героями кошелька», космополитичными «нефлесосами» и прочей гнилой пеной о единстве и победе над темными силами? Неудивительно поэтому частое обращение В. Савостьянова в третьем разделе, «Русская вьюга», к святой для нас теме Куликовской битвы, переломившей трагический ход русской истории и из глубины времен дающей нам надежду на новое возрождение: «Брат», «Засадный полк», «Донской», «Троица»... Тем более, что произошла эта битва на Тульской ныне земле. А Тула, Тульская земля теперь уже испокон веков была и есть защитницей России, ее оружейной кузницей.

«И Николай Чудотворец», может быть, один из самых сильных разделов книги, а беря шире — одна из самых сильных тем В. Савостьянова. То ли с возрастом человек становится ближе к небу, то ли пробуждаются от советской спячки коренные духовные основы бытия русского человека, но что есть, то есть.

*Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже —
Я еще воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.*

*Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной —
К сыновьям моим, к жене,
К нашей кошке беспородной.*

*И к рассаде, и к цветам,
На окне моем живущим,
И к сияющим листьям,
Строчки новые зовущим...*

*Не веди меня казнить —
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!*

*Что — пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний,—*

*Чтоб не ядом напитать,
Не отмицением, не болью,
Чтоб молитвой отщептать,
Чтоб спасти его любовью!.. («Не гаси мою свечу»)*

Почему Николай Чудотворец? Издавна этот святой был самым популярным персонажем в народном сознании, почти в каждой избе имелись его иконы. Недаром иностранцы называли Николая русским богом.

*Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликерец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Звон колокольный
Сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...*

*Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утроясь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...*

*Снится:
У рая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!*

*— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!.. («И Николай Чудотворец»)*

Идет разговор с читателем о вечном. И это читается с большим интересом, поскольку и это дает надежду на лучшее в нашей жизни, пусть и в будущем. Можно сказать, что это наша национальная идея — счастливое будущее. Правда, каждый понимает это по-своему: «...Сыны эпохи сталинской И брежневская рать, Пора той церкви старенькой Нам камни собирать». («Пора!»)

Многие сейчас пишут на религиозную тематику, о религии, о церкви, но, к сожалению, что называется, в лоб, путем простого набора церковных терминов — и выглядит это часто до невозможности плоско и глупо. Но сколько ни говори: халва, халва,— во рту слаще не станет. Здесь другое. Не знаю, религиозен ли В. Савостьянов, но о высшем он говорит с вдохновением.

*...И растить ощущение полета,
И с надеждой смотреть в небеса,
Где мерцающий крест самолета
И где ангельских труб голоса...»
(«...А когда я душой неспокоен...»)*

А вот раздел «Тульский герб». Что приходит в голову при слове «Тула»? Самовар, ружье, Левша, пряник, наконец. В. Савостьянов не разочаровывает, обыгрывая в первом же стихотворении этого раздела упомянутый тульский пряник: «Мир порою Тусклый-тусклый, В пресном сереньком чаду, Но купите пряник тульский, Пряник тульский на меду. И, вскрывая неторопко, Не спешите разломить: Может вас уже коробка Красотою изумить...».

В самом лучшем смысле слова поэт топографичен. У него очень много привязок в стихах к местным названиям, местам: «Тульский герб», «Река Воронка», «Рабочий полк», «Плач по Успенской колокольне», «В сквере коммунаров», «Тульская земля», «Город мой с душой железной», «На улице Рязанской» и другие. В этом разделе В. Савостьянов — поэт областного уровня. Он прочно укоренен в своей земле. Он ее

любит. Это сильная сторона творчества. Хотя, например, стихотворение «Тридцать восемь тысяч с половиной» о погибших на Великой Отечественной войне туляках поднимается на уровень выше, чем областной, на уровень обобщений: «Над землей родною, Над былинной, Тридцать восемь тысяч с половиной Муромцев, Поповичей, Добрынь — Вместе с нами Русское раздолье Сторожат от горя И раздора. И попробуй нас располовинь!..»

В другом стихотворении автор не принимает догмы прежних лет, клеймя Ивана Болотникова за то, что вел «Отечество в болото», вешает на вчерашнего «выразителя интересов простого народа» грехи Смуты («Откровенный разговор с Кремлем»). Правда, можно заметить на это, что все мы сильны задним умом.

Но поэт чуток и нежен, когда говорит о земляке — Вячеславе Невинном («Слава»), соединяя имя артиста со славой края.

Но не забывает и тех, кто создал трудовую славу Тулы: «Где народ не весь грешит из-за гроша... И таланты почитая, а не злато, Сердцем чувствуя, что злато — демон злой...». И заканчивает почти молитвой: «Что еще просить? — Помолимся же Богу, Благодарные за роскошь мастерства! Здравствуй, удаль — не задиристых, а смирных! Здравствуй, удаль, что в годину нищеты Для себя из всех изделий ювелирных Оставляет лишь нательные кресты!» («Удаль»).

Поэт живет еще советскими категориями: говорит о дружбе народов, замененной ныне хладнокровной толерантностью, и в стихотворении «Монумент» рассуждает об армяно-русских связях.

А отличное стихотворение «В Пушкинском сквере» можно рассматривать и как уличную зарисовку и как гимн русскому языку: «Здесь пьянчужки пьют, и пьют повесы С дамами, не склонными к стыду... В этом сквере Пушкинском поэты Раз в году, всего лишь раз в году. Солнышко высушивает лужи. Исчезают нехотя бомжи. Отдыхают пушкинские уши От косноязычия и лжи. Ах, как рад он слышать в гуле улиц Строчек поэтических парад: Наконец-то русские вернулись И на чистом русском говорят!..» Вот почему В. Савостьянов — поэт традиционный, он тоже говорит на чистом русском языке.

Автор во многих стихах полон ностальгии об ушедшей юности («Адрес»). Стихотворение тронет всех, поскольку все мы были когда-то юными: «Как друзей своих рисковых И подружек поселковых Сладко вспомнить имена, Так же сладко, — уж поверьте! — Прочитать мне на конверте: «Доменная, 1А»... Что же было там такое? Труб дыханье заводское, Клуб строителей, Шпана, Нос, разбитый в первой драке, Рай «хрущевок» И бараки. «Доменная, 1А»... И велик, не испоганен, Жив Союз! И жив Гагарин, Цель ближайшая — Луна!.. Выпускной — увы! — в спортзале: Зала нет. Но есть медали! «Доменная, 1А...»

Повторюсь, в этом разделе В. Савостьянов выступает как самый крупный поэт Тульской земли. Неудивительно, что весь тираж книги выкупила областная администрация и бесплатно распределила во все библиотеки области. Хорошо, что не все главы регионов делают ставку в своей работе с обществом только на спортивную часть. Кое-кто, на удивление, понимает, что необходима и духовная составляющая жизни народа.

А о разделе «Девичьи фамилии» можно просто говорить цитатами, поскольку как еще передать стихи о любви? «А школьные двери отпели Нам так неожиданно, вдруг. И праздничных платиц метели Навеки умчали подруг...» («Девичьи фамилии»). «И вновь на тропочке туманной, Где скал алеющий оскал, Пел голос женщины желанной — И от себя не отпускал! И было так невыносимо, Что на ветру — она поет, И шторма яростный басина — Ей высказаться не дает!..» («Там где волны биенье злое»). «...В твой театр хожу я, Жду антракта — До сих пор дарю тебе цветы. Друг

звонит. У друга — два инфаркта. И один из них — похоже, ты...» («Актриса»). «...И нежность вспыхнет заново, Лишь в памяти найду Флейтистку из Чертанова В Царицынском саду. Как звать: Аленой, Светою? — Не скажет мне она, А скажет лишь, что флейтою Всерьез увлечена! И что шедевр Баженова И грусть дворцовых ив — Рождают в ней божественный Лирический мотив!...» («Флейтистка из Чертанова»).

Чем старше человек, тем больше интересуется его родословная: предки, родители, жена, дети, родня. Т.е. то, что укореняет любого на этой земле, дает ощущение большой семьи и любви самых близких; быстротечности жизни и печали от невозможности удержать ее бег; наступающее смирение при приближении неизбежного.

Самый большой раздел книги — седьмой — «Родословное дерево». Языком поэзии знакомит нас автор с чувствами и мыслями прожившего большую жизнь человека. Вот детство: «Залезал я на сарай, Чтобы, став повыше ростом, Посмотреть на дивный край, Что за речкой и погостом. И казалось мне тогда: Это место — вроде рая, Потому-то все туда И уходят, умирая. В родниках, в колодцах тех Есть волшебная водица — Лишь одна она годится, Если болен человек. И, омыв печальный лик, Прежде бывшие седыми — Возвратятся молодыми И старуха, и старик. Перельется юный свет В них, отравленных тоскою... У сарая кашлял дед, Глядя в даль, что за рекою». («Залезал я на сарай»). А вот и неизбежное: «Смерть идет в атаку любовую. Но пока мы — внуки и сынки, Держат оборону круговую Доблестные наши старики... Но уже в могильные траншеи Бабушки и дедушки легли. Тех могил зияющие шрамы — Лишь начало, — дух свой укрепи: Видишь, наши папы, наши мамы В поредевшей тоненькой цепи. Долго ль оборону круговую Сдержит их усталый батальон? Смерть идет в атаку штыковую!.. Вот и твой солдатский медальон...» («Вечный зов»). И о невосполнимом: «Мамочка, ты хоть немножко рада, Легче тебе, мама, хоть чуток? — Глянь: твоя могильная ограда, Словно распутившийся цветок! Выкрашены лавочка и столик... И когда к автобусу иду, Оглянусь, — и веселее, что ли? — Будто бы покрасил я беду. Будто потому, что крест не ржавый, А, как мамин локон, вороной, Уж теперь Ни с нашею державой Не случится худа, Ни со мной...» («Мамочка, ты хоть немного рада»). И остаются только воспоминания: «Замело деревню: избы, риги, Света нет — лишь светлячок свечи. Вынимала бабушка ковриги, Круглые, большие, из печи... Обрядили бабушку в обновы Смертные, Отпел ее собор — И такого вкусного, Ржаного Не едал я хлебушка с тех пор...». («Замело деревню»).

Последний, восьмой, раздел «Одиночество поэта»: любой крупный поэт так или иначе осмысливает свои взаимоотношения с коллегами по литературному цеху: предшественниками, поэтическими учителями, ровесниками и учениками, пытается определить свое место в этом строю. Поэтический дар В. Савостьянов воспринимает как проклятье: «...И проклянет — свой дар, Свой труд, Где никакой зарплаты: Стихи не сеют, мол, не жнут — И не годятся в сваты! И вспомнит мамины бинты, Огонь отцова горна...

А Бог посмотрит с высоты — И засмеется горько!..» («Сын кузнеца и медсестры»). Более того, поэт обречен на одиночество: «Все поэты одиноки — Богом так заведено. Каждый сам в дремучей чаще Свою тропочку торит, Каждый крест свой тяжкий тащит — И никто не пособит...». («Одиночество поэта. Памяти Николая Дмитриева»). И это поэтическое «счастье» может закончиться трагически, как это не раз бывало в русской литературе: «Почти чужой, Почти родной, Ни франтом не был ты, Ни хватом — И вот стоишь передо мной В своем костюме мешковатом. Стоишь и хмуришься: «Шалишь! Опять неискреннее слово!..» За день до выстрела стоишь, До рокового...». («Боль. Памяти Александра Толмачева»). Поименно вспоминает того или другого своего товарища: Бориса Голованова, Анатолия Брагина, Николая Дмитриева, Юрия Щелокова, Владимира Большакова, — посвящая им проникновенные

строки. Да и вообще В. Савостьянов — благодарный поэт и человек: он в своей книге отдельным списком вспоминает всех литераторов, критиков, поэтов, журналистов, редакторов, с кем так или иначе соприкасался на своем творческом пути.

Особое чувство В. Савостьянов испытывает к поэту-фронтовику Н. Старшинову, считая его крестным отцом, благословившим в большую литературу, и которому посвятил не одно благодарственное стихотворение: «Рекомендация», «Смерть Старшинова», «Старшиновская пехота». И трепетно вспоминает не дожившего до старости Николая Дмитриева...

Завершается раздел и книга стихотворением «Поэзия — хлебом не кормит...»:

*Поэзия — хлебом не кормит,
Воды — не дает ни глотка.
Порою творцов своих портит,
Дав повод смотреть свысока.
Безделица и заморочка,
И вроде б никчемный предмет.
Но в горе припомнится строчка —
И вытаскист сердце на свет!..*

И к этому уже ничего не добавить, ни прибавить... Кроме того, что в конце 2015 года в Туле вышло второе издание «Русского креста» Валерия Савостьянова.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти, Самарская область)

ПУТЬ К ПРОСВЕЩЕНИЮ И ИДЕАЛУ

Рецензия на роман Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся»

На протяжении всей истории развития человечество ищет светлую и широкую дорогу к счастью. Сквозь взлеты и падения, ошибки, кровопролития, нищету и пресыщенность, оно, с упорством отвергая одно и принимая другое, строит на земле по своим меркам общество идеального существования. Не обошли эти чаяния, мечты и реальные дела героев романа Якова Шафрана «Круг замкнулся». Романа многопланового, насыщенного не только историческими фактами, но и вполне житейскими делами, интересного глубоким знанием «дел минувших», канонов Православной религии, простыми истинами нашей обыденной жизни.

I

На первый взгляд фабула романа проста — это история жизни нашего современника Андрея Курилова, предпринимателя, живущего в среднерусском городе Петрусовске. Но вместе с тем, мы, читая главу за главой, узнаем и понимаем не только историю человека и бизнесмена среднего класса Курилова, но и условия возникновения частной деятельности в нашей стране, создавшиеся в середине восьмидесятых годов прошлого столетия для реализации способностей людей в развитии своего собственного дела.

Перед нами проходят картины первого десятилетия двадцать первого века, а вместе с ними и почти всех событий России, происходивших в прошлом веке, которые предопределили в известной степени все то, что произошло и с героем романа Якова Шафрана, и со всеми нами, живущими в современной России.

Хочется заметить, что автор дал своему роману очень верное название «Круг замкнулся». Поистине, все в нашей жизни возвращается «на круги своя», так случилось и в книге автора, в которой повествуется не о какой-нибудь необыкновенной жизни, счастливой и прекрасной, и не о героических делах замечательного человека. Нет, совершенно напротив, мы читаем о жизни нашего современника, похожей чем-то на жизнь каждого из нас. У рожденного в середине шестидесятых годов прошлого столетия, героя романа Андрей Курилова, было хорошее советское детство. Он рос, воспитываясь на примерах героев замечательных книг, героев тогдашнего времени, развиваясь в постоянных подвижных играх, получая навыки житейских дел от любимых учителей. И от тех лет у Курилова остались самые светлые воспоминания, лишённые злости и упрёка, хотя он рано познал все прелести «безотцовщины». У Андрея и о солдатской службе сохранилась добрая память, не пронизанная «сади́змом де́довщины».

Неблагодарное это занятие — пересказывать роман, тем более что, читая его, узнаешь не только о повседневной жизни главного героя. Ведь наряду с условиями бы-

та открываются читателю современные философские рассуждения об истине жизни, которые просты, потому что написаны без вычурности, но лишены при этом всякой обыденности. Потому они и доходчивы для читателя. И вместе с героем мы, читатели, вновь окунаемся в обстановку недавних памятных исторических событий — от развала Советского Союза до наших нынешних дней. Проходят перед нами лихие девяностые годы с пустыми заверениями власти, когда в стране все было брошено на самотек, когда политикой экономики стала формула «товар на товар», а деньги превратились в фантики.

Постепенно переходя к событиям нынешних лет России, Яков Шафран откровенно и честно говорит о сегодняшних «глобальных» проблемах страны. О таком важном условии ее дальнейшего развития и процветания, как преобразование нынешнего школьного и высшего образования. Приводит примеры советского обучения молодого поколения, где тоже были свои проблемы, но в те годы, даже с некоторыми издержками, система советского образования работала.

Читая главы романа, где автор говорит о любви, мне подумалось, что рассуждения его не совсем современны, они соответствуют идеалу — взаимопонимание, уважение, терпимость. Но в то же время мелькнула мысль — а что же такое — современное понимание любви? Ведь то, о чем пишет Яков Шафран — всегда современно, потому что это вечные понятия и не могут они подвергаться ревизии времени, человек всегда должен оставаться человеком, в какой бы эпохе он не жил!

Автор придает большое значение состоянию духовного мира своего героя, его умению разобраться в душевных волнениях, во внутреннем трепете от созерцания родной природы, от чтения хороших стихов. Интересны рассуждения писателя о родине, когда он устами героя говорит об этом с друзьями. Яков Шафран и подтверждает, и открывает нам истины человеческого бытия: «Говорят, что в старости — родина там, где тебе тепло, где тишина и покой. Но Андрей с этим никогда не согласится, для него родина — это, прежде всего, корни, память, друзья».

Я думаю, что читателю будут понятны и нынешние проблемы нашего общества, которые возникнут перед Андреем Куриловым, когда герою придется преодолевать возникшие перед ним рогатки и барьеры в борьбе с чиновниками. Неистребимое мздоимство, хитро расставленное на пути Курилова «крышевание» подставных фирм — черные метки нашего времени. Пожалуй, тема коррумпирования российского общества является ключевой в завершающей части романа Якова Шафрана. Чувство несправедливости так охватывает Курилова, что у него в отчаянии возникают сомнения в правильности задуманного им дела. Бизнес начинает спотыкаться о всевозможные хитросплетения коррупции, «которая все шире и шире открывает рот». «Невозможно честно заниматься бизнесом среди этих «лис» и «волков», — вырывается в разговоре с ним у одного из сотрудников фирмы. И возникает неизбежная необходимость нарушения закона или, по-другому, — «все так делают».

Чувствуя свою безнаказанность, коррупция растлевает российское общество, порождает махровую и наглую вседозволенность. Поэтому и звучат отчаянные сомнения в романе — народ разуверился в возможности изменения чего-либо в борьбе с ней. Многое пришлось испытать Андрею Курилову при организации своего бизнеса — это и судебные тяжбы, и предательство компаньонов. Но в конечном итоге судебное дело выиграно. Но какой ценой?! Ведь снова пришлось «отстегивать» главе городского управления Росспецнадзорздрава, который лишь одним звонком приостановил судебное разбирательство в отношении фирмы и самого Курилова.

Воистину вспоминаются две истории, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Первая про одного персидского царя, который, казнив смертью судью, уличенного во взятках, приказал содрать с него кожу и покрыть ею судейское кресло.

Подействовало. И вторая — уже относящаяся к Руси. Креститель славян князь Владимир был в истории Руси первым, кто своим указом отменил смертную казнь. После этого преступность в городах и весях так разгулялась, что возникла угроза существованию государства. Высшую меру срочно восстановили.

Может, уже пора последовать примеру древних и в нынешней России... Пришлось даже немного отдалиться от темы моего рассказа о романе, увлекшись важностью поднятого Яковом Шафраном вопроса.

Был в жизни героя Якова Шафрана и опыт освоения заграничного бизнеса. Достоверно рассказано автором о «прелестях американской жизни», когда Курилов с семьей ищет лучшей доли за океаном. С досадой рассуждает он, прожив около года в США, о низкой духовности американцев, об отсутствии откровенности в отношениях между людьми, о том, что на первом месте у людей капиталистического общества — деньги.

Всмотревшись в черты, которые автор приписывает своему герою, я подумал, что Курилов — воплощение его мечты о том, каким должен быть нынешний предприниматель в России — «со светлым состоянием души»... Яков Шафран рисует нам идеальный образ предпринимателя, а может быть, это действительно человек будущего? А почему бы и нет? Ведь к идеалу всегда надо стремиться...

II

Повествуя о жизни предпринимателя Курилова, о современных проблемах нашего общества, Яков Шафран ненавязчиво, с интересом погружает своего читателя в события, которые происходили в России столетие назад. Ведь идейно-художественный замысел романа «Круг замкнулся» открывается нам с единичного, произошедшего с героем события, в котором, как в капле воды отразились почти все основные тенденции развития современного общества России. Вот поэтому автор и раскрывает перед нами связи настоящего времени с прошлым, где и зарождаются ответы на вопрос: «Каким должно быть будущее России?», и читателю становится понятным, что главная болезнь нынешней России — потеря вечных истин и идеалов, отсутствие высших целей жизни, исчезновение «героев» среди нас. «Великого нет ничего» — вспоминаются слова Ф.М. Достоевского.

Автор, повествуя о времени сегодняшнем, приглашает читателя взглянуть в прошлое страны и погружает нас в атмосферу событий и настроений последнего десятилетия перед Октябрьской революцией. Перед нами предстает расхристанное время «разброда и шатания», точно такое же, какое было в недалекие девяностые годы развала Советского Союза. То же интеллигентское созерцание и словоблудие о равенстве и свободе. Появление новых героев в романе весьма важно для понимания целостности произведения, тем более что все они, как оказывается, «переплетаются» биографически. Яков Шафран сразу же проводит разграничительную линию между западником кадетом Заячницким и славянофилом Соловьевым, выделяя отдельно образ патриота Земскова. Мы видим, что все они, в конечном итоге, люди неравнодушные к судьбе России. Каждый по-своему видит путь, по которому страна должна пойти в своем дальнейшем развитии. Хотя западник Заячницкий убежден, «что все у нас в России сикось-накось», а славянофил Соловьев, наоборот убежден, что «в стране происходит рост мощи, и что совершенно невыгодно для мировых западных держав». Будущее государства он видит в укреплении власти, Заячницкий же ратует за развитие реформ, установление полной свободы.

Писатель вводит нас в мир событий 1917 года, которые явились определяющими в судьбе России на том историческом этапе. Настроение и сопутствующие ему разго-

воры героев романа с подлинностью передают обстановку революционной напряженности, приведшую к коренному повороту развития государства Российского. И мы видим, что даже продолжавшаяся мировая война, которая поставила на кон независимость России, не объединяет в единой борьбе людей всех сословий и политических убеждений. «Буржуазия вся в оппозиции, интеллигенция хочет устроить все на западный манер... Все партии требуют свобод и уже сегодня!» В России начинается кризис, который «целенаправленно создают», — как выразился славянофил Соловьев, видя в этом «разрушение извне и изнутри» страны. Как это похоже на раздраз, который творился в недалеком прошлом нашей страны — в девяностых годах!

На фоне происходящего в России, постоянных разговоров интеллигенции, читателю будет интересно узнать и том, что же думал рабочий класс, для которого и создавалось «светлое будущее», и доволен ли он был тем, что затеяли большевики? Оказывается, рабочие не совсем согласны с новыми преобразованиями большевиков, высказывают большие сомнения на этот счет. Для них кажется, что все едино: управлял царь, помещики и капиталисты, «а теперича большевики заместо их. Уж больно похоже на то, как один гад съедает другую гадину. Не ты же править будешь и не я?» Это настроение подхватывает западник Заячницкий, и то по прошествии многих лет, в начале тридцатых. «В России все недовольны существующим положением: крестьяне окончательно потеряли землю и волю во время кровавой коллективизации и теперь закабалены этими колхозами; рабочие не только не стали коллективными владельцами заводов и фабрик, как им было обещано, но превратились в полузаклоченных...»

Но вот мы открываем новую главу романа и читаем о том, как настроение изменилось в стране всего двадцать лет спустя после революции. За этот короткий исторический срок большевики сумели поднять аграрную Россию до индустриальной державы. Из разговора рабочих, отдыхающих в Ялте: — «А помнишь, Гриша, разговор наш в семнадцатом? Правы мы были, что наш народ общественный. А товарищ Сталин и до того знал это и гениально предвидел, каким путем нам идти. И когда пришлось на деле в короткие сроки строить социальное равенство и справедливость, то народ и не нужно было учить коллективизму. Крестьянин-общинник был таким из рода в род. Такими же были и есть рабочие, вышедшие в основном из крестьян, у которых и за три поколения во времена капитализма не удалось до конца истребить дух общинности».

Писатель Яков Шафран последовательно рисует нам непростой путь, пройденный русской интеллигенцией — эмиграция, скитания по неприятным кварталам городов зарубежья, постоянное обвинение виновных в своих лишениях. В одном из городов Европы славянофил Соловьев бросает упрек западнику Заячницкому — «вы и есть поджигатели, породившие еще больших поджигателей — эсеров, которые совершили две революции и подготовили третью, чем благополучно воспользовались большевики!»

Пожалуй, один патриот Земсков в этой компании реально и взвешенно смотрит на происходящие исторические события, рассуждая: «Что пенять на то, что случилось и искать виноватых? Придет время и история всех и все расставит по местам. Когда организм охвачен смертельной болезнью, не тратят время на поиски причин и виноватых, а применяют все средства, чтобы победить болезнь». А заразу, которая явилась причиной болезни России, он видит так же, как и Соловьев, в тех западниках, «кто разжигал это бесовство на протяжении более чем полувека». И тут же подчеркивает сказанное своим безапелляционным выводом: — «И большевики — я это ясно понял, господа, — именно те «санитарные врачи», которые его, этот самый карантин, осуществляют».

Земсков и возвращается на родину в середине тридцатых годов, закончив в Па-

риже работу над книгой о падении Византии, остро почувствовав в себе не остывающую приверженность к России. И уже в советской стране продолжает дело всей жизни — пишет в «толстую тетрадь в темно-синей коленкоровой обложке» собственные мысли о корнях России, ее истории и судьбе. А главное — о том, как обустроить и изменить великую и могучую державу, имя которой — Россия.

Именно эта тетрадь профессора Земскова и явилась той завершающей точкой, замкнувшей круг. Встречаются потомки — Курилов и Земсков.

Иннокентий Земсков, получив тетрадь от деда в наследство, прочитав ее, на протяжении многих лет выносит мечту опубликовать обширный и значительный труд деда. Опубликовать для грядущих потомков «синюю тетрадь, которая пронизана духом сотворения премудрого, софийного (правильного) жития-бытия». Это желание и послужило причиной встречи Курилова и Земскова. Встреча, «когда два дальних родственника, никогда ранее не видевшихся, вдруг пересеклись на жизненных путях-дорогах». Но опубликование рукописи Земскова не состоялось.

Почему? — Спросит читатель вместе с Иннокентием Земсковым. И писатель отвечает на этот вопрос словами своего героя Андрея Курилова: — «Пусть все идет своим чередом по воле Свыше!»

Ведь людям, если они люди, всегда надо оставаться на земле человеками — только истинный человек трудится на благо страны, любит беззаветно свою Родину, преданно исполняет заветы предков. А насаждать новое силой, извне — не получится. Тем более что известные опыты подтверждаются свершившимися последствиями.

И нам, читателям становится ясно и понятно, какой путь к просвещению и идеалу предлагает в романе писатель Яков Шафран — «выбор пути всего человечества связан с духовным благоустройством, с укреплением света и любви у каждой личности. В этом — личное спасение каждого из нас».

Французская писательница Жорж Санд писала: «В книге должен выразиться человек, ее автор. Иначе это пустая книга». Книга «Круг замкнулся» — лучшая из книг Якова Шафрана, в ней отразился ее автор, любящий людей, мудро понимающий истинное назначение человека, пришедшего на землю. Писатель Яков Шафран, верящий в «цели вековечные», которые послужат преобразованию России, своим оптимизмом заставляет в это поверить и нас, его читателей.

Любовь Рыжкова
(г. Рязань)

РАСПРОСТЕРТЫЕ КРЫЛЬЯ РОССИИ

Гражданский характер лирики
Алексея Селичкина
О двух ветвях русской поэзии

Поэт, прозаик, филолог, член Союза писателей России, лауреат междунар. и всерос. науч. и лит. конкурсов, кандидат педагогич. наук, проф. Российской академии естествознания, автор 500 публикаций, из них 30 — книги, среди кот.: поэтич. сборники («Сотайник», «Зарифмованный дворец», «Августейшая ночь», «Зерно Творца», «Мировая Душа», «Начало света»); кн. прозы («Хомо скрибенс», «Золотая пыльца»); кн. для детей и юнош. («Волшебный букварь», «Веселое лукошко», «Колокольчиковый колодец»); монографии и др. науч. труды по рус. яз. («Развитие речи: система работы», словарь «Художественные средства»); литературоведч. иссл. о поэзии Серебряного века, поэтах XX в.— Н. И. Тряпкине, Н. А. Заболоцком, С. Н. Маркове, Н. М. Рубцове («Огненный витязь», «Свеча земли», «В истоках славянской реки»); историч., публицистич. работы («Духовные воители Руси», «Русь легендарная», «Баташевские звезды», «Промежуточное звено», трилогия «Русская Душа», «Адский уголек», «Свет с Востока», «История русской азбуки»); пер. (со швед. и болг.р.); книги для слепых шрифтом Л. Брайля и др.

Рассматривая поэзию начала XXI века, еще непонятную, находящуюся в исканиях, пытающуюся отразить свое время и при этом далекую от бурных литературных течений, направлений и поисков века минувшего, где было изобилие подходов, стилей, методов, мы пришли к выводу, что все эти течения и направления так или иначе сводятся к двум основным ветвям русской литературы — *консервативно-охранительной* или, говоря словами Ф. М. Достоевского, *почвеннической* и иной, *противоположной* ей — *либерально-раскачивающей* все еще могучую лбдю Великой Русской Литературы. Художественные искания, безусловно, дело хорошее и нужное, но нам милее и отраднее традиция, обычай, призванные сберечь то, что искони было завещано нам предками и столпами поэтического слова.

По этой причине в центре нашего внимания — творчество поэтов-почвенников, которых, к счастью, очень много в современной литературе, но которые по многим причинам остаются в тени. Либеральная критика их не жалуется, журналы обходят их вниманием, а издательства ныне, как известно, либо процветают, находясь во власти золотого тельца, либо выживают каким-то чудом, служа высокому. Но именно эти поэты радуют за судьбу Отечества не показательно-декларативно, а всем своим русским сердцем. О них речь в книге «Русские поэты-почвенники XX — начала XXI вв.». Среди эти поэтов — Вячеслав Богданов, Алексей Еранцев, Владимир Курбатов, Владимир Носков, Евгений Рудаков-Рудак, Алексей Селичкин, Сергей Семянников, Валентин Сорокин, Геннадий Суздальев, Валентин Чистяков, Владимир Чурилин, а так-

же Ольга Балакина, Салисэ Гараева, Лидия Дедова, Надежда Емельянова, Юрий Зыков, Вера Киселева, Ирина Кияшко, Геннадий Комаров, Татьяна Кузнецова, Валентин Легкобит, Наталья Рябинина, Валерий Савельев, Виталий Савченков, Валентина Сляднева, Виктор Смагин, Станислав Слепенков, Светлана Соложенкина и др. Сегодня наше повествование о калужском поэте Алексее Селичкине.

«Мы не имеем права жить незряче...»

Поэт обостренно гражданского чувства

Алексей Селичкин, безусловно, поэт «почвенного» направления, и не потому, что в его лирике встречаются традиционные приметы «деревенской» России («Здесь прежде...», «Подгнивший угол», «Завалинка», «На родине», «Я за спиной оставлю автостраду...» и др.), а в самом отношении к миру, людям, природе, судьбе страны, ведь он здесь не гость, не иностранец, он здесь — исконный житель, хозяин, автохтон. Дело — в позиции поэта, и можно с определенностью сказать, что А. П. Селичкин — поэт обостренного гражданского чувства. Все это четко обозначено в его книге «Век и судьба», вышедшей в Калуге в 2015 году.

Он смотрит на происходящие события не отстраненно, а словно изнутри, он пытается понять, что происходит со страной, все ли в ней ладно, куда она движется и какая беда случилась с ней в мирные, казалось бы, дни, ведь Россия сегодня претерпевает серьезные изменения. Он не приемлет так называемые демократические перемены, начавшиеся в 1991 году после распада Советского Союза и продолжающиеся ныне. И не потому, что он жаждет возвращения советского строя, а потому, что видит тотальное наступление на русскую историю и культуру, поправление и унижение отечественных ценностей, угасание русской деревни, обескровливание русского народа. Это не голословные утверждения, в его поэтическом пространстве появляются характерные образы: «большое поле, некошеное ни разу», «мир, горький от осота», «разворованная страна», а самое страшное — бедность одних и «многосумье» других.

Причину этой беды он видит отчетливо, это «революций кровавое средство», от которого никак не может отойти и опомниться великая Россия («Не считал я потерянных дней...»). И те давние события отзываются в нынешних днях, что «в либеральной оправе» — распадом советской страны после Беловежских соглашений, грабежом под видом приватизации и новой разрухой под видом закрытия предприятий, и появлением «пятой колонны», которая, собственно, никогда и не исчезала, но ныне лишь ярко себя обозначила. Это о них, этих людях говорит поэт: «Они не в силах ни одной минуты / задуматься — чья их вскормила мать» [3, с. 20]. Об этой «пятой колонне» однозначно сказал и Президент России Владимир Путин в своем послании Федеральному Собранию, комментируя санкции, введенные странами Запада против нашей страны: «Западные политики страшат нас не только санкциями, но и обострением внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны разного рода национал-предателей или рассчитывают ухудшить социально-экономическое положение в России и тем самым спровоцировать недовольство людей?» [1].

Говоря о подобной категории людей, *мотив вранья и воровства* становится у поэта лейтмотивным: «воровать, воровать, / умножать многосумье» [3, с. 16]; «война... борьба... ворье и воронье...» [3, с. 21]; «вранья, ворья крутой мастак» [3, с. 45]; «Что будто нет ничьей вины / и вор никем не узнаваем» [3, с. 80]. Та же тема отражена в стихотворениях «Выборы», «Не дай-то Бог...» и др.

Давно и общепризнано: поэт — всегда оппозиционер, так было всегда, во все времена (хотя в данном случае позиция поэта совпадает с государственной точкой зрения и президентским мнением). Объясняется это не только неравнодушием, обо-

стренностью чувствования и болью за судьбу Отечества, но и тем особым видением, что присуще поэтам — это духовное видение, зоркость души. У Алексея Селичкина эта зоркость есть, его гражданская позиция вполне определена: «Мы не имеем права жить незряче...» Потому он мучительно переживает происходящее: «Предвыборной оскомы блуд / переполняет жизни чашу, / что пьет измученный народ / который год...» [3, с. 22].

Гражданская лирика А. П. Селичкина приобретает порою острую публицистичность, ведь он пишет «об исторической правде» и «истерической лжи», «системе распродаж и развлекалок», с некоторых пор воцарившихся в родной стране. Эта тема так или иначе находит воплощение в стихотворениях «Я помню...», «Все дышит западною злобой...», «Век безоглядный...» и др. Его одолевают сомнения, «кто там левый, кто здесь правый...», ясно одно — «ржа разъела сердце», а родная Отчизна «подарила суму» — благодарность за годы, полные труда... Но Отчизна ли это «подарила» или те, кто у руля и в «пятой колонне»?

Новая реальность с рыночными отношениями, распространившимися и на мораль человека, не устраивает поэта, ему с ней неудобно, тяжело, он оскорблен за попираемые традиции и нравы, поруганные святыни. При этом — «Куда ни взгляни — / все холеные лица / попадают в эфир, / не в тюрьму» [3, с. 59]. Как ни обидно, в России всегда были и другие люди — те, которые «ушли из юдоли земной, не засеявши поле». При этом в России всегда были и есть те, для которых судьба Родины дороже всех благ мира.

Есть ли надежда, что мир изменится к лучшему? Поэт поначалу осторожно высказывает эту надежду: «Крепитесь — смена декораций / придет в свой час...» [3, с. 45].

«В толкотне мирских дорог...»

Тема города и деревни

Будучи исконно сельским жителем, но «в толкотне мирских дорог» давно связавший свою жизнь с городом, поэт Алексей Селичкин вобрал в себя «двоеверие» — он и с городом и деревней одновременно, а может быть, и одновременно. Оказывается, так тоже бывает. Есть поэты, которые не могли примирить в себе город и деревню (С. А. Есенин); есть поэты, которые предпочли городскую эстетику (В. Я. Брюсов, А. Белый); есть поэты, которые могут органично воспринимать жизнь города и деревни (Г. М. Суздальев); а есть поэты, которые просто существуют в двух стихиях сразу, вернее, сосуществуют в них в одно и то же время — таков А. П. Селичкин.

Он, почти всю жизнь проживший в городе (долгие годы работая атомщиком в Челябинске, сейчас живет в Калуге), при этом словно никогда и не покидал родной Жиздры. Но при этом жизнь села он видит глазами зоркого хозяина, от которого не укроется ни одна деталь или мелочь. Картины заброшенных русских сел, исчезающих с лица земли многочисленных деревень болью отзываются в его сердце: «Бурьян буянит у окна...» Да и сам сельский пейзаж и мир русской деревни полон далеко не мажорных эпитетов: «заросшая дорога», «некошеное поле», «стылый снег», «тусклые половицы». Однако никаких отрицательных слов в адрес города в его стихах нет и не может быть, такова его поэтическая судьба — соединять в своей лирике два одинаково важных начала.

Природные «уголья» Алексея Селичкина

Картины природы

Его одушевленная природа часто взывает человека к совести: «шумят о земном деревья» [3, с. 4], «бурьяну — год какой дорога снится...», «мир, горький от осота», «здесь не нашла уюта тля...» [3, с. 5] и т. д. Но его природа может и просто радовать глаз:

*И поутру, и ввечеру
на ветках яблоней в саду
царит Преображение [3, с. 29].*

Но чаще природа А. П. Селичкина психологична и отражает сложные душевные состояния его лирического героя, как, например, в стихотворении «Межсезонье», которое, на наш взгляд, оригинально и замечательно как по форме (использованы терцеты), так и по содержанию, ведь здесь нашлось место не только «слякотности ноябрьской», но и готовности к новой жизни. Рассмотрим его более подробно, вот первая строфа: «Сырая и промозглая пора. / С чего-то все не ладится с утра. / Порвала рот зевота» [3, с. 28]. Далее настроение героя не меняется, его удрученность как будто лишь усиливается: «И сырость поселилась в шалаше, / И слякотность ноябрьская в душе: / проснешься — спать охота...» [Там же]. Казалось бы, этому угнетенному настроению нет и не будет конца, и впереди долгие дни этой «промозглости», однако герой (как хороший сельский хозяин) лишь внимательно оглядывает все вокруг и подводит итоги:

*Очерчен жизни смысл — придет зима,
проверит — утеплит ли закрома,
снега пошлет в угожья [Там же].*

Согласимся, перед нами вырисовывается облик тороватого хозяина, у которого налажен быт, все крепко и надежно, не случайно прозвучало здесь слово «закрома», и есть полная уверенность в том, что межсезонье это закончится, и не просто закончится, а сменится морозно-ядреной русской зимой, которую встретить не страшно — и потому, что закрома полны, и потому, что... весна не за горами. Последняя строфа стихотворения поражает своим оптимистичным содержанием:

*А там под стылým снегом, мать честна,
уже вовсю готовится весна
грызет и рвет поводья [Там же].*

На наш взгляд, это одно из лучших стихотворений в сборнике Алексея Селичкина. Более того, в нем ярко отразилась национальная черта характера — природный, генетический оптимизм и присущее русскому человеку жизнелюбие. Обратим внимание, что даже в это слякотное, стылое и неуютное межсезонье лирический герой, лишь на время отдавшись грустным размышлениям, думает о весне, жизни и предстоящих радостях.

Тем же настроением отмечено и стихотворение «Февральский снег», где февральский снег поэту неожиданно напоминает весну, что отразилось даже в его бодром и каком-то стремительно-освежающем ритме. И хотя в «угожьях» Алексея Селичкина еще царит зима, но она не вечна и не безнадежна:

*Февральский снег.
Сугробы здесь и там.
Февральский свет.
Молчат, уснув, угожья.*

*Февральский снег...
Полиага до весны
и поповодья [3, с. 35].*

Обращает на себя внимание *композиция сборника*, первая часть называется «Забытые края», вторая — «Зловещее эхо Чернобыля», третья — «Хорошо бы позабыться...», названия первой и третьей частей явно перекликаются, думал ли об этом автор или это получилось спонтанно и как будто неосознанно? Если в начале книги перед читателем встают образы малой родины (в Калужской области), ныне переживающей далеко не лучшие времена, и потому название «Забытые края» понятно, обоснованно и объяснимо. Но чем руководствовался поэт, высказывая желание в последней части «позабыться»? Для того чтобы это понять, следует окунуться в стихию авторской поэтической речи.

Стихотворение «Чужие небеса» несколько приоткрывает суть: дело в том, что на родине поэта наступили странные времена, когда на каждом шагу звучат «чужие голоса и рядом, и вокруг». И это в родном краю, на земле, «что послал родителям Господь». Более того, ему «навязчиво твердят» о том, что он «не толерантен», видимо, на том лишь основании, что поэту милее всего родные голоса и родное небо. И свойственно желание видеть свою землю процветающей и сохранившей свою национальную самобытность.

В другом стихотворении «Не про меня...» он просит прощения у поколения отцов и матерей:

*Простите нас, что мы не извлекли
уроков из навязанных пороков... [3, с. 112].*

Какие это пороки, становится ясно из стихотворения «На родине». Сюжетная канва проста: лирический герой возвращается на свою малую родину, и что он видит?

*Здесь то же небо, воздух и вода.
И ровный свет на тусклых половицах.
И прежний Бог, лампадка и божница.
Как много лет не ездил я сюда!?*

*Поклон тебе, крестьянский мой исток!
Бревенчатые рубленые стены.
Вы сдюжили крутые перемены,
безвременье обило ваш порог [3, с. 116].*

Горькие чувства рождают и горькие строки:

*Истерзанная родина моя!
Забытая, простившая обитель.
Тебя не славят в бронзе и граните
сгоревшие от водки сыновья [Там же].*

Значит, *не забытья* желает лирический герой, а *передышки*, хотя бы короткого отдыха — и самому себе, и своей Родине, и своему народу. И словно подтверждение этому мы находим в стихотворении: «Хорошо бы позабыться, / *отдохнуть* в тенистой роще, / и напиться из ручья...» [3, с. 87]. И еще он мечтает о жизни «без ухабов, без трагических разломов», где бы его окружали лишь близкие люди, друзья и родные, а не чужие голоса.

Но куда вокруг «бездорожье», он «не вправе все забыть». Таким образом, это лишь в очередной раз высказанная гражданская позиция поэта, обозначенная им бук-

важно с первых строк сборника и в разных формах находящая свое художественное воплощение.

«Беспощадное знамение» Чернобыля

Поэзия атомщика

Большой раздел книги «Век и судьба» имеет подзаголовок «Зловещее эхо Чернобыля», где собраны остро публицистические стихи, и здесь не только стихотворения на тему Чернобыля, это скорее лирика инженера-атомщика, хорошо знающего, что такое «оружейный плутоний». А. П. Селичкин не был в Чернобыле, но зато он много лет проработал ведущим инженером на объектах Министерства атомной энергетики и Министерства обороны, как он сам говорит, «расщеплял атом» и «обогащал своей стране плутоний», в силу чего эта сторона жизни ему не просто хорошо знакома, он был в этом «пекле» и знает о ней не понаслышке. И потому чернобыльскую трагедию и трагедию с подводной лодкой «Курск», и катастрофу Фукусимы он воспринял как «черную боль» и «беспощадное знамение». Его позиция заявлена сразу в стихотворении «Это я...»:

*Это я над четвертым Чернобыльским блоком
легкой дымкой истаяв, взлетел.
Это я обожжен откровением Блока
в этой жизни немного успел [3, с. 48].*

При этом профессиональный подход позволяет ему взглянуть на атом с разных сторон — он может быть военным и мирным, опасным и полезным, он может убивать, но может и спасать страну, будучи ее защитным щитом от новой военной угрозы. В стихотворении «Зонтики ядерные» поэт, имея в виду натовскую военщину, говорит: «И только ядерные / зонтики России сегодня / сдерживают их» [3, с. 49].

Поэт воспринимает эти беды (с Чернобылем и Фукусимой) как отщипывание самой природы или «планеты обезумевшей» за бездумно жестокое отношение к ней; для него «пустыня радиации» осмысленно подробно и наполнена не абстрактным ужасом, а вполне конкретной действительностью:

*И я горбатил много лет подряд,
хранил секреты каждой новой тонны,
не кланчил званий, грамот и наград,
обогащал своей стране плутоний [3, с. 56].*

Это строки из одного из самых пронзительных стихотворений этого цикла «Где вы теперь?»:

*Живу. Дышу. Слагаю письма.
И вас усмешкой легкой вспоминаю.
Другою стала жизнь, другой — страна.
Я — стихотворный ряд обогащаю [3, с. 56].*

Не менее драматичны стихотворения «Ночь апрельская канула в Припяти...», «Знак беды», ведь «черной болью Чернобыля / скулы светло» [3, с. 60].

«Жизнь — как речка детства...»

Вечные вопросы

Вечные вопросы жизни и смерти, ее сути, окончания пути встают перед любым поэтом, рано или поздно, поскольку мыслящая душа не может довольствоваться

только материально-земными благами. «Увы, земной удел не вечен...», — сокрушается поэт. В минуты же нездоровья (своего или близких) они встают перед человеком в полный рост: «А дальше что?» [3, с. 43]. Тот же вопрос задают себе миллионы людей; он мучил и шекспировского Гамлета, его последние слова, по сути, представляют собой безальтернативный ответ на него: «Дальше — тишина...» Алексей Селичкин печально итожит: «А что еще? — врачи не виноваты. / Над холмиком земли всего две даты» [3, с. 43].

Душа поэта многолика, многогранна, она и вместилище пережитого, и «терзаемая презрением», и «выполняющая вселенскую работу», и говорящая «восторженно с Творцом», она глубокая и наполненная жизнью, ведь он понимает, что «жизнь не терпит тленья», что радость бытия все равно возьмет свое. Однако мудрость лет заставляет пристальнее всмотреться в пережитое и в самого себя, расставить нужные акценты, и потому он ищет понимания, сочувствия, сопереживания («Где ты, брат? Тебя мне не хватает, / а меня, наверное, тебе...»). Иногда ему становится грустно и одиноко («У какого костра обогреться?»). И вся жизнь перед ним открыта, она «как речка детства — вся видна...» [3, с. 43]. Он так и живет на свете — открыто и щедро, как и подобает русскому человеку.

«Ищу глаголы утешения...»

Вопросы творчества

Встают перед поэтом и творческие вопросы, и его стихотворчество — это результат «созревшей души», которая «хочет говорить» и говорит — откровенно, горячо, иногда полемично. Поэтические реминисценции и параллели вызывают образы Ивана Бунина («Окаянные дни»), Гарсиа Лорки («У лунного водопоя»), Афанасия Фета («Звезда»), Бориса Пастернака («Пора бы, брат...»), Сильвы Капутикян («Душа бессмертием богата...»), «И в своей земле...», «Ночь легла на порог...»).

Есть у Алексея Селичкина стихи, посвященные своим друзьям по литературному «цеху» или навеянные их строками, среди них — В. В. Сорокин («Когда раздумья душу беспокоят...»), А. Бывшев («Мы еще посмотрим...»), Е. В. Рудаков-Рудак («Век и судьба», «Увы, земной удел не вечен...»), В. Н. Суховский («К юбилею В. Суховского»), а также однокурсник А. П. Селичкина по литературному институту В. И. Чурилин, что «очень рано устал». Но и эти стихотворения несут в себе не только элементы элегической грусти, но и гражданский смысл и отражают позицию поэта — такова его органика, и с этим ничего нельзя поделать. Не зря же писал Сергей Есенин о том, как важно каждому поэту иметь индивидуальный голос, «петь по-своему, даже как лягушка» [2, с. 288]. Своим голосом «поет» и Алексей Селичкин, оттого его стихи почти всегда имеют социальную направленность. Он и сам это понимает и потому признается: «А то, что наша жизнь не хлебосольна, / мы не меняем Родины своей» [3, с. 101].

Что касается его взгляда на собственную литературную деятельность, то и на нее он смотрит как на долг перед отчизной, возможно, точно такой же, какой он исполнял, работая атомщиком. Об этом говорят его строки из стихотворения «Знак беды»: «Поэзией судьба облучена / и жестким гамма-излучением. / Гудит в крови реакторное эхо — / Я был рабочим атомного цеха» [3, с. 61]. Таким образом, он действительно сегодня «обогащает» стихотворный ряд современной русской поэзии.

Всевидящее око Века,

или Метаморфозы бытия Алексея Селичкина

О времени и звездной судьбе России

Сборник Алексея Селичкина «Век и судьба» можно было назвать несколько иначе, вернее, конкретизировать — *безоглядный век и окаянная судьба*, сразу обозначив эпитетами свое отношение к веку, своему времени, которое выпало на его долю. Но

еще вернее это отразило бы отношение самого века к человеку на этой Земле, согласно известной формуле: если долго вглядываться в бездну, то... Но в нашем варианте эта формула звучит так: *если долго всматриваться в Век, то Век начинает всматриваться в вас*. Собственно, это и происходит ныне на нашей Земле — Век, как всевидящее око, неотступно следит за человеком (уже в самом прямом смысле), за тем, что с ним происходит, за его передвижениями, делами, поступками, речами, связями с другими людьми. И даже за движениями его души... Таков он, этот Век — катастроф и размена, окаянства и бед, в котором «встали вороги на пьедестал» [3, с. 94].

Обратим внимание на названия стихотворений сборника: «Задворки», «Здесь прежде...», «Забывшие края», «Погибшему городу», «Век безоглядный», «Катастрофа», «Время размена», «Окайные дни» и т. д.

В этом смысле следует обратить внимание на эпитеты, которыми наделяет поэт само время и временные отрезки.

Время — *невозвратное, вероломное, «время размена»*. Года — *почтенные*. День — *вчерашний, истлевший, пропавший, минувший, плутавший, потерянный*; а если этот день сегодняшней, настоящий, то он обязательно *бедовый, бесовский, окайный* (аллюзия к И. А. Бунину), *лукавый, шальной, безоглядный, пьяный* и даже *«в либеральной оправе»*.

И хотя «менялись эпохи и судьбы», но в его временной системе координат век чаще всего бывал *стылым*, это, пожалуй, самая яркая и самая часто встречающаяся характеристика XXI века по Алексею Селичкину. Этот эпитет по отношению к веку встречаем мы в стихотворениях: «Казенный дом. Палата в два окна...», «Не считал я потерянных дней...» и др.

Иногда характеристика времени столь резка и беспощадно правдива, что невольно становится страшно за судьбу русской деревни и страны, кажется, поэт и сам временами испытывает не только боль, но и растерянность и даже отчаяние, как например, в этих строках:

*Ни села, ни высокой околицы.
Потравили невзгоды народ.
Где вы, молодцы, добрые молодцы,
светло-русый, надежный оплот?! [3, с. 94].*

В стихотворении «Я за спиной оставляю автостраду...» эта мысль выражена еще более ярко:

*Кругом трава. Кругом кусты, деревья.
И горько мне, что в этой стороне
страной и мной забытая деревня
сгорела в перестроечном огне [3, с. 103].*

И перед читателем встает вечно волнующий и насущный вопрос: что же делать, как быть и как выходить из этого страшного положения? Но поэт как будто только добавляет этой горечи:

*Россия! Горечь дней бедовых
все оцутимей, все острей...
Не дай-то Бог кровавых, новых
бесовских дней стране моей... [3, с. 22].*

Конечно, подобные строки диктует поэту его беспокойное, совестливое гражданское чувство, мы это хорошо понимаем, но вместе с тем это не дает читателю ни успокоения, ни отрады и не указывает ему какой-либо вектор движения. Безусловно, поэт — не учитель, он не призван давать ответы на насущные вопросы современности, он только поднимает острые темы, обозначает их всем своим творчеством. Но читатель этого не хочет знать, он ждет от поэта хотя бы совета. И потому — как же все-таки быть? «Давай зажжем лампадки огонек. / Пусть от него светлее станет Богу», — с лирической грустью произносит поэт, но лирическая грусть хороша в нежной лирической ситуации, а не тогда, когда на карту поставлена судьба Отечества.

Есть ли вообще надежда, что никакие демократические реформы и самые смелые преобразования не уничтожат страну, что вместе с водою не выплеснут ребенка? «Надежды фитилек» у поэта теплится (мы уже говорили об этом), в разных стихотворениях эта мысль проходит красной нитью: «Нам еще журавлей ожидать» [3, с. 10]; «Злодейское, постыдное засилье / мы пересилим...» [3, с. 65]; «Мы из силков этих выскользнем» [3, с. 107]. В стихотворении «Политический бал» эта надежда звучит еще более определенно, поэт уверен: «Безутешно молчим. / Мы глазами столько впитали... / Догорит / либеральной эпохи костер. / Господа-упыри / разорили страну и народ обокрали. / Разговор предстоит, / не простой разговор» [3, с. 67].

Мысль эта выражена и в стихотворении с «говорящим» названием «Расплата»: «Время, время грядет, лицемерные, / за разбойный платить беспредел» [3, с. 91]. Он верит, что его «разобщенная» страна опомнится, и все вернется — традиции, нравы, стабильность, ценности, а самое главное — согласие и лад между людьми. Не случайно он пишет стихотворение «Возвращение»:

*Спешили, чтобы обладать,
богатством руки согреть,
зреть с пьедестала.*

*Когда ж сказали про погост,
она вдруг встала во весь рост
и — воссияла [3, с. 93].*

Стало быть, согласно Алексею Селичкину, страна не просто вернется к своему величию, она — «воссияет», и это будет не простое движение назад, вспять, а возвращение на новом уровне галактической, вселенской спирали ее вечного поступательного развития. Конечно, великое дело — сами люди, как заметил поэт, «нашей русской земле на людей повезло». Это действительно так, ведь великий русский народ доказал это всей громадностью прошедшей истории, всем своим героическим прошлым, всеми доблестными победами, а главное — умением собираться в минуты опасности.

Характер лирики — это характер самого поэта, это его душа, что «распахнута» миру. А когда душа распахнута, она «крылата. / Ей разве может кто повелевать?» [3, с. 24]. Алексей Селичкин — это безоглядно бескорыстная великорусская душа, и его характер как в капле воды отражает всеобщий национальный характер русского человека. Его Россия — такая же щедрая, великодушная, победоносно крылатая и, как говорил когда-то П. Я. Вяземский, «словно вечность на земле». Вот и А. П. Селичкин уверен:

*Знаю я, России руки
распростерты до сих пор... [3, с. 14].*

Все-таки есть у России пока непонятная миру звездная миссия, когда-нибудь мы все обязательно это поймем, а пока это чувствуют лишь поэты.

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ — В МОРЕ ПУТЬ...»*

О книге Сергея Сомова «В сыртах Урала»

Критическому реализму жить.

Людмила Авдеева

(«Приокские зори», № 3, 2015 г., стр 210)

* * *

Поэт Сергей Павлович Сомов представляет читателям свою новую книгу «В сыртах Урала»**. Само название книги говорит, что автор во всем — в оценках прошлого, в характеристиках настоящего, в прогнозах на будущее — идет от своих корней. И символично то, что они, корни, находятся в самой сердцевине России — Урале. Сборник стихов Сомова, настоящего мастера поэзии, — это воплощение работы его души и сердца, выражающее огромный духовный смысл, накопленный им на долгом жизненном пути. Поэт глубоко проникает в суть событий, в состояния общества и страны, в чувства человека. Каждое его стихотворение взывает к совести, заставляет думать и чувствовать.

*Поэзия! Кораблем будь,
Надежда — парусами,
Любовь к Отчизне — в море путь,
А доплывем мы сами.*

Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Сергея Сомова.

Не всякий поэт или прозаик удостоивается предисловия для своей книги известного критика. «...В поэме «Садовое кольцо», заслуженно выдержавшей уже несколько изданий, во весь рост встает альтер-эго поэта — «малокровки набатно-железных лет», не изгоя, не блудного сына, не размокшего в покаянном всхлипе интеллигента, не ищущего сочувствия показного словесного трюкача, не эпигона, не записного красная-плюралитика. Альтер-эго подлинного сына своего трудового века, творца невиданных взлетов и побед страны, соорудившей города новостройки; страны, дотянувшейся до звезд, и страны, подвергшейся смертоносному облучению радиации горбистройки...», — пишет в предисловии к поэтическому сборнику Леонид Васильевич Ханбеков.

Может ли настоящий российский поэт не быть неконформистом?

Нет, он по природе своей не может им не быть. Это вовсе не говорит об активном выступлении против существующего положения вещей, но он всегда в своем творчестве будет честно отстаивать интересы народа, его взгляды всегда будут соответствовать народной общественной позиции.

Почему так? А кто кроме пророка-поэта, сердце которого бьется на одной частоте со страной, возопиет о том, что мировая программа, выражающая чьи-то глобальные интересы, поставила нас уже на грань пропасти? Вот выдержки из этой программы***:

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на обольванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Мы найдем своих единомышлен-

* Сомов С. П. В сыртах Урала. С. 4.

** Сомов С. П. С 61. В сыртах Урала. Стихотворения.— М.: Голос-Пресс, 2015.— 136 с.

*** А. Даллес. «Искусство разведки» (пер. с англ.).— М.: Изд-во «Иностранная литература», 1963 г.

ников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность ... Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства ... культ секса, насилия, садизма, предательства ... Мы будем ... способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться ... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, вражду народов — все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее ...»

Сомов пишет о творцах жесткого и жестокого глобализма:

*...А чикагствующие куркули...
в нетерпенье:
— Распни!
Распни его
на ржавых полюсах Земли —
мессианствующего
русопета! (Соль аттическая, с. 77)*

*... — Нет проблем,
под Калифорнию
расколдуем
Сибирь былинную!
.....
Дранг нах остен!
С распяьем и мошной —
до Беринга... (Торквемада в гриднице, с. 110)*

А что же наш доверчивый народ?

*...Выкатив глаза,
Николки
лезут напролом
на сало
в Даллессовской
мышеловке... (Зов Атлантиды, с. 128)*

* * *

Они глумятся над тобою.

(И. Бунин. «Родине»)

«Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омер-

220

зительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности», — пишет Наталья Квасникова.

Сожалеет поэт Сомов об утерянном былом, когда люди были социально защищены и имели возможности для развития и подъема по социальной лестнице вне зависимости от наличия денег, когда нравственность, любовь и сострадание к человеку, доброта и взаимовыручка, которые сейчас, может быть, живы лишь на зачаточном, бытовом уровне, преобладали на уровне общественном. Он как писатель отвечает за настоящее время, потому глубоко уважает все то хорошее, что было в нашей стране. И как хорошо, что документы тех лет, опубликованные воспоминания живших тогда людей, литературные и публицистические произведения — ведь это все уже оцифровано — не могут быть выброшены из истории, и потому память о том времени будет жить вечно.

С душевной болью С. Сомов смотрит на разбросанные кругом камни разрушенного здания прошлого. Словно недопетая песня, не реализованная до конца сила, передаются от них автору, он пропускает их через свое сердце, и они громко звучат в его стихах, воздействуя на читателя четко выверенным поэтическим словом, не отпуская его внимания до конца чтения.

Кто же повинен в произошедшем сломе и потерях? — спрашивает С. Сомов и отвечает: тогдашние «*Слуги желтого дьявола, / Разрушители* (Муха-цокотуха, с. 118), которые:

*С бесноватых трибун
родства не помнящие Иваны,
на «совковый» барьер навалясь,
златолобому да Мамоне
гремят осанну
под сурдинку
«Что делать,
войдя во власть?..»* (Соль аттическая, с. 77)

*— Всем по ваучеру!
Не расфордзонитесь —
на себя пеняйте...
А на визит
к Всевышнему
аккурат.* (Отчет семерке, с. 91)

*... — Упечь бы эту
«Рашку»,
куда Макар телят не гонял,
по бушевско-кемпдэвидской
отмашке...* (Повелитель сущего, с. 14)

Да, констатирует поэт, «с такими друзьями / враги уже не нужны» (Соль аттическая, с. 77) и задает вопрос:

*...Тавро какого Чикатилы
Шагрень душонок их
клеймило?! ...* (Пост номер один, с. 31)

* * *

Вот и выросло нынешнее поколение, какое выросло — «поколение пепси». Так и назвал автор 1-ю часть своей книги.

«Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком «совок» — и готово: замороженные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. «Над чем смеетесь», несчастные?— «Над собой смеетесь!» — считает Н. Квасникова.

В своих стихах Сомов страдает ко всем оскорбленным и униженным гражданам России, но всегда видит перед собой конкретного человека, а не человечество в целом.

*Вымираем.
По миллиону в год.
Изласкали «оттепели»
гиперборейское древо...*
(«Революций в России не будет...», с. 22)

*...Где-то там,
в Прибайкалье,
в конуре из панельных льдин,
на решетке чугунной
вымерз
некто Аистов —
бывший гвардеец,
штурмовавший Берлин,
вечный должник
чубайсов... («Революций в России не будет...», с. 25)*

Но еще недавно и сама Россия была не менее унижена:

*...Глобализм...
это не вода и вилы.
Зубы хищника
острее пилы.
Обескрыленные.
Стоим.
С Курилами
из-под полы... (Пост номер один, с. 32)*

*Эта черная роза...
Ветра, ветра.
Русь моя!
влет
подбитая птица безвременья...
(Градоглуповский мироед, с. 83)*

*...Русь святую
умыли
смердяковщиной
солженицынских «былей»?! ...
(«Пятилетка — в четыре года...», с. 100)*

«Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли», — пишет Ирина Кедрова.

Вот и поэту Сергею Сомову видно несоответствие модели «либеральной, монетаристской экономики», неадекватного «рыночно-капиталистического разума» и «безумного своекорыстия», ведущих мир к самоуничтожению, самой сути России и народов, населяющих ее. До еще недавнего времени Россия на всех парах мчалась в этом направлении «вперед планеты всей»... Но постепенно и более всего в последние годы страна приходит к осознанию своего особого места в мире и пути развития.

Сейчас многие отмечают феномен Путина. Сожженная Россия, подобно птице Феникс, возрождается из пепла. «Позиция властей по этой важной для любой страны, для любого народа проблеме в последние годы изменилась — и резко...» — говорит Леонид Ханбеков. Однако сказать — так было, но больше не будет, или: «Кончено с Божьей помощью»* пока с полной уверенностью, к сожалению, нельзя. Много еще недобрых факторов действует в нашей жизни.

Автор наверняка согласится с нами, что все революции, в том числе и разрушение Советского Союза — это губительный путь. Однако темы, поднимаемые поэтом — отличный материал для накопления энергии эволюционного движения.

Зов Небесной России побуждает С. Сомова, несмотря на постигшую нас в прошлом катастрофу, верить в наше положительное будущее, в преобразование многих переживаний, страданий, потерь в светлый путь восхождения. Он много думает о будущем России:

*...Порой в трясиный
сорвется юз
грядущей
Руси пята... (Повелитель сущего, с. 16)*

*...Снова Русь
«меж двух враждебных рас»,
как набат,
как пароль,
как тревожное эхо...
С кем «за други своя»
ты на этот раз,
Россия XXI века? («Революций в России не будет...», с. 24)*

* * *

В самом начале нашего отзыва мы писали о глубоких корнях Сергея Сомова. В чем же они? Прежде всего — в памяти детства, которое завораживающе притягивает нас, подпитывает нас энергиями земли, дружбы, родительской любви и новизной знания...

*Этот миг апрельской рани,
склянь разлужий*

* Игнац Мошелес, ученик Бетховена.

*до поры,
чащи в сполохах тумана,
буйство польмя зари!
Глыбой в омут — тяжесть с сердца
горьких дум, тревог, обид...
Мне навстречу, вижу, детство
вдоль кювета семенит. (Детство, с. 44)*

Память войны также укореняет человека поколения Сомова, либо захватившего своим детством те лихие годы, либо родившегося в послевоенные годы, когда родительские судьбы так тесно были связаны с ней.

*Был солдат тот
безус и брав,
хоть судьбою, видать,
не заласкан —
за спиной вещмешок
и пустой рукав
сколом
статуи галикарнасской. (Память, с. 45)*

А как значима малая родина в «корневой системе» человека! Сколько об этом говорилось и писалось, но тема эта никогда не будет избитой, а, напротив, всегда будет живой и близкой, как близок нам отчий дом, наша родная земля, где мы появились на свет.

*...Мать-земля
и я — ковыльная остинка
под напряженным
светом
капельки росы... (Ляхесис, с. 50)*

*...Брезжит
сквозь годов скуделье
росных зорь
мой отчий край.
Сиротеет,
прикорнувши,
старый дом в сиянье грез.
Ах, как исцеляет
душу
пенный водомет берез!
(«Где же ты, тех дней звонкоголосье...», с. 53)*

*...Но все
неодолимее
твое притяжение,
отчий дом. (Преодоление, с. 56)*

*...Этот табор халуп
под нагонной
волн сосняка —
словно беженцы у черты последней,
эти
мышцей
простертые облака —
твой вселенский исход
и твоё наследие... (Дом у дороги, с. 71)*

Сомов — самобытная личность, это видно в каждом его стихотворении. Об этом говорит и глубокая лиричность поэта, казалось бы, с головой ушедшего в социальные и общественные темы. Но разве может истинный художник не подметить красоту, не взволноваться городским или природным пейзажем? А светлая радость и высокая грусть, которые дарует нам любовь к женщине? Все это сполна присутствует в поэзии мастера.

*Стелет тени косые
вдоль хат луна,
озеркаленная торовато.
С кровли,
в пряже антенной,
неистовствует
одна
Бетховеновская соната ... (Кегельбан, с. 38)*

*...Там
на рогатаневоу глади,
в блеске следа
от саней
под озонным ливнем ладит
колесницу Весновей.
Он промчится
близ купели,
где на холмных берегах
целый день
холстины белит —
Марьюшка-зажги снега... (Марьюшка-зажги снега, с. 46)*

*Как отторгнутый
свет угасших звезд
с высоты мироздания,
до сих пор
мне маячит
в юдоли слез
твоих глаз
сияние. (Динго, с. 51)*

*В сторожке
о восьми углах,*

*вдали от треволнений прежних,
да будет жизнь твоя светла!
Как этот
мартовский подснежник.* (Жизнь — светла, с. 52)

Кому-то может не понравится форма стихотворений Сомова, но каждый поэт пишет так, как чувствует, пишет своим неповторимым стилем, в такт биению своего сердца. Обилие образов и ассоциаций, способность мощно влиять на сознание, а порой и на подсознание читателя,— вот еще черты, характеризующие поэзию Сергея Сомова.

Подлинный мастер стиха, он каждую строку, строфу, каждое стихотворение пишет, как самое важное и последнее. Это происходит от того, что в основе его стихов лежит любовь — к Родине, земле, к каждому уголку отчего края, к народу и конкретному человеку, а не столь модное ныне стремление к успеху во что бы то ни стало, поэтому его стихи так близки читателю.

А вот близки ли они многим деятелям современной российской культуры? Потому Сергей Сомов задается вопросом:

*С кем вы, премногоуважаемые
мастера культуры?
Родина — зовет! ...* (Градоглуповский мироед, с. 83)

Ведь «...человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах...»,— устами одного из своих героев говорит Алексей Яшин. Мы полностью согласны с ним, и это можно отнести ко всему творчеству поэта Сергея Сомова.

Яков Шафран,
*зам. главного редактора журнала «Приокские зори»,
лауреат Всероссийских премий «Левша» им. Н. С. Лескова
и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к директору издательства Пантюхину Олегу Викторовичу по e-mail: ntomach@tsu.tula.ru, дублируя заказ по e-mail: olegrantyukhin@mail.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть минитипографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

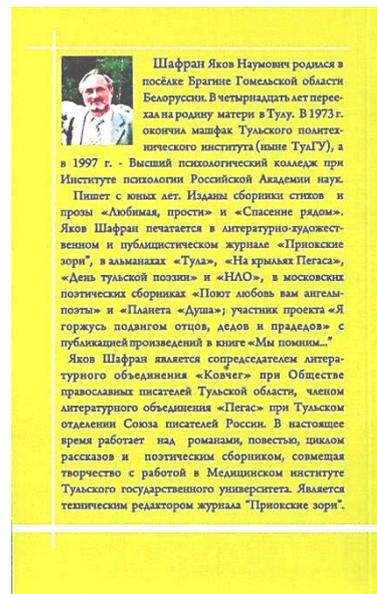
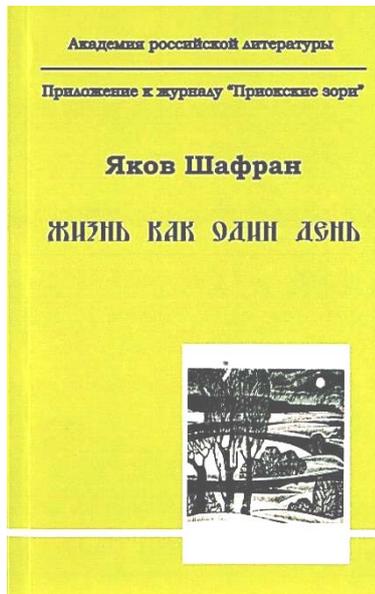
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2016.— № 1—5.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2016.— № 1—3.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2016.— №№ 1—7.
4. *Норильский С. Л.* (Щеглов). Во взыскании вечных истин. Литературовед и критик Игорь Золотусский при свете эпохи.— М.: Вече, 1016.— 144 с., ил., в пер. (главы книги ранее печатались в «Приокских зорях»).
5. *Анатолий Житухин*. Геннадий Зюганов. 2-е изд.— М.: Молодая гвардия, 2014.— 348 с. (ЖЗЛ: Биография продолжается...; биогр.; вып. 26).— (Книга прислана в редакцию «ПЗ» из ГД ФС РФ).
6. *Пантюхин О. В., Сенин С. В.* Не теряйте любимых...: Музыкально-поэтический сб.— Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2016.— 47 с.
7. Из ГД ФС РФ в редакцию «ПЗ» сотрудница Н. И. Шелейкова прислала ряд своих политологических книг.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Представлена на Бунинскую премию 2016.
2. *Яшин А. А.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 5.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Шафран Я. Н.* Круг замкнулся: роман.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Яшин А. А.* Зато мы делали ракеты: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Шелепина Т. В.* Я жизнь люблю!: Стихи.— Тула: «Тульский полиграфист», 2015.— 88 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров*. Медики земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Николай Макаров*. Десантники земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 256 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
3. *Николай Макаров*. Моряки земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 144 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
4. *Николай Макаров*. Интернационалисты земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 143 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2015-го года объявлены в № 1, 2016 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2016-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

**ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ОПРЕДЕЛИЛО ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Премия ежегодно присуждается с 1999 года. В 2015 году постановлением правительства Тульской области присудили литературную премию имени Л. Н. Толстого:

— в номинации «Проза»: Яшину Алексею Афанасьевичу за роман «Видение на Патмосе» (Алексей Яшин стал дважды лауреатом данной премии);

— в номинации «Поэзия»: Гусакову Алексею Владимировичу за поэтический сборник стихов «Война»;

— в номинации «Литературная критика, публицистика»: Макарову Николаю Алексеевичу за книги «Знаменитые туляки», «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы — туляки».

*Документ подписан председателем
правительства Тульской области
Юрием Андриановым 11 декабря 2015 года.*

Одновременно поздравляем Алексея Яшина с присуждением ему международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Белоруссия).

ПОДДЕРЖИМ ДОБРОЕ ДЕЛО!

Издательство «Образ» (Москва) выступило с инициативой в литературном и книгоиздательском процессе: печать небольшим презентационным тиражом книг пока еще не очень известных, преимущественно молодых литераторов. Большая часть тиражей рассылается по редакциям литературных журналов и газет с предложением ознакомиться с творчеством представленных авторов, связаться с ними на предмет возможной публикации в журнале или газете.

«Приокские зори» включены в список презентационной рассылки. В наступившем году редакция получила уже книги Алены Алещенковой «Яшенька» и Александра Чаева «Однажды».

Мы непременно свяжемся с авторами названных книг и предложим им публиковаться в «Приокских зорях», а издательству «Образ» выражаем благодарность за начатое доброе дело, которое мы всячески поддержим во благо дальнейшего развития литературного процесса в нашей стране.

НОВОСТИ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

Наградная символика всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации текущего года в журнале «Приокские зори» расширилась: теперь лауреату вместе с дипломом вручается лауреатская медаль и удостоверение к ней.

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО АЛЬБОМА
О. ПАНТЮХИНА И С. СЕНИНА
«НЕ ТЕРЯЙТЕ ЛЮБИМЫХ...»**

**Региональная общественная организация
«Объединение тульских композиторов»**

23 июня 2016 года в конференц-зале Тульской областной универсальной научной библиотеки состоялся концерт-презентация музыкально-поэтического альбома «Не теряйте любимых...», авторами которого являются член Союза писателей России поэт Олег Пантюхин и член Объединения тульских композиторов Сергей Сенин. Возникновение творческих дуэтов из поэтов и композиторов очень распространено и отчасти типично для процесса создания песен, но при этом сборник, в котором поэтические произведения дополнялись бы вокальными, а вокальные — поэтическими, в Тульском регионе был издан впервые...

Альбом «Не теряйте любимых...» стал результатом творческого союза тульского поэта Олега Пантюхина и композитора Сергея Сенина.

О. В. Пантюхин родился 12 августа 1978 года в г. Щекино Тульской обл. Кандидат технических наук, доцент Тульского государственного университета, директор издательства Тульского государственного университета, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова 2013 года. С 2000 г. стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник», в литературных альманахах «Солова», «Поэтическое братство», «Отчий край», «У засечной полосы» и др. Член редколлегии межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Начиная с 2007 года, вышли три сборника стихов «Серебряный дождь», «Как порою не хватает нам весны...», «Избранные стихи».

Тульская тематика занимает существенное место в творчестве композитора Сергея Сенина, автора целого ряда оркестровых, хоровых сочинений. С. В. Сенин родился 25 ноября 1960 года, его жизнь, творческая, педагогическая деятельность самым тесным образом связана с тульским краем.

В музыкально-поэтический альбом вошли 30 стихотворений Олега Пантюхина, на шесть из которых Сергеем Сениным написаны романсы.

Фото обложки музыкально-поэтического альбома О. Пантюхина и С. Сенина «Не теряйте любимых...»

Ведущая концерта-презентации Людмила Сенина рассказывает слушателям об авторах альбома...

Поэт Олег Пантюхин читает свои стихи, вошедшие в альбом «Не теряйте любимых...»

Студент Тульского колледжа искусств имени А. С. Даргомыжского Сергей Деньков (преподаватель — Л. В. Деева) исполняет романс Сергея Сенина на слова Олега Пантюхина «Не теряйте любимых...»

Композитор Сергей Сенин аккомпанирует исполнителю романсов Сергею Денькову.

Студент Института свободных наук и искусств (г. Москва) Евгений Хвостов (преподаватель — В. В. Шмыкова) исполняет романс Сергея Сенина на слова Олега Пантюхина «Ты другая».

Директор Тульского областного колледжа культуры и искусства Юдина Светлана Викторовна и заместитель директора колледжа по научно-методической работе Слугина Нелли Валерьевна поздравляют авторов альбома Олега Пантюхина и Сергея Сенина.

На сцене конференц-зала Тульской областной универсальной научной библиотеки авторы музыкально-поэтического альбома «Не теряйте любимых...» композитор Сергей Сенин и поэт Олег Пантюхин.

Поэт Олег Пантюхин дает автограф члену Объединения тульских композиторов Ирине Мацневой.

О НАС ПИШУТ

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЯНВАРЬ 2016 г. • № 1 (231)

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

Литературно-художественный и публицистический журнал «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — Тула, 2016 — № 1.

80-летию со дня рождения выдающегося самобытного русского поэта Николая Рубцова посвящена названная строчкой его стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» «Колонка главного редактора» А. Яшина, в 1975 г. поступившего в Литинститут, общежитие которого еще дышало присутствием поэта: его стихами, звуками гармоники и пением... Здесь и рубрика со стихами Рубцова и посвященными ему работами известного поэта В. Корнилова «Россия, Русь! Храни себя, храни!», С. Лебедева «На варнавинской земле» и стихотворение белорусского поэта А. Гугнина «Сторожка».

В рубрике «Крупный жанр...» читаем добротные произведения: окончание повести Г. Горького «Свобода» и главы из романа «Связной» О. Несмеяновой. Но особо хотелось бы остановиться на романе А. Яшина «Зато мы делали ракеты» и на «Дежавю» — 3-й части эпической поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве» В. Резцова. Николай Андреевич, главное действующее лицо вышеназванного романа А. Яшина, радуется своей самобытностью. Автор через воспоминания героя поднимает важнейшие темы прошлых лет — взаимоотношения в коллективе и между начальником и подчиненным, гордость за результаты общего труда: «Здесь даже самые свободолюбивые возопиют: начальника нам, начальника! А дашь им Начальника и всю восходящую вверх лестницу других начальников... снова возопиют: начальник — дурак, самодур, полный невежа и пр. и пр. Словом, куда ни кинь — всюду клин... Извечный антагонизм начальствующего и подчиняющегося. Но в итоге-то ракеты делали! И хорошие ракеты... тех же америкосов с европеоидами на МКС доставляют... и даже взад на Землю возвращают. Да и 9-го Мая по Красной площади движутся в основном советские разработки...» И еще одна часть нашей прошлой жизни — второй отпуск с умеренным физическим трудом на свежем воздухе в колхозе-совхозе. Роман написан живым образным языком.

Строки В. Резцова, предвещающие дальнейшее изложение поэмы: «Снова лыко да мочало, / Стародавний оборот: / Тело Гришкино пропало, / Дело Гришкино живет...», весьма значимы как характеристика многих явлений во все времена нашей истории. Автор горько сожалеет о крушении великой Державы и утверждает, что оно произошло не вдруг, не сразу, а началось с предательства высокопоставленным «шутком» своего Вождя; сожалеет о том, как «красные бояре» ради сохранения своей вечной, до гробовой доски власти выискивали лучших, умных, желающих блага стране и дальнейшего развития, и «назначали» их врагами народа со всеми вытекающими отсюда последствиями, хотя «В экономике проблемы / Многим, ох, не по уму...» О Л. П. Берии, оболганном при всех властях, автор говорит много добрых слов: прекра-

тил «ежовский» террор, вычистил органы НКВД от кровавых слуг «красных бояр», выпустил из лагерей триста тысяч невинных, управлял разведкой и контрразведкой, эвакуацией промпредприятий в войну, создал и руководил атомным и ракетным проектами, рядом отраслей оборонной промышленности, а затем был обвинен тем самым «шутком» во всех грехах. В. Резцов говорит и о том, что И. В. Сталин был убит, прежде всего, за то, что хотел отделить компартию, партию «красных бояр», от власти, чтобы в стране правил только Закон через органы Советской власти.

В рубрике «Современный русский рассказ. Притчи» напечатано окончание замечательного сказания-притчи Т. Зульф리카рова «Апокалипсис XXI века» (*начало в № 1, 2015*). Впечатляют воспоминания участников боевых действий в Эфиопии и Сомали в прошлом веке в рассказе Н. Макарова «Наши в Африке». Рассказ В. Михайлова «Эклеры» — ключевой в рубрике. Он о нравственном выборе, выпавшем на ранние годы мальчишки, ставшего пособником своего друга в мелком воровстве, не нашедшего в себе сил противостоять этому. И вот теперь: либо в лучшем случае жить с этим, а в худшем — идти по этой скользкой дорожке дальше, либо можно в самом начале совершить искупающий поступок. А о ранней или поздней неотвратимости наказания — детектив Г. Маркина. О счастливом детстве — рассказ Е. Аверьяновой, и о возможно несчастном у не готовых к воспитанию детей родителей, если бы не добрые люди, принявшие подкидыша как дар Божий, — повествование П. Любестовского. О важности раскаяния пишет С. Петров. Хорошие рассказы Шакир а-Мила, Р. Артамонова, Е. Гаммера и С. Криворотова.

В рубрике «Образы и тропы поэзии» опубликованы замечательные стихи И. Лукьянова. «Благодарю судьбу за юность...» — пишет автор, когда: «Учили честной жизни нас» — а сейчас: — «Не жду я светлой полосы. / И все больше год от года / От беснования попы / И деградации народа». Поэту больно от разрушения великой Страны, но он не снимает и с себя, современника этой беды, ответственности: «Поэты — сыновья отцов Победы. / И славы, и таланта разный груз. / Но всем нам общим памятником будет / предательством разрушенный Союз». Особо хочется отметить «Сказ о Никите Кожемяке». Поэтическое повествование говорит о человеке, никогда доселе не слышавшем воином-богатырем и с виду вовсе неказистом, который может «Здесь русскую славу, / Не слыв в забияках, / В руках» удержать!..» PERSONALIA поэтессы В. Ткач — давно ожидаемая публикация. Эпиграфом к ее творчеству можно поставить ее же строки: «Писать и жить — чудесное родство, / Подобное Божественному Свету...» Свет лирики О. Пантюхина вновь воссиял на страницах журнала: «...Сердца перестуки, / Словно колокол души» звучит во всей его поэзии. Сильное впечатление производит на читателя «Паломник» В. Акимова. Хороши переводы М. Ямпольской стихотворений поэта О. Зайцева на итальянский язык, стихи О. Павловой, А. Скворцова: «...Сколько труда нужно в жизни изведать», С. Редкова и А. Скаредова.

Два отзыва Я. Шафрана на книги О. Пантюхина и В. Пашутина открывают следующую рубрику журнала. «Первое же стихотворение... О. Пантюхина говорит об особом подходе поэта к творчеству. Поэт относится к стихам, как к ангелам, слетающим с небес, как к средству, исцеляющему душу» — «Стихи, как капельки росы, / Словами питают душу. / Они защитой нашей служат / От равнодушной суеты...». Повесть В. Пашутина «Савелий» «...написана качественно, профессионально, но главное... — каждой строкой, каждым диалогом, любой страницей излучаемая доброта автора, его душевность и любовь как к большой, так и малой родине, к людям, патриотизм». Известный критик И. Кедрова в работе о романе Я. Шафрана «Круг замкнулся» пишет: «Дорогой читатель, если ты — человек размышляющий, болеешь за наше Отечество, находишься в поиске выхода России на путь быстрого экономи-

ческого развития, благоденствия общества, уверенного положения в мире, тогда читай книгу Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся». Размышляй над ее страницами, спорь с автором, находи единство в твоих и в его взглядах. Открывай для себя автора и его новую книгу!» В той же рубрике читаем статьи: И. Карлова «Из опыта китайских товарищей», Е. Трещева «Красота земная, здравствуй!» (о книге О. Пантюхина), И. Николаевой «Воспоминание о будущем» (о новой книге А. Яшина).

В «Хронике литературной жизни» — обстоятельные публикации О. Зайцева, В. Трусова, Л. Алтуниной, Г. Мира, О. Борисовой, Т. Леоновой, Е. Скоблова, С. Лебедева, И. Карлова, Ю. Клеванца, Л. Авдеевой, Е. Гаммера и поздравления «Приокским зорям» и его альманаху «Ковчег».

* * *

Наш журнал «Приокские зори» (№2, 2016)

трусами Николая Тимохина (г. Семей (Семипалатинск), Казахстан),

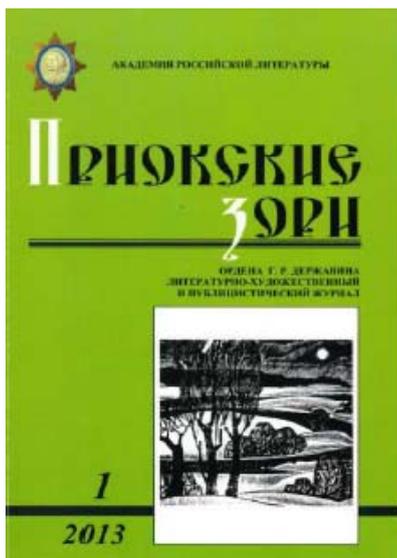
члена Союза писателей России и Союза журналистов России, председателя казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей, зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия), члена редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия), члена литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь) и регионального представителя в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы» (г. Гомель, Беларусь) полностью размещен на сайте MAGRU

http://magru.net/pubs/7499/Priokskie_zori?view_mode=roll#10

На страницах журнала «Огни над Бией» состоялась презентация «Приокских зорь»:

Журнал «Огни над Бией» №37
**Презентация
журнала
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Всероссийскому ордена Г. Р. Державина литературно-художественному и публицистическому журналу «Приокские зори», издающемуся в Туле, исполнилось десять лет.

Многочисленные читатели и авторы, что называется, со всего света, отмечают этот юбилей полюбившегося им издания. За этот срок журнал из первоначально представленного как межрегиональный стал всероссийским, де-факто и международным, взяв высокую планку в части содержания и полиграфического исполнения.

Сформировался и состав редакционной коллегии и руководства журнала с высоким творческим потенциалом, истинных подвижников современного русского литературного процесса. Среди них старейшая писательница России Н. Парыгина, председатель правления СП России В. Ганичев, председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» О. Зайцев, президент Академии российской литературы Л. Ханбеков, выдающийся современный поэт В. Сорокин, известный прозаик и поэт Е. Гаммер из Иерусалима, заместители главного редактора — Я. Шафран

(Тула) и Г. Маркин (Щекино) и зав. отделами В. Резцов (Калининград), И. Карлов (Подольск), И. Кедрова (Москва), С. Лебедев (Тольятти), С. Прохоров (Красноярский край), зав. редакцией М. Баланюк (Тула) и художник О. Янгол (Юрмала). Главный редактор журнала Алексей Афанасьевич Яшин происходит из семьи старообрядцев и получил военно-морское воспитание в детстве. Он окончил радиотехнический факультет тульского политехнического института и литературный институт им. А. М. Горького, учился в ЛГУ на математико-механическом факультете. А. А. Яшин — автор 27 книг и «Манифеста нового русского критического реализма», член Союза писателей СССР, Союза писателей России, Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь» и член МСПС, член Правления Академии российской литературы, академик Петровской академии наук и искусств, лауреат множества литературных премий, орденов и медалей. В настоящее время А. А. Яшин трудится в Медицинском институте Тульского госуниверситета, а до этого работал на тульских предприятиях военно-промышленного комплекса, в том числе в знаменитом Конструкторском бюро приборостроения им. акад. А. Г. Шипунова и зам. директора по науке ГосНИИ новых медтехнологий. Он — Заслуженный деятель науки РФ, Почетный радист России, академик Академии военных наук России и еще десяти престижных академий, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, награжден многими научными медалями, лауреат премий по военной технике и биомедицине. Автор свыше 900 научных работ, 40 изобретений и двух зарегистрированных научных открытий. Первым заместителем гл. редактора — ответственным секретарем является Яков Наумович Шафран, член СПП МГО СП России, член Академии российской литературы, лауреат литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова.

На первой странице журнала под названием стоит: «Журнал для читателей». Другой важный момент в редакционной политике: единственным критерием к отбору материалов для публикации является только талант автора. Все остальное за пределами нашего внимания. И, конечно, всяческая поддержка молодых авторов, а для многих авторов России, ближнего и дальнего Зарубежья журнал стал дорогой в большую литературу. Здесь мы равняемся на выдающийся пример «Современника» и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова. Да и сама структура и организация явно тяготеет к классическим образцам русской и советской журнальной периодики. Потому круг авторов и читателей «Приокских зорь», постоянно расширяющийся, имманентен профессионализму и творческой подвижности сформированной редколлегии и редакции — из разных городов России, из Белоруссии, Израиля, Латвии. Журналу очень повезло в плане материальном: десять лет его издавал Тульский государствен-

ный университет, что свидетельствует о равнодушии его руководства к развитию современного литературного процесса. С самого начала издания мы не замыкались только на выпуске номеров журнала «Приокских зорь», а постепенно создали достаточно большую инфраструктуру журнала, включающую издание серий авторских книг «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори» — счет их идет уже к сотне и к третьему десятку соответственно. Пятый год выходит литературно-музыкальный альманах «Ковчег» (главный редактор Яков Шафран) журнала «Приокские зори», в котором представлено творчество многих городов России и Зарубежья. Журнал и альманах представлены на собственном сайте www.pz.tula.ru, а журнал также на сайте «Русское поле» и «Мегалит».

Отсюда во многом и такой обширный круг его читателей и авторов. Уже шестой год существует всероссийская литературная премия «Левша» имени Н. С. Лескова, присуждаемая ежегодно в четырех номинациях за лучшие публикации в «Приокских зорях». Лауреаты получают диплом, медаль и удостоверение к ней. Среди лауреатов как известные литераторы, так и только выходящие на широкую литературную дорогу. Десять лет журнал поступает во все библиотеки Тулы и районные библиотеки ее области, в библиотеки страны и центральные библиографические институты страны, в американские библиотеки Конгресса и города Сизтла, в Национальную библиотеку Израиля, в руководство писательских союзов и так далее вплоть до фракций Госдумы ФС РФ. Отметим специфическую черту журнала, присущую только ему: сугубая тематичность почти каждого из сорока вышедших номеров, приуроченных к значимым литературным датам, а также проведение ежегодных дискуссий на страницах журнала, посвященным насущным вопросам организации и содержания современного русского литературного процесса, в том числе за рубежом; здесь примером «белорусский» № 1, 2015, в котором 85 процентов объема журнала было отдано писателям братской страны.

«Приокские зори» востребованы, жизнеспособны и заняли свое место, свою нишу в нынешней российской журнальной периодике. По мнению многочисленных читателей журнала особый интерес представляют материалы рубрик: «Колонка главного редактора», «Современный русский рассказ», «Образы и тропы поэзии», «Русское литературное зарубежье», «Литературоведение, литературная критика, рецензии».

В БУМАЖНОМ №37, 2016 Г. ЖУРНАЛА «ОГНИ НАД БИЕЙ» (стр. 108—145) опубликованы рассказы: А. Яшин. «Новые мытари» и Я. Шафран «Бомж».

В ЭЛЕКТРОННОМ ПРИЛОЖЕНИИ «ОГНЕЙ НАД БИЕЙ» — № 37—38 — 2016 г. Опубликован рассказ А. Яшина «Последний граф империи» (стр. 92—122) и стихи Я. Шафрана «Звучат колокола» (стр. 86—91)

НОВОСТИ БЕЛЛИТСОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ТРЕТЬЕ ДЫХАНИЕ «СЛАВЯНСКОЙ ЛИРЫ»

12/06/2016

Международный литературный форум «Славянская лира-2016», который с нетерпением целый год ждала писательская общественность нашей страны, успешно прошел со 2 по 5 июня в славном городе Полоцке.

Это мероприятие, учредителем которого выступает Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», а организатором — Полоцкий районный исполнительный комитет, уже в третий раз собирает под свои знамена многочисленных литературных таланты из Беларуси, России и Украины. В нынешнем году пополнился не только

список соучредителей форума: так к ним присоединились Международная Федерация Русскоязычных Писателей и Союз писателей 21 века, но и география участников фестивального действия — в город на Западной Двине прибыли представители сразу 8 стран. Кроме уже вышеупомянутых Беларуси, России и Украины участников третьего форума порадовали своими выступлениями и произведениями писатели из Великобритании, Казахстана, Литвы, Финляндии и Франции. На форуме блистали такие известные в литературном мире члены жюри и почетные гости, как Юрий КОНОПЛЯННИКОВ из Москвы, Андрей КУРЕЙЧИК из Минска, Юрий КОБРИН из Вильнюса, Диана КАН из Оренбурга, Платон БЕСЕДИН из Севастополя, Ольга ПУССИНЕН из Хельсинки, Олег ЗАЙЦЕВ из Минска, Наталья ВАРЕНИК из Белой Церкви, Бахыт РУСТЕМОВ из Астаны, Александр МОРОЗОВ из Дебальцево, Мартин ДИНКОВ из Парижа, Наталья БАТРАКОВА из Минска, Григорий ПЕВЦОВ из Москвы, Олег ФЕДОРОВ из Киева, Александр РАТКЕВИЧ из Полоцка, Людмила САЛТЫКОВА из Рязани, Ирина ЛУЧИНА из Лондона. Серьезный тон дискуссиям и полемике в рамках конференции и круглого стола задавали профессора Вадим САЛЕЕВ из Минска и Александр ГУГНИН из Новополоцка.

Впрочем, обо всем по порядку. Уже первого июня группа писателей из Полоцка, Смоленска, Минска, Парижа, Астаны и Москвы окунулась в великолепие природных красок, которыми изобилует соседний с Полоцким Ушачский район. Именно туда, а точнее — в агроусадьбу деревни Корсаково, к многолетнему верному другу Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», предпринимателю и филантропу Александру ЛАПКОВСКОМУ привез своих гостей председатель союза Олег Зайцев. Литераторы смогли не только попариться в русской баньке, окунуться в хозяйском пруду и поест шашлыков, но и послушать стихи друг друга, а также песни в исполнении некоторых гостей и местных писателей. К вечеру вся группа вернулась в Полоцк, где в гостиницах «Двина», «Парус» и студенческом общежитии их поджидали уже начавшие прибывать в старинный город участники форума. Некоторую путаницу при заселении членов жюри и почетных гостей, вызванную нерасторопностью отдельных членов оргкомитета, сгладила хорошая погода и радушие администрации обеих гостиниц.

А второе июня началось с регистрации всех участников третьего Международного литературного форума «Славянская лира-2016» в Городском Доме культуры. Каждому из зарегистрированных литераторов была вручена программка форума, а некоторым из них посчастливилось стать еще и обладателем фирменного значка с эмблемой «Славянской лиры». Говорят, что где-то в кулуарах за сходную цену им предлагались еще и магнитики с той же эмблемой, что, впрочем, автор материала подтвердить не может. Поскольку за три года, что проводится «Славянская лира» у форума уже успели появиться свои «завсегдатаи», то прямо в фойе ГДК можно было увидеть первые дружеские объятия, крепкие рукопожатия и живые беседы о литературных делах.

Уже в 10 часов утра всех зарегистрированных иногородних и иностранных гостей рассадили по двум автобусам, которые отвезли их сначала на часовую экскурсию в Полоцкий Спасо-Евфросиньевский монастырь, а затем в Софийский Собор (где прошли не только экскурсия, но и небольшой концерт органной музыки) и Музей белорусского книгопечатания.

Параллельно проходившим в первые три дня мероприятиям при содействии местных властей были организованы встречи творческих бригад писателей (по 5—6 человек) со слушателями. Так состоялись творческие встречи членов жюри и почетных гостей, а также членов Оргкомитета форума с трудовыми коллективами Полоцкого молочного комбината, Полоцкого хлебозавода, сотрудниками местного филиала АСБ Беларусбанк, учащимися Полоцкого педагогического колледжа, представителя

ми педколлективов и библиотечной системы города, рядовыми и офицерами войсковой части № 33404. Писатели не только познакомили своих потенциальных читателей с собственным творчеством, но и ответили на многочисленные, порой, непростые или «провокационные» вопросы.

А сразу после обеденного перерыва все форумчане собрались на торжественную церемонию открытия «Славянской лиры-2016» в Районном центре культуры. Там же, прямо в холле, была организована магазином «Светоч» (за что им отдельное спасибо) не только выставка-продажа белорусской литературы и книг форумчан, но и дегустация чаев, любезно предоставленная спонсором форума «Славянская лира» компанией «Майский чай». На церемонии открытия, которую перемежали концертные вокальные и танцевальные, инструментальные номера, выступили заместитель председателя Полоцкого райисполкома Петр ПЕТКЕВИЧ, заместитель начальника отдела идеологии. Культуры и по делам молодежи Полоцкого райисполкома Елена АСТАПОВА, председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» Олег Зайцев, заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов Юрий Коноплянников, члены жюри Ольга Пуссинен, Бахыт Рустемов и Наталья Вареник, почетные гости Мартин Динков и Юрий Кобрин, конкурсант Ирина Лучина. Особенно сильный эффект в зале вызвали краткие приветственные слова, сказанные каждым из вышеупомянутых лиц, сначала на языке своей страны, а затем продублированные на русском языке. Приветствия от организаций-соучредителей форума прочли также Александр Морозов — от Межрегионального союза писателей, Людмила Салтыкова — от Российского союза профессиональных литераторов, Юрий Кобрин — от Международной Федерации русскоязычных писателей. Завершением торжественной церемонии и праздничного концерта стало выступление спонсора форума «Славянская лира» — представителя компании «Майский чай» витебчанина Владимира ФИЛИПЕЦКОГО, который не просто поздравил всех собравшихся с открытием замечательного мероприятия, но и объявил условия специального конкурса лучшего стихотворения о чае на приз своей компании.

«Суровые будни» форума начались с традиционного конкурса среди финалистов на приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия. Свободная тематика», который провели Наталья Вареник и Александр Раткевич. На сцену РДК один за одним, под аплодисменты зрителей, поднялось полтора десятка авторов. Каждый из них был весьма достойным соперником своим коллегам по поэтическому цеху. Фортуна, однако, улыбнулась Жилинской Татьяне Геннадьевне (г. Минск, Беларусь), занявшей первое место, Лаврецовой Наталье Анатольевне (Псковская обл., Пушкинские Горы, Савкино, Россия), занявшей второе место и Ковалевой Тамаре Ивановне (г. Новополоцк, Беларусь), занявшей третье место.

А сразу вслед за конкурсом состоялось выступление писателей на открытой площадке у памятного знака центра Европы на проспекте Франциска Скорины, рядом с гостиницей «Двина». Вечер литературы так и назывался «Славянская лира» в центре Европы» и был посвящен Году культуры в Республике Беларусь. Поэтические чтения перемежались авторской песней и громкими аплодисментами.

После ужина участники фестиваля вновь собрались в РЦК, чтобы продолжить состязания, но уже на приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия. Философская лирика», вели которую Олег Зайцев и Александр Морозов. На этот раз претендентов на призовые места оказалось буквально на пару человек меньше. Но борьба между ним завязалась не менее ожесточенная. В результате «золото» в Смоленск увезла замечательная поэтесса Сердечная Любовь Сергеевна, «серебро», благодаря поэту Москалеву Виталию Ивановичу, так и осталось «лежать» в городе Полоцке. А «бронза» переместилась совсем недалеко — в соседний Новополоцк, в связи с победой Ковалевой Тамары Ивановны.

Но это мероприятие не стало последним в череде литературных акций первого дня форума. Вслед за конкурсом состоялся литературно-музыкальный вечер поэтессы Ольги Пуссинен и презентация возглавляемого ею журнала «Иные Берега». Замечательное исполнение стихов и великолепный вокал обворожили всех, кто присутствовал на вечере. За что автор была вознаграждена порцией искренних аплодисментов.

А завершился первый день форума ставшими уже традиционными мастер-классами по стихосложению (ведущая Диана Кан), художественной прозе (ведущие Платон Беседин и Наталья Батракова), драматургии (ведущие Андрей Курейчик и Мартин Динков) и художественному переводу (ведущие Людмила Салтыкова и Юрий Кобрин).

Третьего июня, второй день форума «Славянская лира-2016» начался с конкурсной составляющей: свои произведения, словно шпаги, скрестили за приз зрительских симпатий финалисты в номинации «Художественный перевод». Вела конкурс Людмила Салтыкова. Конкурсантам этой номинации повезло чуть больше, чем поэтам, так как претендентов на три места было всего пятеро. А по ходу проведения состязания еще пару переводчиков отсеялось чисто по техническим причинам. Таким образом, под конец чтений сама собой «выкристаллизовалась» троица сильнейших, где оказались Юртаев Дмитрий Валерьевич из Минска (1-е место), Шамберова Наталья Яковлевна из Санкт-Петербурга (2-е место) и Трагоцкая Светлана Ивановна (Светлана Пригоцкая) из Вязьмы (3-е место).

Из РЦК сразу после конкурса все участники форума отправились в Музей белорусского книгопечатания, где в зале-библиотеке Симеона Полоцкого состоялась международная литературная научно-практическая конференция «Отголоски творчества классиков в произведениях современных авторов». В ходе конференции прозвучало 13 докладов. Надо сказать, что тон мероприятия задавало резкое полемическое выступление Платона Беседина. Его доклад, больше похожий на сообщение «Россия Достоевского или Салтыкова-Щедрина. Современная интерпретация» был, скорее даже, не темой, а причиной для развернувшейся дискуссии с модератором конференции профессором Вадимом Салеевым. К которым подключались и Юрий Конопляников, и профессор Александр Гугнин, и ваш покорный слуга, и некоторые другие. Доклад, озвученный вместо Василия МЕЛЬНИКОВА из Минска «Сохрани мою речь навсегда...» (по О. Мандельштаму) был не менее интересным, чем то, что представил собравшимся П. Беседин, но озвучен в гораздо более спокойных тонах и без обсуждения, которое предполагает наличие автора доклада. Следом за мной также прочитала доклад «В диалоге с классиками Золотого века: зооморфный код в прозе Альберта Лиханова» вместо Лолы ЗВОНАРЕВОЙ (Москва, Россия), не попавшей в Полоцк, замечательная прозаик Наталья Батракова. С интересом был встречен доклад Людмилы Салтыковой «Вице-губернатор и город Глупов» (Салтыков-Щедрин, Рязанский край, критика). Не менее любопытным и вызвавшим очередную полемику оказался доклад «Христианские мотивы в творчестве Николая Рубцова» Веры СУХАНОВОЙ из Смоленска. После чего все участники мероприятия открыли для себя творческий багаж ныне покойного писателя и переводчика, члена-корреспондента Академии наук Беларуси Геннадия Римского, благодаря Юрию КЛЕВАНЦУ (Осиповичи, Беларусь), сделавшему доклад «Творчество кибернетика Геннадия Римского». Тему повествования про ушедших из жизни именитых белорусов-юбиляров продолжила своим выступлением Наталья ЛИТВИНОВА из Полоцка. Ее доклад-тезисы назывался «Павел Низковский в прозе и пародиях» и сопровождался зачитанием пародий, в том числе и на присутствовавших в зале писателей.

Немного не в тему прозвучал доклад Ольги НЕНАРАДОВОЙ из Полоцка «Отго-

лоски творчества классиков в поэзии В. Глушкова и А. Раткевича», поскольку на протяжении всей конференции шла информация все же, во-первых, об уже ушедших из жизни писателях, к которым Раткевич явно не относится. А во-вторых, о тех, чьи юбилеи в 2016-м году отмечает литературная общественность всего мира. По этому параметру Александр Михайлович также не подпадал под требования. Что не преминули заметить и слушатели. Очень информативным оказалось страстное сообщение составителя многочисленных словарей классиков, поэта, филолога-лингвиста Анатолия БЕСПЕРСТЫХ из Новополоцка, который поведал участникам конференции о только что вышедшем очередном словаре покойного ветвца Е. Матвеева «Словарь эпитетов Евгения Матвеева». К сожалению, из-за нехватки времени форумчане не смогли услышать замечательный доклад Анатолия ТРОФИМОВА (Полоцк, Беларусь) «Болгарский след крещения Владимира Святого».

После обеденного перерыва все участники «Славянской лиры» снова встретились на базовой площадке в РЦК, где в борьбе за приз зрительских симпатий в номинации «Малая проза» сошлись финалисты этого литературного жанра. Номинацию вели Платон Беседин и Юрий Коноплянников. «Соискателей» на три первых места собралось семеро. В результате изнурительной (проза это вам не стихи) борьбы и терпения слушателей в зале счетной комиссией из числа почетных гостей были оглашены результаты голосования. На первом месте оказалась автор из деревни Новое Девяткино Всеволожского района Ленинградской области (Россия) Смирнова Светлана Валентиновна. Второе место «закрепила за собой» наша землячка, главный редактор газеты «Островская правда» из Гродненщины Рыбик Нина Алексеевна. И, наконец, третье место увезла в поселок Медведово Республики Марий Эл (Россия) Ребко Ольга Васильевна.

Следом за этим все форумчане дружно перебрались в центральную районную библиотеку, где прошли творческие вечера поэтов Юрия Кобрина и Григория Певцова. Великолепные стихи обоих авторов, их интересные повествования о себе и своих творческих связях не оставили равнодушными никого в зале. Остается добавить, что встреча с именитыми писателями прошла в рамках Библионочи.

Наконец, после вечера в ЦРБ началось главное действо форума — блиц «Турнир поэтов» для всех желающих участников «Славянской лиры», прибывших в Полоцк. А таковых набралось ни много ни мало более сорока человек. «Фишкой» нынешнего блица, который вел уже поднаторевший в этом деле Олег Федоров, стало двухступенчатая система определения победителя «народным» голосованием, ведущееся параллельно голосованию жюри конкурса. Вот уж где поэты смогли блеснуть своим ораторским мастерством, своим актерским искусством, своим обаянием и умением передавать эмоции стихотворения мимикой и жестом. Зал то бурлил, то вскипал аплодисментами, то заливался в хохоте, а то испуганно умолкал и хранил гробовое молчание, зал неистовствовал или осудительно шумел... В результате полуторачасовых баталий победителем «Турнира поэтов» по версии жюри оказался СЕШКО Олег Витальевич (г. Витебск, Беларусь), а по версии зрителей — Жилинская Татьяна Геннадьевна (г. Минск, Беларусь). Короче, в этот раз обе награды с легкой руки форумчан «осели» в Беларуси.

Затем последовал перерыв на ужин, после которого прошел замечательный творческий вечер прозаика, киноактера, мастера дружеских шаржей и пародий на коллег по творческому цеху Юрия Коноплянникова. Сорок минут в зале витала атмосфера юмора и иронии, аплодисменты то и дело «преследовали» героя вечера. Сразу за ним открыл свой авторский вечер именитый прозаик, публицист, литературный критик и общественный деятель Платон Беседин. Который прошел не менее живо и раскованно. Единственно, на что пожаловался автор — это на острую нехватку времени для

общения с залом. Увы, такая участь ожидала практически каждого выступавшего члена жюри и почетного гостя: к сожалению, время, отведенное властями на форумную программу, было не резиновым.

После этого состоялась краткая презентация литературного альманаха «Славянская лира», в ходе которой свои стихи присутствующим в зале прочли победители форума прошлого года, приехавшие на форум нынешний. А завершили второй день мероприятий традиционные мастер-классы, которые вели Наталья Вареник, Людмила Салтыкова (по стихосложению), Платон Беседин (по художественной прозе), Андрей Курейчик и Мартин Динков (по драматургии) и Ольга Пуссинен (по художественному переводу).

* * *

Третий день форума, четвертого июня, начался с конкурса среди финалистов на приз зрительских симпатий в номинации «Драматургия». Поскольку великие драматурги досматривали последние сны, вести номинацию пришлось Олегу Зайцеву. К которому позднее присоединился Мартин Динков. На сцену вышли целых четыре претендента на призовые места в данной номинации. Борьба среди них развернулась не менее ожесточенная, чем среди прозаиков. Но так как чтение актов пьес в ролях предполагает наличие хоть толики актерского мастерства и игры голосом, то это состязание проходило более живо, чем монотонное чтение рассказов. А с учетом юмористического характера некоторых пьес, время для зрителей и ведущих номинацию летело довольно быстро. И, тем не менее, симпатии зрителей распределились следующим образом: 1-е место — Лучина Ирина Борисовна (г. Лондон, Великобритания), 2-е место — Толбатова Наталья Владимировна (г. Смоленск, Россия), 3-е место — Рыбик Нина Алексеевна (г. Островец, Гродненской обл., Беларусь), практически подтвердив выбор жюри, но в несколько ином порядке.

Сразу после конкурса форумчане отправились на улицу Толстого, 6, к памятнику инокини и просветительницы, великой святой, преподобной Евфросинии Полоцкой, где состоялась открытая поэтическая трибуна «Славянский свет Полоцкой земли» и где читали свои стихи участники литературного фестиваля. Кроме этого у памятника звучали музыкальные и вокальные выступления духовной тематики.

После обеденного перерыва в том же зале Симеона Полоцкого в МБК состоялся круглый стол на тему «Проблема преемственности поколений в литературе». На примере стран-участниц форума собравшиеся обсудили следующие вопросы: каков сегодня среднестатистический портрет т.н. молодого (не путать с начинающим) писателя в странах-участницах форума? какие темы, идеи волнуют сегодня молодых авторов, какие герои преобладают в их произведениях? какие тенденции прослеживаются в литературных процессах стран-участниц форума, связанные с возрастным участием авторов в их литературной жизни? какова динамика «вовлеченности» писателей из числа молодежи в корпоративные литературные организации, мероприятия, процессы? что делает писательское сообщество и государство, литературные организации, литературные СМИ, организаторы литературных проектов, чтобы увеличить присутствие молодежи в этих институциях? с какими проблемами приходится сталкиваться государству и литературному сообществу в процессе вовлечения молодых авторов в литературу? каким образом решаются эти проблемы? каковы перспективы этих процессов? К активному диалогу были приглашены не только члены жюри и почетные гости, не только авторы-руководители местных литературных сообществ, а также эксперты в области молодежной поэзии, прозы, драматургии, и, прежде всего, сами молодые авторы. Лучше других, не понаслышке знающие своих писателей-

сверстников и имеющие, что рассказать участникам круглого стола. Наибольшую активность на круглом столе опять-таки проявили Платон Беседин, модератор стола Олег Зайцев, Ольга Пуссинен, Наталья Вареник, Олег СЕШКО, Людмила ДУНЕЦ и некоторые другие.

Затем участники форума снова дружно переместились в РЦК, где начались авторские вечера почетных гостей Мартина Динкова и Натальи Батраковой. Состоялось знакомство с новым издательством «Писатель в интернет-пространстве», в рамках которого был презентован многотомник члена жюри Бахыта Рустемова (Казахстан). В зале было много народа, в том числе белорусских авторов. На презентации выступили: О. Пуссинен, Ю. Кобрин, А. Морозов, И. Лучина, Н. Батракова, М. Динков. В адрес автора трехтомника то и дело звучали хвалебные речи. По мнению ведущих «все прошло просто супер». Следом за ними вереницей были представлены медиа-партнеры форума «Общеписательская литературная газета», журналы «Приокские зори», «Берега», альманахи «Параллели», «Родная сторона», «Под небом рязанским», «Гостинный двор» и другие. Прошла также презентация новой книги Бахыта Рустемова «Величие свершаемых дел», других авторов-участников форума.

После презентаций зал стал вновь стремительно наполняться, так как близилось время подведения итогов и награждений. Церемония награждения победителей всех конкурсов форума «Славянская лира-2016» и, параллельно, концерт, длились в общей сложности два с половиной часа. В ходе награждения стало известно, что обладателями призовых мест по версии жюри оказались:

в номинации «Поэзия. Свободная тематика»

1-е место — Ратнер Аркадий Хаимович (Аркадий Ратнер) (г. Санкт-Петербург, Россия)

2-е место — Канайкина Екатерина Дмитриевна (г. Москва, Россия)

3-е место — Филиппова Елена Михайловна (г. Санкт-Петербург, Россия)

в номинации «Поэзия. Философская лирика»

1-е место — Парфенова Ирина Александровна (Ирина Шабалина) (г. Нижний Новгород, Россия)

2-е место — Юртаев Дмитрий Валерьевич (г. Минск, Беларусь)

3-е место — Камяничук Надежда Анатольевна (г. Псков, Россия)

в номинации «Малая проза»

1-е место — Ребко Ольга Васильевна (пос. Медведово, Республика Марий Эл, Россия)

2-е место — Рыбик Нина Алексеевна (г. Островец, Гродненской обл., Беларусь)

3-е место — Полищук Михаил Иванович (г. Калининград, Россия)

специальный диплом от жюри — Смирнова Светлана Валентиновна (д. Новое Девяткино, Всевожский р-н, Ленинградская обл., Россия)

в номинации «Художественный перевод»

1-е место — Мельников Василий Георгиевич (г. Минск, Беларусь)

2-е место — Трагоцкая Светлана Ивановна (Светлана Пригоцкая) (г. Вязьма, Россия)

3-е место — Шамберова Наталья Яковлевна (г. С.Петербург, Россия)

в номинации «Драматургия»

1-е место — Рыбик Нина Алексеевна (г. Островец, Гродненской обл., Беларусь)

2-е место — Толбатова Наталья Владимировна (г. Смоленск, Россия)

3-е место — Лучина Ирина Борисовна (г. Лондон, Великобритания)

Но на этом форум для многих его участников не закончился. Так как уже утром пятого июня всех остающихся в Полоцке славлировцев ждала пешеходная экскурсия

по центру города. Исполненная в литературной манере Натальей ЛИТВИНОВОЙ. За два часа гости города смогли узнать много интересной и полезной информации, послушать великолепные стихи о великих полочанах из уст одного из членов Оргкомитета форума. Большую часть членов жюри почетных гостей, а также часть форумчан из России сразу после этого ожидала также экскурсия на микроавтобусе в Музей народной славы и Мемориальный комплекс «Прорыв», на партизанские землянки. А уже по возвращении в Городской дом культуры форумчане смогли послушать выступления всех желающих, включая членов жюри Наталью Вареник, Бахыта Рустемова, Людмилы Салтыковой, Олега Зайцева, Александра Морозова и Александра Раткевича. А по окончании группа писателей отправилась в одно из местных кафе, где просидела до позднего вечера.

Остается добавить, что и вечером третьего дня, и в предыдущие вечера гостиничный номер Любви Сердечной и Натальи Толбатовой оставался центром притяжения всех литературных талантов и добрых людей. В нем перебивала не только половина всех членов жюри и почетных гостей, но и не менее четверти всех форумчан. Именно здесь не только глаз, но и слух радовали великолепные произведения из уст старых добрых друзей «Полоцкой ветви» из Смоленска, стихи белорусов и украинцев.

* * *

Всего в МЛФ «Славянская лира-2016» приняло участие 103 автора, которые представляли не только себя, но и все 9 общегосударственных и международных союзов, которые являются соучредителями форума. Напомню, что это Международное сообщество писательских союзов, Международная Федерация Русскоязычных Писателей, Союз писателей России, Союз российских писателей, Российский союз профессиональных литераторов, Конгресс литераторов Украины, Межрегиональный союз писателей (ЛНР-Украина), Южнорусский союз писателей (Украина), Союз писателей XXI века. Кроме этого, на форуме были представлены писатели из Национального союза писателей Украины, Союза писателей Беларуси, Союза белорусских писателей.

Статистика: На этот раз копилку форума пополнили такие российские и украинские города как Москва, Рязань, Смоленск, Севастополь, Оренбург, Киев, Самара, Санкт-Петербург, Белая Церковь, Калининград, Воронеж, Нижний Новгород, Псков, Екатеринбург, Харьков, Пушкинские Горы, Вязьма, Херсон, Владимир. Беларусь была представлена такими городами как Минск, Витебск, Полоцк, Речица, Дятлово, Новополоцк, Бобруйск, Островец, Борисов, Мозырь. Российская сторона была представлена делегацией из 26 авторов, Украины — из пяти авторов.

*Пресс-служба Оргкомитета
Международного литературного форума
«Славянская лира-2016»*

**ФОТОРЕПОРТАЖ С МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОРУМА «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2016»**

Автор фотографий — Наталья Тобатова, г. Смоленск

Автор фото — Н. Четверикова

НАМ ПИШУТ

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич!

Поздравляем Вас и весь коллектив «ПЗ» с Великим Днем Победы, а Вас лично еще и с Днем Рождения. Примите самые искренние поздравления и добрые пожелания. Желаем крепкого здоровья, душевной бодрости, творческих и физических сил для защиты страны, науки и русской литературы и процветания журнала под Вашим руководством.

Из КНДР пришли условия поездки и программа книжной выставки, о чем я Вам писала. Если поездка (в сентябре) Вас или коллег заинтересовала, то перешлю мате-

риалы. Первый номер «ПЗ» не поступил в аппарат ЛДПР и для библиотек. Еще раз всех благ.

*С искренним уважением
Авдеевы Геннадий и Людмила. Май 2016 г.
г. Москва*

Дорогой Алексей Афанасьевич, здравствуй!

Сердечно поздравляю тебя с днем рождения! Желая, прежде всего, крепкого здоровья, творческого долголетия, оптимизма, хорошего настроения, благополучия, удач и везенья!

С большим опозданием сообщаю, что бандероль с книгой «Зато мы делали ракеты» и журнал ПЗ № 1 за 2014 г получил 19 января вечером, быстро сработала почта. Спасибо большое за бандероль и обстоятельное письмо!

Книгу начал читать в электронном виде, а закончил уже в традиционном бумажном, более удобном в «эксплуатации» виде. На сайт журнала захожу, новые номера журнала скачиваю, а затем неспешно почитываю.

У меня без изменений, работаю на полставки в университете.

Поздравляю также с праздником Победы!

Всего доброго, успехов!

*Юрий Черняков, г. Петрозаводск.
6 мая 2016 г.*

Дорогой Алексей Афанасьевич,

поздравляю Вас и Ваших близких с приближающимся Днем Победы! Доброго Вам здоровья, радости и благополучия, светлого неба!

С Днем рождения! Желая доброго здоровья, бодрого настроения, еще больших успехов во всех ваших полезных для России делах!

*С уважением,
Ваш Лебедев Сергей, г. Тольятти*

Здравствуйте.

С прошедшими праздниками всю редакцию журнала!

*Юрий Клеванец,
г. Железногорск, Белоруссия*

Добрый день!

Алексей Афанасьевич, с праздником Победы Вас!

*С уважением, Валерий Богушев,
г. Воронеж*

Уважаемый Алексей Афанасьевич.

Я уже писала Вам о Международной книжной выставке в Пхеньяне. Посылаю присланные Комитетом условия пребывания. Если будут желающие или Вы сами решите ехать со своими книгами, то сообщите мне, пожалуйста, чтобы была общая делегация с одним маршрутом (поезд — самолет).

Заранее поздравляю Вас со всеми майскими праздниками. Всего доброго

*Людмила Авдеева,
г. Москва*

Уважаемый товарищ Геннадий Петрович! Уважаемая товарищ Людмила Евгеньевна! Здравствуйте!

Извините за опоздание ответа. Весело вспоминая нашу встречу в Москве, пишу Вам письмо.

Предусмотрено, что 10-я Пхеньянская международная выставка научно-технической литературы в большом масштабе. Цена за пребывания участников на выставке следующее:

Делегация в составе 2—5 чел. — 90 евро в день по одному человеку.

Делегация в составе больше 5 чел. — 70 евро в день по одному человеку.

В эту сумму включены расходы за 3-разовое питание и гостиницу, за транспорт внутри города, оплата для посещения объектов в городе.

Прошу сообщить мнение после рассмотрения этой информации.

Расходы на аренду в выставочный участок и перевозку книг на самолете рейсом Коре Владивосток-Пхеньян, Пекин-Пхеньян и Шеньян-Пхеньян берет на себя Оргкомитет выставки.

Если прилетишь в Пхеньян через Владивосток, то надо определить срок пребывания с 23 по 30 сентября, учитывая то, что самолет Коре работает в понедельник и в пятницу во Владивостоке.

Предварительный распорядок дня выставки

26 сентября 2016г. — открытие выставки

27 сентября 2016г. — осмотр, деловые переговоры, научно-техническая лекция...

28 сентября 2016г. — закрытие выставки

Юбилейное мероприятие в честь 70-летия Университета имени Ким Ир Сена пройдет с 29 сентября.

29 сентября — торжественное собрание, международные научные семинары.

30 сентября — торжественная конференция, музыкальные выступления студентов...

Кроме этого, наш Оргкомитет выставки будет организовывать посещение достопримечательностей, деловые переговоры и другие по Вашему желанию.

Спасибо большое за поддержку. Желаю крепкого здоровья и счастья в семье.

С уважением, жду ответа.

Департамент культурного обмена

Комитета по культурным связям с заграницей КНДР

Оргкомитет Пхеньянской международной выставки

научно-технической литературы

Ри Кан Рим

Добрый вечер, Алексей Афанасьевич!
С Днем Победы!

Получила письмо с газетами. Обязательно расскажем и покажем в Союзе. О «Приокских зорях» наши литераторы знают. Показывали и рассказывали. Спасибо Вам за публикацию статьи о презентации альманаха.

*С уважением, Ольга Борисова,
г. Самара*

«НЕ ВИНИ КОНЯ, ВИНИ — ДОРОГУ»

Нужны ли «цветные революции» в творческих союзах?

В адрес редакции пришло письмо тульского писателя К. Струкова, где он задает вопрос: что случилось с нашей областной писательской организацией? По мнению автора, «...Тульское отделение Союза писателей России всегда являлось оплотом творческого союза писателей и литературных объединений. В нем многие годы концентрировались все направления писательской деятельности, творчество как опытных писателей и поэтов, так и молодых начинающих литераторов. Надо отметить, что до недавних лет вокруг Виктора Пахомова — ответственного секретаря Тульского отделения — всегда собирались наиболее здоровые, наиболее творческие силы, объединялись для обсуждения, анализа и критики литературных произведений, книг, стихов, рассказов. Виктор Пахомов был доброжелательным советчиком и мудрым наставником, а порою и резким критиком. То есть Дом творчества был действительно творческой площадкой, где формировались направления тульской литературы...»

Поскольку знаком со многими членами областной писательской организации, возьму на себя смелость прокомментировать статью по основным моментам содержания.

«Но с течением времени обсуждения и литературный анализ стали подменяться поучительными наставлениями, работа над новыми изданиями превращалась в формальный набор текстового материала. Такое отношение к редакционной работе проявилось, например, при издании в прошлом году газеты «Тульский литератор», которая явилась как бы воплощением формального, бюрократического подхода в деятельности руководства отделением Союза писателей и в первую очередь тандема В. Пахомов — М. Дубинский. Анализируя работу этого тандема за последние годы, следует отметить усиление авторитарного метода в руководстве отделением Союза писателей. Большинство решений организации, особенно связанных с награждениями и литературными премиями, готовятся кулуарно, даже без согласования с бюро организации. Также кулуарно решаются все вопросы издания печатной продукции. К ним относятся и формат изданий, и тираж, и участие в них тех или иных авторов, и себестоимость одного экземпляра и всего тиража. Кстати, во всех изданиях коммер-

ческих сборников, оплачиваемых самими авторами, финансовая составляющая, баланс расходов и доходов, всегда оставался для большинства писателей организации за семью печатями. И ни разу писатели не слышали полноценного отчета ревизионной комиссии по финансовой деятельности руководства организации. Между прочим, на литературных собраниях неоднократно поднимался вопрос о расходовании средств членских взносов. Как известно, эти средства раньше всегда шли на текущие коммунальные и офисные расходы отделения Союза писателей и на помощь малообеспеченным писателям. Но в последние годы в руководстве отделения решили по-другому: эти средства пойдут на так называемые «стипендии» или зарплату самому руководству.

Но в уставе организации не предусмотрены расходы на зарплату ее руководителям. В то же время, зарплата должна выдаваться официально, с учетом подоходного налога, и выдачу зарплаты избранным ее членам можно считать волонтеристическим решением».

Да простят меня литераторы, уважающие коллективные читки, но никогда (по роду своей деятельности) не поддерживал идею «распятия литературного Христа» (имею в виду обсуждение литературного материала). Сколько людей — столько мнений. А уж в тульской организации столько «столпов», что лоб расшибешь, чтобы отблагодарить их за «мудрые советы и наставления». Словом, редкий смельчак из начинающих (да и более опытных) рискнет принести свои «нетленки» на разборки литературного ареопага. Есть публикация — есть и грамотная критика. Да к тому же у каждого произведения помимо автора есть редактор (во всяком случае, должен быть), который посоветует расставить акценты, убрать огрехи и т.д., и т.п. Другое дело, что в литературу хлынула откровенная порнография и полнейшая «отмороженность».

Допустим, если до печатания таких псевдопроизведений коллеги обсудили бы, высказали бы свои замечания — и не вышли бы в свет образчики нецензурной лексики и откровенных интимных сцен! Ай, нет, наплевать «корифеям» и их подмастерьям на плебейское мнение коллег по цеху, читателей. Сам пишу — сам издаю! Вот она, «ахиллесова пята» сегодняшнего литературного процесса! Но это тема отдельного разговора...

Теперь о литературном анализе. Будучи по образованию филологом, знаю, что любое произведение (хотя бы и мирового масштаба) вряд ли уместится в прокрустово ложе «литературного анализа» без риска остаться усеченным минимум на треть из-за допущенных огрехов. На то он и анализ (в нашем случае, беспощадный приговор, подобный медицинскому вердикту), чтобы быть строго выдержанным в рамках законов лексики, орфографии, семантики и т.д.

Есть примеры (довольно много), когда шедевры литературы существуют сами по себе, они признаны читающим миром, внесены в сокровищницу всемирного наследия. Но формально экзамен по литанализу они провалили бы. Что тут говорить тогда о наших областных «генералах от литературы»?

Но, что бы ни было, в чем же упрекают В. Пахомова, его зама М. Дубинского? В потере активности? Укатали Сивку крутые горки? Конечно, стремительно уходящие годы не делают нас краше и работоспособнее. Вспоминаю слова Виктора Федоровича, которые он сказал на похоронах видного тульского писателя К. Дружинина: «Писатель — материал штучный...» Думается, что руководитель тульского объединения Союза писателей России всегда относился и продолжает относиться к своим товарищам по литературному поприщу именно с этих позиций — бережливости, уважения (к делу, к людям), совестливости.

На долю «тандема Пахомова-Дубинского» (и еще десятков активистов) выпали тяжкие испытания лихих 90-х, когда девятый вал стяжательства, соглашательства с головой накрыл многих соотечественников. К сожалению, и многие творческие Союзы не миновали этой участи. Стали распадаться, «отпочковываться», делиться по идейным соображениям, яростно, с брызжащей пеной у рта, топтать все советское и коммунистическое. «Соцреализму — нет, безыдейщине — да!» — под таким девизом «строчкогонь» самого широкого разлива и высокого ранга бросились во все тяжкие ради обладания «золотым тельцом» — то бишь престижными премиями, грантами, загранпоездками. Чтобы получить помещения, финансовое обеспечение, надо было «прогнуться» под губернаторов, доморощенных мэров. Тульские литераторы до этого не опустили, лебезить отказались, шапки ломать не соизволили. Может, поэтому и жили стесненно, в «примаках», сидели «на бобах», считали каждую копейку от ежегодных взносов. Собирали по 500 рублей одновременно — на матпомощь, оплату помещения.

Вот вроде бы, писатели, «грамотеи», «инженеры человеческих душ», а... как время собирать взносы, так и начинаются вопросы (конечно же, не всех, а отдельных — здоровых и работающих, не буду называть фамилии), а куда мои деньги идут, вы сначала отчитайтесь, а потом я отдам. Доходило до курьезов. Несколько человек наотрез отказались вносить взносы — нет ни копейки, сами нуждаемся (хотя каждый напечатал по книге самиздатом). Тогда другие писатели собрали им необходимую сумму и в виде матпомощи «закрыли ведомость». Осознали? Куда там... До сих пор плюются и костерят почему зря Пахомова-Дубинского, называют их тульскими рок-феллерами...

Держали звание российского писателя на высоте... Боролись за его нравственность, индивидуальность... Вели организационную работу с Союзом России. Ухитрялись выпускать коллективные сборники... При этом кого-то забывали в суете сует... Ходили каждый день в «контору». Право, грешно считать в их карманах копеечные зарплаты... Придет время молодых, те не будут церемониться, запросят и тиражи, и зарплаты, и премии и все сразу, и сейчас!

«Не вини коня, вини — дорогу!» — сказал мудрый дагестанец. Расул Гамзатов зорко рассмотрел будущее великой страны, трагедии ее граждан... Перестройка разделила всех на лагеря. Но как не хочется баррикад, пустобрехства и прочей мерзости...

«Теперь, по поводу собраний членов Тульского отделения Союза писателей. Как правило, кворума на таких собраниях не бывает из-за того, что многие писатели престарелого возраста и не могут принять участия по состоянию здоровья. И вот, чтобы условно обеспечить так называемый кворум, многие отсутствующие на собраниях литераторы «делегируют» свой голос писателям, присутствующим на собраниях. Может быть, и существует такая практика проведения собраний, но, насколько мне известно, такую процедуру («делегирование» своего голоса) следует проводить юридически грамотно, с доверенностью, подтвержденной хотя бы по месту жительства (через ЖЭК и ЖЭУ). Тем более что это так называемое «делегирование» часто выходит за рамки разумного, когда на одного присутствующего делегируют свой голос до 10—15 человек. Я думаю, что из-за отсутствия реального кворума большинство собраний членов Тульского отделения Союза писателей являются нелегитимными.

Собрания писателей проходят по заданному сценарию, безлик. К сожалению, секретарь писательской организации, который является председателем большинства собраний, не в состоянии выступить ярко, продуманно и по существу. Не в состоянии или у него уже нет такого желания. Собрания, как правило, проходят бесконфликтно, пассивно. Присутствующие на собраниях ведут себя инертно, порою даже не вникая в ход собрания. Фактически ведет, направляет собрание нашей организации

М. Дубинский. При этом не являясь ни членом бюро, ни официальным, т.е. признанным писательской организацией заместителем ответственного секретаря В. Ф. Пахомова. Все знают, что с Марком Самойловичем спорить бесполезно, что он все равно продвинет свои решения и воплотит их в жизнь, даже если большинство проголосует «против». Ведь в окончательной редакции протокола собрания будет записано так, как задумано им. А окончательной редакции протокола не читает никто из присутствующих, или им, по большому счету, безразлично».

Все эти вопросы автор статьи может задавать и самому себе. Почему инертны люди? И не простые смертные, а цвет литературного сообщества Тульского края? А может, не так уж и много приверженцев «заседаловок»? Я вспоминаю партийное собрание (80-е годы), когда секретарь партбюро отчитался за 15 минут, и его наградили аплодисментами (не смотря на то, что в зале присутствовало высокое начальство). Молодец! По делу! По существу! А возможно такое в творческой среде? Да никогда! Найдутся всегда такие, которые «заведут» собрание на пустом месте, устроят склоку, переходящую в вечную вендетту!

И если собрания проходят бесконфликтно, это еще не значит пассивно и безразлично. Образцово провести собрание — наука великая, кто этим занимался, тот знает. А в общем-то все зависит от коллектива, любая организация крепка (во всяком случае, в советское время) ее членами. И что их приходит на собрание не так много, как хотелось бы — виноваты «мои года — мое богатство», нездоровье, недостаток средств... А проводить по регламенту и плану собрание надо! Вот и ищут компромисс, а куда деваться?

«За последние годы вступление в Союз писателей России существенно упростилось. Для того чтобы получить желанную корочку члена СПР, необходимо иметь хотя бы одну публикацию и нескольких поручителей. Заручиться поддержкой поручителей, как правило, не составляет проблемы. А публикация может быть самая разная, необязательно какого-то заоблачного уровня. Часто вступление в Союз писателей упирается только в денежный взнос, а он в последние годы существенно вырос. Причем вступительный взнос приходится платить не только в головное Московское отделение, но и в Тульское отделение для пополнения так называемого фонда писательской организации.

Являясь членом Союза писателей России, я застал еще время, когда при постановке на учет писательской организации необходимо было заплатить вступительный взнос 1500 руб. Но теперь руководители писательской организации в одностороннем порядке изменили условия вступления в организацию. Еще до утверждения в Москве для получения выписки собрания о приеме в Союз необходимо внести в фонд организации 5000 руб.

Так что всем хорошо: и вступившим, имеющим какие-то накопления для удовлетворения собственных амбиций, и писательским организациям, пополняющим свои фонды. Причем, на собраниях писателей вступающим, новоиспеченным литераторам совсем необязательно демонстрировать свои литературные таланты, декламировать свои произведения, объяснять необходимость вступления в Союз. Очень часто кандидатуры вступающих в Союз даже не обсуждаются, и голосование за них проходит сразу скопом, так как их количество доходит до 10 человек за одно собрание. Причем качество и глубина представленных на суд собрания произведений, как правило, не имеет значения. Естественно, в результате снижается общий художественный, профессиональный уровень Тульской писательской организации».

Кто-то из современных маститых писателей сказал: «У нас есть писатели, а литературы нет...» Что тут скажешь!

Читая современные романы и повести, поэтические подборки, приходится зачастую соглашаться с этим мнением. Безусловно, в области есть крепкие литобъединения (Тула, Новомосковск, Алексин, Одоев, Плавск и многие другие), где буквально куются «литкадры». В свое время я присутствовал на заседании литобъединения «Пегас» (руководитель М. Дубинский), был просто поражен чтением великолепных по стилю и форме стихотворений. Стихи и рассказы пишутся всегда: и в революцию, и в войну, и в «перестройку»!

Что касается вступления в Союз писателей. Если взять за основу формулу: из большого количества руды можно всегда выплавить кусочек золота, или количество переходит в качество, то Бог с ними, пусть вступают день и ночь, от жителей Тульского края не убудет, только казна писательская повесомее станет! Ох, как нелегко писательский труд! С бесталанными, конечно же, будет труднее работать. Наглость и хамство не имеют границ — здесь автор статьи прав, все-таки кому-то надо давать и поворот от писательских ворот! Хоть и свято место пусто не бывает, но его беречь от «пустых писак» надо обязательно!

«...Остались еще литературные таланты в нашем крае, не вошедшие в Союз писателей? Я думаю, да. Но их надо находить и давать именно им зеленый свет в Большую литературу. В этом, наверно, и заключается основная задача писательской организации».

Автор сам отвечает на свой вопрос. Талантов много, и пробивать им дорогу в Большую литературу — задача архиважная. И не только писательской организации. Поддерживать (материально) должны администрации (власть), морально — литературные сообщества. Иначе мы тульских шолоховых, рубцовых никогда не воспитаем! И, конечно же, молодежь нужно продвигать, давать ей «руль». Но с оглядкой, сначала приглядеться, научить, а потом уже вручить «ключи» от писательской организации. Мы знаем, как юные продвинутые гайдаровские мальчики завели страну в такой блуд, что выбраться из него...

Затронут ли «цветные революции» тульские творческие Союзы, в частности, писательский? Время рассудит. Но нельзя наплеватьски относиться к тем, кто долгое время возглавляет такие организации, отдавая и здоровье, и последние силы делу всей своей жизни!.. Вот совсем недавно, год назад, ушел Валентин Распутин (любимый мой писатель), великий «стоятель» за русское дело. Валентин Григорьевич был совестью всей России! Потому что он был настоящим великим писателем. К тому же должны стремиться и тульские писатели, быть совестью своего тульского края...

Несколько слов об авторе статьи. По-моему, в письме отсутствует намек на злопыхательство и обиду.

Скорее всего, Константином Валерьевичем движет, прежде всего, чувство ответственности, сопереживания за судьбу творческого Союза, которому он также отдал все свои силы. Если есть такие, как К. В. Струков, значит, нашему Союзу не грозит ни застой, ни псевдоперестройка!

P.S. Кстати, автор назвал свою статью «Ржавчина». Не соглашусь, как говорят некоторые тульские остряки, категорически: ну, какая ржавчина, если такие, как Струков и десятки других открыто говорят о недостатках, бичуют уродливые явления. Значит, налицо живая здоровая ткань, которая никогда не поддастся (вопреки нашему сумасшедшему времени) и коррозии «стяжательства, коммерции и посредственности».

В. Еремин,
гл. редактор «Тульской правды»

**INTERFAX.RU. Москва. 7 июля.
ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИИ**

Главному редактору газеты «Завтра», автору журнала «Приокские зори» Александру Проханову вручена Международная премия Ким Ир Сена. Премия была присуждена за выдающийся вклад в священное дело независимости и мира на земном шаре. Проханов — десятый лауреат этой премии и первый россиянин, получивший ее грамоту, золотую медаль и кубок, инкрустированный рубинами и сапфирами, образующими цветок кимирсеней. На церемонии вручения присутствовали советник президента Сергей Глазьев, бывший глава Ингушетии Мурат Зязиков, посол КНДР в РФ Ким Хен Чжун и другие. Международная премия Ким Ир Сена, учрежденная в 1993 году в Индии, вручается за вклад в изучение и распространение идей чучхе. В разные годы премию получали лидер КНДР Ким Чен Ир и бывший камбоджийский монарх Нородом Сианук.

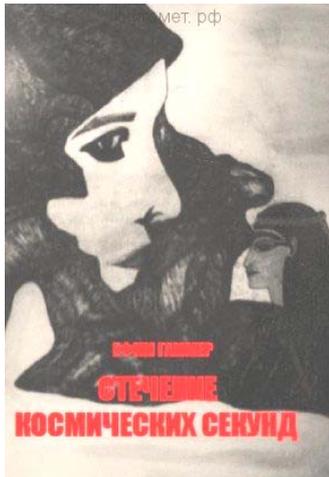

Дорогие друзья и коллеги!

16 апреля 2016 года в России вышла в свет моя книга ассоциаций — стихов и поэм «Стечение космических секунд», с моей графикой.

<http://книгомет.рф/goods/%D0%A1%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%83%D0%BD%D0%B4>

В книгу ассоциаций — стихов и поэм «Стечение космических секунд» — иерусалимского поэта, прозаика и художника Ефима Гаммера входят произведения разных лет, отражающие каждую из тех 11 космических секунд, которые, по определению американских ученых, отмерены человеку на земную жизнь.

***Ефим Гаммер,
г. Иерусалим, Израиль***

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ПРОВИНЦИИ МИРА И МИРЫ ПРОВИНЦИЙ»

На конкурс поступила **206** работ из **пятнадцати стран мира**: Австралии, Аргентины, Болгарии, Белоруссии, Канады, Казахстана, России, Румынии, Сербии, Испании, Таиланда, Уругвая, Украины, Чехии, Франции.

Жюри Международного конкурса «Провинции мира и миры провинций», посвященного 20-летию Самарской региональной организации РСПЛ:

Председатель жюри:

И. С. Силецкая — поэт, прозаик, член Союза писателей России, советник Председателя Правления СП России, певица, председатель правления Европейского конгресса литераторов (Прага)

А. В. Молько — кандидат филологических наук, доцент, председатель Самарской городской организации РСПЛ (Самара)

Н. В. Вареник — закончила Литературный Институт им. А. М. Горького, факультет поэзии. С 1989 года член Национального Союза Писателей Украины и Союза Писателей России. (Киев).

Д. П. Воронин — писатель, член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины (Калининградская обл.)

Л. Ф. Салтыкова — член Координационного совета РСПЛ, поэт, баснописец, очеркист, литературовед, литературный переводчик, редактор, член СП России. (Рязань)

Н. В. Иванова — Председатель Гомельского отделения ОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Член Международного союза писателей и мастеров искусств. (Гомель).

И другие...

Итоги международного конкурса «Провинции мира и миры провинций»

1 место:

Н. Черняев, г. Тольятти, «На пороге веков»

2 место:

В. Филимонов, с. Дмитриевка, Пестравского района, Самарской обл., «Вот сижу на завалинке»

3 место:

В. Суханова, г. Смоленск, «Я слово скажу...»

Е. Капустин, С.- Петербург, «Родина»

Н. Каретникова, г. Москва, «В палисаде моем»

Дипломы:

Я. Шафран, г. Тула, «В разнотравье...» — 42 б.

Ю. Михеев, с. Кротовка, Самарской обл., «Околица» — 42 б.

Н. Михалина, с. Кирицы, Рязанской обл., «Вымирает село» — 42,5 б.

Н. Арбузов, г. Речица, Гомелевская обл., Беларусь, «Благовест» — 42 б.

Диплом ««За вклад в укрепление дружбы народов»

присваивается С. Трагоцкой, г. Вязьма.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Редколлегия нашего журнала пополнилась: ее членом стал Виктор Васильевич Буланичев, главный редактор известного в России и за рубежом литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник», издаваемого с 2003 года, с которым «Приокские зори» плодотворно сотрудничают уже не первый год. Надеемся, что Виктор Васильевич внесет в наш журнал свежую алтайско-сибирскую струю.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран, Г. Н. Маркин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2016
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадия Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

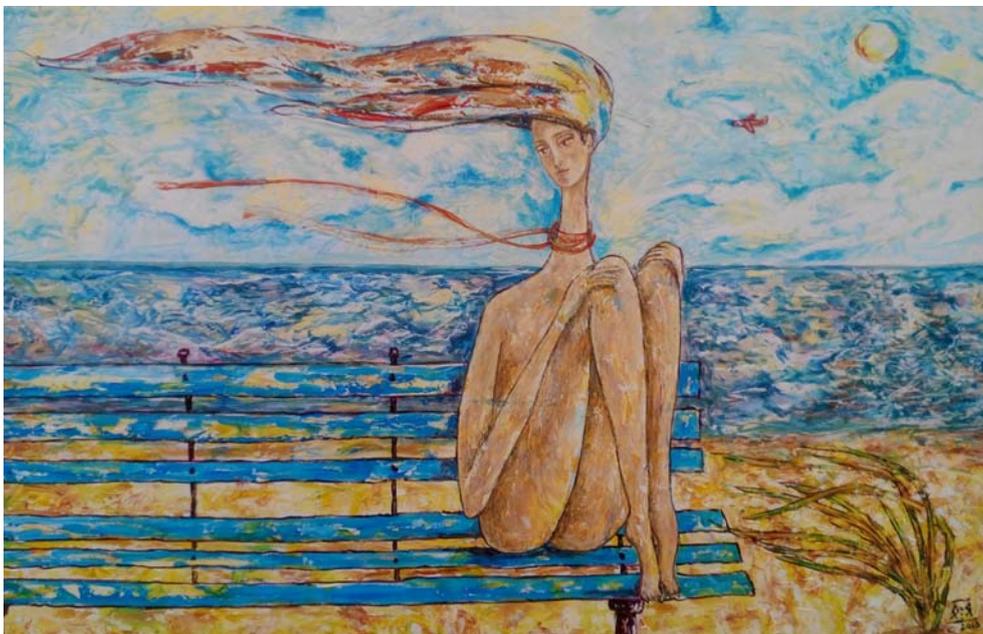
Заказ экз. журнала — по адресу: ntomach@tsu.tula.ru, продублировать по e-mail: olegpantyukhin@mail.ru

С признательностью — редколлегия журнала

**ТВОРЧЕСТВО ОЛЕСИ ЯНГОЛ (О. В. ЧМЫР),
ЮРМАЛА, ЛАТВИЯ**

Мандарины (картон / масло, 31×47 см)

Свежий ветер (коматекс / масло, 52×80 см)

**ТВОРЧЕСТВО ОЛЕСИ ЯНГОЛ (О. В. ЧМЫР),
ЮРМАЛА, ЛАТВИЯ**

Осень. Друзья разъехались... (холст / масло, 60×80 см)

Связь времен. Вспоминая это лето... (холст / масло, 30×60 см)